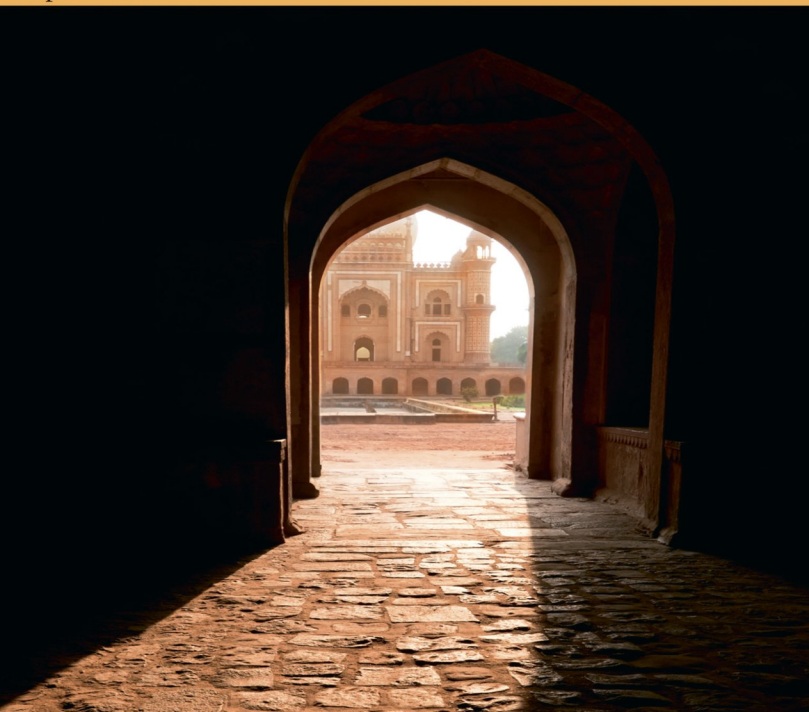
Рохинтон Мистри

XX век
The BEST

Такое долгое странствие

[роман]



Такое долгое странствие
Рохинтон Мистри

Аннотация
Рохинтон Мистри. Такое долгое странствие
Глава первая
I
II
III
IV
Глава вторая
I
II
III
Глава третья
I
II
Глава четвертая
I
II
III
Глава пятая
I
II
III

IV
Глава шестая
I
II
III
IV
Глава седьмая
I
II
III
Глава восьмая
I
II
III
IV
V
Глава девятая
I
II
III
IV
Глава десятая
I
II
III
IV

V
Глава одиннадцатая
I
II
III
IV
Глава двенадцатая
I
II
III
IV
Глава тринадцатая
I
II
Глава четырнадцатая
I
II
III
IV
V
Глава пятнадцатая
I
II
III
Глава шестнадцатая
I

II
III
Глава семнадцатая
I
II
III
IV
Глава восемнадцатая
I
II
III
Глава девятнадцатая
I
II
III
Глава двадцатая
I
II
III
IV
Глава двадцать первая
I
II
III
IV
V

Глава двадцать вторая
I
II
III
IV

Аннотация

Первый роман Рохинтона Мистри, принесший ему международный успех.

1971 год. Индия ведет вооруженное сопротивление против Пакистана, не признающего независимость бенгальских народов. Газеты и телевидение навязывают политические лозунги, разобщая людей. Но меньше всех им верит трудолюбивый банковский служащий и преданный семьянин Густад Нобл, чей привычный уклад жизни неумолимо рушится.

Его сын бунтует против ценностей отца, друг оказывается втянутым в сеть обмана, серьезно заболевает его маленькая дочь…

Автор не раз поставит героя перед трудным жизненным выбором, поднимая важнейшие для человечества вопросы – вопросы семьи и дружбы, нравственности и гуманности.

Рохинтон Мистри
Такое долгое странствие

Rohinton Mistry
SUCH A LONG JOURNEY

© Rohinton Mistry, 1991
© Перевод. И. Доронина, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Посвящается Френи

Созвал он старейших священнослужителей и спросил их, имея в виду властителей, некогда правивших миром: «Как держали они мир в руках своих в начале начал, – спросил он, – и как случилось, что оставили они его нам в таком плачевном состоянии? И как умели они жить без забот в дни своих героических деяний?»

Фирдоуси. Шах-Наме

Все это было в холод,

В худшее время года

Для похода, да еще такого долгого...[1]

Т. С. Элиот. Паломничество волхвов

Когда старые слова замирают на устах, новые рвутся из сердца; и там, где стезя теряется, открывается новая страна чудес[2].

Рабиндранат Тагор. Гитанджали

---

[1] Сноски: 1
Перевод С. Кирюты.

[2] Сноски: 2
Перевод Н. А. Пушешникова.

Глава первая

I

Едва забрезжил в небе первый утренний свет, как Густад Нобл, обратившись лицом на восток, уже возносил молитвы Ахура Мазде. Время приближалось к шести часам утра, и в кроне единственного во всем дворе дерева зачирикали воробьи. Густад слышал их щебетанье каждое утро, когда молился, повязывая пояс *кушти*[3]. Было в этом щебете что-то ободряющее. Воробьи всегда начинали первыми, за ними следовало воронье карканье.

Чуть дальше, возле дома, край тишины начинало обкусывать металлическое позвякивание кастрюль и кувшинов. Знакомый *бхайя*[4] сидел на корточках возле своего высокого алюминиевого бидона и разливал молоко в сосуды,

---

[3] Сноски: 3

Нательный пояс кушти — в зороастризме — символ готовности служить богу-творцу Ахура Мазде. Ежедневно зороастрийцы несколько раз развязывают кушти и с чтением особой молитвы повязывают его вновь. Пояс оборачивается вокруг талии трижды, что символизирует этическую триаду зороастризма: благие мысли — благие слова — благие дела.

[4] Сноски: 4

Бхайя — буквально на хинди означает брат. Общепринятое обращение к незнакомцу или человеку, имени которого ты не знаешь.

подставлявшиеся домохозяйками. Его маленький мерный стакан на длиннющей ручке, загнутой на конце крючком, нырял в бидон и выныривал из него, нырял и выныривал, быстро, не проливая почти ни капли. Обслужив очередного покупателя, продавец вешал стакан на горлышко бидона, поправлял свое *дхоти*[5] и потирал колени в ожидании платы. С пальцев осыпáлись чешуйки сухой кожи. Женщины с отвращением закатывали глаза, но в утренней безмятежности раннего света царил мир.

Густад Нобл слегка сдвинул вверх с широкого лба, прочерченного многочисленными морщинами, свою молельную шапочку, пока она свободно не уселась на его седой шевелюре. Ее черный бархат резко контрастировал с пепельно-серыми бачками, а вот густые ухоженные усы были такими же черными и бархатистыми, как шапочка. Когда бы речь ни заходила о здоровье и болезнях, для друзей и родственников высокий широкоплечий Густад всегда служил объектом зависти и восхищения. Для мужчины, одолевающего приливную волну пятого десятка лет жизни, говорили они, он выглядел очень

---

[5] Сноски: 5
Дхоти — набедренная повязка индусов.

крепким. Особенно учитывая то, что несколькими годами раньше он получил тяжелую травму; но даже от нее осталась лишь легкая хромота. Его жена ненавидела подобные разговоры. Она всякий раз мысленно стучала по дереву от сглаза и озиралась вокруг в поисках стула или стола, чтобы незаметно прикоснуться пальцами. Но сам Густад не имел ничего против разговоров о том дне, когда он рискнул собственной жизнью, чтобы спасти старшего сына.

На фоне лязга молочного бидона и болтовни покупательниц раздался визгливый крик:

— Ах ты вор! Сдать бы тебя в полицию и посмотреть, как ты будешь разводить водой молоко, после того как они тебе руки переломают!

Голос принадлежал мисс Кутпитье, и с ним рассветный покой уступил место неистовству нового дня.

Угрозам мисс Кутпитьи недоставало убедительности. Сама она никогда не покупала молоко у *бхайи*, но была твердо уверена, что, регулярно браня, помогает — в интересах остальных жильцов дома — держать его в узде. Должен же кто-то дать понять этим мошенникам, что дураков здесь, в Хододад-билдинге, нет. Мисс Кутпитья была иссохшей семидесятилетней женщиной,

редко выходившей из дома, поскольку, как она говорила, кости у нее день ото дня каменеют.

Впрочем, если уж на то пошло, о своих костях, да и вообще о чем бы то ни было, она мало с кем в доме могла поговорить из-за приобретенной за долгие годы репутации человека злобного, грубого и даже чокнутого. Для детей она была ожившей ведьмой из их волшебных сказок. Пробегая мимо ее двери, они норовили выкрикнуть: «Спасайся от *карги*! Спасайся от *карги*!» — не столько от страха, сколько из желания спровоцировать ее, заставить бормотать проклятья, потрясая кулаком. Какими бы ни были у нее кости, окаменевшими или не окаменевшими, когда хотела, она могла двигаться с удивительным проворством, бросаясь от окна к балкону на лестнице, если желала увидеть, что происходит во дворе.

Бхайя привык к этому безличному голосу и только бормотал, адресуясь скорее к своим покупательницам:

— Как будто я сам делаю это молоко. Его коровы дают. *Малик*[6] говорит — иди продавай молоко, я иду, вот и все. Какой толк бранить такого бедного человека, как я?

---

[6] Сноски: 6

Малик — букв.: царь, властитель. Здесь: глава племени, рода, староста села или квартала, старшина.

Покорные и усталые в неверном утреннем свете лица покупательниц мимолетно обретали выражение смиренного достоинства. Женщинам не терпелось поскорей купить бледную разбавленную молочную жидкость и вернуться к своим домашним делам. Дильнаваз тоже стояла в очереди с алюминиевой кастрюлей в одной руке и деньгами в другой. Восемь лет назад, по случаю празднования первого дня рождения их дочери Рошан, эта изящная хрупкая женщина коротко остригла свои темно-каштановые волосы и до сих пор носила эту прическу. Она не была уверена, что короткая стрижка подходит ей и сейчас, хотя Густад уверял, что ей идет. Но на вкус мужа она никогда не могла положиться. Когда в моду вошли мини-юбки, она, просто шутки ради, высоко поддернув подол платья, продефилировала по комнате, вызвав неудержимый взрыв смеха у Рошан. Однако Густад счел, что ей стоит всерьез подумать о смене образа: представь себе, сорокачетырехлетняя женщина в мини-юбке. «Мода — это для молодых», — ответила она ему, тем не менее почувствовав себя польщенной. А он своим звучным низким голосом пропел из песни Ната «Кинга» Коула:

Состариться тебе не суждено судьбой,

Коль сердце будет, как сейчас, любовию полно.

Пусть годы серебрят каштановую прядь,

Все так же в старом кресле будешь ты мечтать…

Ей нравилось, когда он в третьей строке менял «золотые» волосы на «каштановые», расплываясь при этом в широкой улыбке.

На стенках кастрюли, которую она держала в руках, виднелись следы от вчерашнего молока. Последние капли его она только что вылила в чай себе и Густаду, не успев после этого вымыть кастрюлю. Успела бы, если бы не сидела так долго, слушая, как Густад зачитывает ей отрывки из газеты, и если бы до того они не разговаривали о своем старшем, о том, как он скоро будет учиться в Индийском технологическом институте.

— Сохраб прославится, вот увидишь, — сказал Густад с законной отцовской гордостью. — Наконец-то оправдаются все наши жертвы.

Она сама не понимала, что на нее нашло этим утром, почему она сидела и болтала с ним, теряя время попусту. Но, с другой стороны, не каждый день приходят такие хорошие для их сына но-

вости.

Дильнаваз продвигалась вперед по мере того, как одна за другой отходили стоявшие перед ней женщины и приближалась ее очередь. Ноблы, так же как и все остальные, бесконечно долго ждали государственных пайковых карточек на молоко, а пока оставались постоянными покупателями *бхайи*, чей короткий хвостик волос, росший из са́мого центра макушки его в остальном идеально выбритой головы, не переставал смешить женщину. Она знала, что это был обычай какой-то индусской касты, точно не помнила какой, но все равно не могла не думать о том, что он напоминает хвостик серой крысы. По утрам, когда *бхайя* смазывал скальп маслом, хвостик начинал блестеть.

Покупая у него молоко, она вспоминала времена, когда продовольственные карточки существовали только для бедноты и слуг, когда они с Густадом могли позволить себе покупать чудесное жирное молоко парсийской молочной фермы (мисс Кутпитье оно и теперь доступно), это было до того, как цены начали расти, расти и расти, никогда не снижаясь. Лучше бы мисс Кутпитья перестала ругать *бхайю*. Пользы от этого никакой, он только больше обижается на них всех и бог его

знает что может сделать с молоком, — не секрет, что бедняки из ветхих лачуг и *джхопадпатти*[7] Бомбея и его окрестностей порой смотрят так, словно хотят вышвырнуть тебя из твоего дома и поселиться в нем со своей семьей.

Она понимала, что намерения у мисс Кутпитьи благие, несмотря на истории о странностях старухи, которые годами циркулировали по дому. Густад старался как можно меньше контактировать с ней, говорил, что от ее безумного вздора даже у психически совершенно здорового человека мозги могут свихнуться. Дильнаваз была, пожалуй, единственной подругой мисс Кутпитьи. С детства воспитанное безоговорочное уважение к старшим помогало ей терпимо относиться к особенностям ее характера. Она не видела в них ничего отталкивающего и раздражающего — да, иногда они казались забавными, иногда утомительными, но оскорбительными — никогда. В конце концов, большей частью мисс Кутпитья желала лишь помочь людям, дать совет в случаях, необъяснимых с точки зрения законов природы. Она утверждала, что способна как снимать, так и наводить порчу, сведуща в магии, как белой,

[7] Сноски: 7

Джхопадпатти — трущобы из палаток и навесов, сделанных из брезента и фанеры.

так и черной, умеет предсказывать события, толковать предзнаменования и сны. А самым главным, по словам мисс Кутпитьи, было то, что она обладала даром понимать тайные смыслы обыденных явлений и случайных происшествий. Ее прихотливое и склонное к фантастике воображение порой работало весьма занятно.

Дильнаваз дала себе обещание никогда не поощрять ее без крайней надобности, но понимала, что в возрасте мисс Кутпитьи нет ничего важнее, чем иметь терпеливого слушателя. А кроме того, есть ли на свете человек, который хоть раз, в определенных обстоятельствах, не поверил бы в сверхъестественное?

Звяканье и болтовня вокруг молочника казались Густаду чем-то очень отдаленным, пока он тихо бормотал молитвы под *мелией*[8]; утренний свет выигрышно освещал его красивую, облаченную в белое фигуру. Произнося соответствующий отрывок, он развязывал очередной узел на *кушти,* опоясывавшем его. Размотав все девять футов своего тонкого, вручную сплетенного ритуального пояса, он, чтобы отогнать злого духа Ахримана, трижды щелкнул им в воздухе, как хлыстом, тем

[8] Сноски: 8

Мелия — вечнозеленое дерево, имеющее много других названий: ниим, индийская сирень, индийское тюльпановое дерево, маргоза и др.

отработанным движением кисти, какое достигается только при регулярном исполнении обряда *кушти.*

Эту часть молитвы Густад любил особенно, даже в детстве, когда воображал себя отважным охотником, бесстрашно углубляющимся в неизведанные джунгли и вооруженным лишь своим могущественно священным *кушти*: хлестнув в воздухе этим ритуальным шнуром, он будет отсекать головы бегемотов, вспарывать животы саблезубых тигров, истреблять армии дикарей-людоедов. Однажды, роясь на полках отцовского книжного магазина, он обнаружил любимую в Англии историю о победителе дракона. С тех пор каждый раз, произнося молитвы, Густад представлял себя парсийским святым Георгием, рассекающим драконов надвое своим верным *кушти,* где бы он их ни встретил: под обеденным столом, в шкафу, под кроватью или даже за сушилкой для белья. Отовсюду выкатывались окровавленные, отделенные от туловища головы огнедышащих монстров.

Двери открывались и с грохотом захлопывались, позвякивали монеты, чей-то голос из окна давал особые распоряжения *бхайе* насчет завтрашней доставки. Кто-то обращался к нему с

шуткой: «Эй, *бхайя*, почему бы тебе не продавать молоко отдельно, а воду отдельно? И покупателю лучше, и тебе легче — разводить не надо». Шутка всегда сопровождалась бурными оправданиями *бхайи.*

Из чьего-то открытого окна тихо, вкрадчиво доносился первый утренний выпуск новостей контролируемого правительством Всеиндийского радио. Чистая медоточивая речь на хинди, как бы лаская утренний воздух, составляла доверительный контрапункт голосу Всемирной службы Би-би-си, напористо рвущемуся из другого окна сквозь треск и шипение коротковолновых помех.

Ни шутки, ни радио не отвлекали Густада от молитвы. Сегодня новости не могли нарушить его благоговения, потому что он уже видел «Таймс оф Индия». Не в силах заснуть, он встал раньше обычного. Когда включил воду, чтобы почистить зубы и прополоскать горло, вода вырвалась из крана с громким бульканьем, что застало его врасплох. Он отскочил назад, отдернув руку. Воздух скопился в трубах, сказал он себе, поскольку воды не было с семи часов вчерашнего дня, когда муниципалитет прекратил подачу дневной квоты. Он чувствовал себя глупо: испугался во-

допроводного крана. Закрутив вентиль, он стал откручивать его снова, но теперь медленно, понемногу. Трубы продолжали угрожающе рычать.

Для Дильнаваз это привычное шипящее и плюющееся бурление было сигналом к подъему. Ощупав кровать рядом с собой и убедившись, что место Густада пусто, она улыбнулась, так как ожидала, что сегодня он встанет первым, сонно взглянула на часы, перевернулась на живот и закрыла глаза.

II

Тем утром, задолго до рассвета и времени молитвы, Густад с нетерпением ждал, когда принесут «Таймс оф Индия». Еще стояла кромешная тьма, но он не включал свет, потому что в темноте все казалось ясным и упорядоченным. Он поглаживал подлокотники кресла, в котором сидел, размышляя о десятилетиях, прошедших с тех пор, как его дед с любовью сделал это кресло в своей мебельной мастерской. Как и этот черный письменный стол. Густад хорошо помнил вывеску над входом в дедовскую мастерскую, даже сейчас он словно бы видел ее воочию, как фотографию, поднесенную к глазам: «*Нобл и сыновья. Красивая мебель на заказ*», помнил он и первый раз, когда увидел эту вывеску, он был тогда еще слишком мал, чтобы читать, но картинки вокруг слов узнал сразу: застекленный шкаф из блестящего дерева вишневого цвета, огромная кровать с балдахином на четырех столбцах, великолепных пропорций стулья с резными спинками и гнутыми ножками, величественный черный письменный стол — все это была мебель из дома его детства.

Несколько ее предметов и теперь стояло у него в квартире, спасенные из когтей банкротства, — слово казалось холодным и острым, как резец, и звучало жестоко и безжалостно, как лязг железных подковок на ботинках судебного пристава. Подковки зловеще цокали по каменным плиткам пола. Ублюдок-пристав хватал все, что попадало под его грязные руки. «Бедный мой отец. Он потерял все. За исключением нескольких вещей, которые мне удалось спасти с помощью Малколма в его стареньком фургоне. Их пристав так и не нашел. Каким же хорошим другом был Малколм Салданья! Жаль, что мы с ним потеряли связь. Настоящий друг. Такой же, каким был когда-то майор Билимория».

При воспоминании о последнем Густад покачал головой. Проклятый Билимория. После того как он повел себя настолько бесстыдно, у него теперь хватило духу написать и попросить о помощи, словно ничего не случилось. Что ж, он может ждать ответа до самой своей смерти. Густад выкинул из головы его беспардонное письмо, которое грозило нарушить мирную степенность царившей вокруг темноты. Мебель из детства снова уютно обступила его, как будто заключила в безопасные скобки всю его жизнь, оберегая

здравость рассудка.

Густад услышал, как снаружи поднялся металлический козырек почтовой щели, и почти сразу различил белый контур газеты, проскользнувшей в комнату, тем не менее остался неподвижен: «Пусть почтальон уйдет, незачем ему знать, что я жду». Почему он так решил, он и сам не мог объяснить.

Когда велосипед почтальона отъехал, снова настала тишина. Густад зажег свет и надел очки. Мрачные заголовки, касающиеся Пакистана, он проигнорировал, едва взглянув на фотографию полуобнаженной матери, рыдающей над мертвым ребенком, которого она держала на руках. Подпись под фотографией он читать не стал, потому что снимок был похож на все те, что регулярно печатались несколько последних недель и рассказывали о солдатах, использующих бенгальских младенцев в качестве мишеней для штыковой практики. Он развернул газету на той внутренней полосе, где публиковались результаты вступительных экзаменов в Индийский технологический институт, разложил ее на обеденном столе, взял с буфета бумажку, на которой был записан реестровый номер, присвоенный Сохрабу при поступлении, сверил его со списком

и пошел будить Дильнаваз.

— Вставай, вставай! Его приняли! — Он погладил ее по плечу нетерпеливо, но нежно. Густад чувствовал себя немного виноватым. Из-за этого чертова письма, которое он от нее утаил.

Дильнаваз перевернулась на спину и улыбнулась.

— Я же говорила, что его примут, что ты зря волнуешься.

Она прошла в ванную и первым делом подсоединила прозрачный пластмассовый шланг для наполнения цилиндрического водяного бака, хотя сегодня у нее было время сначала почистить зубы и заварить чай. Пробило пять утра — до подачи воды оставалось целых два часа. Она открутила медный вентиль, и вчерашние остатки воды под напором хлынули в шланг, сопровождаемые длинным шлейфом воздушных пузырей — было похоже на пузырьки кислорода, когда-то бурлившие в аквариуме ее младшего сына. Как же Дариушу нравились те цветастые крохотные существа с забавными названиями, которые он с гордостью оглашал, когда показывал кому-нибудь своих рыбок: гуппи, черная моллинезия, морской ангел, неоновая тетра, целующийся гурами — в течение недолгого времени они были

центром его вселенной.

Но теперь аквариум опустел. Как и птичьи клетки. Все это вместе с коллекцией бабочек Сохраба и дурацкой книгой, которую он давным-давно получил в школе на день вручения наград, валялось, покрытое пылью и оплетенное паутиной, на темной полке в *чауле*[9] рядом с общим туалетом. «*Узнай больше об энтомо…*» чем-то-там. Какой скандал поднялся тогда только из-за того, что она сказала, мол, убивать этих маленьких красочных существ жестоко. Густад считал, что Сохраба надо поощрять: если он проявит упорство в своем увлечении и изберет его своей специальностью в колледже, займется исследовательской работой и все такое прочее, он может стать всемирно известным ученым.

Теперь от коллекции осталось лишь несколько те́лец, пришпиленных ржавыми булавками, да кучка разрозненных крылышек, похожих на опавшие лепестки экзотических цветов, вперемешку с отломившимися усиками и крохотными головками, которые, отделившись от телец,

---

[9] Сноски: 9

Чауле — тип жилого дома, какие владельцы предприятий начали строить в Бомбее в начале 1900-х годов как экономное жилье для своих рабочих, своего рода «коммуналки» с общими туалетами на каждом этаже, рассчитанными на определенное количество квартир, и открытыми общими коридорами-террасами.

совсем не походили на головки. Однажды Дильнаваз даже удивилась — как крупинки черного перца попали в застекленные коробочки? — пока с содроганием не поняла, что́ представляют собой эти малюсенькие шарики на самом деле.

Каждый раз, когда, вытесняя воздух, первая вода с шипением и клокотанием вырывалась из трубы, заставляя шланг трепетать, у Дильнаваз захватывало дух. Потом поток становился размеренным, и рука, придерживавшая кончик шланга, чтобы он не соскочил с носика бака, ощущала лишь легкую пульсацию.

Густад хотел разбудить Сохраба, но Дильнаваз остановила его:

— Пусть поспит. Результат его вступительных экзаменов не изменится, если он узнает его на час позже.

Он с готовностью согласился, однако все равно пошел в дальнюю комнату. В темноте виднелась реечная дверная панель, которую он пятнадцать лет назад прикрепил петлями к кровати Сохраба, поскольку в детстве тот спал беспокойно, словно и во сне продолжал играть в свои озорные дневные игры. Стулья, которыми они сначала загораживали край кровати на ночь, не помогали, он их сдвигал. И тогда пришлось приделать эту

панель. Сохраб сразу же окрестил свою постель кроватью-с-дверью и находил новое приспособление весьма полезным, когда строил «кроватный домик» из всех подголовных валиков, подушек и одеял, которые мог найти.

Теперь в кровати-с-дверью спала Рошан. Ее тоненькая ручка, просунутая в щель между рейками, свисала вниз. Скоро ее девятый день рождения. Похожа на мать, подумал Густад, глядя на хрупкую фигурку дочери. Он повернулся и посмотрел туда, где на узком *дхолни*[10], который днем сворачивали и засовывали под кровать Дариуша, спал Сохраб. Густаду всегда хотелось приобрести полноценную третью кровать, но в маленькой комнате для нее не было места.

При взгляде на старшего сына глаза Густада наполнились слезами радости и гордости, а сердце — спокойствием: лицо девятнадцатилетнего юноши было таким же безмятежным, как тогда, когда он, будучи маленьким мальчиком, спал в кровати-с-дверью. Изменится ли это безмятежное выражение со временем? Для него самого это время настало, когда книжный магазин его отца был предательски разграблен и погублен. От этого

---

[10] Сноски: 10
Дхолни — матрас (*хинди*).

удара и позора его мать заболела. Как же проворно двигалась рука бедности, пятная и отравляя их жизнь! Вскоре после этого его мама умерла. С тех пор сон для него перестал быть спокойным временем суток, он превратился в состояние, когда все тревоги усиливались и росли гнев — странный, неизвестно на кого направленный — и ощущение беспомощности. Он просыпался изнуренным, проклиная новый день.

Поэтому, глядя на Сохраба, спавшего мирным сном, с полуулыбкой на лице, на Дариуша, который фигурой в свои пятнадцать лет был уменьшенной копией своего отца; на занимавшую лишь маленькую часть кровати-с-дверью миниатюрную Рошан, с косичками, разметавшимися на подушке по обе стороны от головки, молча переводя взгляд с одного ребенка на другого по очереди, Густад желал только одного — чтобы жизни его сыновей и дочери всегда оставались мирными и ничем не омраченными. Очень-очень тихо он замурлыкал песню военных лет, которой приноровился баюкать своих детей, когда они были совсем маленькими:

Боже, наших сохрани,
Боже, наших сбереги,

Дариуша и Сохраба
И Рошан – всех пощади…

Сохраб заворочался во сне, и Густад замолчал. В комнате, как и во всей квартире, было темно, поскольку окна и вентиляционные решетки были завешены черной светонепроницаемой бумагой. Густад устроил эту светомаскировку девять лет назад, когда разразилась война с Китаем. Сколько всего случилось в тот год, подумал он. Рождение Рошан, потом жуткий несчастный случай со мной. Три месяца на больничной койке со сломанным бедром. А беспорядки в городе — с комендантским часом, полицейскими дубинками и горящими повсюду автобусами! Каким ужасным выдался тысяча девятьсот шестьдесят второй год. Какое унизительное поражение. Тогда только и разговоров было, что о продвижении китайцев, таком стремительном, что казалось, будто индийская армия состояла из оловянных солдатиков. И при этом — подумать только! — обе стороны до самого конца прокламировали мир и братство. Особенно Джавахарлал Неру с его любимым лозунгом: «Хинди — Чайни бхай-бхай!»[11] Он не

[11] Сноски: 11
Лозунг индийско-китайской дружбы: «Индийцы с китайцами — братья».

переставал твердить, что Чжоу Эньлай — наш брат, что наши народы большие друзья, и упрямо отказывался верить в разговоры о войне, несмотря на то что китайцы ранее вторглись в Тибет, расположив вдоль границы несколько дивизий. «Хинди — Чайни бхай-бхай», — снова и снова провозглашал он, как будто частое повторение этих слов действительно могло сделать народы братьями.

А когда китайцы хлынули через горы, все заговорили о предательской сущности желтой расы. Китайские рестораны и парикмахерские потеряли свою клиентуру, а китаец сразу стал синонимом главного чудовища. Дильнаваз, бывало, пугала Дариуша: «Вот придет злой китаец и заберет тебя, если ты не доешь свою еду». Но Дариуш не обращал на ее слова никакого внимания, он не боялся. После обсуждения со своими друзьями-первоклассниками вопроса о желтых дикарях, которые умыкали индийских детей, чтобы готовить жаркое из них, так же как из крыс, кошек и собак, малыш выработал собственный план: он возьмет свой предназначенный

для праздника *дивали*[12] игрушечный пистолет, зарядит его шариками из карри и — бах-бах! — застрелит китайца, если тот попробует хотя бы приблизиться к их квартире.

Но, к величайшему разочарованию Дариуша, никакие китайские солдаты к Ходадад-билдингу не приблизились. Зато все окрестности заполонили команды политиков — сборщиков средств. В зависимости от принадлежности к той или иной партии они произносили речи, либо восхвалявшие героическую позицию Индийского национального конгресса, либо поносившие его за некомпетентность, выразившуюся в отправке храбрых индийских *джаванов*[13], с устаревшим вооружением и в летнем обмундировании, на смерть от рук китайцев в Гималаях. Все политические партии рассылали разукрашенные флагами грузовики курсировать по городу с плакатами, являвшими собой образцы пропагандистской изобретательности: в них умело сплетались

[12] Сноски: 12

Дивали — главный индийский и индуистский праздник, который символизирует победу добра над злом, в знак этой победы повсеместно зажигаются свечи и фонарики.

[13] Сноски: 13

В современной индийской армии джаван — это почетный термин для военнослужащего в солдатском, сержантском или младшем офицерском звании. «Наши доблестные джаваны» означает «наши доблестные воины».

воедино призывы к материальной поддержке партии и поддержке солдат. В то же время сборщики средств до хрипоты орали в мегафоны с увещеваниями быть такими же бескорыстными, как джаваны, которые окропляли гималайские снега своей бесценной кровью, чтобы защитить Мать Индию.

И люди, движимые патриотическим порывом остановить поток желтых захватчиков, бросали из окон прямо в проезжавшие мимо грузовики одеяла, свитера и шарфы. В некоторых богатых районах такие сборы превращались в соревнования: соседи старались переплюнуть друг друга в демонстрации своего богатства, патриотизма и сострадательности. Женщины снимали с себя и швыряли браслеты, кольца и серьги. Деньги — банкноты и монеты — заворачивали в носовые платки и бросали в благодарные руки сборщиков. Мужчины срывали с себя рубашки, куртки, пояса, сбрасывали с ног туфли и метали все это в грузовики. Какое время было! При виде такой солидарности и щедрости у всех на глаза наворачивались слезы гордости и радости. Впоследствии поговаривали, будто часть пожертвованных вещей оказалась на Чор-базаре и Нулл-базаре, а также на придорожных прилавках лоточников,

хотя на подобные злобные утверждения особого внимания не обращали; сияние национального единства оставалось теплым и утешительным.

Но все знали, что война с Китаем заморозила сердце Джавахарлала Неру, а потом и разбила его. Он так и не оправился от того, что воспринял как предательство со стороны Джоу Эньлая. Обожаемый всей страной *Пандит джи*[14], «дядя Неру» всех индийских детей, непоколебимый гуманист, великий провидец ожесточился и озлобился. С тех пор он не терпел никакой критики и не слушал ничьих советов. Навсегда утратив вкус к философии и мечтательству, он погрузился в политические дрязги и международные интриги, а также стал давать волю своему тираническому характеру и раздражительности, признаки которых проявлялись порой еще до войны с Китаем. Все знали о его вражде с зятем, который был вечной «занозой» в его политической деятельности. Неру не мог простить Ферозу Ганди того, что он выставил напоказ скандалы в правительстве; ему больше не нужны были защитники угнетенных и борцы за дело бедных, хотя сам он когда-то

[14] Сноски: 14

Пандит — почтительная форма обращения к лицам из касты брахманов. Пандит джи — вежливое обращение к пандиту Джавахарлалу Неру, употреблявшееся его близкими и соратниками.

играл эти роли с огромным удовольствием и невероятным успехом. Теперь он стал одержим только тем, чтобы сделать свою дорогую дочь Индиру — единственного, по его словам, человека, который его искренне любил, Индиру, которая даже бросила своего никчемного мужа, чтобы быть с отцом, — премьер-министром после своей смерти. Эта маниакальная одержимость терзала его днями и ночами, которые предательство Джоу Эньлая отравило и сделало беспросветными навечно, — в отличие от городов, в которые свет вернулся после разрешения конфликта, когда люди сняли затемнение с окон и дверей.

Густад, впрочем, затемнение в своей квартире не снял, сославшись на то, что при нем дети лучше спят. Дильнаваз это казалось смешным, но спорить она не стала, поскольку у Густада тогда только что в доме для престарелых умер отец. Может быть, темнота успокаивает его расшатанные после недавно случившейся утраты нервы, думала она.

— Когда будешь готов, тогда и снимешь черную бумагу, *бабá*[15]. У меня и в мыслях нет заставлять тебя, — сказала она, однако регулярно проводила

[15] Сноски: 15

Бабá — старец (*хинди*). Уважительная безличная форма обращения к пожилому мужчине или человеку любого пола значительно старше вас.

осмотр: бумага собирала пыль, и ее трудно было чистить, она была идеальным местом для пауков, чтобы плести свои паутины, и служила отличным укрытием для тараканьих кладок, а кроме того, придавала дому мрачный и гнетущий вид.

Проходили недели, месяцы, а бумага все сдерживала доступ в квартиру любых форм света — что земного, что небесного.

— В такой обстановке кажется, что утро никогда не наступит, — жаловалась Дильнаваз. Постепенно она изобретала все новые способы борьбы с пылью, паутиной и домашними насекомыми. Семья привыкла жить при тусклом свете, словно затемнение продолжалось. Иногда, однако, когда Дильнаваз особенно доставали повседневные заботы, черная бумага становилась мишенью ее раздражения.

— Чудесно! Сын собирает бабочек и мотыльков, отец — пауков и тараканов. Скоро Ходададбилдинг превратится в один большой музей насекомых.

Но спустя три года Пакистан совершил нападение с целью откусить кусок Кашмира, как это

было сразу после Раздела[16], и затемнение снова оказалось востребованным. Густад не преминул торжествующе указать ей на мудрость своего решения.

[16] Сноски: 16

Имеется в виду разделение Британской Индии в 1947 году на два независимых государства-доминиона, Индию (сегодня это Республика Индия) и Пакистан (сегодня это Исламская Республика Пакистан и Народная Республика Бангладеш).

III

Покинув спящих детей, он вернулся, чтобы дочитать газету. Для молитвы было еще рано: свет пока не забрезжил на горизонте. Проследовав за Дильнаваз на кухню, он стал читать ей газетные заголовки: «Разгул террора в Восточном Пакистане»…

— Подожди, пока я наполню бак, — попросила она, поскольку из-за шума текущей под напором воды ничего не слышала. Сегодня напор был слабым, и потребовалось больше времени, чтобы заполнить бак. «Интересно почему?» — подумала она, простирывая батистовый лоскут, через который процеживала воду в сосуд, где хранилась дневная доля питьевой воды. Шлепнув мокрую тряпочку на горлышко глиняного кувшина, она расправила ее и ловко продавила посередине пальцами, чтобы образовалась воронка.

— Тут пишут, что «Авами Лиг»[17] провозгласила

[17] Сноски: 17

Левоцентристская политическая партия, основанная в Восточном Пакистане в 1949 году. «Авами Лиг» возглавила борьбу бенгальцев за независимость. После провозглашения в марте 1971 года независимости и последовавшей девятимесячной освободительной войны была образована Народная Республика Бангладеш, и «Авами Лиг» выиграла первые всеобщие выборы в 1973 году.

образование Республики Бангладеш, — продолжил Густад, когда Дильнаваз закрутила кран. — А я говорил коллегам в столовой во время обеда, что именно это и произойдет. Они утверждали, что генерал Яхья[18] позволит шейху Муджибуру Рахману[19] сформировать правительство. Пусть мне отсекут правую руку, сказал я тогда, если эти фанатики и диктаторы с уважением отнесутся к результатам голосования.

— И что теперь будет?

Он проигнорировал ее вопрос, продолжив про себя читать о бенгальских беженцах, хлынувших через границу и рассказывавших о терроре и зверствах, пытках, увечьях и убийствах; о рвах, заполненных трупами женщин с отрезанными грудями, о младенцах, насаженных на штыки, о разбросанных повсюду обгоревших телах, о деревнях, полностью стертых с лица земли.

Глиняный кувшин наполнился до краев. Дильнаваз отмерила шесть капель темно-лилового раствора. Ее не переставало тревожить то, что

---

[18] Сноски: 18

Ага Мухаммед Яхья Хан (1917–1980) — пакистанский государственный деятель, в 1969 году стал третьим президентом Пакистана.

[19] Сноски: 19

Муджибур Рахман (1920–1975) — политический и государственный деятель Пакистана и Бангладеш, первый президент и премьер-министр Бангладеш.

они не кипятят питьевую воду. Но Густад говорил, что процеживания и добавления марганцовки достаточно для обезвреживания. Она выжала намокший подол своей вылинявшей ночной рубашки с цветочным рисунком. От усилий на ее слишком быстро стареющих руках вздулись синие вены. Крышка на чайнике подпрыгивала и дребезжала.

— Интересно, что бы сказал об этом майор Билимория? — заметила она, засыпая в чайник три ложки «Брук Бонда». Шумное бурление чайника перешло в тихое бормотание. Она не любила заваривать чай прямо в чайнике, но английский темно-коричневый заварной чайник, который служил им двадцать лет, треснул. Износившийся чайный чехол, из которого сыпалась заплесневевшая набивка, тоже надо бы было заменить.

— Майор Билимория? Сказал бы — о чем? — Не заподозрила ли она что-нибудь насчет спрятанного письма, подумал Густад, стараясь сохранить равнодушный тон.

— Насчет этих беспорядков в Пакистане. Люди говорят, что будет война. У него, с его военным прошлым, могла бы быть внутренняя информация.

Майор Билимория жил в Ходадад-билдинге

почти столько же, сколько Ноблы. Густад всегда ставил его в пример своим сыновьям, требуя, чтобы они ровно держали спину при ходьбе, втягивая живот и выпячивая грудь, как «дядя майор». Отставной майор любил потчевать Сохраба и Дариуша историями о своих героических армейских днях и участии в битвах. В глазах его юных слушателей эти истории мгновенно обретали статус легенд, героем которых был их дядя майор: легенд про трусливых пакистанцев, которые, поджав хвосты, бежали в 1948 году от столкновения с индийскими солдатами в Кашмире, или о разгроме наводивших на всех ужас воинственных племен с северо-западной границы, являвшихся бичом могущественной английской армии во времена империи. Для этих диких и свирепых племен, рассказывал дядя майор, сражаться и убивать было все равно, что играть в любимую игру. Спущенные с цепи пакистанцами, они напивались пьяными и начинали громить первую попавшуюся на их пути деревню, вместо того чтобы двигаться вперед и атаковать столицу. Проходило немало часов, пока они рубили мирных жителей и рыскали от одного дома к другому в поисках денег, драгоценностей и женщин. И пока они предавались

этим своим «забавам», продолжал дядя майор, у индийской армии образовалось время дождаться подкрепления. Битва была выиграна, опасность для Кашмира миновала. Тут дети издавали вздох облегчения и начинали аплодировать. Его истории — о переходе через перевал Банихал, о битве за Барамулу, об осаде Шринагара — были такими захватывающими, что Густад и Дильнаваз сами слушали их как завороженные.

А в прошлом году майор Билимория исчез из Ходадад-билдинга. Пропал, никому не сказав ни слова, и никто не знал куда. Вскоре после этого приехал грузовик, у водителя был ключ от его квартиры и приказ забрать его вещи.

На задней части грузовика краской, буквами со множеством завитков, было написано: «Надейся на Бога, но сигналь при обгоне». На вопросы соседей ни водитель, ни его помощник ничего сообщить не могли, кроме: «*Humko kuch nahin maaloom*»[20].

Внезапный отъезд майора ранил Густада Нобла больнее, чем он позволял себе показать. Всю глубину его боли понимала только Дильнаваз.

— Вот так, без всяких объяснений уехать, после

---

[20] Сноски: 20
Понятия не имеем (*хинди*).

того как мы столько лет были добрыми соседями, это бесстыдно. Чертовски дурной поступок! — единственное, что он сказал по этому поводу.

Но, хотя Густад и не хотел этого признавать, Джимми Билимория был для него больше чем соседом. Самое меньшее — любимым братом. Почти членом семьи, вторым отцом его детей. Густад подумывал о том, чтобы назначить его их опекуном в завещании на случай, если что-то непредвиденное случится с ним и Дильнаваз. Даже спустя год после исчезновения майора он не мог думать о нем без сердечной боли. Лучше бы Дильнаваз не произносила его имени. Достаточно было и того письма, при воспоминании о котором у него вскипала кровь.

Стараясь сохранить видимость невозмутимости, он переборщил с сарказмом:

— Откуда мне знать, что подумал бы Джимми о пакистанских событиях? Он ведь не оставил нам своего нового адреса, не так ли? А то можно было бы написать ему и поинтересоваться его экспертным мнением.

— Ты все еще расстроен, — сказала Дильнаваз. — А я все равно думаю, что без веской причины он бы вот так не исчез. Он был хорошим человеком. Когда-нибудь мы узнаем, что

случилось.

Она задумчиво кивнула, помешивая чай в алюминиевом чайнике. Цвет чая стал таким, как нужно, и она налила две чашки. Из ледника достала остатки вчерашнего молока: *бхайя* еще не приходил, но им на двоих хватило. Густад налил чаю в блюдце и подул. Он как раз закончил читать газету, как подошло время молитвы, поэтому он подхватил свою черную бархатную шапочку и вышел во двор. В кроне одинокого дерева бодро чирикали воробьи.

Когда в середине его молельного обряда где-то заговорило радио, сначала на хинди, потом, вперемешку с ним, Всемирная служба Би-би-си, оно ничуть не отвлекло его, потому что он уже знал все новости.

IV

Новостная программа индийского радио закончилась, и после колокольчиков последовал блок рекламы: масла «Амул» («…исключительно маслянистое и аппетитное»), мыла для хамама, крема для обуви «Цветок вишни»… Другой приемник, настроенный на трескучую волну Би-би-си, выключили.

Закончив первый круг опоясываний своим *кушти* и с удовлетворением убедившись, что оба конца пояса имеют одинаковую длину, он поднял, потом опустил плечи, чтобы *судра*[21] удобно уселась на нем: от этого движения рубашка чуть выбивалась из-под пояса и переставала обтягивать живот, ему это нравилось. При этом он почувствовал холодок в пояснице, напомнивший о прорехе. В большинстве его *судр* имелись дырки, и Дильнаваз постоянно ворчала, что опять надо ставить заплатку, хотя это совершенно бесполезно: не успеешь залатать одну дыру, как

[21] Сноски: 21

Судра — священная сорочка парсов, в которой они молятся. В такую сорочку парсы с особой церемонией облачают своих детей, когда им исполнится шесть лет и три месяца. Одновременно на ребенка возлагается и священный пояс-шнурок *кушти.*

появляется другая. На это Густад обычно просил ее не волноваться. «Небольшая вентиляция не помешает», — со смехом говорил он, отшучиваясь от их стесненных обстоятельств.

Обратив лицо к небу и закрыв глаза, он начал молча, лишь шевеля губами, читать молитву Сарошу[22], когда обычные бытовые шумы дома потонули в реве дизельного мотора. Грузовик? Несколько секунд мотор работал на холостом ходу, и Густад с трудом поборол искушение обернуться и посмотреть. Ничто не вызывало в нем большего неудовольствия, чем помехи в его утренней молитве. Невоспитанность, вот что это такое. Он же не обрывает грубо разговор с другим человеческим существом, так почему он должен обрывать свой разговор с Великим Отцом Ормуздом?[23] Тем более сегодня, когда у него есть особый повод возблагодарить его — за поступление Сохраба в ИТИ, которое, словно по мановению волшебной палочки, враз окупило

---

[22] Сноски: 22

Сарош, или Сраош, — один из главных зороастрийских святых. В Гатах (Гаты — «песнопения» — наиболее значимая и почитаемая часть Авесты) основной функцией Сароша является распространение религии Ахура Мазды среди человечества, поскольку сам Сарош узнал о ней от самого Ахура Мазды.

[23] Сноски: 23

Ормузд — употребительное в европейской литературе имя высшего божества древних иранцев (Ахура Мазды).

все его усилия и тяготы.

Ревевший грузовик уехал, оставив после себя облако дизельного выхлопа, долго еще висевшее над воротами. Постепенно утренний воздух наполнялся едкими запахами. Густад сморщил нос и продолжил свою молитву.

К моменту ее завершения он уже начисто забыл о грузовике и направился к двум кустам на крохотном лоскутке пыльной земли под его окном, напротив черной каменной стены, чтобы привычно уделить несколько минут своему ежедневному садоводству. В ветвях запутались обрывки бумаги. Каждое утро он ухаживал за обоими своим растениями, хотя сам посадил только розовый куст, мятный однажды пророс сам собой. Зная, что это сорняк, Густад чуть было не вырвал его, но мисс Кутпитья, увидев это с верхнего балкона, поспешила разъяснить ему полезные медицинские свойства этого конкретного вида мяты.

— Это очень редкий вид, очень редкий! — крикнула она. — Его аромат регулирует кровяное давление!

Оказалось, что крохотные белые двугубые цветочки, растущие соцветиями-колосками, содержат семена. Если вымочить их в воде и про-

глотить, они могут вылечить от многих болезней живота. Поэтому Дильнаваз настояла, чтобы он оставил мятный куст и хоть этим — за неимением ничего другого — доставил удовольствие старушке. Весть об открытии нового чудодейственного лекарства распространилась быстро, и люди, останавливаясь возле куста, просили дать им несколько листочков или немного магических семян. Этот ежедневный спрос сдерживал буйный рост куста, в противном случае угрожавшего забить розу с ее нежными цветками, которые приносили Густаду несказанную радость.

Он убрал с мяты обрывки бумаги, целлофановые конфетные обертки, палочку от мороженого «Квалити»[24] и, перейдя к своему любимому кусту, усеянному розовыми цветами, собрал опавшие лепестки. Горшок, в котором рос куст, был примотан к столбцу лестничной площадки толстой проволокой, обвивавшей его несколькими замысловатыми петлями и закрученной хитроумными узлами, — злодею, который вознамерился бы украсть его, понадобился бы не один час на их распутывание. В этот момент от ворот

[24] Сноски: 24

Kwality Wall's — бренд замороженных десертов, принадлежащий индийской компании по производству потребительских товаров Hindustan Unilever.

снова потянуло дизельным дымом, и, подойдя, Густад увидел приклеенное к столбу объявление. Блестящая масляная лужица указывала место, где останавливался автомобиль. Официальный документ, спущенный муниципалитетом, пучился от попавших под него воздушных пузырьков и комков клея. Прочитав его, Густад произвел в уме кое-какие подсчеты. Эти чертовы ублюдки совсем с катушек съехали. Зачем нужно расширять здесь дорогу? Он поспешно измерил расстояние шагами. Двор сузится больше чем на половину нынешней своей площади, и черная каменная стена нависнет непосредственно над окнами жильцов нижнего этажа. Дом станет больше похож на тюремный лагерь, чем на человеческое жилье, они окажутся запертыми в клетке, как куры в курятнике или овцы в загоне, а дорожные и уличные шумы будут врываться прямо в окна. Не говоря уж о мухах, москитах и чудовищной вони — ведь бессовестные люди давно привыкли использовать окружавшую дом стену в качестве общественного уличного туалета, особенно поздно вечером.

Впрочем, пока это лишь планы, ничего из них не выйдет. Разумеется, владелец дома не отдаст половину своего двора за «честную рыночную

цену», которую предлагал муниципалитет. В нынешние времена трудно сыскать что-нибудь более бесчестное, чем правительственная «честная рыночная цена». Владелец, конечно же, обратится в суд.

Возвращаясь через двор домой, он не переставал ощущать резкий запах дизельного выхлопа. Он напомнил ему о том дне, девять лет назад, когда с ним произошел несчастный случай: тогда в воздухе тоже стоял этот тяжелый запах, не рассеивавшийся все то время, что он, со сломанным бедром, лежал на проезжей части, на пути у мчащихся прямо на него автомобилей. Сморщив нос, Густад подумал: хоть бы ветер переменил направление. Когда он входил в квартиру, нога, та, на которую он хромал, начала немного болеть.

Глава вторая

I

Дильнаваз твердо решила, что не будет помогать Густаду в его безумной и совершенно нецелесообразной затее. Живая курица в доме! Что дальше? Никогда еще он вот так не вмешивался в ее кухонные дела. Да, порой заглядывал, особенно по воскресеньям, поднимал крышки, вдыхал ароматы, упрашивал ее, чтобы она приготовила *качумбер*[25] из лука, кориандра и острого зеленого чили к *дхансаку*[26], булькавшему в тот момент на плите. Но за двадцать один год их совместной жизни это был первый раз, когда он вторгался в ее хозяйство столь основательно, и она не знала, что это значит и как далеко может завести.

— Откуда у нас эта корзина? — спросил Густад, накрывая курицу широкой плетеной корзиной, которая с незапамятных времен висела на

---

[25] Сноски: 25

Качумбер — хрустящий индийский салат из свежих овощей с чили и зернами граната, заправленный лимонным соком.

[26] Сноски: 26

Дхансаку — популярное в общине индийских парсов блюдо, сочетающее элементы персидской и гуджаратской кухни: тушеная баранина или козлятина со смесью чечевицы и овощей.

гвозде под кухонным потолком. Не то чтобы ему действительно важно было это узнать, просто хотелось что-то сказать, чтобы разрядить атмосферу, накалившуюся между ними с того момента, когда он вернулся с рынка Кроуфорд, неся в хозяйственной сумке что-то, беспокойно трепыхавшееся.

— Я не знаю, откуда у нас эта корзина, — коротко и сухо ответила Дильнаваз.

Он подозревал, что дело было в какой-то дурной примете, сведениями о которых пичкала ее мисс Кутпитья, но из предосторожности продолжил миролюбивым тоном:

— Ну наконец-то она пригодилась. Хорошо, что мы ее не выбросили. Интересно все же, откуда она у нас взялась?

— Я уже сказала: не знаю.

— Да-да, дорогая Дильну, сказала, — ласково ответил он. — На ближайшие два дня она станет домом для нашей курочки. Когда их накрываешь корзиной, они успокаиваются, мирно спят и набирают вес.

— Откуда мне это знать? В моей семье курицу всегда приносили домой уже зарезанной.

— Поверь, ты сама почувствуешь разницу во вкусе, когда через два дня она будет плавать в

твоем коричневом соусе вместе с луком и картошкой. Ах-ах-ах, этот твой коричневый соус! Дильну, ты такая мастерица его готовить! — Он причмокнул губами.

План пришел Густаду в голову накануне. Ночью ему приснилось собственное детство, и, проснувшись, он вспомнил весь сон в подробностях: это был какой-то веселый праздничный день, дом звенел смехом и был полон цветов в вазах, над дверями висели нанизанные на веревку пучки можжевельника, и музыка, музыка, музыка весь день: «Сказки Венского леса», вальс Легара «Золото и серебро», «Вальс конькобежцев» Вальдтейфеля, «Весенние голоса», увертюра к «Летучей мыши» и многое, многое другое беспрерывно звучало из граммофона в его сне, между тем как бабушка рассылала слуг покупать особые травы и *масалу*[27] для приготовления праздничных блюд под ее неусыпным надзором.

Такое радостное волнение и такое счастье наполняли во сне любимый дом его детства, что, проснувшись, он ощутил острую печаль в сердце. Он не мог вспомнить, что именно праздновали в его сне — вероятно, чей-нибудь день рождения

---

[27] Сноски: 27

Масала — пряная смесь из нескольких специй, измельченных в порошок.

или юбилей, — но помнил, что отец принес с рынка живых цыплят, и они два дня перед торжеством набирали вес у них дома. Какой же веселый был праздник!

В детстве Густада в доме его родителей было принято покупать живых кур. Тощую битую птицу, ощипанную и выпотрошенную, бабушка не признавала. Густад помнил, как их приносил в корзине, балансировавшей у него на голове, слуга, сопровождавший на рынок отца, иногда его сопровождали двое, четверо, даже восьмеро слуг — в зависимости от того, сколько ожидалось гостей. Бабушка осматривала каждую птицу, неизменно расхваливая сына за отличный выбор, отпускала кудахтавшую добычу, потом по своему списку проверяла купленные пакеты со специями и прочие кулинарные ингредиенты.

Но специи и ингредиенты были лишь половиной секрета. «Если покупаешь птицу, — говаривала бабушка в ответ на похвалы своему поварскому искусству, — нужно покупать ее живой, голосящей, *jeevti-jaagti*[28], или не покупать никакой. Сначала два дня — ни в коем случае не меньше — кормить, причем отборным зерном,

[28] Сноски: 28
Живенькой и бодрой (*хинди*).

самым отборным, и всегда помнить: что попадает в живот курице, в конце концов попадает в твой живот. Через два дня возьмите кастрюлю, зажгите плиту, держите наготове *масалу.* Затем зарежьте курицу и начинайте готовить. Быстро-быстро-быстро, не теряя времени». Мясо будет иметь совершенно другой вкус, утверждала она, оно будет сочным, свежим и сладким — ничего общего с жилистой жвачкой на костях тощих кур, купленных на базаре двумя днями раньше.

Эти пришедшие во сне воспоминания о давних блаженных временах сопровождали его весь день, и он решил: пусть хоть раз, только один раз, всего на один день его убогая квартира наполнится счастьем и весельем, какие жили в доме его детства. И этим днем будет воскресенье. «Пригласим на обед одного или двух сослуживцев из банка — в первую очередь моего старого друга Диншавджи, устроим маленькую вечеринку. С курицей, несмотря на дополнительные расходы. Отпразднуем день рождения Рошан и поступление Сохраба в ИТИ».

Как только корзина опустилась на курицу, та высунула между ее прутьями свой любопытный клюв и, почувствовав себя в безопасности под защитой плетеного купола, принялась периоди-

чески кудахтать.

— А теперь немного риса, — сказал Густад.

— Я к этой курице даже не притронусь, — огрызнулась Дильнаваз и, вспомнив его недавнюю шутку: «Питание и проживание — моя забота», добавила про себя: «Если он думает, что меня можно шуточками заставить ухаживать за этим существом, то он глубоко заблуждается».

— Кто тебя просит к ней прикасаться? — ответил Густад. Если раньше он балагурил, пытаясь задобрить ее, то теперь в его голосе послышалась ледяная нотка. — Просто положи немного риса в маленькую мисочку и дай мне. — Миролюбие в его интонации явно становилось нарочитым.

Он поехал на рынок прямо с работы и теперь все еще был в своем офисном костюме: в галстуке, белой рубашке и белых брюках. Все на нем было белым, кроме того места, которое курица испачкала, когда он привязывал ее к ножке кухонного стула длинным жестким шнуром из кокосовых волокон. День выдался длинным, и он устал.

Кроме того, в лучшие времена он презирал рынок Кроуфорд. В отличие от своего отца, которому нравилось его посещать. Отец рассматривал такие поездки как своего рода приключение: отважная вылазка в логово негодяев — так он

их называл. Он любил поддразнить продавцов, подшутить над ними, их товарами, привычками, поторговаться, сохраняя при этом абсолютно корректный тон и никогда не преступая грань между добродушной насмешкой и грубостью, и в конце концов всегда выходил победителем с высоко поднятым флагом, взяв верх над всеми мошенниками. В отличие от отца, которому эта игра доставляла удовольствие, Густад робел на рынке Кроуфорд.

Возможно, дело было в различии обстоятельств: отец всегда появлялся там в сопровождении минимум одного слуги, приезжал и уезжал на такси; Густад же приходил один, со своим тощим кошельком и обшарпанной корзинкой, выстланной газетой, чтобы с мяса в автобусе не накапал сок, что вызвало бы неловкость или, того хуже, бурное возмущение пассажиров-вегетарианцев. Всю дорогу он волновался и чувствовал себя виноватым, словно его корзина была смертоносней бомбы. Разве не потенциальный источник индо-мусульманских столкновений нес он в руках? Столкновений, которые часто начинаются из-за антагонизма обычаев, связанных с употреблением мяса — свинины или говядины.

Для Густада в рынке Кроуфорд не было ничего

привлекательного. Он был грязным, вонючим, скученным местом, где ноги скользили по животным и растительным отбросам; похожий на пещеру мясной павильон с огромными зловещими крюками, свисающими с потолка (некоторые — пустые, на других висели говяжьи туши, причем пустые казались более устрашающими), был темным и отталкивающим, а мясники пускали в ход всевозможные уловки, чтобы приманить покупателя: то назойливо зазывали или угодливо подольщались, то хвастались превосходным качеством своего товара, то злорадно предупреждали, что у конкурентов мясо испорченное, — и все это предельно громко. В тусклом свете и зловонном воздухе, кишевшем нагло-воинственными мухами, все обретало угрожающую ауру: голоса мясников, охрипшие от беспрерывных криков, струи пота, бежавшие по их лицам и оголенным рукам и стекавшие на липкие, заляпанные кровью безрукавки и *лунги*[29]; вид и запах крови (иногда жидкой, иногда уже свернувшейся) и костей (измазанных кровью или отскобленных добела), беспрерывное мелькание наводящих ужас разделочных ножей, которые

[29] Сноски: 29
Лунга — полотно длиной до лодыжек, обернутое вокруг бедер.

мясники почти не выпускали из рук, дико размахивая ими в процессе торговли с покупателем.

Густад знал, что его страх перед рынком Кроуфорд берет начало из бабушкиных страшилок о мясниках. «Никогда не спорь с мясником, — предупреждала она. — Если он выйдет из себя, тогда — хрясь! — может проткнуть тебя ножом! Даже не задумываясь. — А потом, более мягким, не таким пугающим, но более назидательным тоном объясняла подоплеку своего мудрого наставления: — Помни: вся жизнь мясника, его повседневное занятие — это забой скота и разделка туши. Это его вторая натура. Только скажет: “Бисмиллях!”[30] — и все, нож с размаху опускается».

Если над ней подшучивали по этому поводу, бабушка твердо заявляла, что видела собственными глазами, как мясник делал свое «хрясь!», вонзая нож в человеческую плоть. В детстве Густад с восторгом слушал эту байку, но когда стал ходить на рынок Кроуфорд за покупками, вспоминал бабушкин рассказ с некоторой нервозностью и никогда не чувствовал себя в этом месте непринужденно.

---

[30] Сноски: 30
Во имя Аллаха (*араб.*).

Он старался выбрать хорошую курицу для дня рождения Рошан, но ему было трудно толком ощупать птицу под всеми ее перьями, поскольку продавец протягивал их ему одну за другой очень быстро.

— Вот, взгляните на эту, *сэт*[31], смотрите, какая хорошая. Пощупайте под крылом. Расправьте ее, расправьте, не беспокойтесь, ей не больно. Смотрите, вот сюда ткните. Видите, какая толстая, мясистая. — Он проделывал это, поочередно хватая кур за ноги, держа головой вниз и как будто взвешивая.

Густад наблюдал за всем этим, крайне смущенный, мял и тыкал, делая вид, что знает толк в курах. Но все они были для него одинаковы. Когда же он наконец выбрал одну, то руководствовался скорее ее голосовыми данными — она кудахтала громче других. Свою некомпетентность по части домашней птицы он был готов признать первым. Те разы, когда он мог позволить себе купить курицу для семьи за последние двадцать лет, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Так что куры определенно не входили в сферу его опыта.

---

[31] Сноски: 31
Сэт — искаженное «сэр».

Другое дело говядина. Здесь он был специалистом. Много лет назад его однокашник по колледжу Малколм Салданья научил его всему, что касается коров и быков. Это случилось примерно в то же время, когда Малколм помог ему спасти мебель из когтей хищного судебного пристава.

Потеря книжного магазина сломила отца Густада, лишила его воли к жизни, его перестали интересовать былые еженедельные походы на рынок Кроуфорд. С исчезновением его любимых книг и крахом бизнеса где-то в лабиринте судопроизводства затерялся и его аппетит. Густада не на шутку тревожило то, что отец даже внешне как-то скукожился. Густад со своим скромным доходом от частных уроков, которые давал школьникам, старался теперь как мог быть для семьи кормильцем. И благодаря советам Малколма, под его руководством сумма получаемых им рупий растягивалась на срок более долгий, чем он мог себе представить.

Малколм был высоким юношей, с кожей слишком светлой для уроженца Гоа. Он с удовольствием объяснял ее происхождение смешением крови португальских колонизаторов с местной кровью. У него были полные красные губы и

гладкие блестящие черные волосы, всегда разделенные слева на косой пробор и зачесанные назад. Отец Малколма, на которого он был очень похож и внешне, и своими талантами, преподавал игру на фортепьяно и скрипке, готовя своих учеников к экзаменам, которые периодически проводились в Бомбее Королевской школой музыки и Тринити-колледжем. Мать Малколма была первой скрипкой в Бомбейском камерном оркестре, а старший брат играл на гобое. Малколм аккомпанировал на фортепьяно студенческому хору колледжа на репетициях и выступлениях. Он говорил, что собирался стать профессиональным музыкантом, однако отец настоял, чтобы он завершил образование, получив диплом бакалавра.

Густад восхищался Малколмом, даже немного завидовал, ему тоже хотелось бы играть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Несмотря на то что в более счастливые времена их дом был наполнен музыкой — в темном кабинете отца стояла радиола, эдакий полированный сезам, и на полках рядами громоздились пластинки, — в доме не было ни одного музыкального инструмента, если не считать мандолины, с которой его мать, еще девочкой, позировала для сохра-

нившейся с тех далеких времен фотографии. Эта фотография чрезвычайно его интересовала, и иногда мать, глядя куда-то вдаль отсутствующим взглядом, описывала Густаду нежным голосом, которому не хватало твердости, чтобы повлиять на положение дел в доме Ноблов, эту мандолину и рассказывала, какие мелодии она играла на ней.

Хотя он не был одним из них, в доме Малколма Густада всегда привечали. Иногда мистер Салданья исполнял для мальчиков какое-нибудь соло на скрипке, иногда Малколм ему аккомпанировал, и в такие моменты Густад ненадолго забывал о своих невзгодах. В те чрезвычайно трудные времена, когда каждая *анна*[32], каждая *пайса*[33] были на счету, музыкант Малколм учил его есть говядину и тем самым уменьшать ущерб, наносимый бумажнику.

— Нам повезло, — всегда говорил он, — что мы принадлежим к национальным меньшинствам в Индии. Пусть они себе едят свои бобы, нут, фасоль

---

[32] Сноски: 32

Анна — разменная индийская колониальная монета, равная 1/16 рупии. Оставалась разменной монетой в Индии до 1957 года.

[33] Сноски: 33

Пайса — разменная монета Индии. До перехода на десятичную денежную систему пайса равнялась 1/64 *рупии,* а после перехода (в 1957 году) — 1/100 *рупии.*

со своей вонючей *асафетидой*[34], которую они называют *хинг.* Пусть пропукивают свои жизни. Современные индусы едят баранину. Или курятину, если хотят быть более модными. Но мы будем получать свой белок от их священных коров.

Порой, передразнивая их профессора экономики, он говорил:

— Никогда не забывайте закон спроса и предложения. Это ключ ко всему. Он держит низкие цены на говядину. А она здоровей, потому что священней.

По утрам в воскресенье они с Малколмом отправлялись на рынок Кроуфорд, но прежде всегда заходили в церковь, Малколм не пропускал мессу. Густад сопровождал его, макал пальцы в чашу с освященной водой и крестился, повторяя все, что делал друг, чтобы не выделяться и не оскорблять чувств прихожан.

В первое посещение Густада чрезвычайно заинтриговала церковь и проводившиеся в ней ритуалы, так не похожие на то, что происходило

---

[34] Сноски: 34

Асафетида — высушенный млечный сок, выделяемый из корневища нескольких видов многолетних трав. Асафетида имеет резкий запах, благодаря чему получила просторечное название — «вонючая резинка». При приготовлении запах исчезает. Эта специя используется в качестве приправы к еде и при мариновании и играет важную роль в индийской вегетарианской кухне.

в храме огня. Но он был настороже, с детства приученный противостоять соблазнам других религий. Все религии равны, как его учили, но человек должен оставаться верен только одной, потому что религия — не модная одежда, которую можно менять по прихоти, следуя капризам моды. Его родители в этом смысле были особо щепетильны, учитывая, что обращение в другую веру и отступничество в их стране были весьма распространены и имели долгую историю.

Поэтому Густад сразу решил: пусть музыка в церкви приятная, а сверкание иконных окладов и роскошь облачений священников производят сильное впечатление, он предпочитает спокойное дыхание мирной тайны и личной безмятежности, которые царят в храме огня. Иногда, однако, он задавался вопросом: не делает ли Малколм любительской нерешительной попытки обратить его в свою веру?

Каковы бы ни были намерения Малколма-музыканта, на протяжении ряда воскресных утр он, прежде чем перейти к вариациям на тему говядины, представлял ему католическую прелюдию.

— Христианство пришло в Индию более чем девятнадцать веков назад, когда апостол Фома

высадился на Малабарском берегу[35], населенном рыбаками, — поведал Малколм в их первое посещение. — Задолго до того, как вы, парсы, в семнадцатом веке прибежали сюда из Персии, спасаясь от мусульман, — подколол он друга.

— Может, оно и так, — включился в игру Густад, — но наш пророк Заратустра жил более чем за полторы тысячи лет до рождения вашего Сына Божия, за тысячу лет до Будды и за двести лет до Моисея. А знаешь ли ты, как зороастризм повлиял на иудаизм, христианство и ислам?

— Ладно-ладно, парень! — рассмеялся Малколм. — Сдаюсь.

Поскольку рынок Кроуфорд находился совсем недалеко от церкви, вскоре они уже были в его огромном мясном павильоне. Там Густад получил общее представление о говядине: ее питательной ценности, лучших способах приготовления, отборных частях и самое главное — о мясниках, которые продавали лучшую говядину на всем рынке.

В следующее воскресенье Малколм продолжил

---

[35] Сноски: 35

Малаба́р — историческая область в Южной Индии между берегом Аравийского моря и горами Западные Гаты. Иногда название Малабар применяют ко всему юго-западному побережью Индостана, которое называется Малабарский берег.

рассказ об истории христианства. Святого Фому почтительно окружили индусские праведники, брахманы, *садху*[36] и *ачарьи*[37], желавшие узнать, кто он такой и что делает в их краях. Встреча происходила на берегу моря. Святой Фома назвал свое имя, а потом сказал: «Окажите мне любезность, сложите ладони ковшиком, опустите в воду и попробуйте подбросить фонтан воды до неба». Они сделали, как он велел, но вода, всплеснувшись, упала обратно в море. Фома спросил: «Может ли ваш Бог сделать так, чтобы вода не падала обратно?» — «Какая чушь, мистер Фома, — сказали святые люди. — Существует же закон гравитации, закон Брахмы, Вишну и Шивы: вода должна падать обратно».

Тут Малколм — знаток говядины — отвлекся на самый важный пункт в ее выборе: если жир имеет желтоватый оттенок, значит, мясо — коровье, оно менее предпочтительно, чем мясо быка, у которого жир белый. Но отличить одно от другого не так просто, существует много фак-

[36] Сноски: 36

Садху — аскет, отшельник, святой человек. Садху полностью посвящают себя достижению освобождения посредством медитации и познания Бога.

[37] Сноски: 37

Ачарьи — духовные вероучители.

торов: свет в огромном мясном павильоне может сыграть злую шутку, и желтое покажется белым. После нескольких первых визитов на рынок он предоставил Густаду действовать самостоятельно, чтобы набраться опыта, как он выразился, и попрактиковаться, ибо практика — секретное оружие всех виртуозов, и продолжил теологическую лекцию:

— Тогда святой Фома повернулся к рыбакам и спросил: «Если мой Бог сможет это сделать, если он удержит воду от падения обратно в море, будете ли вы поклоняться Ему и отречетесь ли от своих многочисленных языческих богов и богинь, от массы идолов и божков?» Индусские святые люди, посовещавшись между собой шепотом — давайте, мол, позабавимся, посмеемся над этим сумасшедшим иноземцем Фомой-*бхаем*, — ответили: «Да, да, Фома-*джи*[38], будем, конечно».

Святой Фома зашел в воду на несколько футов, сложил ладони ковшиком и подбросил воду к небу. И — о чудо! — вода повисла в воздухе, вся, большие и маленькие капли, круглые и удлиненные, все они стояли в воздухе, преломляя солнечный свет и волшебно сверкая во славу

[38] Сноски: 38

Джи — уважительная безличная форма обращения к мужчинам и женщинам, переводится как «уважаемый» или «дорогой».

Господа Бога, творца всего сущего. На берегу собрались толпы народу: рыбаки, иностранные туристы, паломники, дипломаты, члены всевозможных комитетов, банкиры, нищие, мошенники, праздношатающиеся, бродяги — все присоединились к индусским святым мужам, пали на колени и стали просить святого Фому больше рассказать им о его Боге, чтобы они тоже могли Ему поклоняться.

Последней (после овладения умением отличать коровье мясо от бычьего) ступенью науки Малколма был выбор наилучших частей туши. Малколм объяснил, что шейная часть, которую мясники называют шейкой, — самая нежная, наименее жирная и быстрее всего готовится, что позволяет экономить на плате за топливо. Шейка также — самая вкусная часть, заверил Малколм, добавив: как только Густад в этом убедится, он ни за что не станет покупать баранину, даже если когда-нибудь она окажется ему по карману.

Годы спустя, когда Густад делал покупки самостоятельно, ему всегда хотелось поделиться премудростями Малколма с друзьями и соседями. Он мечтал научить их искусству выбора и приготовления говядины, чтобы они тоже отказались от дорогой баранины. Но никто не был

восприимчив к его идее так же, как в свое время он — к идее Малколма, и в конце концов Густад оставил всякую надежду распространить среди них говяжье «Евангелие» от Малколма.

А потом настало время, когда и сам Густад перестал ходить на рынок Кроуфорд, довольствуясь теми жилистыми кусками козлятины или говядины, которые доставляли в Хододад-билдинг разносчики. К тому времени он потерял связь с Малколмом и был избавлен от необходимости, испытывая неловкость, объяснять ему запутанную связь между прекращением походов на рынок Кроуфорд и возглавляемым садху общенациональным протестом против убийства коров. Оставаться безгласным, никому не известным вероотступником было гораздо проще.

II

Рошан заглянула в корзину через щель между прутьями и отказалась кормить курицу. Она никогда не видела живого цыпленка и даже мертвого — только в приготовленном виде.

— Давай, не бойся, — сказал ей отец. — Представь себе ее в тарелке на твой день рождения, и тебе не будет страшно. — Он поднял корзину. Рошан бросила горстку зерен и отдернула руку.

Курица, уже привыкшая к своему новому окружению, принялась деловито клевать зернышки, довольно кудахча. Рошан заворожили вид птицы и ее поведение. Она вообразила, что это ее домашнее животное, что она будет чем-то вроде собаки, о которой рассказывалось в ее английской «Книге для чтения». Она сможет гулять с ней во дворе, держа ее на веревочке, как на поводке, или посадив на плечо, как на той картинке в учебнике, где зеленый попугай сидит на плече у мальчика.

Она все еще сидела в кухне, мечтая, когда посмотреть на курицу явились Сохраб и Дариуш. Дариуш насыпал на ладонь рисовых зернышек и протянул курице, та стала есть у него с руки.

— Ишь, красуется, — сказал Сохраб, поглаживая

птицу по крыльям.

— А клюв больно щиплет? — спросила Рошан.

— Нет, просто немного щекочет, — ответил Дариуш.

Теперь Рошан тоже захотела погладить курочку и осторожно протянула руку, но птица вдруг снова занервничала, захлопала крыльями, доклевала свои зерна и отступила назад.

— Она сделала ка-ка! — воскликнула Рошан.

Дильнаваз терпела из последних сил.

— Ты посмотри на эту грязь! Она повсюду! Из-за твоей дурацкой курицы вся кухня изгваздана. А передняя комната завалена твоими книгами и газетами, и все окна и вентиляционные отверстия закрыты зетемненной бумагой! Пыль и грязь повсюду. Как же мне это надоело!

— Да-да, Дильну, голубушка, я знаю, — сказал Густад. — Мы с Сохрабом на днях сделаем наконец эту книжную полку, аккуратно расставим на ней книги и сложим газеты. Да, Сохраб?

— Обязательно, — согласился Сохраб.

Она взглянула на них.

— Книжная полка — это, конечно, прекрасно, но если ты думаешь, что я буду подтирать помет за твоей курицей, то ты глубоко заблуждаешься.

— К утру воскресенья его станет еще боль-

ше, — сказал Густад, — но ты не беспокойся, я все вычищу. — Он отнесся к ее словам спокойно, но это было явной недооценкой с его стороны. В его детстве за живностью следили слуги.

Сохраб успокоил курицу, прижав ее крылья к туловищу, и подозвал сестру, чтобы та ее погладила.

— Иди сюда, она не сделает тебе больно.

— Ты только посмотри, — сказал Густад, умиляясь, — можно подумать, что он всю жизнь имел дело с курами. Видишь, как умело он ее держит? Говорю тебе, наш сын будет отличником в ИТИ, и из него выйдет самый лучший инженер, когда-либо оканчивавший этот институт.

Сохраб отпустил курицу. Она рванула под стол, от чего грубо сплетенный шнур зазмеился как живой и стал корчиться, словно уж на сковородке.

— Перестань, — процедил сквозь зубы Сохраб, обращаясь к отцу. — Какая связь между курицей и инженерным делом?

Густад опешил.

— Что это ты так рассердился из-за невинной шутки?

— Это не невинная шутка. — Сохраб повысил голос. — С тех пор как пришли результаты экзаменов, ты сводишь меня с ума своими разговорами

об ИТИ.

— Не повышай голос на отца, — вставила Дильнаваз, подумав про себя: а ведь и правда, мы постоянно только об этом и говорим, строим планы и предположения. Как он будет жить в студенческом общежитии в Повае[39] и приезжать домой на выходные, или мы будем навещать его и устраивать для него пикники, ведь колледж расположен так близко к озеру и там так красиво. А окончив ИТИ, он поступит в инженерный колледж в Америке, может, даже в МТИ[40], и… Но, дойдя до этого пункта, Дильнаваз обычно говорила себе: стоп, хватит мечтать и искушать судьбу, пока Сохраб еще даже не начал учиться в ИТИ.

Она понимала, как он себя чувствует при подобных разговорах, но все равно нельзя позволять ему кричать на отца.

— Мы просто очень счастливы за тебя, что же тут плохого? Как ты думаешь, по какому поводу твой отец купил курицу? После тяжелого рабочего дня он сам поехал на рынок Кроуфорд. Стыдно,

---

[39] Сноски: 39

Повай — элитный жилой район, расположенный в центре Бомбея/Мумбаи, на берегу озера Повай, там, в частности, расположен и кампус Индийского технологического института.

[40] Сноски: 40

Массачу́сетский технологический институт, одно из самых престижных технических учебных заведений США и мира.

что, имея двух взрослых мальчиков в доме, он вынужден сам тащиться на базар. В твоем возрасте он уже сам оплачивал свою учебу в колледже. И материально поддерживал родителей.

Сохраб выскочил из кухни. Густад снова накрыл курицу корзиной.

— Ладно, оставь его в покое, нельзя все время дергать мальчика, — примирительно сказала Дильнаваз.

* * *

Около полуночи Дильнаваз встала в туалет и услышала тихое кудахтанье курицы. Должно быть, снова голодная, подумала она, включая свет. Слабые жалобные звуки заставили ее забыть о том, как решительно она возражала против живой курицы в доме. Направляясь за банкой с рисом, она задела медную мерную чашку. Та с громким стуком упала на пол, разбудив всю квартиру. Вскоре все прибежали на кухню.

— Что случилось? — спросил Густад.

— Я уже собиралась лечь обратно в постель, но услышала кудахтанье и подумала, что она просит еще поесть, — ответила Дильнаваз, сжимая пригоршню риса.

— Просит поесть? Ты так хорошо знаешь кур,

что понимаешь их язык? — с раздражением сказал Густад.

«Ко-ко-ко-ко», — послышалось из-под корзины.

— Слышишь, папа? — воскликнула Рошан. — Она рада нас видеть.

— Ты так думаешь? — Его так растрогало замечание дочери, что все раздражение как рукой сняло. Он погладил девочку по волосам. — Поскольку птичка проснулась, можешь ее немножко покормить, а потом — марш в постель.

Все еще раз пожелали друг другу спокойной ночи и снова разошлись по своим кроватям.

III

На следующий день после школы Рошан только и делала, что кормила курочку и играла с ней до самого вечера.

— Папа, можно нам оставить ее у себя навсегда? Я буду ухаживать за ней, обещаю.

Густад был тронут и доволен. Он подмигнул Дариушу и Сохрабу.

— Ну, что вы думаете? Спасем ей жизнь ради Рошан?

Он ожидал, что мальчишки запротестуют и станут облизывать губы в предвкушении завтрашнего праздника. Но Сохраб сказал:

— Я не возражаю, если мама уживется с ней на кухне.

— Пожалуйста, папочка, можно тогда нам оставить ее? Даже Сохраб хочет. Правда, Сохраб?

— Ну, на один день глупостей достаточно, — поставил точку Густад.

В воскресенье утром в дверь постучал мясник, приносивший мясо в Ходадад-билдинг. Густад отвел его на кухню и показал на корзину. Мясник протянул руку.

Густад не мог скрыть недовольства.

— Сколько уж лет мы являемся вашими постоянными покупателями. Неужели вы не можете бесплатно оказать нам такую ничтожную услугу?

— Не сердитесь, *сэт*, я не прошу плату. Просто нужно что-нибудь положить мне в руку, чтобы я мог действовать ножом, не беря грех на душу.

Густад дал ему монетку в двадцать пять пайс.

— Я забыл про эту примету, простите, — признался он и вышел на крыльцо, не желая слышать последний крик отчаяния курицы и видеть ее конец.

Несколько минут спустя курица прошмыгнула мимо его ног и бросилась во двор, за ней гнался мясник.

– *Мурги, мурги*! Ловите *мурги*![41] — вопил он.

— Что случилось? — крикнул Густад, присоединяясь к погоне.

— О *сэт*, я взялся за веревку и поднял корзину, — задыхаясь, объяснял мясник, — а потом веревка осталась у меня в одной руке, корзина в другой, а курица проскочила между ног!

— Не может быть! Я сам ее привязывал! — На бегу легкое прихрамывание Густада превратилось

---

[41] Сноски: 41
Курица (*хинди*).

в тяжелое припадание на одну ногу. Чем быстрее он бежал, тем уродливей оно становилось, и он не хотел, чтобы люди это видели. Мясник мчался впереди, стараясь схватить птицу. К счастью, вырвавшись во двор, она, вместо того чтобы броситься на дорогу, повернула направо и побежала вдоль черной каменной стены, которая и привела ее в тупик.

А там своей вихляющей утиной походкой расхаживал Хромой Темул. Он бросился на курицу и, ко всеобщему удивлению, включая и его собственное, поймал ее. Схватив за ноги, он поднял ее и стал с безумным ликованием размахивать ею, отчаянно бившей крыльями.

Хромого Темула можно было видеть во дворе с утра до вечера, и в дождь, и при ярком солнце. Стоило Густаду подумать о волшебстве, совершенном Мадхиваллой-Костоправом, исцелившим его сломанное бедро, на ум сразу приходил Темул, потому что Темул-*Лунграа*, Хромой Темул, как все его называли, был самым что ни на есть печальным примером человека, который, сломав бедро, имел несчастье подвергнуться традиционному методу лечения, как многие другие. Эти бедняги обречены много лет ходить на костылях или с палочкой, тужась, переваливаясь и задыхаясь

в попытках снова научиться самостоятельно двигаться после операции, и впереди их не ждало ничего, кроме жизни с вечной болью.

Хромой Темул всегда держался подальше от одинокого дворового дерева, как будто боялся, что оно вытянет одну из своих ветвей и ударит его. В детстве он упал с этого дерева, пытаясь достать запутавшегося в его кроне воздушного змея. Мелия не была добра к Темулу, как к другим. Детям Хододад-билдинга она помогала тем, что сок срезов ее веток оказывал успокаивающее действие на зудящую сыпь при кори и ветрянке. Напиток, который готовила из ее листьев (истолченных в ступке пестиком в темно-зеленую кашицу) Дильнаваз, способствовал нормальной работе кишечника у Густада все двенадцать недель, беспомощно проведенных в постели. Слугам, разносчикам и нищим, проходившим мимо, прутики мелии служили зубной щеткой и зубной пастой одновременно. Год за годом дерево бескорыстно отдавало себя всем, кому требовалась его помощь.

Но Темулу оно не благоволило. При падении с него он сломал бедро и, хоть приземлился и не на голову, что-то случилось внутри нее в результате этого несчастного случая — подобно тому, как

иногда во время землетрясения раскалывается дом, находящийся далеко от его эпицентра.

После падения Темул уже никогда не стал таким, каким был прежде. Родители не забирали его из школы, надеясь хоть как-то поддержать и спасти от изоляции. Работало это или нет, но мальчик был счастлив, с трудом ковыляя туда на своих маленьких костылях, и они платили за его обучение, пока администрация школы не отказалась держать его в ней дальше и вежливо не объяснила им, что для всех причастных было бы лучше, если бы академическая карьера Темула на этом закончилась. Теперь его родители уже давно были мертвы, и за ним приглядывал старший брат, который работал кем-то вроде коммивояжера и постоянно находился в разъездах, но Темула это ничуть не огорчало. В свои тридцать с хвостиком он по-прежнему предпочитал детскую компанию. Исключение он делал только для Густада. По какой-то причине Густада он обожал.

Часто можно было видеть, как Темул регулирует движение вокруг дьявольского дерева, предупреждая детей, чтобы они держались от него подальше, если не хотят пострадать так же, как он. Он больше не пользовался костылями, но часто расхаживал перед детьми взад-вперед,

демонстрируя в назидание им свою вихляющую походку и кривое бедро.

Дети в большинстве своем относились к нему хорошо, редко кто обижал его, пользуясь своим физическим превосходством. Предметы, оказывавшиеся в воздухе, — все, что свободно пари́ло, взлетало, падало и трепетало, — приводили его в восторг. Будь то птица, бабочка, бумажный самолетик или сорвавшийся с дерева лист, он неустанно гонялся за ними, пытаясь поймать. Зная его увлеченность всем, что летает, дети иногда, завидев его, подбрасывали перед ним мяч, веточку или камешек, но так, чтобы он самую малость не мог до них дотянуться. Храбро преследуя летящий предмет, Темул обычно падал сам. Или посылали перед ним футбольный мяч и, стоя сзади, наблюдали, как он ковыляет за ним. В тот самый момент, когда ему казалось, что он догнал мяч, несогласованное движение его ступней подталкивало мяч дальше, и безнадежное преследование возобновлялось.

Но в целом Темул прекрасно ладил с детьми. Не хватало терпения выдерживать иные его раздражающие привычки взрослым. Он любил провожать людей: от дворовых ворот до входа в дом, вверх по лестнице, до самой двери. И всегда,

пока дверь не закроется, — с широкой улыбкой на лице. Некоторым это так докучало, что, прежде чем войти в ворота, они выглядывали из-за столба, чтобы убедиться, что путь свободен, или ждали, когда Темул повернется к ним спиной, чтобы проскочить незамеченными. Находились и такие, которые кричали на него и гнали, размахивая руками, пока до него не доходило, чего от него хотят; в этих случаях он выглядел крайне обескураженным, поскольку не понимал, почему так.

Но даже те, кого не раздражала привычка Темула всех провожать, не выносили другой его привычки — чесаться. Чесался он постоянно, как одержимый, — в основном под мышками и в паху. Чесался круговыми движениями рук, не только скребущих, но и словно бы что-то взбалтывающих, взбивающих, так что те, кому тонкости в изобретении прозвищ хватало на большее, чем Хромой Темул, называли его Омлетом. Женщины жаловались, будто он делает это намеренно в их присутствии, чтобы их смущать, и что он скорее потирает и ласкает себя, чем чешет.

Muà lutcha[42], говорили они, прекрасно знает,

[42] Сноски: 42

Чтоб он сдох, этот негодяй (Muá — восклицание, производное от глагола «умирать», lutcha — негодяй (*хинди*).

для чего предназначены все части его тела, даром что с головой у него не все в порядке — остальное на месте, и он даже не носит нижнего белья, которое поддерживало бы его хозяйство; стыд и срам, что все у него болтается на ходу.

Ну и наконец: слова куцего лексикона Темула вылетали из него с головокружительной скоростью и со свистом проносились мимо ушей слушателя. Как будто внутри у него имелось некое устройство, компенсирующее медлительность ног скоростью языка. Результат же был плачевным как для говорящего, так и для слушающего. Густад, один из немногих, мог разобрать, что он говорит.

— ГустадГустадкурицабегать. ГустадГустадкурицабыстробыстро. ЯпоймаляпоймалГустад. — Темул торжествующе воздел руку, державшую курицу за ноги.

— Очень хорошо, Темул. Ты молодец! — сказал Густад, чутким ухом разделив поток его речи на слова. Этот речевой каскад у Темула никогда не разделялся никакими точками, восклицательными или вопросительными знаками, запятыми или иными знаками препинания — все они смывались напрочь бурным потоком его стремительного бормотания, без малейшего шанса

уцелеть. Разве что конец абзаца можно было уловить. Да и то пауза не была полноценной — так, едва заметная остановка, чтобы перезарядить легкие кислородом.

— ГустадГустадбегатьнаперегонки. Быстробыстрокурицавпереди. — Он ухмыльнулся и дернул курицу за хвост.

— Нет-нет, Темул. Догонялки закончились. — Он забрал у него курицу и отдал мяснику, ожидавшему с ножом в руке. Темул стиснул себе горло, потом провел по нему ребром ладони, имитируя режущее движение, и издал ужасающе-пронзительный визг. Густад не удержался от смеха. Воодушевленный, Темул завизжал снова.

Мисс Кутпитья наблюдала за погоней сверху, из окна. Высунув голову наружу, она зааплодировала:

– *Сабааш*, Темул, *сабааш*![43] Теперь мы официально назначим тебя куроловом Ходададбилдинга. Отныне ты будешь нашим не только крысоловом, но и куроловом. — Трясясь от беззвучного смеха, она втянула голову в окно и закрыла его.

---

[43] Сноски: 43

Аллюзия на «Сабааш Мина» («Браво, Мина») — популярный индийский комедийный фильм, снятый в 1958 году на тамильском языке режиссером Б. Р. Пантулу.

На самом деле Темул крыс не ловил, он лишь избавлялся от тех, которые были пойманы жильцами Ходадад-билдинга. Подчинявшийся муниципалитету Департамент по борьбе с вредителями выплачивал двадцать пять пайс за каждую сданную крысу, живую или мертвую. Это было частью кампании, призванной инициировать тотальную войну против грызунов, представлявших угрозу для здоровья населения. Этим способом Темул зарабатывал немного денег — собирал крыс, попавшихся в клетки-крысоловки соседей, и сдавал их. Брезгливые соседи отдавали Темулу клетки с еще живыми крысами, их умерщвлением занимались уже в муниципалитете. Положено было крыс топить: клетки погружали в резервуар с водой и вынимали через определенный период времени. Тушки сваливали в кучу для дальнейшей утилизации, пустые клетки возвращали с соответствующим вознаграждением.

Но когда брат бывал в отъезде, Темул не сразу нес живых крыс в муниципалитет. Сначала он приносил их домой, чтобы развлечься «на муниципальный манер» — поучить их плавать и нырять. Наполнял ведро водой и поочередно окунал в него крыс. Вытаскивал, не давая захлеб-

нуться окончательно, потом опускал снова — и так пока ему не надоедала эта забава или пока крысы не погибали из-за того, что он не рассчитал времени, держа их под водой.

Иногда, для разнообразия, он кипятил чайник и поливал крыс кипятком, подражая тем соседям, которым хватало храбрости самим умерщвлять попавших в ловушку крыс. Но в отличие от них он лил воду постепенно, отдельными порциями. Пока крысы визжали и корчились в агонии, он с большим интересом наблюдал за ними, особенно за их хвостами, гордясь тем, как те меняют окраску по его воле. Он хихикал, глядя, как они из серых превращаются в розовые, потом в красные. Если ошпаривание не убивало крыс до того, как иссякал кипяток, он опускал их в ведро.

Однажды секрет Темула открылся. Никто всерьез не осудил его. Однако все решили впредь никогда живых крыс Темулу не отдавать.

Но, вероятно, он понимал больше, чем думали люди. Когда мисс Кутпитья произнесла слово «крысолов», улыбка исчезла с его лица, и на нем появилось стыдливое выражение.

— Густадбольшиебольшиетолстыекрысы. Муниципальныекрысы. ГустадГустадтонущиеплавающиеныряющиекрысы. Курицабежала-

большойнож.

— Да, — сказал Густад. — Все хорошо. — Он никогда не мог решить, как лучше разговаривать с Темулом. Если не следил за собой, он невольно ловил себя на том, что сам начинает говорить все быстрей и быстрей. Надежней всего было использовать кивки и жесты в сочетании с односложными ответами.

Темул проводил его до квартиры, широко улыбнулся и помахал рукой на прощание. Дильнаваз, Рошан и мальчики ждали у двери.

— Веревка отвязалась от куриной ноги, — сказал Густад. — Хотел бы я знать, как это случилось. — Он многозначительно посмотрел на них. Мясник вернулся в кухню, на сей раз крепко держа птицу в руках, и глаза Рошан стали наполняться слезами. — Да, — сурово повторил Густад, — я очень хочу знать, как это случилось. Я купил дорогую курицу, чтобы отпраздновать день рождения и поступление в ИТИ, — и вот веревка оказывается отвязанной. Это что, такая форма благодарности?

Из кухни предательски донесся визг. Вытирая о тряпку нож, появился мясник.

— Хорошая курица, *сэт*, мясистая. — С почтительным поклоном он направился к Густаду.

Рошан разразилась рыданиями, и Густад прекратил свой допрос. Все четверо смотрели на него осуждающе, потом Дильнаваз пошла на кухню.

Две вороны с любопытством заглядывали в окно через прутья проволочной сетки. Их внимание привлекала бесформенная масса перьев и плоти на каменной плите возле крана. Когда Дильнаваз вошла, они истерично закаркали, расправили крылья, секунды две поколебались и улетели.

Глава третья

I

За несколько часов до званого обеда мисс Кутпитья, извинившись, отказалась от приглашения Дильнаваз, которое та сделала ей вопреки четким распоряжениям Густада. Мисс Кутпитья объяснила это так: в то утро, сев завтракать, она увидела в самом центре стола ящерицу, которая сидела неподвижно, нагло уставившись на нее и резко выбрасывая вперед длинный язык. И, как будто одного этого было мало, когда мисс Кутпитья, сорвав с ноги кожаную *canam*[44], пришлепнула ящерицу, у той оторвался хвост и продолжал еще минимум пять минут извиваться и плясать по столу. Мисс Кутпитья сочла это очевидным предзнаменованием и не намеревалась в предстоявшие сутки и шагу ступить из дому.

Узнав об этом, Густад хохотал до упаду, пока Дильнаваз не пригрозила, что выключит плиту и прекратит свою стряпню.

— Посмотрим, как ты будешь смеяться, когда придет твой придурочный Диншавджи, а курица

---

[44] Сноски: 44

Здесь: сапат — традиционная обувь, используемая жрецами-зороастрийцами для входа в храм огня.

будет сырой.

— Прости, прости, — сказал он, изо всех сил стараясь изобразить серьезную мину. — Просто я представил себе, как ящерица показывает Кутпитье язык. — Он постарался заняться делом, чтобы помочь с подготовкой к вечеру. — Где у нас *гантия*[45] и арахис к напиткам?

— Я их ношу у себя на голове, не видишь, что ли? — Она закончила мешать что-то на плите и со стуком шваркнула ложку на стол. — В банках, конечно, где же еще?

— Не сердись, Дильну, дорогая. Диншавджи очень славный человек. Только что вернулся на работу после болезни, все еще похож на *fikko-fuchuk*[46], выглядит как призрак. Ему пойдет на пользу наша компания и твоя вкусная еда. — Аромат *басмати*[47] наполнил кухню, когда она, подняв крышку кастрюли, достала рисинку и растерла ее между большим и указательным пальцами. Потом шлепнула крышку обратно,

---

[45] Сноски: 45

Гантия — обжаренные во фритюре колечки или палочки из нутовой муки, популярная закуска.

[46] Сноски: 46

Очень бледный (*гуджарати*).

[47] Сноски: 47

Басмати — разновидность ароматного риса с мелкими длинными зернами.

явно так и не проникшись большей симпатией к другу Густада.

Диншавджи пришел в банк за шесть лет до Густада. Теперь его непрерывный стаж составлял тридцать лет, о чем он часто, либо с гордостью, либо жалобно, в зависимости от ситуации, сообщал всякий раз, когда представлялся случай. Он был старше Густада, но это не помешало им стать добрыми приятелями. Между ними возникла связь, характерная для подобного рода учреждений: она подпитывалась и крепла с каждым днем в пику сухости и косности, свойственным банковскому бизнесу.

Густад нашел две банки и высыпал закуски в маленькие вазочки, прежде чем заметил, что у одной из них отбиты края, а на другой имеется трещина с едва заметными остатками чего-то коричневого. Не имеет значения, решил он, нечего суетиться, старый добрый Диншавджи — свой человек. А теперь что у нас с напитками?

В бутылке из темно-коричневого стекла сохранилось немного рома «Геркулес XXX». Последний подарок майора Билимории, сделанный незадолго до его исчезновения. Густад засомневался, стоит ли выставлять бутылку. Взял ее, наклонил, чтобы понять, много ли в ней осталось. Почти

на два деления. Для Диншавджи хватит. Можно предложить ему на выбор это или пиво «Золотой орел». В морозильнике стояло три больших бутылки.

Из кухни Дильнаваз были видны буфет и бутылка с ромом.

— Вот кто должен был бы быть здесь сегодня вместо твоего глупого Диншавджи, — сказала она, указывая на бутылку.

— Ты имеешь в виду Геркулеса? — Он хотел обратить неприятную тему в шутку. Чертов Билимория. Надо было показать ей его письмо, а не прятать его. Тогда она поняла бы, какой это бесстыжий негодяй.

— Что за привычка всегда от всего отшучиваться! Ты прекрасно понимаешь, кого я имею в виду. — В дверь позвонили, громко и уверенно. — Ну вот, уже, — буркнула она и бросилась обратно к плите.

— Мы звали к семи, а сейчас семь. — Густад направился к двери. — Входи, Диншавджи, добро пожаловать! Сто лет проживешь — мы только что о тебе говорили. — Они обменялись рукопожатием. — Но ты один? А где же твоя жена?

— Неважно себя чувствует, *яар*[48], неважно себя чувствует. — По виду Диншавджи можно было сказать, что он чрезвычайно этим доволен.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— Нет-нет, просто небольшая женская неприятность.

— А мы надеялись сегодня наконец познакомиться с Аламаи. Очень жаль. Нам будет ее не хватать.

Диншавджи наклонился вперед и прошептал, хихикая:

— Поверь: мне — ничуть. Приятно оторваться от домашнего стервятника.

Густаду всегда было интересно, насколько соответствовали истине обычные жалобы Диншавджи на свои семейные мучения. Он улыбнулся, стараясь не дышать, пока Диншавджи стоял, приблизив к нему лицо, но с облегчением отметил, что от вечно пораженных кариесом зубов друга исходил лишь слабый неприятный запах. Этот запах имел свой цикл, переходя от одуряющей вони к безобидному душку. В настоящий момент цикл шел по нисходящей. Разумеется, не было никакой гарантии, что в течение вечера он не

---

[48] Сноски: 48

Яар — неофициальное индийское обращение, обозначающее «друг».

обретет полную силу, если настроение гостя изменится. Случалось, Диншавджи приходил утром в банк со свежим дыханием, но оно портилось после какого-нибудь конфликта с надоедливым клиентом-жалобщиком. После такого инцидента, если мистер Мейдон, управляющий, взваливал вину на Диншавджи и отчитывал его, вонь тут же становилась невыносимой.

Не поддающийся лечению кариес Диншавджи успешно противостоял всем медикаментам, назначавшимся многочисленными врачами. Но безраздельно веривший в чудодейственные способности Мадхиваллы-Костоправа Густад уговаривал Диншавджи проконсультироваться у него. Проблемы ротовой полости, десен и зубов, в конце концов, тесно связаны с костями.

— Не бери в голову, *яар*. Главная моя костная проблема находится не во рту, а гораздо ниже, между ног. С моим домашним стервятником эта кость лишена тренировки. Увядает уже много лет. Твой Костоправ может это вылечить?

Все же в конце концов он сходил к Мадхивалле, заплатил за визит. Тот прописал ему смолистую секрецию какого-то дерева, которую Диншавджи должен был жевать трижды в день. Через неделю результат стал очевиден. Клиенты в банке

больше не отшатывались от стойки в ожидании денег. Но однажды Диншавджи, с рвением жуя смолу, растянул лицевую мышцу. Боль была настолько жестокой, что ему пришлось на две недели ограничить себя жидкой пищей, а после того, как боль прошла, он отказался возобновлять «смоляное» лечение. Воспоминание о перенесенных мучениях пугало его куда больше кариесного рта. Так что его друзья и коллеги научились приспосабливаться к приливам и отливам дурного запаха, непредсказуемым, как колесо рулетки.

Проблема дурного запаха больше не смущала самого Диншавджи, его заботило только неудобство, которое он создает для окружающих.

— А можно поинтересоваться, где твоя жена?

— Заканчивает приготовления на кухне.

— Ой-ой, значит, я рано пришел.

— Нет-нет, ты как раз вовремя, — заверил его Густад.

Когда вошла Дильнаваз, Диншавджи галантно поклонился. Крошечные капельки пота блестели на его склонившейся лысой макушке. Рисунок волосяного покрова на его голове ограничивался областью над ушами и на затылке. Длинные пучки волос колосились также в ушах и в темных широких пещерах его внушительных ноздрей,

откуда беззастенчиво вырывались наружу, также желая быть замеченными в общей массе.

Протянув руку, он сказал:

— Для меня большая честь быть приглашенным к вам на ужин.

Дильнаваз одарила его в ответ самой неприметной из своих улыбок. Он снова повернулся к Густаду.

— Кажется, последний раз я был здесь семь или восемь лет назад. Когда ты лежал в постели после несчастного случая.

— Девять.

— Густад говорил мне, что вы болели. Как вы чувствуете себя сейчас? — вежливо осведомилась Дильнаваз.

— Абсолютно замечательно, все в порядке. Взгляните на мой яркий румянец. — Диншавджи ущипнул себя за восковые щеки, как щиплют ребенка. На тонкой коже надолго остались следы от пальцев.

– *Чаало*![49] Пора выпить, — сказал Густад. — Что тебе налить, Диншавджи?

---

[49] Сноски: 49

Чаало — пойдем (*хинди*), форма слова «чал», означающего «ходить».

— Мне стакан холодной воды, *бас*[50].

— Нет-нет, я имею в виду настоящие напитки. Не спорь. Есть «Золотой орел» и ром.

— Ладно, раз ты настаиваешь, пусть будет «Золотой орел».

Пока Густад разливал пиво, Дильнаваз скрылась на кухне. Они уселись с бокалами в руках.

— Будем здоровы!

— Ах-х-х! — блаженно выдохнул Диншавджи, сделав большой глоток. — Как приятно. Гораздо приятней, чем навещать тебя лежащего в кровати со сломанной ногой. Помнишь, как я приходил к тебе каждое воскресенье? Чтобы докладывать бюллетень банковских событий и держать в курсе дел?

— Я всегда говорил, что тебе надо было стать репортером, а не банковским кассиром.

— Какие были деньки, *яар*! Как было здорово. — Диншавджи вытер пену в уголках губ. — Парсы тогда были королями банковского дела. Нас уважали. А теперь вся атмосфера испортилась. С тех самых пор, как Индира национализировала

---

[50] Сноски: 50

Одно из значений слова «бас» на хинди — «довольно, достаточно, и все».

банки[51].

Густад чокнулся с Диншавджи.

— Национализация нигде в мире не работает. Но разве идиотов убедишь?

— Поверь мне, — сказал Диншавджи, — она женщина хитрая и практичная, это тактика привлечения голосов. Чтобы показать бедным, что она на их стороне. От этих *саали*[52] ничего хорошего не жди. Помнишь, когда ее папочка был премьер-министром и сделал ее президентом партии Индийского национального конгресса? Она тут же принялась поддерживать требования об отделении Махараштры[53]. Сколько крови тогда пролилось, какие бесчинства она спровоцировала. А теперь у нас эта проклятая Шив Сена[54], которая желает превратить всех нас в граждан

---

[51] Сноски: 51

В 1969 году Индира Ганди и ее правительство национализировали 14 крупнейших банков Индии.

[52] Сноски: 52

Буквальное значение слова «саали» — шурин (невестка); в просторечии, в определенном контексте используется как ругательное.

[53] Сноски: 53

Штат в центральной части Индии.

[54] Сноски: 54

Индийская националистическая ультраправая политическая партия, основанная в 1966 году. Традиционно наибольшей поддержкой партия пользуется в Махараштре и Гоа; Бомбей/Мумбаи считается главным оплотом Шив Сены.

второго сорта. Не забывай, все это начала она, тем, что поддерживала негодяев-расистов.

Диншавджи промокнул лоб и разложил носовой платок на колене. Густад встал, чтобы включить потолочный вентилятор.

— Когда происходили те беспорядки, я лежал, обложенный Мадхивалловыми мешками с песком.

— Это точно, тебе не довелось увидеть тогдашние многочисленные шествия у фонтана «Флора»[55]. Тогда там каждый день происходили стычки, и каждый день — то одна *морча*[56], то другая. — Он быстро глотнул пива. — Мы в банке думали, что нам конец, когда эти *гундас*[57] побили нам все окна и даже толстое стекло на главном входе. Накрылись наши премиальные, подумал

---

[55] Сноски: 55

Фонтан «Флора», воздвигнутый в 1869 году в честь римской богини цветов, — одна из достопримечательностей Индии, расположенная в южной части Бомбея/Мумбаи, на площади Хутатма Чоук — площади Мучеников, названной так в 1960 году в память о людях, которые отдали свои жизни в бурном рождении штата Махараштра. Теперь на площади установлена каменная статуя, изображающая двух патриотов Махараштры с факелом в руках.

[56] Сноски: 56

Морча — термин, используемый для обозначения мирного и демократического движения, сформированного для борьбы за конкретные задачи, а позднее также для массовых восстаний.

[57] Сноски: 57

Гундас — наемные головорезы.

я тогда. Они орали: «Парсы, вороноеды, мы вам покажем, кто тут хозяин!» И знаешь, что сделал Сыч из отдела бухгалтерского учета?

Сыч был вечно печальным, даже мрачным пожилым служащим по имени Ратанса. Прозвище пристало к нему после того, как некий молодой парень, работавший у них временно, на полставки, и которому нечего было терять, нагло спросил его, чего это он ходит, надувшись как сыч. С тех пор за глаза его называли Сычом или, проявляя вежливость, Ратансой-сычом.

— Догадайся, *яар*, что, по-твоему, он сделал?

— Сдался?

— Прежде всего Сыч велел всем не паниковать — это же, мол, всего лишь несколько *гундас*. Но когда ситуация стала накаляться, покрыл голову белым носовым платком и принялся читать молитвы *кушти*. Громко, как *дустурджи*[58] в храме огня. Потом его все время дразнили: говорили, что ему нужно переходить на постоянную работу в храм, там и денег намного больше заработаешь.

Диншавджи снова промокнул лоб и стал обмахиваться платком. Густад засмеялся и тоже вытер пот под воротником рубашки.

---

[58] Сноски: 58

Дустур — зороастрийский священнослужитель высокого ранга.

— Нет, *яар*, мы тогда в самом деле думали, что нам конец. Благослови Бог тех двух *патанов*[59], которые дежурили в своих *чоуки*[60] у входа в банк. А я-то всегда думал, что они стоят там для декорации в своих полицейских мундирах, тюрбанах и с блестящими винтовками.

— Солидные ребята, — сказал Густад. — А как шикарно они отдают честь, когда мимо проезжает какая-нибудь большая шишка!

— Да, но именно благодаря этим *патанам* с их винтовками все те *Сакарамы, Даттарамы и Тукарамы*[61] просто стояли перед зданием и голосили, как торговки рыбой. Если они начинали приближаться, один из *патанов* решительно топал ногой, и они тут же давали задний ход.

Ногой двенадцатого размера в мальчиковой туфле фирмы «Батя» Диншавджи топнул так, что пивные бутылки задрожали на столе. Для мужчи-

---

[59] Сноски: 59

Патаны — граждане или жители Индии, имеющие этническое пуштунское происхождение.

[60] Сноски: 60

Чоуки — полицейское рабочее место, сторожка или полицейская будка (*хинди*).

[61] Сноски: 61

Популярные имена среди индусов штата Махараштра — по аналогии с «Иванов, Петров, Сидоров», которые стали ироническим именем нарицательным, используемым парсами для обозначения происхождения кого-либо из этого штата.

ны невысокого роста ноги у него были огромные.

— Бум! — и все, вся эта маратхская свора разбежалась как тараканы. — Он медленно сделал большой глоток и поставил бокал. — Наше счастье, что, когда эти проклятые тараканы снова осмелели, уже прибыла полиция. Ну и денек был, *яар*!

Диншавджи снова вытер лоб, аккуратно сложил платок, убрал его в карман, довольствуясь теперь потолочным вентилятором, и спросил:

— Можно задать тебе вопрос?

— Разумеется.

— Зачем у тебя все окна закрыты затемненной бумагой?

— Помнишь войну с Китаем? — начал Густад, но продолжить ему не пришлось, потому что в этот момент двое мальчиков и Рошан вошли в комнату и почтительно поприветствовали Диншавджи:

— Здравствуйте, *сахиб-джи*[62].

— Привет, привет, привет! — ответил гость, явно радуясь встрече с детьми. — Господи, как они выросли! *Артэ*[63], Рошан, когда я видел тебя в

---

[62] Сноски: 62
Сахиб — господин.

[63] Сноски: 63
Артэ — надо же (*хинди*).

последний раз, ты была вот такусенькая, — вытянув руку, он показал расстояние между большим пальцем и мизинцем. — Трудно поверить. С днем рождения, именинница! И мои поздравления Сохрабу, гению ИТИ!

Проигнорировав поздравление, Сохраб глянул на отца.

— Ты уже на весь мир об этом раструбил?

— Веди себя прилично, — шепотом сказал Густад, стоя лицом к буфету и открывая новую бутылку пива. Голос его, конечно, был отчетливо слышен, но, отвернувшись, можно было сделать вид, что это не так.

Сохраб не сдавался.

— Ты хвастаешь перед всеми этим ИТИ так, будто сам собираешься там учиться. А меня это не интересует, я тебе уже сказал.

— Кончай эти идиотские разговоры. Бог знает, что с тобой случилось в последние дни.

Диншавджи, почувствовав, что надо сменить тему, попытался это сделать.

— Густад, по-моему, твой Дариуш меня дурачит — говорит, что может сделать пятьдесят отжиманий и пятьдесят приседаний.

Рошан тоже внесла свою лепту:

— Папа, спой песенку про девочку-ослика! В

честь моего дня рождения, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

Сохраб перебил ее:

— Если никто не претендует, я выпью рома.

Густад после неловкой паузы ответил:

— Ты уверен? Раньше тебе ром никогда не нравился.

— Ну и что?

Густад тяжело вздохнул, сокрушенно развел руками и обернулся к Диншавджи и Дариушу.

— Это правда, пятьдесят отжиманий и пятьдесят приседаний каждое утро. И он наращивает нагрузку, пока не дойдет до сотни — как я.

— Сотни?! — Диншавджи театрально откинулся на спинку стула.

— Папа, песенку про девочку-ослика, — напомнила Рошан.

— Позже, позже, — сказал ей Густад и снова обратился к гостю: — Не сомневайся: до того несчастного случая я делал сто отжиманий и сто приседаний каждое утро, как научил меня мой дед, когда я был еще мальчиком.

Дед Густада, мебельщик, был крепким мужчиной, ростом за шесть футов, с невероятной силой в руках и мощными плечами. Отчасти эту его силу унаследовал внук. Обсуждая воспитание и буду-

щее Густада со своим сыном, дед часто говорил: «Ты со своими книгами и книжным магазином развиваешь его ум. Я в это не вмешиваюсь. Но я позабочусь о его теле». По утрам, когда маленький Густад сонно тер глаза, не желая выполнять никаких упражнений, дедушка воодушевлял его рассказами о достижениях борцов и силачей, делавших по тысяче отжиманий каждое утро: о Рустоме Пахельване, который, лежа на спине, мог выдержать вес переезжавшего его грузовика, или Джоравере Джае, который мог держать на спине платформу с симфоническим оркестром на протяжении исполнения всей Пятой симфонии Бетховена. Время от времени дедушка водил его на борцовские матчи, чтобы он мог своими глазами увидеть таких титанов, как Дара Сингх, Грозный Турк, Кинг-Конг, Сын Конга и Мародер в маске.

Бабушка Густада, тоже горячая поклонница борьбы, ходила вместе с ними. Она была экспертом не только по части кур и мясников, но и потогонных видов спорта. Зная героев ринга так же хорошо, как специи в своей кухне, она без труда разбиралась во всевозможных захватах и бросках, выполнявшихся борцами: знала бросок прогибом с захватом руки двумя руками,

обхват туловища ногами, «мельницу», многое другое, предугадывала падения, рывки и подсечки лучше, чем Густад с дедушкой, и очень часто выигрывала у них пари на победителя.

Если дедушка был сильным мужчиной, то бабушка была по-своему сильной женщиной. Без ее познаний в области борьбы, говорила она Густаду со смехом, не было бы и семьи Ноблов такой, какая она есть. Потому что дедушка, робкий и неуверенный в определенных делах, какими зачастую бывают мужчины его габаритов и силы, никак не решался задать ей важнейший вопрос. Пока однажды, когда он по обыкновению завязывался узлами, заикался и что-то бормотал, она не решила взять инициативу в свои руки: молниеносным полунельсоном она поставила его на колени, чтобы он сделал ей наконец предложение.

Дедушка эту историю отрицал, но она смеялась и говорила: то, что началось как робкое и осторожное ухаживание, закончилось как волнующий борцовский поединок.

— Да, сэр, — повторил Густад, — сто отжиманий и приседаний каждое утро. Самое лучшее упражнение. Я сказал Дариушу: руку даю на отсечение, что твои бицепсы будут прибавлять один дюйм

каждые полгода. Такую же гарантию я могу дать и тебе, Диншавджи.

— О, нет-нет, благодарю. В моем возрасте только один мускул должен быть сильным. — Дариуш понимающе засмеялся, а Диншавджи укоризненно сказал: — Ах ты проказник! Я имел в виду мой мозг! — Протянув руку, он, как бы с опаской, потрогал правый бицепс Дариуша. — О господи! Какой твердый! Ну-ка, ну-ка покажи.

Дариуш скромно качнул головой и подтянул короткий рукав до самого плеча.

— Давай, давай, не робей, — подбодрил его Густад. — Хочешь, я сначала покажу свой?

Он закатал рукав и, согнув руку, застыл в классической позе: кулак ко лбу.

Диншавджи зааплодировал.

— Ну, ни дать ни взять ствол мангового дерева! Браво, браво! Теперь твоя очередь, мистер культурист. Давай-давай!

Дариуш изображал скуку от всей этой суеты вокруг бицепсов, но втайне был чрезвычайно доволен. Культуризм являлся его последним увлечением, притом пока единственным успешным. До этого очарованность живыми существами неоднократно приводила его в зоомагазин на рынке Кроуфорд. Начал он с рыбок. Но однажды

вечером, всего через две недели после того, как они появились в доме, все его гуппи, черные моллинезии, морские ангелы, неоновые тетры и целующиеся гурами сдохли, как будто кто-то наложил на них заклятье, в результате которого они, извиваясь, стали выпрыгивать из воды и биться изнутри о стекло аквариума — вроде хвоста той ящерицы, которая сидела на столе у мисс Кутпитьи.

В течение следующих четырех лет за рыбками следовали зяблики, воробьи, белка, попугайчики-неразлучники и непальский попугай; всех их поражали разные болезни — от простуды до загадочных наростов в зобу, из-за которых они не могли есть и умирали от голода. При каждой утрате Дариуш горько рыдал и хоронил своих скончавшихся друзей во дворе под папиным розовым кустом. Много часов он провел в размышлениях о том, разумно ли привязываться к живым существам, раз все они неизбежно умирают. Было что-то заведомо неблагодарное в таких взаимоотношениях, недостаток хорошего вкуса у того — кто бы это ни был, — кто нес ответственность за такой напрасный, расточительный конец: красивые, яркие существа, полные жизни и радости, покоились во дворе под унылой зем-

лей. Какой в этом смысл?

Раз за разом внешний мир оказывался к нему безжалостным. И он решил: глупо и дальше вкладывать время и силы в этот мир, обращу все внимание на себя. Собственное физическое развитие стало его увлечением. Однако вскоре после того, как он начал делать упражнения, тяжелая пневмония приковала его к постели. Мисс Кутпитья сообщила Дильнаваз, что она не удивлена. Невинные рыбки и птички, которых он не уберег, без сомнения, прокляли его с последним вздохом, и вот — результат налицо.

Она учила Дильнаваз, как умиротворить эти крохотные существа, чтобы их дух успокоился. Дильнаваз добродушно слушала, в одно ухо впуская, из другого выпуская ее наставления, пока однажды сама мисс Кутпитья не явилась совершенно неожиданно, со всеми необходимыми ингредиентами, чтобы провести обряд умиротворения. Больному предписывалось вдыхать дым от трав, которые она сжигала на раскаленных углях.

То ли рыбки и птички решили простить Дариуша, то ли лекарства доктора Пеймастера победили болезнь — неизвестно. Но Дариуш возобновил программу своих упражнений и был

щедро вознагражден ростом мускулов, к вящей радости его отца и его собственному облегчению от сознания того, что наконец-то он в чем-то преуспел.

— Ну, ну, давай! Покажи! — продолжал упорствовать Диншавджи.

— Смелее! — поддержал его Густад, и Дариуш продемонстрировал свои бицепсы.

Диншавджи изобразил изумление и отпрянул как бы в страхе, прикрыв грудь руками.

— Ого! Вы только посмотрите на эту силищу! Держись от него подальше, папочка. Если по ошибке удар достанется мне, я буду полностью разбит и раздавлен.

— Папа, ну пожалуйста! — взмолилась Рошан. — Песенку про девочку-ослика!

На сей раз Диншавджи присоединился к просьбе. Красивый баритон Густада был ему хорошо знаком. Иногда они с друзьями устраивали песенные посиделки в банковской столовой во время обеденного перерыва.

— Ладно, — согласился Густад. — Настало время для «Ослиной серенады». Давайте споем.

Он прочистил горло, сделал глубокий вдох и начал:

Песня звонко по округе разливается

опять,

Но прекрасной сеньорите на нее, видать, плевать.

Коли так, пожалуй, надо

Для ослицы серенаду

Перепеть средь бела дня.

Только вот боюсь я, грешный,

Не сочтут ли сумасшедшим

В этом случае меня…

Когда он дошел до куплета, начинавшегося с «Амиго мио, не прекрасен ли ослицы этой крик?», все присоединились к нему и пели вместе с ним, пока он не заголосил: «Иа-иа-иаааааа», где последнюю ноту надо было тянуть так долго, что никому, кроме него, не хватило дыхания. Рошан расхохоталась, а Густад, уже один, закончил: «Ты — моояяя единственнаяяяяя! Оле́!»

— Еще! Еще! — просил Диншавджи. Все захлопали, включая Дильнаваз, которая незаметно вошла и встала возле буфета послушать. Она любила, когда Густад пел. Улыбнувшись ему, она вернулась в кухню.

Диншавджи обратился к Рошан:

— А теперь — снова время для мускулов. Как

сегодня *твои* мускулы? Давай-ка посмотрим.

Девочка подняла и согнула руку, подражая отцу и Дариушу, а потом, шутя, ткнула Диншавджи в плечо.

— Ох, осторожней! Осторожней! — застонал тот. — Так недолго и дух испустить. — Протянув руку, как будто хотел пощупать ее мускулы, он принялся ее щекотать. — О-хо-хо! Вот это мускулы! Тили-тили-тили! А вот еще один мускул. И еще один. Тили-тили-тили!

Рошан едва дышала от смеха, катаясь по дивану.

Дильнаваз, вышедшая из кухни, укоризненно посмотрела на Диншавджи и объявила, что ужин на столе.

II

Курицу благополучно разделили на одиннадцать кусков. Отсутствие мисс Кутпитьи и жены Диншавджи можно считать удачей, решила Дильнаваз. Даже если Диншавджи сразу возьмет два куска, что-то останется на блюде к концу ужина. Вежливым жестом она предложила ему угощаться.

— Сначала дамы! Сначала дамы! — сказал Диншавджи, и Дариуш эхом повторил это за ним. — Проказник! — притворно пожурил его Диншавджи, хитро подмигнув. — Притормози с пивом, оно быстро ударяет в голову! — Между мужчинами было полное взаимопонимание, и Густада это радовало. Он посмотрел на Сохраба. Такой своенравный мальчик — был бы он хоть немного более дружелюбным, как Дариуш.

Коричневый соус, в котором плавала курица, был, как и предсказывал Густад, бесподобен.

— Аромат такой чудесный, что может и мертвеца на Башне Безмолвия заставить подняться с одра, чтобы насладиться им, — похвалил Диншавджи, но Дильнаваз посмотрела на него неприязненно. Неужели у этого человека нет ни-

какого понятия о приличиях — разве за столом, тем более в день рождения, такое говорят?

Кроме курицы она подала овощное рагу из моркови, бобов, картофеля и ямса, щедро приправленное кориандром, тмином, имбирем, чесноком, куркумой и целыми зелеными перчиками чили, а также рис с зубчиками чеснока и коричными палочками: этот ароматный рис Дильнаваз ради особого случая достала у подпольного торговца, выменяв дневную порцию пузатого безвкусного риса, полученного в пайке́, на четыре чашки тонкого продолговатого восхитительного *басмати*.

Начали с рагу. По негласному уговору всех присутствовавших курица должна была стать кульминацией застолья.

— Видишь эту курицу, которая терпеливо нас дожидается? — обратился к гостю Густад. — Еще сегодня утром она была отнюдь не так терпелива. Такой переполох тут устроила! Вырвалась из кухни во двор, и *гоасвалла*[64]…

— Ты хочешь сказать, что принес ее с рынка живой?

— Конечно. Это же дает совсем другой вкус,

---

[64] Сноски: 64
Гоасвалла — мясник (*хинди*).

если зарезать ее и приготовить…

— Пожалуйста, не мог бы ты рассказать об этом Диншавджи потом, после еды? — резко прервала его Дильнаваз. Мужчины с удивлением подняли головы и окинули стол взглядом. Настроение Дильнаваз молча отражалось на трех юных лицах.

— Прости, прости, — сказал Густад. Они с Диншавджи снова с удовольствием набросились на рагу, но остальные лишь ковыряли еду в тарелках. Лицо Рошан приобрело зеленоватый оттенок. Густад понял, какую серьезную оплошность совершил: надо было срочно что-то делать, чтобы вернуть сотрапезникам аппетит.

— Послушайте! Послушайте! — воскликнул он. — Мы же еще не спели «С днем рожденья» для Рошан.

Мгновенно поняв намек, Диншавджи воскликнул:

– *Аррэ*[65], совершенно непозволительно откладывать «С днем рожденья» дальше. Давайте, давайте! Прямо сейчас! — Он хлопнул в ладоши.

— Но еда же остынет, — забеспокоилась Дильнаваз.

---

[65] Сноски: 65
Эй (*хинди*).

— Да это займет всего одну минуту, — сказал Густад. — Готовы? Раз, два, три.

Он взмахнул рукой и запел: «С днем рожденья, Рошан». При упоминании своего имени Рошан заулыбалась от удовольствия, а Диншавджи, застав ее врасплох, протянул руку и снова пощекотал. От хохота девочка чуть не свалилась со стула.

После этого Густад поднял свой бокал:

— Да благословит тебя Бог, Рошан. Долгих, долгих тебе лет в добром здравии. Желаю тебе многое узнать, многое пережить и многое увидеть.

— Присоединяемся! — сказал Диншавджи, и все отпили из своих бокалов. В бокале у Рошан был малиновый сок, Дильнаваз пила только воду, но по такому случаю сделала глоток из стакана Дариуша.

— За твою удачу, — сказала она, зажмурившись и слегка вздрогнув от горечи, разлившейся в горле, потом с легким удивлением обвела всех сияющим взглядом.

— Внимание, внимание! — сказал Диншавджи. — Сколько в Рошан…

Дариуш тут же отреагировал:

— Сто двадцать фунтов.

— Вот шалун! — добродушно пожурил его Диншавджи и продолжил: — Сколько в Рошан

достоинств! Выпьем за нее. Пусть все поднимут бокалы. — Он прочистил горло, приложил правую руку к сердцу и, не смущаясь трудностями с произношением звука «ж», продекламировал, обращаясь к Рошан:

Шелаю здоровья и денег побольше,

В общем, счастья шелаю, в шалаше и не только.

Снова раздались аплодисменты, все отпили из бокалов.

— Браво! — сказал Дариуш. — Браво!

И тут квартира погрузилась в темноту.

Несколько секунд царило то удивленное безмолвие с легкой примесью страха, от которого в таких случаях на миг перехватывает дыхание. Однако почти сразу снова послышалось обычное равномерное дыхание, и Густад сказал:

— Все сидите тут. Сейчас я достану фонарь из письменного стола и проверю, в чем дело.

Он включил фонарь, но свет оказался тусклым. Густад постучал вторым концом по столу — луч стал ярче.

— Проводи меня в кухню, — попросила Густада Дильнаваз. — Со свечами и керосиновой лампой мы, по крайней мере, сможем закончить ужин.

Пока она искала свечи и лампу, Густад подошел к окну и разглядел во дворе фигуру, чья походка узнавалась безошибочно, — Темул.

— Темул, сюда! Первый этаж.

— ГустадГустадГустадвсетемночерно.

— Да, Темул. Темно во всем доме?

— Дадавесьдомтемновсетемно. Фонаринадорогетемно. ВездетемноГустад. Темнотемнотемнотемно.

Диншавджи тоже подошел к окну, стараясь вникнуть в смысл диалога.

— Хорошо, Темул, — сказал Густад. — Будь осторожен, не упади.

Дильнаваз зажгла керосиновую лампу, света которой недоставало, чтобы осветить всю комнату, но стол выглядел очень уютно и заманчиво.

— Через эту черную бумагу даже свет от луны и звезд не проникает внутрь, — сказала она, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Что это было — человеческий голос или «Декан экспресс»[66]? — поинтересовался Диншавджи. — Ты хоть что-нибудь понял?

Густад рассмеялся.

---

[66] Сноски: 66

«Декан экспресс» — поезд, который отправляется ежедневно в 3 ч 15 мин и курсирует между городами Пуна (расположенном на плато Декан) и Бомбеем/Мумбаи.

— Это наш единственный и неповторимый Хромой Темул. Чтобы его понимать, нужна практика. Во всяком случае, проверять предохранитель не нужно: свет вырубился по всей округе, остается только ждать.

— Не надо ждать, — подхватил Диншавджи, — а то можно опоздать, в тарелку нечего будет набрать.

— Стихотворение за стихотворением! Ты сегодня в отличной форме, Диншавджи, — сказал Густад. — Отныне мы будем величать тебя Поэтом-лауреатом[67].

— Лауреат-Болтуреат — ничто, я — сын Матери Индии. Зовите меня Диншав Высокочтимый, индийский Теннисон! — Он выхватил у Густада фонарь и подставил его себе под подбородок, от чего его желтушное лицо приобрело зловещий вид. Ссутулив плечи, он начал обходить стол словно призрак, загробным голосом декламируя из-под своей жутковатой «посмертной маски»:

Справа нежить, слева нежить,

---

[67] Сноски: 67

Поэт-лауреат в Великобритании — звание придворного поэта, утверждаемое с 1616 года монархом, а в настоящее время по рекомендации премьер-министра; традиционно поэт-лауреат обязан откликаться памятными стихами на события в жизни королевской семьи и государства.

Нежить прет со всех сторон.
Крови вашей жаждет нежить,
Лезет изо всех окон.

Все развеселились и захлопали в ладоши, кроме Дильнаваз, которая была почти в отчаянии из-за того, что еда стынет. Диншавджи отвесил театральный поклон и вернул фонарь Густаду. Раскрасневшись от успеха и вдохновения, он снова продекламировал:

— Хоть темна эта ночь, страх гоните вы прочь, пировать будем в свете свечей! — И добавил: — Или керосиновой лампы.

— Совершенно верно, — сказал Густад. — Но — при свете или без него — я хочу произнести еще один тост. За Сохраба, моего сына, моего старшего. Удачи тебе, крепкого здоровья и огромных успехов в ИТИ. Учись так, чтобы мы все гордились тобой.

— Ура, ура! — закричал Диншавджи и пропел: — «Он славный веселый малый, он славный веселый малый, он славный веселый малый, и с этим согласны все»![68]

Все подхватили песенку и пели все громче и

---

[68] Сноски: 68

Популярная приветственная песенка: «For he's a jolly good fellow which nobody can deny».

громче, так что никто не услышал, как Сохраб сказал: «Хватит», — пока он не закричал, перекрывая их хор: «Да прекратите же вы!»

Пение резко оборвалось. Все с застывшими лицами посмотрели на Сохраба. Тот сидел, сердито уставившись в тарелку. Свечи отбрасывали неверный свет, дрожавший и рыскавший от дыхания сидевших за столом.

— Еда совсем остыла, — нерешительно произнесла Дильнаваз, хотя это было последним, что волновало ее в тот момент.

— Да, давайте есть, — поддержал ее Густад, — но, — он повернулся к Сохрабу, — что все же вдруг случилось?

— Вовсе не вдруг. Меня уже тошнит от этого постоянного: ИТИ, ИТИ, ИТИ. Меня ИТИ не интересует, я не «славный малый» и не собираюсь там учиться.

Густад вздохнул.

— Говорил же тебе не пить рома. Это он на тебя так подействовал.

Сохраб посмотрел на него с презрением.

— Можешь обманывать себя сколько хочешь. Я все равно не поеду учиться в ИТИ.

— Такие безумные речи от такого умного мальчика. Вот скажи мне: как такое возможно? —

спросил Густад, повернувшись к Диншавджи. — Почему? После того как столько сил положено на учебу! — Дильнаваз машинально переставляла посуду на столе, бралась за сервировочные ложки и тут же опускала их, но уютное позвякивание посуды и столовых приборов было бессильно восстановить мир за столом. Густад жестом велел ей не суетиться. — Нет, вы скажите — почему? Молчание ничему не поможет. — Не столько сердитый, сколько обескураженный, он сделал паузу, потом продолжил: — Ладно, я понимаю ваше молчание. Это праздничный ужин, неподходящее место для дискуссии. Поговорим завтра.

— Почему ты не можешь просто принять это? — не унимался Сохраб. — Меня не интересует учеба в ИТИ. Это была не моя идея, планы за меня всегда строил ты. А ведь я тебе говорил, что собираюсь перейти на факультет искусств, мне нравится мой колледж, и там все мои друзья.

Густад больше не мог сдерживать себя.

— Друзья? Друзья?! Не говори мне о друзьях! Если у тебя есть разумные доводы, я готов их выслушать. Но не надо говорить о друзьях! Должно быть, ты слеп, если не хочешь учиться на моем горьком опыте. — Замолчав, он погладил Рошан по волосам, как будто хотел ее утешить. — Вс-

помни, что случилось с нашим большим другом Джимми Билиморией! С нашим «дядей майором»! Где теперь он, приходивший сюда постоянно? Евший и пивший с нами. Человек, к которому я относился как к брату. Уехал! Исчез! Не сказав нам ни единого слова. Вот тебе и дружба. Она бесполезна и бессмысленна! — Диншавджи неловко заерзал, и Густад грубовато добавил: — Разумеется, я не имею в виду присутствующих. Ну, давайте есть, рагу очень вкусное. А потом — курица. Угощайся, Диншавджи. Угощайся, Рошан.

— Сначала — господа! На сей раз сначала — господа! — пошутил Диншавджи, стараясь развеять напряженность. — Будем играть по-честному, милые дамы. — Но никто не засмеялся, даже Дариуш. Остальную часть вечера за столом большей частью царила тишина.

Диншавджи досталась грудная косточка, и он предложил кому-нибудь разломить ее с ним на удачу, но желающих не нашлось. Смущенный Густад ухватился согнутым мизинцем за один конец, Диншавджи — за другой, они тянули и крутили перепачканную соусом косточку до тех пор, пока она не сломалась. Густаду достался более короткий конец.

Глава четвертая

I

Единственный гость отбыл, и Густад запер дверь на ночь. Из одиннадцати кусков курицы шесть осталось на блюде.

— Ну, доволен? — обратился к сыну Густад. — Испортил сестре день рождения. Никому даже есть не захотелось.

— Ты притащил живую курицу в дом и убил ее здесь, нам было тошно даже смотреть на нее, — огрызнулся Сохраб. — Так что нечего винить меня за свою глупость.

— Глупость? *Бай-шарам*![69] Не забывай: ты разговариваешь с отцом!

— Никаких ссор в день рождения, — вставила Дильнаваз, одновременно и уговаривая, и предупреждая. — В нашем доме это строгое правило.

— Я знаю, что разговариваю с отцом, но мой отец не желает слышать правду, которую ему говорят.

— Правду? Сначала пострадай с наше, а потом уж говори о правде! За мою учебу в колледже никогда никто не платил, я сам зарабатывал на

---

[69] Сноски: 69
Бай-шарам — здесь: нахал! (*урду*)

нее. А занимался по ночам, при керосиновой лампе вроде этой, и фитилек делал совсем низким, чтобы экономить…

— Ты рассказывал эту историю уже сто раз, — перебил его Сохраб.

— Рошан! — У Густада тряслись руки. — Неси ремень! Тот, широкий, из коричневой кожи! Я научу твоего брата уважать родителей! Он думает, что уже взрослый! Я выбью из него эту спесь *chaamray-chaamra*[70]. Отхожу ремнем так, что живого места не останется!

Рошан, с расширившимися от страха глазами, даже не пошевелилась. Дильнаваз подошла и встала рядом с ней. Когда мальчики были маленькими, она часто боялась, что Густад, с его необузданной силой, может причинить им серьезные увечья, наказывая, как положено отцу, хотя после такой воспитательной процедуры он всегда мучился угрызениями совести. Она надеялась, что Сохраб смолчит и угроза наказания сойдет на нет.

Однако тот не отступал.

— Давай, Рошан, неси ремень, — выкрикнул он. — Я не боюсь ни его, ни чего бы то ни было

---

[70] Сноски: 70
Шкуру спущу! (*урду*)

другого.

Видя, что Рошан не двигается, Густад отправился сам и вернулся, громко топая, с перекинутым через плечо орудием возмездия, которое заставляло мальчиков дрожать от страха, когда они были маленькими.

— Ну, говори теперь то, что ты хотел сказать! Послушаем твои *ченчи*[71], если у тебя еще осталась храбрость!

— Я уже все сказал. Если ты не слышал, могу повторить.

Густад замахнулся, и ремень со свистом рассек воздух. Дильнаваз бросилась между ними, как она это делала, когда мальчики были маленькими. Воловья кожа стегнула ее по щиколотке, и она вскрикнула. На ноге начал вспухать красный рубец.

— Отойди! — рявкнул Густад. — Предупреждаю тебя! Сегодня мне все равно, что случится! Я разорву твоего сына на куски, я…

Рошан начала громко рыдать.

— Мама! Папа! Не надо!

Густад несколько раз пытался достать до Сохраба, но Дильнаваз своими маневрами мешала

---

[71] Сноски: 71
Ченчи — бредни (*хинди*).

ему.

Сквозь рыдания Рошан еще раз взмолилась:

— Пожалуйста! Ради моего дня рождения, перестаньте!

Ремень продолжал свистеть в воздухе, однако приземлялся далеко не так эффективно, как в первый раз. Тот удар, пришедшийся по ошибочной мишени, значительно охладил ярость Густада и убавил меткость его руки.

— Трус! Кончай прятаться за матерью!

Не успели Сохраб и Дильнаваз что-нибудь ответить, как раздался пронзительный вопль:

— Ну хватит уже! Люди спят, не время для ссор! Доссоритесь утром!

Голос принадлежал мисс Кутпитье. Та же высота тона и те же модуляции, с которыми она по утрам отчитывала молочника. Густад, рассвирепев, бросился к окну.

— Подойдите к моей двери и скажите здесь, если вам есть что сказать! Я не бесплатно тут живу, я тоже плачу за жилье! — Он повернулся к Дильнаваз. — Видишь, как ведет себя твоя подруга? *Saali*[72], ведьма!

— Но она права, — решительно возразила

---

[72] Сноски: 72
Чертовка (*урду*).

Дильнаваз. — Такой шум и крики посреди ночи неуместны.

— Прекрасно! Давай, вставай на ее сторону, против собственного мужа. Всегда только против меня.

Уязвленный до глубины души, он замолчал. Снаружи снова воцарилась тишина. Однако он не отходил от окна, демонстративно ожидая новых выпадов мисс Кутпитьи.

Воспользовавшись моментом, Дильнаваз увела Сохраба, Дариуша и Рошан и велела им ложиться спать. Когда Густад остался один, его гнев начал понемногу остывать. Посмотрев на ремень, стиснутый в руке, он отшвырнул его в угол, потом задул свечи на обеденном столе. Для него в комнате было слишком светло. Уменьшив пламя керосиновой лампы, он вернулся к окну. Черная каменная стена была едва различима на фоне чернильной ночной темноты.

Вернулась Дильнаваз.

— Они все легли, ждут, чтобы ты пришел, пожелал им спокойной ночи и благословил. — Он не отвечал. Она попыталась еще раз: — Я подошла к Сохрабу, и вот, смотри. — Протянув руку, она показала мокрый рукав. — Его слезы. Пойди к нему.

Густад покачал головой.

— Это пусть *он* ко мне придет. Когда научится уважать отца. А до тех пор он мне не сын. Мой сын умер.

— Не говори так!

— Я говорю то, что должно быть сказано. Отныне он для меня — никто.

— Нет! Перестань!

Она погладила вздувшуюся щиколотку, и он это увидел.

— Семнадцать лет я твержу тебе, чтобы ты не вставала между нами, когда я разбираюсь с детьми.

— Ему уже девятнадцать, он больше не ребенок.

— Девятнадцать или двадцать девять — он не имеет права так со мной разговаривать. И из-за чего? Мне что, гордиться этим?

Растерянность, таившаяся за его гневом, казалась трогательной, и Дильнаваз хотелось утешить его, помочь ему понять. Но она и сама не понимала. Ласково тронув его за плечо, она сказала:

— Мы должны проявлять терпение.

— А что мы делали все эти годы, если не проявляли терпение? И вот чем все кончилось. Горе,

ничего кроме горя. Вот так, безо всякой причины, отказаться от своего будущего! Скажи, чего я для него не сделал? Я даже под машину бросился ради него. Его оттолкнул, спас ему жизнь, а сам навсегда остался покалеченным!

Она снова погладила его по плечу и пошла к столу.

— Унесу все это на кухню, а потом давай ляжем спать.

И она принялась собирать грязные тарелки и бокалы.

II

Еще долго, после того, как Дильнаваз убрала посуду, смела со стола крошки влажной тряпкой и отправилась в постель, Густад сидел в тусклом свете керосиновой лампы, испытывая к ней своего рода благодарность: при ее бледном свечении было не так видно, что он все еще зол.

Пребывая в отчаянии, он смешал все, что оставалось в бутылках: Билимориев ром, лимонад, «Золотого орла» и содовую. Попробовал, скривился, но все равно выпил полстакана, после чего направился к дедовскому черному столу. В нем имелось два расположенных в ряд по горизонтали выдвижных ящика. Тот, что справа, был поменьше, под ним находился шкафчик. Густад потянул дверцу, она всегда была тугой, а руки у него чуть дрожали. Дверца раскрылась с тихим стоном дерева, трущегося о дерево.

Запах старых книг и переплетов, учености и мудрости выплыл наружу. На верхней полке, в глубине лежали «Словарь фраз и басен» Кобэма Брюера и двухтомный «Словарь сленга, жаргона и арго» Баррера и Леланда 1897 года издания. Как и мебель, Густад спас эти книги из обанкротив-

шегося отцовского книжного магазина. Он достал словарь Брюера, открыл его наугад, поднес к лицу и закрыл глаза. От бесценных страниц исходил богатый, неподвластный времени запах, умиротворявший его смущенный, тревожный дух. Закрыв книгу, он нежно погладил ее корешок тыльной стороной пальцев и вернул на место.

Несколько работ Бертрана Рассела, книга под названием «Математика для миллионов» и «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита стояли на этой полке вертикально. Они остались у него со времен учебы в колледже и были единственными, какие ему удалось сохранить. Они с Малколмом-музыкантом, бывало, шутили, что он осваивает программу колледжа в соответствии с планом «Купи учебник в этом году, продай в следующем». Как замечательно все это смотрелось бы на полке, которую они с Сохрабом собирались соорудить! Теперь уже не соорудят. «Сын для меня больше не существует», — подумал он.

Переднюю часть шкафчика занимали лежавшие плашмя «Краткий словарь» Уэбстера и карманное издание Роже[73], беспорядочно

[73] Сноски: 73

Питер Марк Роже (1779–1869) — британский врач, энциклопедист, лексикограф, физико-теолог, изобретатель.

заваленные всякой всячиной: конвертами с загнутыми уголками, пластмассовыми коробочками со скрепками и круглыми резинками, двумя роликами скотча (использованными один наполовину, другой на три четверти), бутылочкой темно-синих чернил «Кэмел» (использовавшихся исключительно для надписывания поздравительных открыток и белых подарочных свадебных конвертов: приветствие, пожелание долгой счастливой жизни и в нижнем левом углу — вложенная сумма). Что было написано на других бумажках, валявших на полке, разобрать было уже невозможно. Детали разломанных ручек, колпачок с аппликатором от бутылочки клея, перочинный нож без лезвия, маленькие ручные тиски — все это лежало, оплетенное бечевками и аптечными резинками.

Нижняя полка была полностью предоставлена пластиковым папкам, скоросшивателям и старым журналам. Он аккуратно приподнял стопку газет, испещренных пожелтевшими печатными столбцами, и пошарил под ней в поисках письма. Нащупал его, зажал между пальцев и вернул стопку на место. Коробка с допотопными ржавыми перьями «доавторучковой» эпохи соскользнула с нее, перья зашуршали, стукаясь друг

о друга и о картонные стенки, и тут же смолкли, как маракас, звук которого возникает и замирает в один миг.

Он поднес письмо к свету. С тех пор как получил, он тайно прочел его несколько раз. Адрес на конверте был напечатан на машинке. В качестве обратного адреса значился почтовый ящик в Нью-Дели, имя отправителя отсутствовало. В первый раз это вызвало у него нервное любопытство: он никого не знал в Нью-Дели. Внутри конверта лежал один листок бумаги превосходного качества, плотной и волокнистой. Он в очередной раз перечел письмо.

Дорогой мой Густад,

это письмо наверняка будет для тебя большим сюрпризом. Спустя столько времени ты, должно быть, махнул на меня рукой, особенно учитывая то, как я покинул Ходадад-билдинг.

Я знаю, что ты очень сердишься на меня за это. Я не мастер писать письма, но пожалуйста, прими мои искренние извинения и поверь: у меня не было другого выхода. Я мог бы придумать оправдание, но это была бы ложь, а лгать тебе я не

хочу. Я по-прежнему не волен рассказать тебе подробности, могу только сообщить, что это касается государственной безопасности. Ты ведь знаешь, что, уйдя в отставку из армии, я работал на правительство.

Когда возникла необходимость сделать в Бомбее кое-что, связанное с моей миссией, я сразу подумал о тебе, поскольку так, как тебе, никому не могу доверять. Для меня очень много значат твоя дружба и дружба твоей дорогой жены Дильнаваз, твоих замечательных сыновей и твоей прелестной маленькой Рошан. Излишне говорить, что все вы были и остаетесь практически моей семьей.

То, что мне требуется, выполнить нетрудно. Я просто прошу тебя получить от моего имени пакет. Если ты откажешься оказать мне эту услугу, я пойму. Но мне придется обратиться к менее надежным людям. Пожалуйста, дай мне знать о своем решении. И прошу тебя: не обижайся, что в обратном адресе указан только номер почтового ящика, мой личный адрес запрещено разглашать в силу

конфиденциальности моей работы.

Еще раз прошу у тебя прощения. Когда-нибудь, когда наша семья (если ты позволишь мне себя к ней причислить) соберется вместе вновь, я тебе все расскажу.

Твой любящий друг,
Джимми.

Густад потер бумагу между большим и указательным пальцами и подумал: «Какая роскошная, в сравнение не идет с тонкими листками на моем рабочем столе!» Джимми всегда был небеден и очень щедр. Постоянно покупал подарки для его детей. Бадминтонные ракетки, биты и калитки для крикета, стол для пинг-понга, гантели. И никогда не дарил подарки сам, всегда передавал мне, приговаривая: они же твои дети, так что у тебя первое право на их благодарность и радость. Но когда бы Джимми ни появился, Рошан, Дариуш и Сохраб бросали все свои дела, чтобы пообщаться с ним. Он был их героем, даже для Сохраба, весьма разборчивого в этом отношении. Стоит только поглядеть, как он задирает нос перед Диншавджи.

Густад притушил фитилек керосиновой лампы и откинулся на спинку кресла. Свет, теперь

совсем тусклый, придавал комнате фантастический вид. «О, великий отец Ормузд, что это за шутка такая? Когда я был юн, Ты вложил в меня стремление учиться, двигаться вперед, преуспевать. Потом Ты отнял деньги у моего отца и послал меня гнить в банке. А теперь вот мой сын. Ты позволил мне все устроить, сделать достижимым, а потом лишил его желания учиться в ИТИ. Что Ты хочешь мне этим сказать? Или я стал слишком глух, чтобы Тебя услышать?»

Он снова поднял стакан. А эта смесь рома с пивом не такая уж отвратительная, решил он и глотнул еще. «Сколько лет я наблюдал за Сохрабом и ждал. Но теперь мне хочется оказаться в исходной точке и не знать, чем все закончится. Тогда, в начале, была, по крайней мере, надежда. Теперь не осталось ничего. Ничего, кроме печали.

Какая жизнь могла ждать Сохраба впереди? С этой фашистской политикой Шив Сены и бредовой языковой политикой маратхи у меньшинств не было будущего. Это походило на положение чернокожих в Америке — превосходи ты белого человека хоть вдвое, получишь вполовину меньше. Как заставить Сохраба понять это? Как заставить его осознать, что́ он делает с собствен-

ным отцом, для которого главная цель в жизни — успешное будущее сына?» Сохраб лишил его этой цели, и это все равно, что лишить калеку костылей.

Теперь ром-пиво казался уже почти вкусным. Он допил все, что оставалось в стакане. Напряжение постепенно отступало. «Я вытолкнул его из-под колес девять лет назад, чтобы спасти ему жизнь, — размышлял Густад, — могу и снова вытолкнуть, из моего дома, из моей жизни. Чтобы научить уважению. Как же много он значит для меня… значил для меня… в тот день…»

В тот день с утра шел дождь. Нет, он шел весь день: дождь, пахнувший дизельными выхлопами. Направляясь на обед с десятилетним Сохрабом, он сел не на тот автобус. Густад отпросился у управляющего, мистера Мейдона, на полдня, чтобы отпраздновать первый день Сохраба в старшей школе Святого Ксаверия. Поступить в нее было нелегко. Девиз школы — Duc In Altum[74], и ему следовали с особой строгостью при отборе абитуриентов. Нужно было сдать

[74] Сноски: 74

«Отплыви на глубину» (*лат.*). Евангелие от Луки, 5:4. В эпизоде рассказано о том, как после целого дня бесплодной ловли Симон, по вере в слово Христа, которое, как он знает, имеет чудодейственную силу, исполняет волю Христа, отплывает на глубину, снова забрасывает сеть и получает в награду огромный улов.

труднейший вступительный экзамен, а потом пройти собеседование, Сохраб то и другое выдержал на отлично. В свои десять лет он уже бегло говорил по-английски. Не то что в три года, когда при поступлении в детский сад беседовавшая с ним директриса спросила: «Каким мылом ты пользуешься?» — и Сохраб ответил: «Мылом “мыло”», — на всякий случай использовав еще и слово на гуджарати.

Густад хотел устроить ему настоящий праздник. В «Паризьене» подавали лучшее в городе рыбное карри с рисом. К каждому блюду полагались хрустящие *папад*[75], рыба всегда была свежим морским лещом, и официант, по выбору посетителя, клал ему на тарелку любую часть рыбьей тушки. Это обстоятельство было чрезвычайно важно, поскольку Сохраб обожал треугольный хвост морского леща.

Но каким-то образом — из-за дождя, толкучки и суеты — Густад неправильно прочел номер маршрута, и обнаружилось это, только когда автобус отъехал от остановки и оказался посреди транспортного потока. К ним по проходу, качаясь, уже приближался кондуктор с болтавшимися у

---

[75] Сноски: 75
Папад — чипсы из гороховой муки.

него на плече кожаной сумкой для денег и рулоном билетов в металлическом ящичке.

Протянув ему мелочь, Густад сказал:

— Один полный, один детский до Чёрчгейт.

После обеда в «Парижьене» он собирался сделать Сохрабу сюрприз: повести его в «К. Расом и К°» — угостить их знаменитым фисташковым мороженым, которое там подавали между двумя вафлями, до самого конца остававшимися хрустящими. Идея с мороженым принадлежала Дильнаваз. Оно было дорогим, Сохраб ел его только один раз в жизни, когда после церемонии в храме огня отмечали его *навджот*[76].

Кондуктор, проигнорировав протянутые деньги, равнодушно пробормотал: «В Чёрчгейт не идет», — и, глядя мимо Густада на дождь и пробку за окном, решительно щелкнул своим компостером — тик-тидик, тик-тидик, — что произвело угрожающее впечатление.

Дождь начался рано утром: мощные потоки воды низвергались с неба. Густаду вспомнилось, как, провожая их с Сохрабом в новую школу, Дильнаваз сказала: «Когда начинаешь что-то новое, дождь — на счастье». Сохраб тоже был

---

[76] Сноски: 76

Навджот — ритуал посвящения в зороастрийскую религию, когда на ребенка надевают священную рубаху-судру и пояс веры кушти.

доволен: это означало, что он сможет надеть свой новый плащ «Дакбэк» и резиновые сапоги, мальчик надеялся, что на пути им встретятся потоки, которые надо будет переходить вброд.

Перед уходом ему нарисовали на лбу красную *бинди*[77] и надели на шею гирлянду из роз и лилий. Дильнаваз приготовила *оверну*[78] и блюдо с рисом, на которое положила стружку кокосового ореха, листья бетеля, сухой финик, один орех арека и семь *рупий*[79] — на счастье. Потом вложила ему в рот кусочек сахара, обняла и прошептала на ухо благословение. В тот день ему желали примерно того же, чего желают в день рождения, с той разницей, что упор делался на школу и учебу.

Стоя в первом ряду толпы, ожидавшей автобус, Густад мечтал, чтобы дождь хоть ненадолго прекратился. Но тот оглушительно колотил по гофрированной металлической крыше автобусной остановки. Воздух был тяжелым и неприятным.

---

[77] Сноски: 77
Бинди — точка, капля (*хинди*).

[78] Сноски: 78
Оверна — зороастрийский обряд по изгнанию злых духов/зла.

[79] Сноски: 79
На поднос кладут смесь риса, зерен граната, стружки кокосового ореха, изюма, миндаля и несколько рупий, чтобы осыпать ребенка по окончании наджвота в знак пожелания счастья и процветания.

Транспортный поток, словно впавшее в летаргический сон чудовище, разлегшееся на мокрой блестящей поверхности дороги, пульсировавшее и извергавшее миазмы, время от времени, лениво очнувшись, немного продвигался вперед. Резкий, зловонный дух бензинных и дизельных выхлопов, казалось, растворялся в окружающей влаге, и та обволакивала все и вся.

— В Чёрчгейт не идет, — повторил кондуктор, продолжая рассеянно щелкать компостером — тик-тидик, тик-тидик, тик-тидик. Левой рукой он поигрывал монетами, заполнявшими его кожаную сумку: пропускал их между пальцами, как воду, набирал полную пригоршню, поднимал и денежным водопадом выпускал обратно в сумку, где они приземлялись с металлическим позвякиваньем. Кожа на сумке в результате его постоянных ласковых поглаживаний отполировалась в этом месте, стала глянцевой, как шелк, лоснящейся и, казалось, излучала тепло. Вот этот образ кондуктора Густад и видел перед собой отчетливей всего, когда лежал на мостовой под проливным дождем, прямо перед надвигавшимся потоком машин, не в состоянии подняться. Что-то у него было сломано, тело уже пронизывали первые мощные вспышки боли.

Но перед тем был спор с непреклонным кондуктором.

— В Чёрчгейт не идет, — повторил он сердито — видимо, ливень и пробка на дороге всем испортили настроение. — Будете покупать билеты или как?

— Раз этот автобус не едет в Чёрчгейт, мы сходим.

— Тогда сходи́те. — Тик-тидик, тик-тидик, тик-тидик. — Или покупайте билет. Бесплатно ехать не положено.

— Дерните хотя бы веревку звонка водителю. — Фразы у Густада получались негодующе-рваными из-за того, что автобус дергался в плотном потоке.

— Веревку я дерну только перед следующей остановкой. А если вы остаетесь, то покупайте билет или… — Он указал пальцем на выход.

Густад посмотрел на веревку: что, если попытаться дернуть самому? Кондуктор, конечно, захочет его остановить, и в результате получится физическое столкновение. Он знал, что одолеет кондуктора в честной схватке, но делать это на глазах у Сохраба недопустимо. К тому же известны случаи, когда кондукторы, если видели, что уступают в драке, обрушивали на голову пас-

сажира свои металлические билетные ящики. Густад еще раз попытался воззвать к здравому смыслу:

— Вы хотите, чтобы мы вышли посреди дороги и погибли под колесами, так, что ли?

— Никто не погибнет, — почти скорбно заверил кондуктор, — вы же видите, все стоит.

Автобус застрял на средней полосе, машины вокруг него тоже не двигались.

— Пойдем, папа, — сказал Сохраб. Ему было неловко от перепалки между отцом и кондуктором. — Сейчас как раз можно выйти.

Остальные пассажиры, утомленные стоянием в пробке, с интересом наблюдали за пререканиями и были разочарованы, когда мужчина с сыном направились к выходу.

Автобус дернулся вперед как раз в тот момент, когда Сохраб спрыгнул с подножки, от рывка мальчик потерял равновесие, поскользнулся на предательски скользком от дождя асфальте и упал. Густад завопил:

— Стойте! — и в тот же миг очутился в дверях двигавшегося автобуса.

Доли секунды между тем, как он увидел падающего Сохраба, и собственным прыжком ему хватило, чтобы осознать: либо он приземляется

на ноги — либо спасает сына. Он направил ступни на Сохраба и вытолкнул его из-под колес уже наезжавшего на него такси. Его левое бедро приняло на себя всю тяжесть падения. Он услышал омерзительный хруст и, перед тем как потерять сознание, ощутил в носу резкий запах дизельного выхлопа.

Таксист ударил по тормозам и остановился в дюйме от Густада. С тротуара к пострадавшему сбегались люди, собралась небольшая толпа.

— Положите его поудобней, — сказал кто-то.

— Ему нужна вода, у него обморок, — сказал кто-то другой.

Густад слышал голоса и чувствовал, как его оттаскивают с проезжей части, не давая подниматься.

Таксист попросил своих пассажиров выйти. Те было запротестовали, но, поняв, что он не требует оплатить то, что уже нащелкал счетчик, быстро ретировались.

Кто-то через дорогу позвал продавца воды тем специфическим кличем — смесью шипения, придыхания и шелеста, — который перекрывал обычный уличный гул: «Хишш-ш-ш-ш! *Панивал-*

ла![80]» Продавец со своим бидоном и стаканами рысцой перебежал на другую сторону. Густаду протерли водой лоб, хотя лицо его и так было мокрым от дождя. Наверное, подумали, что вода, более холодная, чем дождь, может быстрее привести в чувство.

Густад открыл глаза. Стакан снова наполнили водой и поднесли к его губам, но он отказался пить. Продавец выплеснул воду на землю и сказал, обращаясь ко всем сразу:

— Два стакана — двадцать новых *пайс*[81].

— Что? — возмутился таксист. — Совести у тебя нет! Неужели ты не видишь, что у человека серьезная травма, ему больно, он теряет сознание.

— Я человек бедный, — ответил продавец воды. — Мне детей кормить надо. — На одной стороне лица у него было большое фиолетовое родимое пятно, и голос звучал высоко, с раздражающим подвыванием.

В толпе мнения разделились. Кто-то говорил, что бессердечного негодяя надо прогнать пинком

---

[80] Сноски: 80

Панивалла — водонос, продавец воды (*хинди*).

[81] Сноски: 81

В 1955 году правительство Индии приняло метрическую систему монет, и с 1957 по 1964 год пайса называлась «найя пайса», т. е. «новая пайса».

под зад, а кто-то видел резон в его словах. Полный решимости не дать лишить себя единственного за этот дождливый день заработка, продавец заговорил снова:

— Этот человек попал в аварию. И что? Чтобы вылечиться, ему придется заплатить за «Скорую», потом врачу в больнице. Почему я должен быть единственным исключением? Чем я так согрешил, что не могу получить свои двадцать новых пайс?

— Правильно! Правильно! — поддержала его толпа. Бóльшая часть собравшихся приняла сторону продавца. Тогда Сохраб отделил рупию от семи, полученных утром. Густад хотел ему сказать, чтобы он внимательно пересчитал сдачу, но не смог произнести ни слова. Продавец воды ушел со своими бидоном и стаканами, что-то бормоча себе под нос. При продолжавшемся дожде его высокий подвывающий голос перешел в тщетный призыв: «Ледяная вода, сладкая-сладкая вода!»

Всеобщее внимание вновь сосредоточилось на Густаде. Таксист предложил отвезти его в больницу, но Густад сумел прошептать: «Ходадад-билдинг», прежде чем снова чуть не потерял сознание. Он хорошо помнил, каким добрым

человеком оказался таксист, который спокойно взял все в свои руки. Он подбодрил Сохраба, который был напуган и едва сдерживал слезы:

— Не волнуйся, мы быстро доедем, пробка не может длиться вечно, — сказал он ему, потом расспросил про школу, про занятия, поинтересовался, в каком он классе, и поддерживал этот спокойный разговор всю дорогу, пока они не добрались до Ходадад-билдинга.

Майор Билимория был дома. Услышав о несчастье, он немедленно явился к Ноблам и рассказал Дильнаваз о Мадхивалле-Костоправе.

— Отвезете его в обычную больницу вроде Парси-дженерал — и все, что вы там получите, это традиционное лечение. Точнее, традиционно плохое лечение — это уж как Густаду повезет. — Он хмыкнул.

Дильнаваз представила себе, сколько тяжелых травм повидал майор на своем веку, неудивительно, что он не слишком беспокоится.

Майор тем временем продолжал:

— В больницах обожают орудовать долотами, пилами, молотками и гвоздями. И выдавать вам после своего слесарничанья огромные жирные счета — как же, ведь их инструменты так дорого стоят! — Густад слышал его сквозь застилавшую

сознание пелену боли и находил его ироническое описание весьма духоподъемным, потому что знал: теперь все будет в порядке, Джимми обо всем позаботится. — А с Мадхиваллой-Костоправом не понадобится никакой операции, никаких спиц, никаких шин — ничего. И даже счета не будет — достаточно любого пожертвования, какое вы сочтете посильным. Метод Костоправа удивителен, я — живой тому свидетель. Иногда, в особо трудных случаях, армейские хирурги обращались к нему за помощью. То, что он делал, было похоже на чудо.

Так и решили. На том же такси они подъехали к большому зданию, где в тот день принимал Мадхивалла-Костоправ. Таксист отказался от платы. «Не хочу наживаться на вашей боли», — сказал он.

Потом Джимми поднял Густада на руки, как ребенка, и внес внутрь. Джимми был одним из немногих, кто мог сравниться силой с Густадом, как они выяснили за долгие годы своих па́рных турниров по армрестлингу.

Он не отходил от Густада, пока Мадхивалла-Костоправ осматривал его, а позднее приволок два длинных тяжелых мешка с песком, которые Мадхивалла прописал Густаду, чтобы обездвижить

ногу, пока не срастется перелом.

«Что бы я делал в тот день без Джимми?» — подумал Густад. Удивительно: он всегда появлялся сам, когда в нем случалась нужда. Можно назвать это совпадением или дружбой, но таков уж был Джимми.

III

Густад протер глаза и открыл их. Во рту пересохло. Он потянулся к стакану ром-пива, но вспомнил, что уже все выпил. Встав, он увеличил фитилек керосиновой лампы и понес ее к письменному столу. В тысячный раз сердце его наполнилось благодарностью к Джимми Билимории. Если бы Джимми не отвез его к Мадхивалле-Костоправу, он бы сегодня был конченым инвалидом. А вместо этого — вот он, без костылей и без палочки, и без жуткой подпрыгивающей и раскачивающейся походки Хромого Темула.

Он выдвинул более широкий из двух ящиков и пошарил в нем в поисках писчей бумаги. Сейчас он хромал чуть больше обычного. Хотя немало лет прошло со дня того несчастного случая, Густад так полностью и не признал, что его волшебное исцеление было столько же результатом лекарского искусства Мадхиваллы, сколько и силы его собственного духа, только все вместе позволило свести его хромоту до ничтожного минимума.

Найдя несмятый лист, он проверил шариковую ручку, почеркав ею по ладони: он не любил, когда

в середине письма паста в ручке заканчивалась и текст менял цвет. Передумав, открыл дверцу письменного стола.

Изнутри снова повеяло знакомым запахом старых книжных переплетов. Он глубоко вдохнул его. Коробочка с перьями лежала сбоку, там, куда упала прежде. Он открыл ее и, испробовав несколько перьев о ноготь левого большого пальца, выбрал одно, вставил его в ручку и открыл баночку с чернилами «Кэмел» королевского синего цвета.

Ручка удобно легла в руку и ощущалась куда солиднее, чем пластмассовые шариковые ручки. Как же давно он не держал в руках перьевую ручку! Никто больше такими не пишет, даже в школах. Вот так же когда-то дети переходили с карандашей на чернила. В этом заключается одна из проклятых проблем современного образования. Во имя прогресса зачастую отбрасывают на первый взгляд несущественные вещи, не понимая элементарного: то, что они выкидывают в окно современности, является традицией. А если традиция утрачивается, утрачивается и уважение к тем, кто любил, почитал эту традицию и всегда ей следовал.

Было уже почти два часа ночи, но Густаду не

хотелось спать. С грустью и любовью он вспоминал былые дни. Наконец, обмакнув перо в чернила, он поднес его к бумаге. Тень от руки, державшей ручку, падала на лист. Он сдвинул лампу влево, написал адрес и поставил дату. Пока он писал первые приветственные строки, дали электричество. Лампочка над столом вспыхнула. После нескольких часов темноты резкий электрический свет хлынул в комнату и затопил ее до самых дальних углов. Густад выключил его и продолжил писать при свете керосиновой лампы.

Глава пятая

I

Ко времени подачи воды Дильнаваз автоматически проснулась, и первой ее мыслью была мысль о Густаде и Сохрабе. Ужасные, ужасные вещи они наговорили друг другу. Измученная, она сонно поплелась в ванную. Вода, вода. Наполнить все емкости. Поскорей. Набрать воду в кухонный бак. Потом в большую бадью. И купить молоко…

Пока она ждала во дворе *бхайю*, мисс Кутпитья, выглянув из окна, кивком позвала ее подняться к ней.

— Пожалуйста, не обращайте внимания, — выпалила Дильнаваз, едва добравшись до ее лестничной площадки. — Он просто очень расстроился. — Ее всю ночь мучило то, что Густад, не сдержавшись, накричал на одинокую старую женщину.

— Я не потому вас позвала. Меня беспокоит ваш сын.

— Сохраб?

— Ваш старший, — подтвердила мисс Кутпитья. — Он очень напоминает мне Фарада. — Проблеск нежности на миг озарил ее лицо и тут же потух, как пламя свечи на ветру. Когда-то все

помыслы и мечты мисс Кутпитьи принадлежали ее племяннику, Фараду. Давным-давно, в день, когда великая радость смешалась с глубокой печалью, жена ее брата умерла при родах Фарада. И в тот день мисс Кутпитья поклялась: никогда не выходить замуж, а посвятить всю свою жизнь брату-вдовцу и его ребенку. Так она стала матерью и наставницей, другом и рабыней и чем только еще не стала для маленького Фарада. Такой же преданностью платил ей ребенок, очень рано осознавший — хотя никогда и не пользовавшийся этим обстоятельством, — что в нем весь смысл ее жизни. То было золотое время для мисс Кутпитьи.

Когда Фараду было пятнадцать, они с отцом, как обычно, отправились отдохнуть на неделю в Кхандалу. На обратном пути в Гатах случилась авария. Водитель грузовика не справился с управлением и столкнулся сначала с автобусом, набитым туристами, а потом с машиной, в которой ехали Фарад с отцом. Все три машины сорвались с обрыва. Единственным выжившим оказался водитель грузовика. В тот роковой день тридцать пять лет назад мисс Кутпитья заперла на замок свои сердце, ум и память. С тех пор никто не допускался в ее квартиру дальше прихожей.

— Ваш Сохраб во всех отношениях напоминает мне моего Фарада, — повторила она. — Внешне, умом, походкой, манерой говорить. — Дильнаваз ничего не знала о Фараде. Все случилось задолго до того, как она вышла замуж и переехала в Ходадад-билдинг. Она выглядела озадаченной, и мисс Кутпитья продолжила: — Блестящий был мальчик. Он унаследовал бы юридическую практику своего отца, если бы остался жив. — Это все, что она сказала, ее горе больше не было бременем, нуждавшимся в излиянии. С годами, в изоляции, она обросла плотным стародевическим панцирем, и никто не мог сказать, зарубцевались ли или все еще кровоточат под этим панцирем раны, нанесенные ей жестокой судьбой.

— О, мне так жаль… — начала было Дильнаваз.

— Нет нужды, — прервала ее мисс Кутпитья. — Все слезы я давным-давно выплакала. Не осталось ни капли. — Она приложила пальцы к мешкам под глазами, оттянула кожу и сказала: — Видите? Совершенно сухие. — Дильнаваз сочувственно кивнула. — Но я позвала вас потому, что прошлой ночью все слышала. Вы знаете, почему Сохраб так ведет себя?

Проведя ночь в одиноких мучениях, Дильнаваз была благодарна ей за заботу.

— Мой мозг отказывается это понять. Во всем этом нет никакого смысла.

— Вы говорите, что он внезапно отказался учиться в ИТИ? — Дильнаваз кивнула, и мисс Кутпитья прищурилась. — А до этого хотел, никто его не принуждал?

— Никто. Я пытаюсь вспомнить, но думаю, что это была его собственная идея, еще когда он ходил в школу.

Глаза мисс Кутпитьи превратились в узкие щелочки.

— В таком случае есть только одно объяснение. Кто-то накормил его чем-то нехорошим. Подмешал в еду или питье. Это определенно *jaadu-mantar*[82] — заговоренный гриб.

Дильнаваз вежливо постаралась скрыть свой скептицизм, но подумала: как соблазнительно верить в магию, как быстро это все упрощает и объясняет.

Мисс Кутпитья посмотрела на нее мрачно.

— Вы знаете кого-нибудь, кому выгоден провал Сохраба? Может, кто-то хотел бы похитить его мозги для собственного сына?

— Мне никто не приходит в голову. — Дильна-

---

[82] Сноски: 82
Колдовство, чары (*хинди*).

ваз невольно вздрогнула.

— Это могла быть даже какая-то зловредная смесь, на которую он наступил на улице. Для такого черного колдовства существует много способов. — Теперь ее глаза широко распахнулись и сверкнули предостерегающе. Какие большие! Как фрикадельки, подумала Дильнаваз. — Но не волнуйтесь, всегда найдется способ снять порчу. Можете начать с лайма. — Она объяснила процедуру и точно описала жесты, которые следует выполнить. — Делайте это несколько дней. До заката. Потом приходите ко мне снова. — И уже повернувшись, чтобы уйти к себе, добавила: — Кстати, теперь вы видите, как прав был хвост моей ящерицы?

— Что вы имеете в виду?

— Ваш ужин. Его испортила ссора. И электричество выключилось. То, что курицу зарезали прямо у вас в доме, — очень несчастливый знак. Проклятье предсмертного крика осталось под вашей крышей.

— Это была идея Густада, — сказала Дильнаваз.

Пока она возвращалась домой, в ее сонном мозгу все время маячила чудна́я параллель между курицей и мстительными, вызвавшими пневмонию рыбками и птицами Дариуша. Бедная

мисс Кутпитья, подумала она, какая печальная судьба.

Торопясь снова лечь в постель, она не заметила писем на столе Густада.

II

Дильнаваз еще спала, когда Сохраб проснулся и нашел отцовские письменные принадлежности на столе, где тот оставил их после долгой ночи воспоминаний и размышлений. Поминки по канувшим в прошлое дням и умирающим надеждам закончились, лишь когда мутный свет занимавшегося утра добрался до Густада, отдававшего дань выпитому ром-пиву.

Разглядывая перьевую ручку, Сохраб удивился: почему отец продолжал пользоваться этим рудиментом? Он тоже долго не мог уснуть, страдая от обиды, от услышанных резких слов и душевного смятения — может, он сам во всем виноват? Ответ на этот вопрос был непрост, искать его следовало в огороде прошлого, где память вскапывала и заново засаживала делянки по собственному выбору. Зерно Сохрабовых тревог проросло давным-давно, задолго до вчерашнего вечера, еще тогда, когда его родители обнаружили, как легко их первенцу все дается: и дома, и в школе, и в работе, и в играх. Казалось, нет ничего, чего бы не сумел сделать Сохраб, причем сделать отлично. Шла ли речь об арифметике, уроках творчества,

гуманитарных науках, он каждый год получал несколько премий в день вручения наград. Постоянно завоевывал он и призы за ораторское мастерство и участие в дебатах. С межшкольного соревнования театральных кружков спектакль, в котором он участвовал, увез главный трофей. На конкурсах изобретателей его экспонаты занимали первые места. И вскоре Густад и Дильнаваз уже не сомневались, что сын у них особенный.

Поэтому, естественно, когда Сохраб проявил интерес к авиамоделированию, Густад уверовал, что сын станет авиаинженером. Модели знаменитых зданий в миниатюре, выполненные Сохрабом, навели Густада на мысль, что сына ждет будущее блестящего архитектора. А возня со всякими механизмами вроде консервных ножей могла означать только одно: сын будет многообещающим изобретателем. Разумеется, судьба Сохраба могла оказаться намного плачевней, поскольку любовь и слепая вера родителей в сына были способны наделать куда больше бед.

Единственным провальным увлечением Сохраба в школе был его роман с насекомыми. В восьмом классе его наградили за общие достижения в учебе книгой под названием «Узнай больше об энтомологии». Он прочел ее, несколько дней

над ней размышлял, а потом стал ловить бабочек и мотыльков самодельным сачком. Умерщвлял он их в консервной банке с ватным тампоном, пропитанным бензином. Когда они переставали трепыхаться, открывал банку и осторожно расправлял крылышки. Обычно те были плотно сжаты вокруг ножек и хоботка, в положении, противоположном естественному, словно *in extrēmis*[83] бабочка пыталась защититься от ядовитых паров, прикрыв голову. Наперекор *rigor mortis*[84] он симметрично распластывал четыре перепончатых крылышка бабочки на расправилке[85], тоже самодельной. Через несколько дней высушенная и легкая, как папиросная бумага, бабочка бывала готова к монтированию в коллекцию.

Все хвалили его красивую работу, восхищались чудесными расцветками и узорами крыльев, как будто он сам их нарисовал. Экспонаты были при-

---

[83] Сноски: 83

В последний момент жизни, перед самой кончиной (*лат.*).

[84] Сноски: 84

Трупное окоченение (*лат.*).

[85] Сноски: 85

Расправилка — специальное приспособление для расправления крылатых насекомых с целью их последующего монтирования в энтомологические коллекции. Расправилка состоит из двух дощечек, между которыми расположен желобок шириной с брюшко насекомого.

шпилены булавками, проткнутыми через грудку, и аккуратно вставлены в энтомологическую коробку, которую он сам смастерил из фанеры с помощью инструментов прадеда. Последнее доставило Густаду особую радость; глядя, как Сохраб работает инструментами его деда, он не уставал повторять: наверное, любовь к плотничанью у нас в крови.

А потом бабочки и мотыльки начали рассыпаться. Вскоре личинки уже ползали в коробке, и это было отвратительное зрелище. День за днем Сохраб мог, почти не двигаясь, сидеть и наблюдать за ними, как парализованный. Завершив свою работу, личинки исчезли так же неожиданно, как появились, и Сохраб забросил свой энтомологический ящик на темную полку возле общего туалета в *чауле.*

Однако этот провал не должен был опровергнуть слухи о гениальности Сохраба, поражение следовало превратить в победу. Густад был только рад взять вину на себя.

— Это была моя оплошность, — сказал он. — Вместо бензина нужно было использовать тетрахлорид углерода, а я не обеспечил Сохрабу тот сорбент, который ему требовался.

Сохраб больше не охотился за бабочками. Слава

всемирно известного энтомолога была вычеркнута из Густадова списка карьер, которые он прочил сыну. После этого Сохраб сосредоточился исключительно на механике и изобретательстве. Он разобрал и собрал заново будильник, починил мясорубку Дильнаваз, привел в рабочее состояние диапроектор с увеличительным стеклом, найденный в письменном столе Густада, и показывал на стене в передней комнате кадры из комиксов, которые доставлялись с воскресной газетой: персонажи «Семейки Дэгвуда Бамстеда» или «Фантома» отражались в натуральную величину. Майор Билимория всегда присутствовал на показах и часто становился рядом с изображением, имитируя жесты Фантома: потрясал кулаком и произносил звуки вроде «тадах!», «бух!», «бах!». А после этого наступало время воскресного обеда с *дхансаком*.

Момент наивысшей гордости для Густада и Дильнаваз наступил, когда Сохраб, заставив Дариуша помогать ему, поставил спектакль по «Королю Лиру», собрав труппу из школьных друзей и друзей-соседей. Представление состоялось в дальнем конце двора, стулья публика приносила с собой. Сохраб, разумеется, играл короля Лира, был режиссером, продюсером, художником по

костюмам и декоратором. Он же написал краткую версию пьесы, благоразумно решив, что даже аудитория, состоящая из любящих родителей, может впасть в коматозное состояние, если ей придется наслаждаться сверхлюбительским Шекспиром больше часа. Однако только когда Сохраб поступил в колледж, ему внезапно пришло в голову, что папа никогда не делал заявлений и не лелеял надежд, связанных с артистической карьерой для сына. Он никогда не слышал, чтобы отец говорил: мой сын будет художником, мой сын будет актером, мой сын будет поэтом. Нет, всегда только: мой сын будет врачом, мой сын будет инженером, мой сын будет ученым-испытателем.

Он вытер перо, закрутил крышку на бутылочке с чернилами и вспомнил, что однажды, когда век карандашей подходил к концу, отец показывал ему эту перьевую ручку. С веком чернил пришли планы на будущее. Мечта об ИТИ обрела форму, потом полностью захватила их воображение. И Индийский технологический институт превратился в Землю обетованную. Он стал их Эльдорадо и Шангри-Ла, их Атлантидой и Камелотом, их

Шанду[86] и страной Оз. Это был храм Святого Грааля. И все будет дано, и все будет возможно, и все сбудется для того, кто совершит паломничество туда и вернется со священной чашей.

Тщетно было бы пытаться разделить нити энтузиазма, вплетенные в эту благородную ткань. Выяснить, кому изначально принадлежала идея и кого следует теперь винить, было так же трудно, как распознать, какая капля муссонного ливня первой коснулась земли.

На столе лежало два письма. Сохраб быстро пробежал глазами письмо майора и начал читать написанный изящным почерком отца ответ, когда Дильнаваз поднялась с постели во второй раз. Она чувствовала, что должна что-то сказать насчет прошлого вечера, но сын заговорил первым:

— Ты читала письмо от дяди майора?

— Какое письмо?

Он протянул ей листок.

— Наверное, какое-то старое, — сказала она. — Ты же знаешь, как папа любит все хранить.

— Нет, *это* пришло всего четыре недели назад. Посмотри на штемпель.

Густад, с темными кругами вокруг глаз, про-

[86] Сноски: 86

Шанду́ — исторический город, в XIII веке летняя столица Хубилай-хана, императора-основателя империи Юань.

ковылял мимо, направляясь в ванную. Она дождалась «контрольного сигнала» — металлического лязга затычки — и заметила:

— Он так поздно лег вчера. — Ее голос звучал чуть укоризненно.

Позднее, когда Густад пил чай, она сказала:

— Мы видели письмо.

— Я не понимаю, кто такие «вы». Для меня тут есть только один человек — ты.

Она пропустила его замечание мимо ушей.

— Ты начал прятать почту? Интересно, что еще ты скрываешь?

— Ничего! Просто хотел поразмыслить о письме Джимми без того, чтобы мне давали тысячу советов все гении этого дома. Вот и все.

— Тысячу советов? — Дильнаваз опешила. — Двадцать один год мы все обсуждали вместе. А теперь я стала помехой? Ведь Джимми даже не сообщил никаких подробностей. Откуда тебе знать, что ты поступаешь правильно?

Густад ответил, что подробности не имеют значения, помощь другу — дело принципа.

— Все это время я только и слышал: майор то, майор это. Я говорил: забудьте о нем, он исчез как вор. Так нет же. А теперь он просит помощи, я говорю да, но ты все равно недовольна.

— А вдруг это что-то опасное?

— Чушь. — Он указал на Сохраба. — Почему *этот* ухмыляется как осел?

— Папа, не распаляйся снова, — сказал Сохраб. — Я думаю, ты правильно решил, но…

— О! Он думает, что отец решил правильно! Ты ему сказала, что он мне больше не сын? — С подчеркнутым сарказмом Густад издевательски склонил голову. — Благодарю, благодарю вас, сэр! Благодарю за ваше одобрение. Ну, продолжай: что — но?

— Но я вспомнил, как дядя Джимми и твои друзья рассуждали о политике. Он, бывало, говорил: «Если хотите избавиться от этих проходимцев из Национального конгресса, есть только один выбор: коммунизм или военная диктатура. Забудьте о демократии на несколько лет, она — не для страны, умирающей с голоду…»

Он очень похоже имитировал четкий бас-баритон майора, и Дильнаваз улыбнулась. Густаду тоже понравилась его имитация, но он тщательно скрыл это. Сохраб продолжил:

— Представь себе: а если дядя Джимми планирует переворот, чтобы свергнуть наше коррумпированное правительство?

Держа блюдце с чаем в одной руке, Густад дру-

гой схватился за лоб.

— Опять этот идиотский разговор! Лучше представь себе что-нибудь полезное, представь себя в ИТИ! — Он помассировал лоб. — То, что Джимми, бывало, говорил, это всего лишь разговоры. Чего не скажешь, когда вокруг засуха, наводнение и нехватка всего?

— Знаю, знаю, я просто пошутил. Но как насчет наших руководителей, которые поступают противозаконно? Взять хотя бы лицензию на производство автомобилей, которую получил сын Индиры. Он говорит: мама, я хочу делать автомобили. И тут же получает лицензию. Не выпустив ни одного «Марути», он уже сделал себе на нем целое состояние и спрятал его на швейцарских банковских счетах.

Дильнаваз внимательно слушала рассказ Сохраба о том, как первый опытный образец автомобиля разбился во время испытаний, но тем не менее был одобрен к производству по приказу с самого верха. Она была сейчас самозваным рефери между отцом и сыном, и выражение ее лица отражало счет поединка.

— Приятно видеть, что твой сын читает газеты, — сказал Густад, допив чай из блюдца. — Он мог бы стать гением, но позволь мне кое-чему его

научить. Что бы ты ни прочел в газете, сначала отдели половину — это соль и перец. От того, что осталось, отними десять процентов. Это имбирь и чеснок. А иногда, в зависимости от способностей автора-журналиста, еще пять — это молотый чили. Тогда и только тогда получишь правду, без *масалы* и пропаганды.

Дильнаваз понравился его импровизированный урок. Счет на ее «табло» обновился. Густад откинулся назад и подвинул свою чашку к чайнику.

— Но я слышал это от живого свидетеля, — возразил Сохраб. — От одного из моих товарищей по колледжу. Его отец работает в испытательном центре.

— Товарищ по колледжу! Слушаешь идиотские разговоры и забиваешь себе голову всяким мусором. Скажи спасибо, что у нас демократия. Будь тут как в России, тебя с твоими товарищами уже упаковали бы и отправили в Сибирь. — Он потер лоб. — Когда он ведет такие речи, у меня мозг вскипает! Предупреждаю: если со мной случится удар, виноват будет твой сын.

Продолжая следить за их разговором, Дильнаваз все больше расстраивалась. То, что поначалу походило на острые дебаты (она почти радова-

лась, надеясь, что они приведут к улаживанию ситуации), вновь разгоралось во вчерашний костер. Она сделала знак Сохрабу ничего не отвечать.

— Говорю в последний раз: послушай меня, забудь про своих друзей, забудь про свой колледж с его бесполезным дипломом. Подумай о будущем. В наше время любой поденщик, любой клерк, работающий за две пайсы, имеет степень бакалавра искусств. — Он взял свой ответ майору Билимории и пошел к письменному столу за конвертом.

Дильнаваз кивком велела Сохрабу идти за ней. В кухне она выбрала из корзинки лайм и сказала сыну, чтобы он закрыл глаза.

— Зачем? — воспротивился тот. — Что ты собираешься делать с этим лаймом?

— Это не причинит тебе вреда, просто немного вправит мозги.

— Что за бред? Мозги у меня и так на месте.

Она шикнула на него и умоляюще попросила смирить свою гордыню и сделать это ради нее.

— Существует столько всего, чего наука не может объяснить. А этот лайм ничем тебе не навредит.

— Ну ладно! — Он нехотя закрыл глаза. — Сначала папа драматизирует, потом ты занимаешься

колдовством. Вы меня с ума сведете.

— Не груби. И не надо громких слов. — Держа лайм в правой руке, она семь раз обвела им вокруг головы сына по часовой стрелке. — Теперь открой глаза и смотри на него внимательно. — Она опустила лайм вниз, к его ногам, и положила в пакет из коричневой бумаги. Потом, позже, она выбросит его в море. Этот последний шаг был, по словам мисс Кутпитьи, решающим: ни в коем случае нельзя было выбрасывать лайм вместе с мусором.

Внезапно все, что сказала мисс Кутпитья, показалось ей исполненным глубокой мудрости.

III

После конфуза, случившегося во время званого ужина, Густад испытывал неловкость, встретившись с Диншавджи в понедельник, но Диншавджи сразу разрядил ситуацию.

— Не волнуйся на этот счет. Споры — это нормально, когда мальчик растет. Ты думаешь, я, прожив столько лет, ничего подобного не видел?

Во время перерыва Густад не пошел на лестничную площадку, куда *даббавала*[87] привозил судки с обедами, предоставив своему обеду вернуться домой нетронутым и без карандашной записки для Дильнаваз, записки, которая на протяжении двадцати одного года была для них нерушимым ритуалом: он всегда писал, а она всегда читала ее, как бы ни поссорились они накануне. Так было до сегодняшнего дня. В этих ежедневных записках не было ничего особенного. «Дорогая, сегодня трудный день, совещание у управляюще-

---

[87] Сноски: 87

Даббавала — служащий системы доставки горячих обедов, действующей в индийских городах. Даббавалы забирают из домов или ресторанов готовые блюда, помещенные в металлические судки (даббы), и доставляют их клиентам в офисы или на предприятия, а затем развозят пустую тару обратно (*хинди*).

го. Расскажу потом. Люблю, ХХХ». Или: «Дорогая, *дхандар-патио*[88] был вкуснейшим. От одного аромата у всех слюнки потекли. Люблю, ХХХ».

Диншавджи подошел к столу Густада с пакетом сэндвичей. В отличие от остальных он по утрам приносил обед с собой, в портфеле, обычно это были остатки вчерашнего ужина, заложенные между двумя ломтями хлеба, зачастую — такие «деликатесы», как цветная капуста, баклажаны, фасоль или тыква. Он с аппетитом съедал все это вместе с размокшим хлебом. Если его подкалывали насчет его эпикурейских радостей, он отвечал: «Что бы ни дал мне мой домашний стервятник, я съедаю беспрекословно. Иначе она меня самого слопает живьем».

Счастливыми днями для Диншавджи были такие, как сегодняшний, когда от вчерашнего ужина ничего не оставалось. В этих случаях Аламаи утром жарила острый омлет и клала его между двух кусков хлеба. Когда он разворачивал бумагу, запах лука, имбиря и чеснока вырывался наружу мощной струей.

— Давай, *яар*, — сказал он Густаду, — бери свой обед, и пошли в столовую. — Он не хотел опоздать

---

[88] Сноски: 88

Дхандар — персидский соус-суп из дала, патио — морепродукты в остром соусе, часто креветки.

к ежедневному аттракциону.

Каждый день в столовой во время обеда их постоянная компания собиралась, чтобы побалагурить. Они пересказывали неувядаемо популярные анекдоты о сикхах («Что сказал бегун Сардарджи[89], финишировав первым на Азиатских играх, когда его спросили: “Ну как, теперь можно и расслабиться?” Он сказал: “Нет-нет, я же Арджун[90] Сингх”»); о мадрасцах, имитируя перекатывающиеся гласные южноиндийских языков[91] («Как мадрасцы произносят “минимум”? Юм-и-йен-и-юм-и-юм»); о гуджаратцах, иронизируя над их искаженной английской фонетикой и трудностями с произношением гласных, особенно гласной «о» («Зачем гуджу ездил в Ватикан? Он хотел послушать поопу-

[89] Сноски: 89

В Индии «сардар» — титул, распространенный среди сикхов, принадлежащих к касте джатов (этническая группа с древней культурной историей). Шутки Сардарджи, или шутки Сардара, — это шутки, основанные на стереотипных представлениях о сикхах, одно из которых состоит в том, что физическая подготовка для сикха якобы важнее, чем интеллект. В последние годы было несколько случаев, когда сикхи протестовали против шуток Сардарджи как задевающих чувства сикхской общины.

[90] Сноски: 90

Арджун — лиственное дерево, вырастающее до 20–27 метров и обладающее многочисленными целебными свойствами.

[91] Сноски: 91

Так называемый язык мадрас башай, диалект тамильского, на котором

говорят в Мадрасе (теперь Ченнаи), стал источником каламбуров и двусмысленностей в тамильских фильмах 1950-х годов.

лярную музыку[92]. Зачем гуджу укусил Иоанна Павла за большой палец ноги? Он хотел откусить его поупкорн»); о пуштунах, которые якобы имеют склонность к заднему проникновению («Пуштун приходит к врачу. “Доктор Сахаб[93], у меня сильно болит живот”. Врач ставит ему клизму. Пуштун уходит от врача в восторге и рассказывает друзьям: “*Аррэ,* современная медицина не только лечит, но и доставляет огромное удовольствие: боль — в животе, а лекарство приятно вводят через задницу”. На следующий день его друзья выстраиваются в очередь к доктору за клизмой»).

Себя компания, собиравшаяся в столовой, тоже не щадила, насмехаясь над общеизвестным фактом, что у всех парсов длинные носы («Что бывает, если *баваджи*[94] в состоянии эрекции войдет в стену? Он разобьет себе нос»). Ни одна этническая или языковая общность не бывала

---

[92] Сноски: 92

Игра слов, основанная на английском названии сана папы римского (*pope* — «поуп»): если «о» произнести как «оу», вместо «поп-музыка» получается «папская музыка», а дальше вместо «попкорн» — «папская мозоль».

[93] Сноски: 93

Сахаб — уважительное обращение к мужчине, занимающему какую-либо должность.

[94] Сноски: 94

Баваджи — уважительное название мужчины-парса в Индии.

обойдена; когда доходило до анекдотов, в столовой воцарялось идеальное равенство.

Обеденный перерыв являл собой единственный приятный момент в унылом рабочем дне. Безусловно, Диншавджи был звездой этого представления, собравшиеся старались не пропустить ни одного его слова. Другие тоже вносили свою лепту, но с Диншавджи никто сравниться не мог. Он запоминал все, что когда-либо слышал, и спустя недели, а то и месяцы выдавал это, переиначив, усовершенствовав и сочинив на этой основе свою фирменную историю. Никто не возражал против небольшой доли плагиата.

Иногда вместо анекдотов они устраивали песенные посиделки. Если Диншавджи был звездой комического часа, то Густад блистал в пении. Особым успехом пользовалось его исполнение знаменитых песен Гарри Лаудера[95], таких как «Бродяга в сумерках» и «Я люблю девушку», которые Густад пел с великолепным шотландским акцентом. Хотя принято было петь хором, все замолкали, когда он выводил:

У лазурных берегов, изумрудных холмов,

---

[95] Сноски: 95
Гарри Лаудер (1870–1950) — знаменитый шотландский певец и комик.

Там, где солнце золотит Лох-Ломонд,

Там, куда мы с любимой не вернемся уж вновь,

У лазурных берегов Лох-Ломонд.

Но когда доходило до припева, они не могли сдержаться и присоединялись к Густаду хором, в котором тонул его баритон:

Земным будет путь твой,

Мне же выпал иной.

В Шотландии буду я первым,

Но с любимой моей мы не встретимся вновь

На волшебных берегах Лох-Ломонд.

Впрочем, анекдотами и пением время обеда не ограничивалось. Порой в этот час разгорались острые споры о делах, связанных с общиной, таких, например, как разногласия по поводу Башни Безмолвия. Когда банковские операционисты и кассиры обсуждали предложение реформаторов ввести кремацию, страсти накалялись, и случались яростные личные столкновения. Но Диншавджи удавалось разрядить напряжение, сказав что-нибудь вроде: «Лучше пусть меня растерзает мой домашний стервятник, чем хищники

в перьях. В этом случае у меня, по крайней мере, будет гарантия: уж она-то не оставит от меня даже самых маленьких кусочков, которые могли бы разнести по всему Бомбею пернатые».

Откусывая от своего сэндвича с омлетом, он напомнил Густаду насчет обеда.

— Не жди меня, — ответил Густад. — Я сегодня не обедаю.

Как бы ни любил Диншавджи ходить в столовую, он решил остаться с другом.

— Хочешь бутерброд? Половинку. — Он протянул ему свой пакет.

Густад лишь молча отрицательно махнул рукой.

— Пойду пройдусь.

— Я с тобой. Есть могу и на ходу. Это даже полезно для пищеварения.

Направляясь к выходу, они проходили мимо новой машинистки Лори Кутино, изящно подносившей к губам ложку густо приправленного специями риса. Лори Кутино была человеком таким же безупречно аккуратным, как и ее рабочий стол, где каждый предмет лежал строго на своем месте. Она не любила столовую и на время обеденного перерыва просто бережно сдвигала в сторону свои канцелярские принадлежности,

освобождая место для салфетки, на которую ставила контейнер с едой. Когда Диншавджи с Густадом проходили мимо, ее язык змейкой высунулся изо рта и подобрал случайно прилипшую к губе рисинку.

— Какая конфетка, — шепнул Диншавджи. Девушка сидела, положив ногу на ногу, и короткая юбка съехала вверх довольно высоко, но в рамках приличий. — О-о-о! — застонал Диншавджи. — Я этого не вынесу! Просто не вынесу! Я должен как можно скорей ей представиться. — Он сунул руку в карман и, сжав кулак, переместил его ближе к паху. Все это было частью роли, которую он обожал исполнять не столько всерьез, сколько для поддержания образа персонажа, коим, к его большому удовольствию, назначили его сослуживцы, — образа Казановы с фонтана «Флора».

Они вышли под палящее солнце и, пройдя несколько шагов, вынуждены были посторониться, чтобы пропустить припозднившегося *даббавалу* с клетью, набитой контейнерами для обедов, на голове, который трусцой маневрировал в толпе. Порыв ветра подхватил пот, струившийся по его лицу, и швырнул его в их направлении. Диншавджи инстинктивно заслонил руками свой пакет с бутербродами. Обменявшись

полными отвращения взглядами, они вытерли со щек соленую мокрую пыль белыми носовыми платками.

— Это еще ничего, — сказал Диншавджи. — Вот однажды мне довелось садиться в поезд около одиннадцати часов дня! Тебе когда-нибудь приходилось?

— Ты же знаешь, я не езжу на поезде.

— Это самое время для *даббавал.* Им вообще-то положено пользоваться только багажными вагонами, но некоторые проникают в пассажирские. Народу — битком, а вонь стоит!.. *Toba? Toba*![96] Вдруг я почувствовал, что у меня намокла рубашка, и догадался, что́ это было. *Даббавала.* Он нависал надо мной, держась за поручень. И у него капало из голой подмышки: кап-кап-кап — пот. Я миролюбиво сказал: «Пожалуйста, отодвиньтесь немного, у меня намокает рубашка, *meherbani*[97]». *Kothaa*[98], как будто меня и нет. Тут уж я просто взбесился и заорал: «Эй! Вы человек или животное? Посмотрите, что вы делаете!» Я

---

[96] Сноски: 96
Да никогда больше! (*хинди*)

[97] Сноски: 97
Сделай одолжение, пожалуйста (*хинди*).

[98] Сноски: 98
Здесь: никакой реакции (*хинди*).

встал, чтобы показать ему мокрое пятно. И угадай, что он сделал. Ну, попробуй, угадай.

— Что?

— Он повернулся и юркнул на мое сиденье! Чтоб мне мало не показалось! Ну что делать с такими невежами? Никакого воспитания, никакого благоразумия — ничего. А знаешь, кто несет за это ответственность? Лидер ублюдочной Шив Сены, который обожает Гитлера и Муссолини. Он, с его бредовым лозунгом «Махараштра для маратхов». Они не остановятся, пока не установят свой Маратхский раджастан.

Пока Диншавджи произносил свою речь, они дошли до главного перекрестка дорог на площади перед фонтаном «Флора», где в плотный поток транспорта, двигавшегося по кругу, вливалось пять улиц, напоминавших гигантские щупальца. Машины внезапно выруливали со своей полосы и рискованно встраивались в другую. Красные двухэтажные автобусы с логотипом «BEST», направлявшиеся в Колабу[99], опасно кренились, объезжая площадь по кругу. Бесстрашные ручные тележки, приводимые в движение энергией мускулов и костей, темпераментно конкурирова-

[99] Сноски: 99

Колаба — колониальный район Бомбея, расположенный в его южной части, на правобережье мыса, вдающегося в Аравийское море.

ли с ними — с лучшим, что можно было сделать из стали, бензина и вулканизированной резины. Почти парализованный поток кругового движения с каменным фонтаном в середине напоминал огромное замершее колесо, вокруг которого бурлила деловая жизнь, совершая свое гудящее, звенящее, сигналящее, жалующееся, визжащее, тарахтящее, бухающее, пронзительно кричащее, пульсирующее, тяжело вздыхающее, брюзжащее, никогда не заканчивающееся перемещение по метрополии.

Диншавджи и Густад решили пойти по улице Вир Наримана[100]. Уличный художник, скрестив ноги, сидел на углу перед нарисованными им мелом на асфальте изображениями богов и богинь. Время от времени он вставал, чтобы собрать мелочь, брошенную ему набожными прохожими. Густад указал на сухой фонтан.

— Можно по пальцам пересчитать, сколько раз за последние двадцать четыре года из фонтана била вода.

— Подожди, вот возьмут власть маратхи, тогда

---

[100] Сноски: 100

Хуршед Фрамджи Нариман (1883–1948), также известный как Вир Нариман, был одним из сторонников парсов в Индийском национальном конгрессе.

у нас будет настоящий Ганду Радж[101], — сказал Диншавджи. — Они только и умеют, что драть глотки в парке Шиваджи[102], выкрикивать лозунги, угрожать и переименовывать улицы. — Внезапно он ужасно распалился, чувствовалось, что на душе у него действительно накипело. — Зачем менять названия? Придурки, мать их! Хутатма Чоук![103] — Новое название площади плевком вылетело у него изо рта. — Чем им не угодил фонтан «Флора»?

— Да какая тебе разница? Если маратхи от этого будут счастливы, пусть переименуют несколько улиц. Будет чем заняться. Разве название — это главное?

— Нет, Густад. — Диншавджи был совершенно серьезен. — Ошибаешься. Названия очень важны. Я вырос на Лэмингтон-роуд. Но она исчезла, на ее месте теперь Дадасахеб Бхадхамкар Марг.

---

[101] Сноски: 101

Ганду — тупица, придурок (*хинди*); радж — власть, так называли английское господство в Индии.

[102] Сноски: 102

Парк в Бомбее, место политических и общественных митингов еще со времен борьбы за освобождение от британского владычества.

[103] Сноски: 103

Хутатма Чоук (площадь Мучеников) — площадь в Бомбее, названная в честь Движения Самьюкта Махараштра, которое с 1956 по 1960 год выступало за создание независимого махаратоязычного государства. Прежнее название — площадь фонтана «Флора».

Моя школа находилась на Карнак-роуд. Теперь она вдруг стала Локмания Тилак Марг. Я жил на Слейтер-роуд. Она тоже скоро исчезнет. Всю свою жизнь я ходил на работу на площадь фонтана «Флора». И вот в один прекрасный день это название меняется. Так что же сталось с моей жизнью? Я что, прожил какую-то неправильную жизнь, в которой все названия были неправильными? Разве у меня будет шанс прожить жизнь снова, с этими новыми названиями? Скажи мне, что случилось с моей жизнью? Ее вот так, запросто, стерли? Нет, ты скажи!

Густаду впервые пришло в голову, что все эти годы он совершенно несправедливо считал друга просто балагуром. Конечно, другом, да, но в то же время клоуном и шутником.

— Не надо так расстраиваться, Диншу, — сказал он. Ему никогда не приходилось слышать от Диншавджи рассуждений на метафизические темы, и это уменьшительно-ласкательное обращение было лучшим, что он смог придумать, пока подыскивал еще какие-нибудь слова. Но в этот момент в мужчину на «Ламбретте», ехавшего по Вир Нариман-роуд, врезался автомобиль, следовавший в противоположном направлении, и тема переименований была забыта.

— О господи! — воскликнул Диншавджи, когда мужчина перелетел через руль своего мотороллера и приземлился рядом с тротуаром неподалеку от них. Струйка крови текла у него изо рта. Пешеходы и хозяева ближних магазинов бросились ему на помощь. Диншавджи тоже хотел подбежать, но Густад не мог сдвинуться с места. Головокружение и тошнота нахлынули на него, и он ухватился за руку Диншавджи.

Тем временем машина скрылась из виду. Люди спрашивали друг у друга, не запомнил ли кто ее но́мера. От участка с круговым движением подошел полицейский, чтобы принять необходимые меры.

— Еще шесть дюймов, — сказал Диншавджи, — и у него череп раскололся бы как кокосовый орех. Счастье, что он приземлился в сточном желобе. Что с тобой, Густад? Почему ты так побледнел?

Густад отпрянул и прикрыл рот ладонью — все внутренности у него словно подступили к горлу. Диншавджи быстро поставил диагноз:

— Так-так. Проблема в том, что ты ничего не ел, — пожурил он его. — Вид крови на пустой желудок — это плохо. Вот почему солдат перед боем всегда хорошо кормят. — Он решительно повел друга к ресторану на углу.

Внутри было прохладней. Они выбрали столик под вентилятором, Густад вытер холодную испарину со лба.

— Лучше? — спросил Диншавджи. Густад кивнул.

Столы были накрыты стеклом, под которым лежало меню, умещавшееся на одной странице. Стекло было мутным и покрытым пятнами, но увеличивало текст. Густад положил на стол обнаженные предплечья, наслаждаясь прохладой столешницы. Жужжание медленно вращавшегося под потолком вентилятора успокаивало. Сквознячок нес из кухни к выходу пикантные запахи. На стене за кассой висело написанное от руки объявление: «*Плевать и играть в сатту*[104] *запрещено*». Другой плакат гласил: «*Уповай на Бога — и тарелка риса тебе обеспечена*».

— Вот было бы забавно привести сюда, на второй этаж, Лори Кутино, — сказал Диншавджи, указывая на антресольный зал с отдельными кабинетами, где работал кондиционер. — Деньги были бы потрачены не зря. — Подошел официант с мокрой тряпкой в одной руке и двумя стаканами воды в другой. Он держал их за ободки так, что

[104] Сноски: 104

Сатту — азартная игра со ставками, появившаяся в Индии вскоре после обретения независимости.

пальцы окунались в воду. Они убрали руки со стола, чтобы дать ему бегло протереть поверхность. Над столом поплыл неприятный запах чего-то кислого и затхлого. Диншавджи сделал заказ.

— Тарелку самосов с бараниной. Соус чатни. И два нескафе. — Он поднес к губам стакан, но отпечатки пальцев официанта на ободе напомнили ему о том, ка́к стаканы были принесены, и он, не отпив ни глотка, поставил стакан обратно. — Мы столько лет знакомы, Густад, а я и не знал, что тебя мутит от вида крови.

— Не говори глупостей, кровь здесь ни при чем. — Что-то в его голосе заставило Диншавджи понять, что шутки сейчас неуместны. — Просто это был своего рода шок. Я знаю того человека на мотороллере. Он помог мне, когда я вывалился из автобуса. Помнишь тот несчастный случай, что со мной приключился?

— Разумеется. Но я думал, что это майор тебя…

— Да-да, но это было позже. А этот человек был таксистом, который позаботился о нас с Сохрабом, отвез нас домой. И даже денег не взял. — Он поднял голову и посмотрел на вентилятор. — Девять лет я ждал случая, чтобы поблагодарить его. И вот вижу, как он взлетает в воздух и разбивает себе голову. Совпадение? Или что? Сегодня была

моя очередь помочь ему, а я сплоховал. Как будто Бог устроил мне испытание, и я его не выдержал.

– *Аррэ*, ерунда. Не твоя вина, что тебе стало худо. — Диншавджи добавил три ложки сахара в свой кофе и немного — на самосы. — Давай, ешь, тебе сразу полегчает. — Он придвинул к себе чашку Густада, положил в нее две ложки сахара, размешал и подвинул ему обратно. — Так что там насчет майора? Ты выяснил, куда он пропал? — Самосы были с поджаристой корочкой, он жевал с хрустом. Кусочек румяной масляной корочки отвалился от верхушки пирожка и упал ему на блюдце.

— Нет.

— Может, он убежал, чтобы снова вступить в армию? — пошутил Диншавджи, заправляя в рот корочку теста. — Думаешь, будет война с Пакистаном?

Густад пожал плечами.

— Видел фотографии в газетах? Кровавые мясники, режут направо и налево. А что же окружающий мир? Он благостно расслаблен, ничего не предпринимает. И где теперь эта Америка, мать ее? Не говорит ни слова. А если Россия только заикнется, Америка тут же заявляет протест в ООН. Стоит Косыгину пукнуть, и Америка выдви-

гает свое предложение в Совете безопасности.

Густад вяло рассмеялся.

— Всем плевать, никому нет дела до бедных бенгальцев. А этот *чутья*[105] Никсон языком вылизывает себе путь в Пакистан через его задний проход.

— Это правда, — согласился Густад. — Пакистан очень важен для Америки из-за России.

— Как это?

Густад решил наглядно продемонстрировать ему геополитическую реальность.

— Смотри: это блюдо — Россия. А за ней — моя чашка, это Афганистан. Очень дружественный России, так? А теперь поставь свою чашку рядом, это Пакистан. Но что будет южнее Пакистана?

— Ничего, — ответил Диншавджи. — Тебе нужна еще одна чашка?

— Нет, ничего не надо, потому что к югу от Пакистана — только море. И вот именно этого Америка так боится. Если Пакистан когда-нибудь подружится с Россией, тогда для России дорога к Индийскому океану будет открыта.

— А! — воскликнул Диншавджи. — И тогда два

---

[105] Сноски: 105

Чутья — негодяй, проныра (*хинди*).

маленьких американских *голас*[106] окажутся в руках у русских. — Ему понравилась такая наглядная тестикулярная метафора. — А чтобы защитить свои мягкие *голас*, они пальцем не пошевелят, даже если шесть миллионов бенгальцев будут убиты, — лишь бы Пакистан был доволен. — Официант положил счет на стол. — Я угощаю, я угощаю, — настаивал Диншавджи по дороге к кассе, держа маленький листок в вытянутой руке и не давая Густаду перехватить его.

Солнце снаружи палило нещадно, и друзья ускорили шаг. Когда они входили в здание банка, обеденный перерыв почти закончился. Лори Кутино готовилась снова приступить к работе.

— Нет, я этого не вынесу, *яар*, — шепнул Диншавджи. — Какое тело! Ах-ах-ах! Сливки с сахаром! Как было бы здорово пригласить ее на обед.

При упоминании о сладких сливках у Густада заурчало в животе — он вспомнил блюдце с такими сливками, которое ему давали в детстве каждое утро с хрустящей темной лепешкой. Мама снимала сливки с молока, после того как его кипятили и охлаждали.

А теперь молоко, которое привозит *бхайя*, тако-

---

[106] Сноски: 106
Голас — шары (*хинди*).

го плохого качества, что, сколько его ни кипяти и ни охлаждай, ничего даже отдаленно похожего на сливки не получишь.

IV

Когда Густад возвращался с работы, вонь вдоль черной стены была невыносимой. Невоспитанные люди никогда не поймут, что эта стена — не общественный туалет, подумал он, вскидывая руки, чтобы отогнать мух и москитов. А ведь сезон москитов еще и не настал.

Открыв английский замок своим ключом и распахнув дверь, он столкнулся с суровым взглядом Дильнаваз.

— Твои сыновья один за другим создают проблемы, — сказала она.

— Что на сей раз?

— Приходил мистер Рабади. Жаловался, что Дариуш пристает к его дочери, в доме это производит дурное впечатление.

— Мой сын — к уродливой толстухе этого идиота? Чушь собачья.

Вражда между Густадом и мистером Рабади длилась уже не один год. Когда-то у мистера Рабади было неуклюжее, пускавшее слюни создание по кличке Тигр, которое он предпочитал считать брутальным псом — помесью восточноевропейской овчарки и лабрадора. Тигр был

очень дружелюбным и вполне безобидным, но мистер Рабади всячески создавал вокруг него ауру опасного зверя. Он водил его в ошейнике с угрожающими шипами, на массивной цепи вместо обычного поводка и при этом всегда держал в руке крепкую палку — предположительно для того, чтобы усмирять дикое животное, если оно выйдет из повиновения. Пока хозяин шествовал, выставляя напоказ свой устрашающий атрибут, дородный Тигр безмятежно брел рядом, спокойный, в полной гармонии с окружающим миром.

Мистер Рабади имел обыкновение выгуливать Тигра во дворе рано утром и поздно вечером. Тигр скреб лапами и обнюхивал землю в поисках подходящего места и обычно выбирал Густадовы кусты, розовый и *сабджо*[107], от которых приходил в восторг. Поскольку был крупной собакой, он оставлял весьма внушительные и дурно пахнувшие кучи, которые лежали в кустах до тех пор, пока на следующее утро не приходил *кучравалли*[108] и не подметал двор. Густад неоднократно просил мистера Рабади не подпускать собаку к кустам, но тот утверждал, будто невоз-

[107] Сноски: 107
Сабджо — здесь: зеленый (*хинди*).

[108] Сноски: 108
Кучравалли — дворник (*хинди*).

можно удержать такого большого и сильного пса, как Тигр. В конце концов, спрашивал мистер Рабади, что бы почувствовал сам Густад, если бы кто-то оттаскивал его от туалета, когда ему туда нужно позарез?

Противостояние со вспыхивавшими время от времени ссорами продолжалось, и однажды вечером Густад, заметив пресловутую парочку у кустов, открыл окно и выплеснул на них ведро холодной воды, хозяин и собака промокли насквозь.

— Ах, простите, — невозмутимо сказал Густад, — я как раз поливал свои растения.

Судя по всему, Тигру купание понравилось, он дружелюбно залаял и завилял хвостом, а вот мистер Рабади оглашал вечернюю темноту угрозами до тех пор, пока сверху, из разных окон дома не начал раздаваться смех.

К семи годам Тигр стал малоподвижен и страдал ожирением. Даже короткая прогулка по двору изнуряла его, и стоило огромных усилий заставить его, задыхающегося и отдувающегося, подняться обратно по лестнице. Но однажды утром что-то стукнуло ему в голову, и он сорвался. Невзирая на свою комплекцию, он сделал семь бешеных кругов по двору — по одному за

каждый год своей короткой жизни, — прежде чем мистеру Рабади удалось его остановить. Однако усилие оказалось, видимо, чрезмерным для непривычного сердца Тигра. Он отошел в тот же день на закате, и мистер Рабади быстро организовал встречу с *дустурджи* Барией, чтобы тот объяснил ему странную смерть его собаки.

Дустурджи Бария молился в храме огня весь день, за исключением двух часов, в течение которых он каждое утро раздавал советы таким людям, как мистер Рабади. Освободившись от своих обычных обязанностей священнослужителя, поскольку годы давали о себе знать, он, бывало, проводил время, укрепляя связь со своим контрагентом там, наверху, который, по его словам, являлся источником его озарений.

Дустурджи Бария раздавал советы бесплатно и неограниченно; не существовало ситуаций, в которых он не мог бы разобраться. В считаные минуты он объяснил, почему смерть Тигра оказалась именно такой, какой оказалась. Но что было еще важнее, он дал мистеру Рабади точные указания относительно его следующей собаки: она должна была быть белой, сказал он, женского пола, весить не более тридцати фунтов и иметь в холке не больше двух футов; мистер Рабади

может дать ей любое имя, только начинаться оно должно непременно на букву К. Он также предписал ему по определенным дням месяца читать молитву *тандарости*[109] за здравие собаки.

Вооруженный наставлениями *дустурджи* Барии, мистер Рабади отправился покупать собаку. Для всех жителей Хододад-билдинга было огромным облегчением, когда преемницей Тигра оказалась маленькая белая девочка — померанский шпиц, которую назвали Капелькой. Густадовы кусты никакого интереса для нее не представляли, поскольку к тому времени все рыбки и птицы Дариуша полностью разложились. Однако неприязнь между мужчинами не только не исчезла, но и не уменьшилась.

— Этот идиот-собачник может болтать все что угодно, — сказал Густад. — А где сейчас Дариуш?

— Думаю, еще играет во дворе. — Дильнаваз обмахивалась газетой. — Вот наказание — столько мух!

— А все из-за этой мерзкой стены, — откликнулся Густад. — Вот стемнеет, еще и москиты налетят. Я сегодня видел их целые тучи.

Когда к обеду вернулся Дариуш, Густад потре-

---

[109] Сноски: 109
Тандарости — молитва о здоровье в зороастризме.

бовал рассказать в точности, что произошло.

— Ничего, — возмущенно ответил мальчик. — Иногда я разговариваю с Жасмин, если она бывает во дворе вместе с моими друзьями. Я со всеми разговариваю.

— Послушай. Ее отец чокнутый. Так что держись от нее подальше. Если она в компании твоих друзей, не подходи к ним.

— Это нечестно, — запротестовал Дариуш. Однако правда состояла в том, что Жасмин была единственной причиной, по которой он в последнее время так часто встречался с друзьями. Он таял от взгляда ее бархатистых карих глаз, никогда прежде ему не доводилось испытывать такого приятного чувства.

— Честно или нечестно, мне все равно. Я не хочу, чтобы собачник снова пожаловался. Дискуссия окончена. Давайте обедать.

Но обед стал настоящим испытанием: мухи жужжали и роились над едой, москиты пикировали на стол со всех сторон. Рошан вздрагивала каждый раз, когда насекомое садилось в ее тарелку, между тем как Дариуш тренировал сноровку, пытаясь ловить их на лету.

— Надо плотно закрыть все окна, — сказал Густад, — и мы перебьем всех, которые останутся

внутри.

Однако очень скоро все вспотели в духоте закрытого помещения, и окна пришлось снова открыть.

Кое-как они все же покончили с обедом.

— Люди мочатся на стену, как будто это уборная в их собственном доме, — сказал Густад, хлопнув себя по шее и отбросив убитого москита. В аптечном отделении буфета он нашел маленький, наполовину использованный тюбик «Одомоса». — Надо завтра купить новый. Производители «Одомоса» только жиреют на этих москитах, вот и все.

Они поровну разделили оставшуюся в тюбике мазь, чтобы как-то пережить вечер.

Глава шестая

I

Каждый день, возвращаясь с работы домой, Густад с надеждой спрашивал, нет ли письма от Джимми. Но прошло уже две недели, а от майора не было ни слова насчет той помощи, о которой он просил. Однажды вечером Рошан, услышав, что его ключ поворачивается в замке, бросилась к двери.

— Папа, ты можешь мне дать рупию? Это для школы. Мать Клодиана на собрании сказала, что завтра — последний день, когда можно поучаствовать в лотерее, а там приз — красивая импортная кукла, из Италии, ростом с меня, в длинном свадебном платье и с голубыми глазами. — Она замолчала, только чтобы перевести дух.

Густад притянул дочку к себе и обнял.

— Мой сладкий маленький *bakulyoo*![110] Что ж ты так разволновалась? Этак ты скоро станешь разговаривать как Хромой Темул — быстробыстробыстро.

---

[110] Сноски: 110

Здесь: цветочек / маленькая овечка (дословно с хинди — цветок растения испанская вишня/бакул/индийская мушмула).

— Так ты дашь мне рупию?

— Вечная проблема с этими монастырскими школами. Деньги, все время деньги, деньги для матери-настоятельницы с ее широким задом.

— Ш-ш-ш-ш, — шикнула на него Дильнаваз, — не при ней!

Рошан захихикала.

— А мать Клодиана объяснила, что́ она собирается делать с лотерейными деньгами?

— Да, — ответила Рошан. — Она сказала, что половина пойдет на новое школьное здание, а половина — на помощь беженцам.

— А ты знаешь, кто такие «беженцы»?

— Мать Клодиана нам объяснила. Это люди, которые убежали из Восточного Пакистана и прибежали в Индию, потому что люди из Западного Пакистана убивают их и сжигают их дома.

— Ладно. Получишь ты свою рупию. — Он открыл бумажник. — Но помни: это не значит, что кукла достанется тебе. Это же лотерея.

— Да, да, папа, мать Клодиана нам и это объяснила. У каждой из нас будет номер, и та девочка, чей номер вытащат, получит куклу. — Она сложила рупию, достала из школьного рюкзака пенал и засунула ее под линейку. — Папа, а почему Западный Пакистан убивает людей из Восточного

Пакистана?

Густад развязал галстук и разгладил его в том месте, где был узел.

— Потому что он злой и эгоистичный. Восточный Пакистан беден, и он сказал Западному: мы голодаем, пожалуйста, дай нам нашу справедливую долю. Но Западный ответил — нет! Тогда Восточный сказал: в таком случае мы не хотим больше работать с тобой. И в наказание за это Западный Пакистан начал убивать и сжигать Восточный Пакистан.

— Как это подло, — сказала Рошан. — И как жалко Восточный Пакистан.

— В мире много подлого и печального. — Он повесил галстук, расстегнул манжеты на рукавах рубашки, после чего спросил Дильнаваз насчет почты. От Джимми — ничего, но есть письмо из Целевого фонда образования. Он присовокупил очередной бланк для заявки к тем, которые уже собрались у него за последние несколько недель.

— Ты только посмотри, — с горечью сказал он, припечатав стопку тыльной стороной ладони. — Во сколько мест я обращался ради этого неблагодарного мальчишки! — Он стал поочередно перебирать бланки. — В Фонд образования

Парсийского *панчаята*[111], в Научно-исследовательский фонд Сетны[112], в Фонд образования и развития Таты[113], в Благотворительный фонд высшего образования Вадиа-груп[114]. Я все эти организации обошел, прикладывал ладонь ко лбу, молитвенно складывал руки и говорил: «сэр», «мадам», «пожалуйста» и сто раз благодарил, чтобы они пообещали выделить стипендию. А теперь твой фон-барон заявляет, что ИТИ его, видите ли, не интересует.

Дильнаваз аккуратно собрала бланки.

— Не расстраивайся, все уладится. Бог милостив.

Каждый день на закате она семь раз обводила голову Сохраба лаймом по часовой стрелке. Но пока — ничего. «Должно быть, я с ума сошла,

---

[111] Сноски: 111

Панчаят — орган местного самоуправления.

[112] Сноски: 112

Хоми Нуссерванджи Сетна (1923–2010) — индийский ученый-ядерщик и инженер-химик, получивший международную известность в качестве председателя Государственной комиссии Индии по атомной энергии.

[113] Сноски: 113

Ратан Навал Тата (род. 1937) — индийский предприниматель, инвестор, известнейший филантроп, сын парсского бизнесмена Навала Таты, многолетний председатель совета директоров конгломерата Tata Group.

[114] Сноски: 114

Wadia Group — индийский многонациональный торгово-промышленный конгломерат со штаб-квартирой в Бомбее/Мумбаи.

если надеюсь, что есть хоть один шанс, думала она. С другой стороны, Сохраб и Густад больше не кричат и не ссорятся друг с другом, как раньше, стучу по дереву, чтоб не сглазить. Может быть, это потому, что…»

— Что он будет делать, если не поедет в ИТИ, одному богу известно.

Она перелистала бланки.

— Он же сказал тебе, что хочет продолжать учиться в своем колледже.

— И это называется что-то делать? Кому нужен диплом бакалавра искусств?

Так и тянулись дни: Густад был расстроен и зол из-за предательства сына, с нетерпением ждал письма от Джимми Билимории, которое все не приходило, и зверел от нашествия москитов, которое неизменно случалось после заката.

— Невежественных свиней, которые мочатся на улице, следовало бы расстреливать на месте! — восклицал он, бывало. Или: — Надо взорвать эту чертову стену динамитом — где они тогда будут гадить? — Это последнее замечание свидетельствовало о крайней степени его отчаяния, потому что стена была ему дорогá.

Давно, когда майор Билимория еще только поселился в Ходадад-билдинге, когда подача воды

была неограниченной, а молоко с парсийской молочной фермы — жирным и доступным для всех, в городе начался строительный бум. Не обошел он стороной и окрестности Ходадад-билдинга, вокруг него стали расти высокие здания. Первым, чего лишились жители дома, был солнечный заход: на западной стороне возвели офисное здание. Хотя в нем было всего шесть этажей, этого оказалось достаточно, потому что в Ходадад-билдинге было только три, и дом был приземистым и длинным: по десять квартир в ряд, нагроможденных друг на друга на трех уровнях, с пятью подъездами и лестничными проемами — по одному на каждый примыкающий блок квартир.

Вскоре после этого строительство началось и с восточной стороны. Для всех тридцати семей квартиросъемщиков стало ясно, что это конец эпохи. На их счастье, строительство растянулось более чем на десять лет: то не хватало цемента, то возникали проблемы с рабочей силой и оборудованием, а однажды обрушение целого крыла из-за использования некачественного «левого» цемента привело к гибели семи рабочих. Детвора из Ходадад-билдинга, которая ринулась на строительную площадку поглазеть на образовавшееся на земле темное пятно, в ужасе решила, что это

то самое место, где погибли семь человек, и что пятно — это их кровь, просочившаяся на поверхность. Отсрочка строительства дала жителям Ходадад-билдинга передышку, и мало-помалу они смирились с изменившимся ландшафтом.

С увеличением интенсивности движения и плотности населения черная каменная стена приобрела еще более важное значение. Она осталась единственным гарантом приватности, особенно для Джимми и Густада, которые на рассвете совершали свой молитвенный обряд с повязыванием пояса веры *кушти*. Стена высотой в шесть футов тянулась вдоль всего двора, укрывая их от глаз инаковерцев, пока они молились, обратившись лицом к занимающемуся на востоке свету.

Но черт с ней, с приватностью, черт бы побрал эту стену, черт бы побрал эту вонь, думал теперь Густад. Они покупали «Одомос» тюбик за тюбиком, втирали его во все открытые части тела, но проклятые москиты продолжали жужжать, кусать и сводить с ума. По загадочной причине мазь наименее эффективно действовала на Густада. Полночи он чесался, прихлопывал москитов и ругался.

Да еще Дильнаваз, видно, чтобы окончательно

лишить его рассудка, рассказала ему о том, что в детстве у нее был сосед, обладавший иммунитетом от москитов.

— Это чистая правда, — говорила она. — Когда был маленьким мальчиком, он как-то съел огромное количество москитов. То ли нарочно, то ли по ошибке, неизвестно. Ну, ты знаешь, как дети все тащат в рот.

Но с тех пор москиты прекратили кусать этого мальчика. И, став взрослым, он превратился в москитостойкого мужчину. Насекомые садились на его кожу, забирались ему в волосы, заползали под одежду, но никогда не кусали. Вероятно, те, которых он съел, изменили состав его крови и запах тела, сделав его как бы одним из них. И его их жужжание и кружение не раздражало, он говорил, что для его ушей это было все равно что любовная серенада.

— Ну и что ты предлагаешь? — огрызнулся Густад, шлепая себя по лицу, плечам и груди. — Перестать пользоваться «Одомосом» и начать жевать москитов?

А потом цена на «Одомос» подскочила вместе с ценами не только на предметы роскоши, но и на все необходимое, начиная со спичек и заканчивая гигиеническими прокладками.

— Этот налог на помощь беженцам, — высказался Густад, — всех нас превратит в беженцев.

И словно всех этих проблем было мало, Рошан и Дариуш стали требовать старые газеты. Им это нужно было для школы — тоже сбор в пользу беженцев. Учителя организовывали соревнования, принесенная учениками макулатура взвешивалась каждое утро, результаты оглашались на общем собрании. Англоязычные газеты складывались отдельно, потому что качество их печати было выше, чем у местных, и их на килограмм требовалось больше.

Дильнаваз пыталась объяснить Рошан и Дариушу источники их семейного бюджета: единственная для них возможность каждый месяц оплачивать счет за подписку — это продавать старые газеты *джарипуранавалле*[115]. Но дети умоляли, говорили, что учителя будут сердиться, если они придут с пустыми руками, и Густад разрешил им взять по пять экземпляров «Джем-И-Джамшед»[116].

---

[115] Сноски: 115

Джарипуранавалла — старьевщик, сборщик макулатуры (*хинди*).

[116] Сноски: 116

«Джем-И-Джамшед» — еженедельная газета, выходящая в Бомбее/Мумбаи частично на гуджарати и в основном на английском языке и представляющая интерес для зороастрийской общины в Индии. Одна из старейших газет в Азии.

Дариуш заявил, что предпочитает пять штук «Таймс оф Индия», потому что друзья будут смеяться над газетами парсийских *бавaджи*. Густад и слышать ничего подобного не желал.

— Ты должен гордиться своим наследием. Бери «Джем-И-Джамшед» или не получишь ничего.

Тогда Дариуш решил пройтись по соседям, спросить, нет ли у них ненужных газет. Отец только посмеялся над ним:

— Никто не даст тебе ни клочка. — Но поскольку Дариуш все же хотел попытаться, он поставил ему два условия: — Во-первых, держаться подальше от мисс Кутпитьи и идиота-собачника. Во-вторых, если удастся все же что-то раздобыть, — поделиться с сестрой.

II

Неделю спустя, когда Густад, вернувшись с работы, сел, чтобы снять туфли, Дильнаваз, сияя, вручила ему конверт. Простояв в автобусе на ногах всю дорогу, он устал, но в этот момент усталость как рукой сняло. Наконец-то! Успев снять только одну туфлю, он схватил конверт. На нем ничего не было написано. Странно, подумал Густад, открывая его.

Уважаемые мистер и миссис Нобл,

имею удовольствие сообщить вам от имени матери Клодианы, что ваша дочь выиграла первый приз в нашей Ежегодной школьной лотерее.

Не сочтите за труд организовать доставку приза. Кукла довольно большая, и, боюсь, маленькой Рошан будет не под силу привезти ее на школьном автобусе. Будет очень жаль, если кукла пострадает. Кукла находится в моем кабинете (рядом с главной гостиной), и я была бы вам признательна, если бы вы организовали перевозку как можно скорей.

Просим принять нашу искреннюю благодарность за участие в лотерее, которое способствовало успеху нашей кампании по сбору средств. Когда наше новое школьное здание будет готово, это случится благодаря щедрому содействию таких родителей, как вы.

Искренне ваша,
сестра Констанс.
(Комитет по проведению лотереи)

Густад не смог скрыть своего разочарования.

— Я думал, это письмо от Джимми. Ты не могла меня предупредить, когда отдавала письмо?

— Чего ты так расстраиваешься? Захочет майор написать — напишет. Но ради Рошан, пожалуйста, смени выражение лица, она так взволнована, ты же знаешь, у нее никогда в жизни не было куклы.

Он внял просьбе Дильнаваз, как только Рошан вбежала в квартиру со двора.

— Папа! Папа! Я выиграла куклу!

Он подхватил ее на руки.

— Моя куколка выиграла куклу. Но я уверен, что из вас двоих ты — красивей.

— Нет! Кукла гораздо красивей, у нее голубые

глаза, светлая кожа, такая розовая, и чудесное белое платье!

— Голубые глаза и розовая кожа? Фи! Кому это нужно?

— Папа! Не говори «фи» про мою куклу. Можно мы поедем за ней прямо сейчас? Сестра Констанс сказала, что ты должен приехать и…

— Да, я прочел ее записку. Но сейчас уже слишком поздно, может, завтра, у меня будет полдня.

— Но по воскресеньям школа не работает.

— Не волнуйся, сестра Констанс будет на месте, — сказал Густад, и Дильнаваз согласилась с ним, но все же предложила мужу позвонить сестре на случай, если та собирается отлучиться на рынок или в кино. В конце концов, теперь не так, как в старину, когда монашки все время сидели в монастыре и только и делали, что прибирали, шили и молились.

— Возьми тридцать пайс и сходи к мисс Кутпитье, — сказала Дильнаваз, потому что мисс Кутпитья была единственной в Ходадад-билдинге обладательницей такой роскоши, как телефон. Роскошь, однако, иногда бывала обременительной, потому что соседи (даже те, кто считал ее злой и сумасшедшей) давали ее номер своим родственникам и друзьям, чтобы те могли связаться

с ними в экстренных случаях.

Тем, кто приходил позвонить, разрешалось войти в квартиру не более чем на два шага: заветный черный аппарат стоял на маленьком столике рядом с входной дверью. Тем не менее у всех посетителей находилось что рассказать об увиденных странностях. С площадки был слышен долгий разговор из-за двери, тем не менее, когда дверь открылась, в квартире оказалась только мисс Кутпитья. Жила она как скряга — типичная чудачка с большим сдвигом: повсюду пыль и паутина, стопки старых газет громоздятся до потолка, пустые бутылки из-под молока во всех углах, занавески оборваны, из диванных подушек торчат наружу внутренности, и треснутые абажуры свисают с потолка, как подбитые птицы или летучие мыши. Все говорили, что в деньгах она не нуждается, это было очевидно. Иначе как бы она могла позволить себе молоко с парсийской молочной фермы и приготовленную на заказ еду, которую ей персонально доставляли из столовой Института Ратана Таты?

Причина, говорили они, по которой она никого не допускает внутрь квартиры, — не присутствие

айи[117], или *гунги*[118], или друга, или родича, причина в том, что у нее есть страшный секрет: тела двух умерших родственников, которые она забальзамировала много лет назад, вместо того чтобы должным образом отправить их в Башню Безмолвия. Другие утверждали, что это чушь, никаких мумий у мисс Кутпитьи нет, только сухие кости. Во время похорон она подкупила нескольких *насусаларов*[119] в Башне Безмолвия, чтобы те, после того как стервятники очистят кости от плоти и перед тем как кости сбросят в центральный колодец с известью и фосфором, забрали их и отдали ей. Естественно, кости, которые мисс Кутпитья прячет от посторонних глаз, говорили они, и являются причиной ее скрытности и странного поведения.

— Ладно, — сказал Густад, — я пойду, но прежде пусть Рошан спросит, можно ли. Скажи ей: тетушка, можно папе прийти воспользоваться вашим телефоном, пожалуйста?

---

[117] Сноски: 117
Айя — няня или служанка-туземка (*хинди*).

[118] Сноски: 118
Гунга — посудомойки-индуистки (*хинди*).

[119] Сноски: 119
Насусалары — специальная наследственная каста носильщиков трупов, единственные люди, которым разрешаются физические манипуляции с мертвым телом для погребения.

— Я боюсь туда идти, — сказала Рошан.

— Не говори глупостей, — вмешалась Дильнаваз. — Ты хочешь получить свой приз или нет?

Предвкушение куклы победило страх Рошан.

Густад взял секатор и срезал цветок со своего бесценного куста.

— Скажи: это вам от папы.

— Ого, это что-то новенькое, — заметила Дильнаваз, но он лишь отмахнулся от ее шутки, дав понять, что сам знает, как делаются такие дела.

Рошан вернулась с разрешением от мисс Кутпитьи и пошла к ее телефону вместе с отцом. Наступал вечер, но Хромой Темул был во дворе и следил за ними с его дальнего конца.

— ГустадГустадГустад! — Под мышкой у него была пачка бумажных листков, в руке он сжимал шариковую ручку. — ГустадГустадподождиподожди. — Размахивая листками, он приблизился к ним настолько быстро, насколько позволяла его перекатывавшаяся и подпрыгивавшая походка. — ВажноГустадоченьоченьважно.

— Не сейчас, Темул, — сказал Густад, — я занят. — Наверное, какая-нибудь чушь, которую навязали бедному парню, подумал он, вспомнив, как Шив Сена наняла его распространять расистские буклеты, направленные против бомбейских

меньшинств. Они пообещали ему мороженое в шоколаде «Квалити чок-о-бар», если он хорошо выполнит задание. Возвращаясь из банка, Густад увидел тогда, что его вот-вот изобьет группа разъяренных индийцев-южан, работавших в офисном здании на их улице. Густад попытался было им объяснить, в чем дело, но они и его приняли за врага, поскольку он хотел защитить агента Шив Сены. На счастье, в этот момент домой, в Ходададбилдинг, возвращался из полицейского участка инспектор Бамджи. Увидев Темула и Густада в окружении враждебно настроенной компании, он остановил своего «короля дорог»[120] и посигналил. Нападавшие заметили полицейскую форму и начали разбегаться, прежде чем инспектор Бамджи вышел из машины. Позднее Густад предостерег Темула, чтобы тот не брал ничего у незнакомцев.

Сейчас он старался говорить спокойно и терпеливо, чтобы унять возбуждение Темула:

— Я вернусь через полчаса. Приходи, тогда и прочтем, что там у тебя. — Должен же хоть кто-то

---

[120] Сноски: 120

Индийский автомобиль «Hindustan Ambassador», с 1957 года производившийся заводом «Хиндустан моторз» на базе английского «Моррис Оксфорд III», считался полностью индийским автомобилем и неофициально с нежностью величался «королем дорог Индии».

присматривать за несчастным юродивым.

— ПожалуйстаГустадпожалуйста. Прочтипетициюпожалуйстапожалуйста. — Он поплелся за ними к подъезду мисс Кутпитьи, но остался у подножия лестницы, безнадежно глядя им вслед.

На втором этаже они остановились перед дверью мисс Кутпитьи. Шторка дверного глазка сдвинулась, и на них уставился немигающий глаз.

— Это Густад Нобл, позвонить, — громко представился Густад этому глазу, сопроводив предствление жестами: словно бы прижимая трубку к уху левой рукой, правой он имитировал набор номера на телефонном диске. Глаз исчез, послышался отдававшийся эхом в коридоре лязг отпирающихся английских замков и сдвигающихся щеколд, дверь отворилась.

Довольно бесхитростно он попытался заглянуть за пределы передней, но комнаты то ли были закрыты, то ли тонули в темноте. Она резко одернула его:

— Телефон — вон там. — Из висевшей у нее на шее связки она выбрала ключ и отперла замочек, блокировавший трубку. Он набрал номер монастыря, указанный в записке сестры Констанс. На телефонной книге лежала его роза. Мисс Кут-

питья подождала, пока он закончит разговор, и сказала:

— Тридцать пайс.

— Конечно-конечно. — Он с готовностью зашарил в кармане.

— И, уходя, заберите свою розу.

— Но это…

— Все это притворство ни к чему. — Она прищурилась. — Просто запомните одну вещь. — Дрожащий, костлявый хрупкий палец нацелился в него, и он ощутил укол раскаяния. — Старость и горести однажды приходят к каждому. — Ее слова превращали ход времени в ужасное проклятие.

Он виновато протянул ей тридцать пайс.

— Благодарю за то, что разрешили позвонить. — Он почувствовал, что краснеет, и в ушах зазвенел собственный голос, кричавший на нее в тот вечер, когда состоялся их званый ужин.

Когда мисс Кутпитья заговорила снова, от недавней резкости в ее голосе не осталось и следа.

— Подожди, Рошан. — Она подала девочке стопку старых газет. — Я слышала, тебе это нужно для школы.

— Спасибо, — сказала Рошан, оседая под тяжестью увесистой пачки.

— Покажешь мне свою куклу, когда ее привезут? — Рошан кивнула. — Ну, пока, — сказала мисс Кутпитья.

— До свидания, — ответила Рошан.

Когда они спускались по лестнице, Густад освободил дочку от груза. Темула во дворе не оказалось, но тишину вдруг нарушил громкий голос. Подняв головы, они увидели в окне второго этажа Кавасджи:

— Ты столько отдаешь Татам, а мне — ничего? И Вадиям[121] ты даешь, даешь и даешь! Ты что, не слышишь моих молитв? Ты набиваешь карманы только всяким Камам[122]. А нам, остальным, думаешь, ничего не нужно?

Кавасджи было под девяносто. Он имел обыкновение высовывать свою старую седовласую голову из окна и корить небеса, выражать свое недовольство тем, как в высшей степени несправедливо Всемогущий управляет вселенной. Спрос

---

[121] Сноски: 121

Вадия — известная семья бомбейских парсов, основателей крупнейшего индийского торгово-промышленного конгломерата Вадия-груп.

[122] Сноски: 122

Харшеджи Рустомджи Кама (1831–1909) был парсийским ученым и реформатором из Бомбея, а также одним из основателей первой индийской торговой фирмы в Европе.

на целебное Густадово *сабджо*[123] от домочадцев Кавасджи был постоянным, потому что Кавасджи страдал гипертонией. Каждый день его сноха вешала ему на шею свежий росток мяты. Пока росток оставался свежим, он действовал, давление старика не взлетало до небес, так же как и его гнев.

Окно с грохотом захлопнулось, оборвав поток направленного в небеса космического критицизма Кавасджи, Густад опустил голову и скользнул взглядом по верхней странице пожелтевшей, пропыленной стопки газет мисс Кутпитьи. На размещенную там фотографию падал тусклый свет, сочившийся из соседского окна. На снимке было запечатлено огромное облако, образовавшееся после взрыва, под снимком стояла дата. О господи! Тысяча девятьсот сорок пятый год! Неужели она так долго хранит газеты?

---

[123] Сноски: 123
Здесь: отвар, снадобье из цветов.

III

На следующий день, пока Густад, выйдя из такси, расплачивался с водителем, к нему, шаркая, подошел Хромой Темул.

— ГустадГустадподождипожалуйстаподожди.

Пачка листков снова была у него под мышкой.

Густад решил действовать строго; время от времени на Темула это действовало.

— Что за ерундой ты занимаешься? Целый день болтаешься во дворе. Сделай что-нибудь полезное. Подмети пол, вымой посуду, помоги брату.

— ГустадГустаднебездельничаю. Оченьважнобыстропетицияпожалуйста. Пожалуйстапрочтиғустад.

— Ты же собирался принести ее вчера вечером. Что случилось?

— ЗабылзабылГустадзабыл. Простипростизабыл.

Таксист уже выказывал нетерпение.

— Сначала забери свою *мемсаиб*[124], потом трепись хоть весь день, если хочешь.

---

[124] Сноски: 124

Мемсаиб — почтительное обращение к европейской женщине в Индии.

Густад нырнул в салон и осторожно, словно ребенка, достал куклу в полном свадебном облачении; кукла заблеяла: ма-мм-ма. Голубые глаза открылись и закрылись.

— Ооооооо!!! — выдохнул Темул. — Оооооооо!!! Густадпожалуйстапожалуйстапожалуйста!

— Убери руки, — строго сказал Густад. — Можно только смотреть. А то испачкаешь. Видишь, какое у нее платье — белое, как молоко?

Темул быстро вытер ладони о рубашку и протянул их Густаду.

— ПосмотриГустадчистые. Чистыеоченьчистыеруки.

Густад взглянул на его руки. Ничего не случится, пусть бедолага удовлетворит свое желание.

— Ладно. Но только один раз. — Темул, в возбуждении, приблизился на шаг и встал на цыпочки. Сияющими глазами глядя на куклу, он нежно погладил ее по лицу и крохотным пальчикам. — Ну все, хватит.

— ПожалуйстапожалуйстаГустадещераз. — На сей раз он легонько похлопал куклу по щеке. — ГустадГустад, — сказал он и снова похлопал кукольную щечку, — ооооооо! — Его глаза наполнились слезами. Некоторое время он пе-

реводил взгляд со спящего лица куклы на лицо Густада, а потом разрыдался и заковылял прочь. Густад, печально качая головой, зашел в дом. Усадив куклу в свое кресло, он разгладил ее длинное свадебное платье, выровнял тиару на голове и расправил фату.

— Папа! — Рошан выбежала из задней комнаты и попыталась поднять куклу.

— Как так? А меня ты разве не обнимешь? Только куклу? — Девочка поспешно обняла отца и бегом вернулась к кукле. — Осторожно, она слишком большая для тебя, чтоб носить на руках.

— Все эти дорогие белые одежды, — раздраженно заметила Дильнаваз, — они же вмиг испачкаются.

— И как глупо делать такую большую куклу, — подхватил Густад, глядя, как Рошан карабкается на глубокое вместительное кресло своего прадеда и садится рядом с куклой. — Как ребенок может играть с такой гигантской куклой?

— Может, когда подрастет?

— Подрастет? Да она уже выросла из кукольного возраста. И что нам делать? Нельзя же оставить куклу здесь.

Дильнаваз предположила, что нужна какая-нибудь коробка вроде витрины, в которой кукла

могла бы стоять, потому что такая кукла — не игрушка.

— А пока, — сказала она, — положим ее на нижнюю полку буфета.

Рошан эта идея не понравилась, даже при том, что ее заверили, будто это только временно. Однако кукла, в своем пышном наряде, особенно в объемной нижней юбке с кринолином, на полке не помещалась. В разгар споров о том, что делать, прозвенел звонок. Дильнаваз посмотрела в глазок.

— Это тот идиот. Отошли его.

Открыв дверь, Густад увидел, что глаза у Темула сухие.

— ГустадГустадпожалуйставажнаяпетиция. — Он заметил куклу в кресле и вздохнул: — Оо-ооооох! ГустадГустадпожалуйстапотрогатьтолькоодинраз.

— Нет! — ко всеобщему удивлению рявкнула Рошан.

— Рошан! — предостерегающе сказал Густад и, повернувшись к Темулу, продолжил: — Сколько можно ее трогать? Ты уже натрогался во дворе. А потом снова начнешь плакать.

— Плакать? Почему плакать? — удивилась Дильнаваз.

— ПожалуйстаГустаднебудуплакать. Обещаю-пожалуйстаможнопотрогать?

Густад сдался, и Темул мгновенно сунул руку под фату, посмотрел в голубые кукольные глаза, погладил по щеке, по накрашенным красной помадой губам и весело рассмеялся.

— Ну ладно, Темул, хватит. Давай прочтем петицию. — Перед тем как Густад решительно повел его к столу, Темул успел последний раз прикоснуться к гладкой холодной пластмассовой щеке куклы. Петицией оказался ответ хозяина дома на письмо из муниципалитета, с подробным объяснением того, какие трудности ждут жителей дома, если площадь двора будет урезана. В своем сопроводительном письме-обращении к квартиросъемщикам хозяин призывал их подписать петицию, тем самым выразив свое несогласие с пагубным планом городского руководства, и объединить усилия, чтобы воспрепятствовать его осуществлению.

Дильнаваз начала раздевать куклу. Сначала сняла с нее фату и тиару, потом отколола маленький букетик, предусмотрительно пришпиленный к руке куклы так, чтобы создавалась иллюзия, будто ее пальцы сжимают его. Темул зачарованно следил, как кукла освобождается

от жемчужного ожерелья, туфелек, чулок. Когда Дильнаваз начала расстегивать пуговки на платье, он пришел в большое возбуждение.

— Послушай, Темул, будь внимателен, — сказал Густад. — Ты знаешь, что с этим нужно делать?

Но Темул был полностью поглощен раздеванием куклы. Когда Дильнаваз дошла до нижнего белья, тонкая струйка слюны потекла из уголка его рта.

— Темул!

Темно-красный язык, местами обложенный желтым налетом, подхватил слюну.

— ГустадГустадоченьважнаяпетицияИбрахим сказал.

— А, так он приходил собирать арендную плату? А ты понял, что он тебе сказал?

— Оченьоченьважнаяпетициянужновсемподписать.

Густад пересчитал количество экземпляров. Тридцать. Он заставил Темула сесть спиной к кукле.

— Слушай внимательно, — начал он, но в этот момент принесли почту. Он бросил конверты на стол. Падая, те рассыпались веером. На одном из них значился обратный адрес: почтовое отделение в Нью-Дели. — Слушай меня очень

внимательно, — повторил он.

— СлушаюслушаюГустадаслушаюоченьоченьвнимательно.

— Разнеси эту петицию по всем квартирам. Понял?

Темул энергично закивал.

— Всемвсемквартирамвсемвсем.

— По одному экземпляру на каждую квартиру. Скажи, чтобы внимательно прочли и подписали. И говори медленно. Сказал одно слово — остановись, потом — еще одно слово. Медленно. Ты понял? Медленно.

— ДадададаГустадмедленномедленно. Спасибоспасибо Густад.

Прежде чем направиться к выходу, он замялся. Кукла была теперь обнажена до своего бледно-розового пластмассового анатомического естества.

— Ооооооооооо! — Ноздри Темула затрепетали, губы задвигались, словно он что-то жевал, рука сама собой потянулась вперед.

— Темул! — Парень двинулся дальше. У двери он оглянулся и пожирающим взглядом успел в последний раз посмотреть на куклу, прежде чем Густад закрыл за ним дверь. Покачав головой, Дильнаваз принялась аккуратно складывать фату, шлейф, платье и схлопнувшиеся без обруча

нижние юбки.

— Пришло, — тихо сказал Густад.

Так же, как он, Дильнаваз постаралась скрыть волнение.

— Ты уже прочел?

— Давай сначала покончим с этим.

С крышки буфета он достал пустой чемодан. Она стерла с него пыль и уложила в него кукольную одежду. Рошан с несчастным видом наблюдала, как куклу заворачивают в старую простыню и закрывают на нижней полке маминого буфета.

IV

Густад вскрыл конверт ножом для бумаги, вырезанным из слоновой кости, когда-то он принадлежал его бабушке. Ручка была сделана в форме изящной фигурки слона, плоскости лезвия украшал нежный цветочный орнамент, нож представлял собой хрупкий изысканный инструмент. Густад пользовался им нечасто, считая, что фамильные ценности — нечто особое, их нужно беречь и лелеять, чтобы передать потомкам, а не использовать как коробку из-под какао или бутылку из-под масла для волос. Но и письмо на этот раз было особенным.

Дорогой мой Густад,

спасибо тебе за ответ. Я был чрезвычайно рад получить его. Я бы не пережил утраты нашей дружбы. Не мог ответить сразу, поскольку был в отъезде – посещал приграничные районы. Печальное зрелище. Я думал, что меня ничто уже не может потрясти после того, как я увидел, какие злодеяния творили в Кашмире северо-западные племена. Но то, чему

я стал свидетелем теперь, работая на НАК[125], не поддается никакому описанию. (Упоминал ли я в прошлом письме, что работаю на Научно-аналитическое крыло?) Эта новая порода пакистанских живодеров – что-то доселе невиданное. Поверь мне, Густад, все, что пишут в эти дни газеты об их зверствах, правда.

Но позволь перейти к делу. Единственное, что тебе придется сделать, это пойти на Чор-базар между двумя и четырьмя часами дня в любую из трех пятниц по получении этого письма. Найди там уличный книжный развал. Их на Чор-базаре много, поэтому я сказал своему агенту, чтобы он выложил на видном месте том Полного собрания сочинений Шекспира. А чтобы ты был совершенно уверен, что это тот развал, который тебе нужен, открой книгу на пьесе «Отелло»: конец первого акта, сцена третья, где Яго дает советы Родриго. Строка

[125] Сноски: 125

Научно-аналитическое крыло (RAW — Research & Analysis Wing, *англ.*) — Агентство внутренней безопасности и контрразведки Индии при Министерстве внутренних дел.

«Набей потуже кошелек»[126] *будет подчеркнута красным.*

Мой человек передаст тебе пакет. Пожалуйста, забери его домой и следуй инструкциям, которые найдешь во вложенной в пакет записке. Это все. Уверен, что ты узнаешь моего человека, ты встречался с ним однажды, много лет назад. Шекспир – на тот случай, если его не окажется на месте и он оставит вместо себя дублера.

Удачи тебе, Густад, и еще раз – спасибо. Если что-то во всем этом кажется тебе странным, пока просто доверься мне. Когда-нибудь, когда я вернусь в Бомбей, мы посидим за бутылочкой «Геркулеса XXX» и поговорим об этом.

Твой друг, с любовью,
Джимми.

Дочитывая письмо, Густад улыбался. Дильнаваз смотрела на него с нетерпением.

— Ну, что он пишет? Приедет? Он может на несколько дней остановиться у нас, на ночь бу-

---

[126] Сноски: 126
Перевод Б. Пастернака.

дем сдвигать чайный столик и класть матрас возле дивана.

— Не беги впереди паровоза. Никто не приезжает, он только хочет, чтобы я пошел на Чор-базар и забрал пакет.

— Почему на Чор-базар? Не очень приятное место.

— Не говори глупостей. Если сохраняется название, это еще не значит, что место по-прежнему кишит ворами. Туда теперь даже иностранные туристы ходят.

— Но почему просто не отправить пакет сюда по почте?

— Вот. — Он протянул ей письмо. — Прочти сама.

«Интересно, кто такой этот его агент, с которым я якобы когда-то встречался», — подумал он.

— По мне, так все это странно: поход на Чор-базар, Шекспир и это… как оно там называется?.. Научно-аналитическое крыло. Не знала, что Джимми еще и ученый.

Густад рассмеялся.

— НАК — это индийская секретная служба. А Джимми — не ученый, он — агент ноль ноль семь.

В окно она увидела приближающегося Сохраба

и заблаговременно открыла дверь. Рано он сегодня, сказала она про себя, а вслух, обращаясь к Густаду, произнесла:

— Значит, ты собираешься выполнить его поручение?

— Да, друга подводить нельзя, собираюсь.

— И что такое ты собираешься сделать? — входя, подхватил Сохраб.

Густад проигнорировал его, но Дильнаваз охотно объяснила:

— От дяди майора пришло письмо. Вот, прочти и скажи, что ты по этому поводу думаешь.

— Никто не нуждается в советах твоего сына, — фыркнул Густад.

Сохраб быстро пробежал письмо.

— Я удивлен, что дядя майор поступил в НАК.

Эти слова вновь пробудили в его отце раздражение и горечь.

— Домашний гений высказался.

Сохраб невозмутимо продолжил:

— Наша дражайшая премьер-министр использует НАК как свою частную полицию — чтобы делать всю грязную работу.

— Хватит молоть чушь! Джимми причастен к чему-то сверхсекретному, касающемуся Восточного Пакистана. А ты вот так, походя, называешь

это грязной работой! Черт его знает, какие газеты ты читаешь. — Он в бешенстве вскочил и зажег свет. При затемненных окнах сумерки имели обыкновение наступать мгновенно.

— Но это же правда. Она посылает людей из НАК шпионить за оппозиционными партиями, провоцировать беспорядки и насилие, чтобы давать возможность полиции вмешиваться. Это широко известный факт.

— Я читаю газеты и знаю, что происходит. Сплошные слухи и клевета — никаких доказательств! — Возмущение разгоралось в нем как малярийная лихорадка.

— А как насчет химичинья с выборами? Только НАК могло это устроить. Она превратила демократию в настоящее посмешище.

Густад вырвал письмо из рук Сохраба.

— Снова слухи! Ты что, думаешь, выборы — это детские фокусы? Все это вздор насчет химической обработки бюллетеней и автоматически появляющихся и исчезающих крестов! Насмешка над демократией — это люди, которые слепо верят слухам. Без должных доказательств.

— Да полно́ доказательств было представлено в ходе слушаний. Достаточно для того, чтобы передавать дела в суд. Как ты думаешь, почему

она перетасовывала судей? — Сохраб в отчаянии взывал взглядом к матери.

Та лишь беспомощно слушала, как Густад кричал, что у него снова вскипают мозги.

— Полюбуйся, теперь мальчишка вообразил себя экспертом в юриспруденции, политике и работе спецслужб. Враг у порога, этот пакистанский пьяница Яхья[127] заваривает какую-то кашу вместе с Китаем, а дураки вроде твоего сына несут всякую ахинею насчет премьер-министра. — Он нацелил указательный палец на Сохраба. — Пусть лучше этот гений закроет рот сам, прежде чем я его ему закрою. И прежде чем он свалится с высокой крыши, на которую забрался.

Сохраб встал с презрительным видом, собираясь уйти.

— Стой! — крикнул Густад и спросил Дильнаваз: — Где эти бланки заявок?

Она с огорченным видом вручила их ему. Какая была глупость верить в силу зеленого лайма. Если только… Если только, как предупреждала мисс Кутпитья, тут не требуется что-то более сильное. Раз уж зло и тьма оказались могущественней,

---

[127] Сноски: 127

Ага Мухаммед Яхья Хан (1917–1980) — пакистанский государственный деятель, генерал, третий президент Пакистана, совмещал эту должность с должностью министра иностранных дел.

чем она думала.

Густад протянул бланки Сохрабу и велел сосчитать количество мест, куда он обращался ради никчемного, неблагодарного мальчишки, количество раз, когда он прикладывал руку ко лбу, складывал ладони и повторял: «сэр», «мадам», «пожалуйста», «большое вам спасибо».

— Сосчитай эти бланки, — сказал он, — а потом выбрось их ко всем чертям.

— Хорошо, — ответил Сохраб и, направляясь по узкому коридору в кухню, быстро перелистал их.

— Бессовестный пес, — скрежеща зубами, пробормотал Густад, прислушиваясь к шуршанию бумаг. Потом из кухни донесся шлепок бумаги о ржавое мусорное ведро, и Дильнаваз ринулась спасать бланки от соприкосновения с липкой грязью на дне ведра. Она спрятала их в арочном углублении, где до эры керосина и газа хранили уголь. Там же покоились и «отработанные» лаймы в ожидании морского погребения.

Глава седьмая

I

В понедельник, после очередной мучительной из-за москитов ночи, Густад рано отправился на работу. Утро было лучшим временем для встречи с управляющим, который, по мнению подчиненных, был человеком «жестко накрахмаленным», имелись в виду не только негнущиеся воротники, которые он носил независимо от жары и влажности. Но, подумал Густад, мистер Мейдон холоден, несговорчив и завязывает дурацкие узлы вокруг своей неподвижной шеи только ради беспристрастности, когда речь идет о делах банка. И если он хочет самодовольно держать в секрете свое имя, это тоже его личное дело.

Двадцать четыре года тому назад, когда Густад только еще поступил в банк, мистер Мейдон был помощником управляющего. Ходили слухи, будто тогдашний управляющий счел привычку мистера Мейдона нюхать табак отвратительной и приказал ему с ней покончить, несмотря на то что табакерка, из которой мистер Мейдон с безупречным изяществом извлекал понюшку, была сделана из золота восемьдесят восьмой пробы. Одно быстро привело к другому, и хотя никто точ-

но не знал, что случилось, но попал в немилость и покинул банк именно управляющий. А мистер Мейдон немедленно сел в заветное кресло.

Старик, бывший вахтер, который теперь проводил все время сидя в тихом углу на табуретке, такой же шаткой, как и он сам, и не имел более ответственного занятия, кроме как пить чай стакан за стаканом или разносить его другим, утверждал, будто однажды невольно услышал это тайное имя. Этот бывший вахтер Бхимсен, который никогда не называл себя по фамилии (вероятно, у него ее и не было вовсе), любил вспоминать, как однажды случайно вошел без стука в кабинет управляющего в разгар его бурной ссоры с мистером Мейдоном. Случайно — потому что кто-то из них, разгорячившись, хлопнул линейкой по столу и нажал ею на кнопку звонка, которым обычно вызывали Бхимсена. Но было это так давно, что Бхимсен, помнивший само происшествие, имя, которое тогда услышал, забыл.

Однако сколь придирчивым ни было обращение мистера Мейдона с подчиненными, сердце его оставалось добрым. Он был до абсурда педантичен в отношении порядка на своем столе: календарь, подставка для ручки, стопка бумаги, лампа — все обязано было находиться на своих

строго определенных местах. Когда Бхимсен бывал на мели, он приходил на работу утром пораньше, небритый и, вытирая пыль в кабинете Мейдона, все сдвигал со своих мест. Потом прибывал управляющий, замечал беспорядок и вызывал Бхимсена. За небрежным выговором неизменно следовали пятьдесят пайс — чтобы Бхимсен сходил в парикмахерскую, расположенную на первом этаже, и побрился; пятьдесят пайс Бхимсен благополучно прикарманивал, а вместо парикмахерской шел в туалет, где у него была заранее припрятана бритва.

— Отгул на полдня? — переспросил Густада мистер Мейдон. — В эту пятницу? — Он склонился над столом и сквозь очки в золотой оправе заглянул в календарь. — Гм-м-м. — Он поднял взгляд над золотой оправой и постучал пальцем по табакерке. — А зачем?

Человеку, не знакомому с манерой поведения мистера Мейдона, отрывистость его речи могла бы показаться грубостью.

Густад отвлекся от задумчивого созерцания великолепия кожаного кресла мистера Мейдона. Двадцать четыре года он завидовал человеку, занимавшему его, и в первые годы даже лелеял честолюбивую надежду когда-нибудь самому

сесть в это кресло. Впрочем, он очень скоро осознал, что для него в нем места нет, учитывая всеобщую кумовскую схему назначения на должности и ухабистость дороги, по которой пошла его жизнь. История для Мейдона была у него готова:

— Мне нужно сходить к врачу. Нога снова дает о себе знать.

Прошлой ночью, лежа в постели и рассматривая разные варианты приемлемых в смысле правдоподобия предлогов, он поначалу хотел сказать, что ему нужно отвезти к врачу дочку, но быстро отверг этот вариант, опасаясь гнева Всевышнего или чего-то в этом роде, что могло бы и впрямь навлечь болезнь на его ребенка. Давным-давно бабушка наставляла его: существует сонм ангелов, которые время от времени прислушиваются к словам и мыслям смертных и исполняют их желания. Конечно, это не так часто случается, объясняла бабушка, потому что таких ангелов не много, но это и к лучшему, учитывая, как беспечно и бездумно люди порой разбрасываются словами. Но все равно очень важно следить, чтобы твои мысли всегда были добрыми, иначе какой-нибудь ангел может услышать твою дурную мысль и позволит ей сбыться.

— Что случилось с вашей ногой? — поинте-

ресовался мистер Мейдон. Табакерка была уже открыта.

— Ничего нового, сэр, просто последствия несчастного случая девятилетней давности. — «Лучше я, чем дети», — промелькнуло у него в голове. — В результате…

— Я помню ваш несчастный случай. Вы тогда четырнадцать недель пробыли в отпуске. — Он снова посмотрел в календарь. — Какое время вам нужно?

— С часу дня, если можно. — Каждый раз, когда мистер Мейдон наклонялся вперед, воротник глубоко врезался ему в шею. Как он может терпеть это изо дня в день? Одно дело крахмал, но это же просто фанера.

— Вы вернетесь в офис после приема? — Табакерка придвинулась ближе. Большой и указательный пальцы, сложившись в щепотку, как насекомое, зависли над ее коричневым содержимым.

— Да, сэр, если прием закончится до шести часов; конечно, сэр.

— Прекрасно, — отрывисто сказал мистер Мейдон, и, словно эхо, так же отрывисто хлопнул закрывшийся календарь. Аудиенция была окончена. Не успел Густад и глазом моргнуть,

как понюшка табака оказалась в правой ноздре начальника.

— Сердечно благодарю вас, сэр, — сказал Густад и захромал к двери. Когда он закрыл ее за собой, по близлежащим кабинетам разнеслась серия взрывных чихов. Не забывая хромать так, чтобы это было заметно, Густад пошел по коридору.

Преувеличенную хромоту ему предстояло имитировать до полудня пятницы, но это легче, чем изображать боль в горле или высокую температуру. Последнее было рискованней всего, потому что мистер Мейдон славился тем, что протягивал руку, притворно заботливо прикладывал тыльную сторону ладони ко лбу страдальца и, если заподóзревал симуляцию, вел негодника в свое святилище, где с быстротой ртутного шарика выхватывал из ящика стола градусник и совал его под мышку пациенту. Секунды отсчитывались по его золотому хронометру «Ролекс». Потом он протягивал блестящую стеклянную трубочку взволнованному симулянту, чтобы тот внимательно ознакомился с ее мерцающим показанием.

— Поздравляю, — говорил мистер Мейдон, — жар спал. — И пациент, с преувеличенными изъявлениями благодарности ртутному чародею,

подавленный, возвращался в свою кассовую клетку.

Направляясь к себе в отдел, Густад заметил, как Диншавджи, дурачась, увивается вокруг стола Лори Кутино. За последние несколько недель Диншавджи удалось познакомиться с новой машинисткой, и теперь он навещал ее минимум раз в день. Но представление, которое он давал для Лори, решительно отличалось от тех, какие он устраивал в столовой. Отбросив свое обычное хохмачество, он старался быть дерзким и пылким или лукавым и обходительным. Результатом его усилий был жалкий спектакль, изобиловавший прыжками и ужимками, что придавало Диншавджи настолько смехотворно-нелепый вид, что Густаду стало неловко за него. Он не мог понять, что такое нашло на друга, что он превращает собственное достоинство в какой-то *качумбер*[128]. В такие моменты он радовался тому, что, хотя в процессе работы их пути и пересекались, официально Диншавджи не принадлежал к Отделу сберегательных вкладов. Иначе и без того доверху набитая корзина обязанностей Густада пополнилась бы еще и обязанностью что-то говорить о

[128] Сноски: 128
Иносказательно — «на мелкие кусочки» (*хинди*).

неподобающем поведении сотрудника.

Стол Лори располагался под уведомлением для посетителей, взятым в рамку: «*Проносить в банк огнестрельное оружие или иные предметы, могущие быть использованными в качестве орудия нападения, категорически воспрещается*», что еще усугубляло нелепость ситуации, потому что фиглярство Диншавджи происходило на виду у всех клиентов. Сжимая в руке степлер Лори, он скакал вокруг стола, пикировал на нее, корчился, делал какие-то змееподобные движения рукой, угрожающе клацал металлическими челюстями степлера, словно те хотели ее укусить, после чего, шипя, отшатывался назад. Густад восхищался ее терпением и ее изящной фигурой.

Кто-то из коллег съязвил, указывая на уведомление:

— Эй, Диншу, твоя змея — смертельное оружие! В банке оно категорически запрещено.

— Ревность ни к чему хорошему не приводит! — ответил ему Диншавджи, и все рассмеялись. Тут он заметил, что Густад наблюдает за ним. — Смотри, Густад, смотри! Лори — такая храбрая девочка! Не боится моей большой шаловливой змеи!

Девушка вежливо улыбнулась. Капельки пота

проступили на лысой макушке Диншавджи, когда «змея», осмелев, стала делать дерзкие выпады на опасно близкое к девушке расстояние. Наконец Лори не выдержала:

— У меня много работы. Здесь у всех много работы, не правда ли?

Густад, воспользовавшись моментом, вмешался:

— Пойдем, Диншу. Дай Лори поработать, а то ей не заплатят. — Он сказал это добродушно, и Диншавджи, положив степлер на стол, пошел с ним.

Он заметил, что Густад хромает сильней, чем обычно.

— Что с твоей ногой?

Густад обрадовался вопросу.

— Да все то же, — громко ответил он. — Бедро снова беспокоит. Я только что был у Мейдона, отпросился в пятницу на полдня, чтобы сходить к врачу. — Когда за́мок призрачен, крепкий фундамент не помешает. Но позднее, когда они оказались одни, он сказал: — Диншу, ты бы поосторожней. Кто знает, вдруг она пожалуется.

— Ерунда. Она любит шутки. Смейся — и мир будет смеяться вместе с тобой.

Густад попробовал сменить галс.

— Это, знаешь ли, головной офис, не какое-то

маленькое отделение. Возможно, мистер Мейдон не желает, чтобы мир смеялся в его офисе.

— Бросок по бэтсмену?[129] — возмутился Диншавджи. — Берегись, Густад! — Изо рта у него потянуло неприятным запахом — знакомое предупреждение. На сей раз что-то было не так, как обычно, Диншавджи не просто играл свою заученную роль Казановы. Или, быть может, играл ее слишком хорошо.

— Не пори ерунды, — ответил Густад. — Ты же знаешь: я тебе не *чумча*[130], прихвостень начальства. Просто чтобы ты знал, что я думаю. Эта твоя змея может показаться такой робкой девушке, как Лори, недостаточно вегетарианской.

Диншавджи презрительно рассмеялся.

– *Аррэ,* Густад, эти девушки-католички — очень горячие штучки. Послушай, моя школа находилась в районе Дхобиталао[131], там почти сто

---

[129] Сноски: 129

В крикете — бросок, нацеленный не в калитку, а в бэтсмена, то есть в отбивающего игрока.

[130] Сноски: 130

Чумча — подлиза (*хинди*).

[131] Сноски: 131

Район в южной части Бомбея/Мумбаи.

процентов *мака-пао*[132]. Чего я там навидался — глаза из орбит вылезали! Это тебе не наши парсийские тихони с их «не-трогай-здесь, не-щупай-там». Тамошние откроют тебе все, что хочешь. Видел бы ты, что там происходило в любом овраге, *яар*, в темноте или под звездами.

Густад слушал скептически.

— В самом деле?

— Да говорю же тебе! Клянусь! — Диншавджи ущипнул себя за шею под кадыком, потом подмигнул Густаду и шутливо толкнул его плечом. — А ты хитрый шельмец! Я понял, что у тебя на уме! Приберегаешь Лори Кутино для себя, да? Ах ты шкодник!

Густад улыбнулся и принял его предложение мира.

---

[132] Сноски: 132

Мака-пао — прозвище, которым парсы называют христиан из Гоа, обычно работающих у них поварами. Им можно трогать и есть свинину и другую запрещенную еду для мусульман и индусов.

II

Сориентироваться среди узких рядов и закоулков Чор-базара было нелегко. Откуда начать? Да еще столько народу вокруг — местные, туристы, иностранцы, охотники за сокровищами, коллекционеры антиквариата, старьевщики, праздношатающиеся. Чуть в стороне от людских водоворотов он остановился у маленькой лавчонки, торговавшей бывшими в употреблении штепсельными розетками и ржавыми гаечными ключами. На прилавке лежали и другие инструменты: плоскогубцы, молотки с шершавыми деревянными ручками, отвертки, рубанок и стершиеся напильники.

— Очень дешево. Высшее качество, — сказал хозяин лавки, взяв в руку молоток и несколько раз замахнувшись им, прежде чем предложить Густаду, который вежливо отказался от покупки. Продавец зачерпнул целую горсть отверток с разноцветными деревянными и пластмассовыми ручками. — Любые виды и размеры, — сказал он. — Очень дешево. Высшее качество. — Он протянул отвертки Густаду как букет.

Густад покачал головой.

— Почему сегодня так много народу? Что случилось?

— Базар случился, — ответил продавец инструментов. — Пятница — всегда большой базарный день. После намаза в мечети.

И тут Густад заметил среди инструментов нечто знакомое. Красные прямоугольные металлические пластины с отверстиями по краям. И зеленые перфорированные полоски.

— Это полный набор конструктора? — спросил он.

— Да, да, — радостно ответил мужчина. В один миг он высвободил детали конструктора из кучи инструментов и вручил их Густаду.

Стоило тому ощутить под пальцами металл, почуять запах ржавчины, исходивший от маленьких колесиков, стержней, скоб, — и минувших лет как не бывало. Он мысленно увидел мальчика, робко идущего за руку с отцом по этим рядам. Отец с энтузиазмом рассказывает ему об антикварных вещицах и раритетах, показывает, описывает, объясняет. Хозяева лавок зазывают его: мистер Нобл, посмотрите на эту вазу, она вам понравится, мистер Нобл, очень редкое блюдо, я его припрятал специально для вас, совсем недорого. И отец тихо шепчет ему на ухо: «Ты

только послушай, Густад, этих мошенников». А мальчик говорит: «Папа, посмотри, какой большой конструктор!» Отец доволен, гладит его по голове, отвечает: «Да, это наконец-то десятый номер, у тебя острый глаз, прямо как у меня». Потом отец торгуется, предлагает для начала заведомо заниженную цену, следуют долгие споры и препирательства, демонстративные попытки уйти («Да вы с ума сошли!»), просьбы вернуться («Сэр, вернитесь, договоримся»), возвращения, опять уходы («Идите к черту», «Пожалуйста, это честная цена», «Не богохульствуйте, побойтесь Бога», «Это последняя цифра», «Нет, честно, *сааб*», «Ладно, но вы — мошенник»), и наконец сделка совершается.

Они несут завернутый в газету конструктор домой, где под папиным руководством Густад сооружает для него деревянный ящик с отделениями для болтов и гаек, уголков и прямоугольных скоб, дисков и колесиков, шкивов и маховиков, рулевых тяг и коленчатых валов, днищ и фрагментов кузовов. Позднее, к восторгу родителей, бабушек и дедушек, из комнаты Густада появлялись разные модели: пожарная машина, подъемный кран, гоночный автомобиль, пароход, двухэтажный автобус, башня с часами. Его

самым большим триумфом был разводной мост, который можно было поднимать и опускать. Каждый раз, когда он заканчивал очередную модель, папа говорил: «Этот мальчик прославит фамилию Ноблов».

— Простите, — тронув за плечо, вернул его к действительности хозяин лавки. — Вы хотите купить конструктор?

— О! — очнулся Густад. — Нет-нет, просто смотрю.

Он вернул детали хозяину, провел рукой по волосам и бросил взгляд в сторону рядов, перпендикулярно вливавшихся в главный проход и заваленных всевозможными товарами, — словно здесь проехала колонна грузовиков, симметрично разбрасывавшая свои грузы направо и налево. Большей частью это были металлические и стеклянные вещи, блестевшие на жарком послеполуденном солнце. Никому не нужный хлам лежал рядом с ценными предметами: чашки и блюдца мейсенского и шеффилдского фарфора со сколотыми краями, вазы, медные лампы, тончайший лиможский фарфор, кухонные принадлежности со следами пайки, кувшины, заводные граммофоны с блестящими конусообразными раструбами, серебряные подносы, трости, весы и

мерные сосуды, крикетные мячи разной степени изношенности, отремонтированные крикетные биты, зонты, хрустальные бокалы.

Он выбрал проход наугад и пошел по нему. На углу трудился специалист по удалению ушной серы, его клиент время от времени вздрагивал, когда он вводил ему в ухо свой тонкий серебряный инструмент, поворачивал его внутри, потом вынимал. Густад аккуратно обошел их. Что будет, подумал он, если кто-нибудь подтолкнет его руку в ответственный момент? От этой мысли он поежился.

Что случилось с его детским конструктором? Конечно же, он пропал вместе со всем остальным после банкротства. Это слово звучало для него как название некоего смертельного вируса, что неудивительно, учитывая, что банкротство уничтожило его семью. А все из-за упрямства одного гордеца. Папа месяцами откладывал операцию и в результате экстренно загремел в больницу. Перед тем как ему дали наркоз, он поручил управление бизнесом своему младшему брату — вопреки советам всех окружающих, потому что папа терпеть не мог, когда ему давали советы.

У этого брата была репутация отъявленного пьяницы и завсегдатая бегов. Скорость, с какой

он заложил все имущество, чтобы оплачивать свои пороки, поражала. Выйдя из больницы, отец Густада оказался на руинах того, что когда-то было лучшим книжным магазином едва ли не во всей стране, и семья уже никогда не оправилась от этого удара. Из-за нервного срыва мать Густада попала в больницу. Но вскоре стало нечем платить ни за отдельную палату и сиделку, ни за учебу Густада на втором курсе колледжа. Отец приехал к нему, чтобы объяснить ситуацию, и не смог совладать с собой. Он рыдал и просил прощения за то, что так подвел его. Густад не знал, что сказать. Видя своего некогда несгибаемого отца окончательно сломленным, он испытывал странное ощущение. Бормоча что-то презрительное, он мысленно дал себе тогда клятву никогда не плакать — не только в присутствии других, но и в одиночестве, независимо от того, какие страдания и печали свалятся ему на плечи; слезами горю не поможешь, а слабость — удел женщин и тех мужчин, которые позволяют себе сломаться.

Для семнадцатилетнего юноши это была суровая клятва, но он сдержал ее. Верный слову, он не плакал ни когда его мать лежала в общей палате, ни на что не жалуясь и ничего не сознавая, ни когда она умерла после недолгого пребывания

в больнице. Отец даже спросил его: «Ни слезинки за маму?», но Густад, хоть глаза у него жгло огнем, ответил лишь каменным взглядом. Последним позором для отца стало то, что он не смог позволить себе заказать четырехдневную поминальную молитву в Башне Безмолвия.

Относительным утешением для Густада в то время оказалась лишь смерть его беспутного дяди, чья циррозная проспиртованная печень наконец не выдержала. Однако пока дядя болел, отец Густада требовал, чтобы его никчемному брату был обеспечен наилучший уход, какой позволяло их нищенское состояние, что снова вызвало у Густада презрение.

Дойдя до конца торгового ряда, он не встретил ни одной книжной лавки. Как мало надо, чтобы пробудить столько дремлющих воспоминаний, подумал он.

– *Chumpee-maalis! Tayel-maalis*![133] — послышался чей-то голос. Человек догнал его и зашагал рядом, на шее у него висел лоток с маслами и мазями, через плечо было перекинуто полотенце. — *Maalis* головы? Ног? — Густад покачал головой и ускорил шаг, чтобы оторваться от бро-

---

[133] Сноски: 133
Массаж головы! Массаж маслом! (*хинди*)

дячего массажиста.

Пробираясь в бесконечных толпах, он наконец набрел на два книжных развала. Книги были разложены на тротуаре. Рядом с ними свирепо клацал ножницами уличный цирюльник, жирные черные космы клиента тяжело падали на белую простыню, которой тот был обернут. Густад остановился перед книгами, но все они были на хинди, гуджарати и на других языках, ему неведомых.

— А книг на *англези* у вас нет? — спросил он продавца, сидевшего на сундуке.

— А, книги на *англези*! — Мужчина встал и откинул крышку сундука. Внутри лежали выпуски журнала «Лайф» начала шестидесятых годов, потрепанные комиксы «Супермена», «Ридерз дайджест» и «Филмфэар»[134].

Густад посмотрел на часы. Нужно было торопиться. Джимми написал: между двумя и четырьмя. В следующем ряду нашлось несколько участков асфальта, устланных книгами. В основном в бумажных обложках: вестерны и любовные романы. В остальных лавках продавались

---

[134] Сноски: 134

Filmfare — индийский англоязычный двухнедельный журнал, признанный одним из самых популярных развлекательных журналов Индии.

автозапчасти, стеклянные банки, деревянные табуретки, поэтому он на ближайшем углу свернул в другой ряд и наткнулся на более респектабельное, чем попадались до сих пор, собрание книг. Внимание Густада привлекли «Великие диалоги Платона» в богатом переплете, седьмой том «Энциклопедии религии и этики» под редакцией Джеймса Гастингса и «Анатомия человеческого тела» Генри Грея. Одну за другой он пролистал их.

— Очень хорошие книги, — сказал хозяин. — Очень трудно достать. Можно найти только на Чор-базаре.

Памятуя отцовский стиль торга, Густад одарил его презрительным взглядом знатока. Ему до смерти хотелось иметь эти три книги. Какая великолепная возможность приумножить мою маленькую коллекцию, подумал он. Как чудесно они будут смотреться на книжной полке, которую мы с Сохрабом… которую я сколочу.

— Почем? — Он небрежно махнул рукой в сторону книг.

— Разные-разные цены, — ответил хозяин.

Хитрый парень. Будет нелегко. Чтобы смутить его, Густад наугад указывал на разные другие названия. Когда представление окончилось,

стоимость трех выбранных им книг составляла девять рупий. Он равнодушно бросил книги на место и повернулся, словно собираясь уходить.

— Слишком дорого.

— Зачем уходить? Скажите сами — сколько?

— Четыре рупии.

Мужчина встал, поднял книги, и Густад было подумал, что одержал победу.

— Послушайте, *сэт*, послушайте меня. Сделайте мне снисхождение. Накиньте чуток. Семь рупий.

— Четыре.

Хозяин воздел руки к небу.

— Клянусь солнечным светом и тенью от мечети, это честная цена, мое последнее слово. За меньше отдать не могу, иначе чем я буду кормить своих детей? — Он сделал паузу. — Шесть рупий.

Густад заплатил.

— Кто-нибудь еще продает здесь английские книги?

— Да, да. Недавно объявился тут новый парень. Хороший набор. В конце этого ряда, идите прямо.

Густад обхватил рукой три купленные книги. От тяжести увесистых томов бальзам проливался на душу, он чувствовал себя не таким виноватым за истраченные деньги. Что такое шесть рупий за трех классиков? Надо будет впредь регулярно

заглядывать на Чор-базар. По одной-две книжки время от времени, и в конце концов наберется достаточно, чтобы заполнить целый книжный шкаф. Это то, что семье действительно необходимо. Небольшой книжный шкаф, заполненный правильными книгами, — и ты снаряжен для жизни.

На углу он увидел чайный киоск, а неподалеку — книжный прилавок. Ряды книг выстроились в деревянных поддонах корешками вверх, другие лежали на тротуаре, на непромокаемых подстилках. Он подошел ближе. В глубине, прислоненный к упаковочному ящику, стоял том «Полного собрания сочинений Уильяма Шекспира» в красном тканом переплете с золотыми буквами.

III

Он нервно осмотрелся вокруг, заглянул в чайный киоск. На этом углу царили странная тишина и безлюдье по сравнению со столпотворением и гамом, через которые он продирался целый час. Возле книжного стенда стоял молодой парень. Густад, наклонившись, потянулся к Шекспиру, но книги, зажатые под мышкой, мешали достать его.

— Которую? — спросил парень. Проследив за направлением указательного пальца Густада, он проворно перегнулся через передние ряды книг и извлек нужный том.

Густад не сомневался, что он в правильном месте, тем не менее открыл книгу на пьесе «Отелло» и отыскал конец первого акта. Да, вот она, пятикратно повторенная фраза «Набей потуже кошелек» подчеркнута красным. Все точно, как всегда у Джимми.

Он закрыл книгу, поднял голову и увидел, что из тени чайного киоска за ним наблюдает мужчина в тюрбане. Сердце у Густада пропустило удар. Мужчина вышел из тени, и теперь Густад увидел, что тюрбан — это вовсе не тюрбан, а

толстая медицинская шапочка-повязка из хирургической марли. А когда мужчина подошел поближе, он узнал его, несмотря на повязку. Какое совпадение! Мужчина с энтузиазмом шагнул ему навстречу, приветственно подняв руку.

— Мистер Нобл! Как приятно снова видеть вас.

Мужчина был высоким, ростом с Густада, и чисто выбритым.

Густад радостно пожал ему руку.

— Вы меня помните? Девять лет я хочу поблагодарить вас за оказанную мне любезность. Если бы я знал, что вы и майор Билимория… — Какой крепкий мужчина, подумал он: снова быть на ногах, бодрым и в хорошей форме после такого ужасного удара головой! Густада дрожь пробрала при одном воспоминании о том, как этот человек перелетел через руль своего мотороллера.

— А как ваше бедро?

— Почти как новенькое. Спасибо майору, он отвез меня к Мадхивалле-Костоправу. Этот кудесник сотворил со мной чудо. Но, — запнулся Густад, — в тот день, когда со мной произошел несчастный случай… вы и майор Билимория… в такси… вы ничего не сказали. Вы тогда еще не были знакомы?

— О, мы были знакомы. Но иногда нам прихо-

дится притворяться, из-за некой работы, которую мы выполняем. Бывает, что безопасней представиться просто таксистом и пассажиром.

Густад понял.

— Но вы, кажется, недавно сами попали в аварию?

— Да. Не совсем в аварию. Пойдемте выпьем чаю. — Он повел Густада внутрь магазина.

— Простите, я очень хорошо помню вас внешне, но забыл ваше имя.

— Гулям Мохаммед.

— Да, вспомнил. Вы назвали его в такси моему сыну.

— А как Сохраб?

Густад изумился:

— Вы даже помните, как зовут моего сына?

— Разумеется. Как я могу забыть? Майор Билимория столько рассказывает мне о вашей семье. Говорит, что она для него — все равно что своя собственная. Я знал о вас еще до того несчастного случая. Любой друг Билибоя — мой друг.

Густад довольно рассмеялся.

— Билибой. Подходящее прозвище для Джимми.

— В армии все друзья называли его Билибоем. — Гулям Мохаммед помолчал, глядя куда-то

вдаль. — Хорошие были тогда у нас времена. Теперь, в НАК, все совсем по-другому.

— Вы одновременно поступили на службу в НАК?

— Да. Куда Билибой — туда и я. Он всегда берет меня с собой. Это самое меньшее, что я могу сделать для человека, который спас мне жизнь в сорок восьмом, в Кашмире.

— Он никогда мне об этом не рассказывал.

— Да, он такой, не любит хвастать. После того как был отдан приказ отступать, он один вернулся, чтобы найти меня. Иначе я лежал бы там, в горах, аккуратненько разрезанный на семнадцать кусков членами тамошнего дикого племени. — Принесли чай в стаканах, Гулям взял один и отпил. — Вот такая история. И вот почему Билибой всегда может на меня положиться, а его друг — мой друг.

Гулям Мохаммед поставил стакан и наклонился вперед, его лицо оказалось очень близко к лицу Густада.

— А его врагу, — сказал он почти шепотом, — придется держать ответ передо мной. Я достану любого, кто причинит ему вред, и расправлюсь с ним — ножом ли, пистолетом, голыми руками или зубами. — Он говорил сквозь стиснутые

зубы.

Густад опасливо отклонился назад.

— Повезло ему иметь такого друга, как вы. — Странный парень, подумал он, только что был сердечным и доброжелательным и вмиг стал таким, что мороз по коже подирает. Он взял свой стакан с чаем. Горячая жидкость, от которой исходил пар, сквозь прозрачное стекло казалась сомнительной. Чайные листья, истолченные почти в порошок, всплывали на поверхность и оседали на дно, словно колышимые каким-то подводным течением. Он рискнул сделать глоток. Чай был горьким. — Так что там с вашей аварией?

— Это не было аварией. Они намеренно целились в мой скутер.

— Неужели? — Густад невольно ощутил волнующий трепет. — И кого вы подозреваете, пакистанских шпионов?

Его собеседник рассмеялся.

— Это было бы слишком просто. Скажем так, это была производственная травма. — Он отпил еще чаю и, указав на стакан Густада, спросил: — А вы не пьете?

— Нужно бы сахару добавить.

Гулям Мохаммед сделал знак рукой. Из недр

помещения возникла женщина, выслушала распоряжение и через несколько секунд вернулась с сахарницей. Густад добавил сахару в стакан, попробовал и одобрительно кивнул.

— У вас по-настоящему опасная жизнь, — сказал он. — Но как там Джимми, с ним все в порядке, он в Дели?

— За Билибоя можно не волноваться. Он толковей нас с вами, вместе взятых.

Густаду хотелось больше узнать о Джимми, но по тону Гуляма он понял, что никакой информации от него не получит.

— А что случилось с вашим такси, почему вы ехали на скутере?

— Я езжу когда на машине, когда на скутере. В НАК нам приходится заниматься самыми разными вещами. Вот сегодня я букинист, а вечером уезжаю из Бомбея на неделю, чтобы заняться кое-чем другим. — Он рассмеялся и допил чай. — Ладно. Сейчас принесу пакет, который прислал для вас Билибой.

Он вышел к уличному книжному стенду и открыл один из ящиков. Внутри лежал пухлый пакет размером с дорожную сумку, обернутый в коричневую бумагу и перевязанный толстой веревкой с петлей-ручкой наверху.

— Вот, — сказал Гулям Мохаммед и, заметив три купленные Густадом книги, добавил: — Но вам будет тяжело нести.

Густад подумал о том же: в автобусе нелегко придется.

— Это ваше, — сказал он, возвращая «Полное собрание сочинений Уильяма Шекспира». — Но поскольку мистер Мохаммед сегодня букинист, не продаст ли он мне эту книгу?

Гулям рассмеялся.

— Конечно, конечно!

— И сколько она стоит?

— Для вас — за счет заведения.

— Нет-нет, я должен хоть что-то заплатить.

— Окей, цена — ваша дружба.

— Но ее вы уже имеете.

— Значит, за книгу вы уже заплатили. — Они рассмеялись и сердечно пожали руки друг другу. — Постойте, я велю мальчику завернуть все четыре книги в один пакет, так вам будет удобней нести.

Пока служитель сооружал пакет, Гулям Мохаммед написал Густаду адрес, по которому с ним можно было связаться.

— Знаете, где это?

— «Птичник», — прочел Густад. — Да, я знаю

этот дом, амбулатория доктора Пеймастера находится поблизости. Это наш семейный врач.

— Снаружи, возле «Птичника», мужчина продает *пааны*[135], его зовут паанвала Пирбхой. Вы можете в любое время оставить у него для меня сообщение.

Густад знал, кто такой паанвала Пирбхой. Этот человек торговал *паанами* так же давно, как доктор Пеймастер имел там свою практику, а может, и дольше. Детские хвори периодически давали возможность Густаду лицезреть Пирбхоя за работой, когда его водили в амбулаторию по поводу кори, ветряной оспы, свинки, прививок и ревакцинаций. А позднее, уже учась в школе, он иногда, бывало, сбегал с друзьями с уроков, и они околачивались возле «Птичника», чтобы послушать речи паанвалы Пирбхоя — его смешные истории об этом доме, о стычках между его хозяйками и их клиентами, истории, которыми он бесконечно развлекал своих покупателей.

— Он — очень надежный друг, — сказал Гулям. — Через него любое сообщение дойдет до меня непременно.

Мальчик вернулся с упакованными книгами.

---

[135] Сноски: 135

Пааны — листья бетеля с начинкой из ореха арека, кокосовой пудры, сахара, камфоры и т. д., которые жуют ради тонизирующего эффекта.

Густад заметил, что пакет был перевязан точно так же, как пакет от Джимми, с удобной ручкой из сплетенной вдвое бечевки.

Еще раз обменявшись рукопожатиями с Гулямом Мохаммедом, Густад тем же путем пошел обратно по базарным рядам. Постепенно они освобождались от инструментов, штепсельных розеток, блюд, ламп, генераторов, ковров, ваз, кухонных принадлежностей, часов, фотоаппаратов, электрических выключателей, коллекций марок, трансформаторов, магнитов и иного, безымянного, ассортимента, устилавшего асфальт. Специалист по удалению ушной серы еще работал, вычищая ушные раковины последнего клиента. Когда Густад проходил мимо них, специалист извлек свой длинный тонкий серебряный инструмент из уха клиента и поднес к его глазам, чтобы тот увидел блестящий коричневый катыш размером с горошину, покоившийся на конце его тонкой ложечки.

– *Сабаш*![136] — воскликнул клиент, гордый «уловом» из своего уха и поворачиваясь к мастеру другим, словно ему не терпелось показать, какую добычу даст оно. Густаду захотелось постоять и

[136] Сноски: 136
Сабаш — отлично! (*урду*)

посмотреть, но это было бы невежливо. А кроме того, пакет Джимми был весьма тяжелым, плетеная ручка врезáлась в пальцы.

Автобус пришел переполненным, и Густаду пришлось потрудиться, чтобы втиснуться в него со своей ношей, при этом он нечаянно толкнул пробиравшуюся перед ним женщину. Обернувшись, та обрушила на него поток возмущения.

— Вы что, не видите, куда идете? Разве можно садиться в автобус с такими гигантскими пакетами, вот так неуважительно расталкивая других? С багажом, как у вас, в такси надо ездить. Зачем садиться в автобус и создавать неудобства для других пассажиров, толкать нас и тыкать, словно мы не купили билет точно так же, как вы…

После встречи с Гулямом Мохаммедом Густад пребывал в таком добродушном настроении, что его это даже не расстроило. Он почтительно поклонился сердитой женщине, сказал как можно галантней:

— Ради бога, простите, мадам, за причиненное мною неудобство. Прошу вас принять мои извинения. — И обаятельнейше улыбнулся в ее хмурое лицо.

Женщина, которую, видимо, никогда еще не называли «мадам» и которой так галантно не

кланялись, была польщена и смягчилась.

— Да ничего страшного, — ответила она, склонив голову набок, — не стоит извинений.

До конца поездки они обменивались улыбками всякий раз, когда встречались взглядами. А выходя из автобуса на одну остановку раньше, чем Густад, она даже сказала ему:

— Пока.

* * *

Хромой Темул нетерпеливо ждал во дворе.

— ГустадГустаддаймне. ГустадГустадяхочупомочь.

Густад с удовольствием передал ему пакет с книгами. Темул был горд оказанной ему честью.

— Спасибо тебе, — сказал Густад, когда они дошли до двери, и, прежде чем повернуть ключ, забрал у него пакет.

Темул прижал к губам указательный палец.

— Густадтихооченьтихо.

— Что?

— ТишетишеГустад. Плохоплохоспитспит.

— Кому плохо?

— РошанРошанРошанспитРошан. Нешумитихоплохо.

Густад нахмурился и махнул, чтобы он уходил,

после чего открыл дверь ключом.

Глава восьмая

I

— Вы дожидаетесь захода солнца, прежде чем делать то, что я вам сказала?

— Всегда, — ответила Дильнаваз.

Мисс Кутпитья прислонилась к стене и перенесла тяжесть тела на одну ногу, давая отдых другой.

— Ох уж эта ревматическая стопа! — Обхватив ладонью подбородок, она поразмыслила. — Тут может быть только одна причина. Черное проклятье проникло так глубоко в Сохраба, что лайм не может его вытянуть.

— Вы уверены?

— Разумеется, я уверена, — презрительно бросила она. — Послушайте. Когда проклятье проникает слишком глубоко внутрь, нужен другой человек, на которого его можно перекинуть.

— И как это сделать?

— Есть способ. Во-первых, продолжать обводить те же семь кругов вокруг головы Сохраба. Но вместо того чтобы выбрасывать лайм в море, надо его разре́зать, выдавить сок и заставить другого — все равно кого — выпить его. Этот другой оттянет проклятье от Сохраба на себя.

Как просто, подумала Дильнаваз.

— А куда проклятье денется потом?

— Останется внутри того, кто выпьет сок.

— Значит, страдать придется кому-то другому?

— Да. Мне самой это не нравится. — Мисс Кутпитья пожала плечами и продолжила: — Но это единственный способ.

— Я не могу заставлять невинного человека страдать, *баба́*. — Если, конечно, это действует, заметила она про себя. — И в любом случае, кому бы я могла дать этот сок?

— Кое-кто подходящий имеется прямо здесь, у нас в Ходадад-билдинге. — Старушка загадочно улыбнулась.

— Кто?

— Хромой Темул, конечно.

— Нет, нет! — Дильнаваз передернуло от этой идеи, она показалась ей предельно бездушной. — Может, можно мне самой его выпить? В конце концов, Сохраб — мой сын.

— Вы говорите ерунду. — На это Дильнаваз ничего не ответила, внутренне борясь с неразрешимой дилеммой, и мисс Кутпитья продолжила: — Послушайте, я не злодейка. Думаете, мне нравится вредить невинным людям? Но вы посмотрите на Темула. Начать с того, что мозгов

у него — кот наплакал. — Дильнаваз слушала молча. — Так какая ему разница? Сам Темул ничего даже не заметит. Надо радоваться тому, что первый раз в жизни он принесет кому-то пользу.

— Вы действительно так думаете?

— Если бы не думала, стала бы я это говорить?

«Нет, мисс Кутпитья не стала бы так говорить, если бы не верила в это. Но во что должна верить я?»

— Ладно, спасибо. Я это сделаю. И еще спасибо вам за газеты, которые вы дали Рошан. Ее класс теперь на первом месте по сборам для беженцев.

— Это хорошо, — сказала мисс Кутпитья, открывая дверь для Дильнаваз.

У себя в кухне Дильнаваз извлекла лайм из потайного места, разрезала его и выдавила в стакан. Добавила ложку сахара и щепотку соли. «Чтобы выпить лекарство, ложку сахара добавь, лишь сахара добавь…[137] — Она долила воды и размешала, выглядывая Темула в окно и надеясь, что он появится раньше, чем Густад. Двор был пуст. — …Ложку сахара добавь — сразу станет веселей».

Раздался гудок школьного автобуса, и во дворе

---

[137] Сноски: 137

Песенка из анимационного фильма «Мэри Поппинс» Уолта Диснея.

появилась Рошан. Выглядела она неважно. Бледная, лоб в испарине.

— Что случилось? Ты плохо себя чувствуешь?

Рошан кивнула.

— Я все время бегала ка-ка.

— Сколько раз?

Девочка подумала несколько секунд.

— Четыре. Нет, пять.

— Переоденься и ложись. Я дам тебе лекарство. — «Когда же наконец эта хроническая диарея оставит мою девочку в покое?» Она пошла за таблетками. Рошан последовала за ней и увидела стакан с лаймовым соком.

— Мама, это что? — Она наклонилась к стакану и понюхала.

— Стой! — Дильнаваз подскочила и схватила стакан.

— А что это?

— Ничего. — Она старалась, чтобы ее голос звучал спокойно. — Это для готовки. Если выпьешь — твоему животу станет еще хуже. — По спине Дильнаваз забегали мурашки. Дада Ормузд! Что было бы, если бы мой собственный ребенок проглотил сок от лайма, всосавшего в себя проклятье! Даже подумать страшно.

Рошан при виде таблеток состроила гримасу.

— Опять коричневые? От них в горле так горько.

Тем не менее девочка привычно проглотила таблетки и пошла ложиться.

Долго ждать Дильнаваз не пришлось, вскоре Темул остановился неподалеку от мелии, поднял голову и стал рассматривать ветки. Она подозвала его, подойдя к открытой двери:

— Иди сюда. — Он робко приблизился. Рука его потянулась к паху, и он стал круговыми движениями чесаться. — Не делай так, Темул. — Он послушно отдернул руку и спрятал ее под мышкой. — Смотри, что у меня для тебя есть. — Он понюхал стакан с соком лайма и уставился на плававшее на его поверхности зернышко с большим интересом. — Пей-пей, — сказала она. — Это *очень* вкусно.

Он осторожно сделал глоток. Глаза у него засияли, он облизал губы.

— Оченьоченьвкусновкусно.

— Пей до конца, — поощрила она его. — Это все тебе.

Темул поднес стакан ко рту и залпом выпил весь сок, потом причмокнул губами и рыгнул.

— Оченьоченьвкусноещеещеещепожалуйста.

— Больше нет. — Все оказалось так просто. —

Когда будет еще, я тебя позову, хорошо?

Он энергично закивал.

— Позовипожалуйстапозовипожалуйста. Оченьвкусноещехочу.

— А теперь иди.

Он развернулся на здоровой ноге, а другую поднял, чтобы лягнуть дверь.

— Тс-с-с, — шикнула на него Дильнаваз. — Тише. Рошан спит, она себя плохо чувствует.

Темул прижал палец к губам.

— Тихотихотихо. Рошанспиттихо.

Осторожно прошаркав через порог, он вышел во двор.

II

На звук поворачивающегося в замке ключа Дильнаваз вышла из кухни.

— Что это за *ghumsaan*?[138] Это все Джимми прислал? — спросила она раздраженно при виде двух объемистых пакетов, которые Густад поставил на письменный стол.

— Почему *ghumsaan*? Ты ведь даже не знаешь, что внутри. Вот это — посылка от майора. А это — четыре чудесные книги. Искусство, мудрость и развлечение.

Она хлопнула себя ладонью по лбу.

— Книги! Опять книги! Ты сумасшедший. Куда ты их поставишь? И не надо повторять мне свою небылицу про книжную полку, которую вы с Сохрабом когда-нибудь соорудите.

— Успокойся и предоставь это мне. Но сначала послушай, кого я встретил на Чор-базаре.

Она недоверчиво посмотрела на него.

— Не хочешь же ты сказать, что встретил там майора Билиморию?

Он рассмеялся.

---

[138] Сноски: 138
Груда, куча мусора (*урду*).

— Нет. Не его, но человека, который его знает. И меня тоже.

Он поведал ей о разговоре с Гулямом в чайном киоске.

— Сто раз тебе говорила, чтобы ты ничего не ел и не пил на улице. Иногда ты ведешь себя как ребенок.

— Я выпил всего несколько глотков чая, из вежливости.

— И одного глотка может быть достаточно, чтобы что-нибудь подхватить.

Это напомнило ему о том, что болтал Темул.

— Что с Рошан?

— С животом что-то не в порядке, — сказала она. — Кто тебе сказал?

— Темул. А он откуда узнал?

О нет, подумала она. Что еще наболтал ему этот идиот? К ее облегчению, Густад не стал дожидаться ответа. Ему и прежде доводилось быть свидетелем способности Темула узнавать новости раньше тех, кто находился в здравом уме и добром здравии. Он пошел к Рошан и быстро вернулся.

— Спит. Ты дала ей лекарство?

— Две таблетки энтеровиоформа.

— Хорошо, — сказал Густад. — Скоро все нала-

дится. А если расстройство завтра не прекратится, дай сульфагуанидин. — Он всегда держал в доме запас этих таблеток. Еще до Рошан постоянными приступами диареи страдал Дариуш, пока ему не исполнилось тринадцать.

Поначалу Дильнаваз возражала против того, что Густад сам давал детям эти таблетки, настаивала, что нужно сначала проконсультироваться с врачом. Она верила доктору Пеймастеру, несмотря на обшарпанность его кабинета, на котором снаружи висела табличка «Д-р Р. С. Лорд, БМХ[139], ДМ[140], 1892 г.». Доктор Лорд был предшественником, у которого доктор Пеймастер купил закрывшуюся амбулаторию почти пятьдесят лет назад, но, открывая собственную практику, он не побеспокоился о том, чтобы сменить табличку, потому что тогда на это не было денег. Если его робкие новые пациенты обращались к нему как к «доктору Лорду», он не придавал этому значения.

Очень скоро распространилась молва, что мо-

---

[139] Сноски: 139

Бакалавр медицины и бакалавр хирургии (*англ.* Bachelor of Medicine and Bachelor of Surgery).

[140] Сноски: 140

Доктор медицины (*англ.* MD) — степень, позволяющая занимать врачебные и преподавательские должности в медицине вплоть до профессорских.

лодой врач умен и добр, отзывчив и обладает чувством юмора — половину болезней он может прогнать, просто смеша пациента. Практика доктора Пеймастера начала расти. Спустя недолгое время появились деньги, чтобы привести кабинет в порядок, купить приличную кушетку и стулья для приемной, оформить подписку на зарубежные медицинские журналы, которые ему требовались, чтобы быть в курсе новых методов лечения и исследований. Мог он теперь позволить себе и новую табличку, уже с собственным именем.

Однако эта последняя трата оказалась напрасной.

Уже на следующий день в амбулатории поднялась страшная суматоха. Беспрерывно приходили пациенты, желавшие узнать, кто такой этот доктор Пеймастер и что случилось с веселым и жизнерадостным доктором Лордом. Когда он вернется? Они отказывались выслушивать какие бы то ни было объяснения и идти на прием к молодому выскочке. Несколько человек, рискнувших лечиться у него, вынесли единодушный вердикт: выписанные им лекарства не помогают так, как помогали раньше. Новость быстро разлетелась.

В отчаянии доктор Пеймастер отправился к ху-

дожнику, рисовавшему вывески, и забрал старую табличку. К счастью, она все еще была у него, валялась под кучей отбракованных деревяшек и старых именных табличек, предназначенных для костра. Ее водрузили на прежнее место над входом, и уже на следующий день суматоха прекратилась.

И тогда же доктор Пеймастер с грустью осознал нечто, чему не учили в медицинском колледже: как любой другой потребительский продукт, имя врача неизмеримо более важно, чем его умения. Со временем, однако, он смирился с этим фактом и не держал зла на пациентов, равно как не имел ничего против вывески своего предшественника. Более того, цифра 1892 придавала ей достоинства и чего-то еще, что подразумевает долговечность и испытание временем, особенно во врачебной практике. Так что лишь узкий круг давнишних пациентов, таких как Ноблы, знал подлинное имя доктора и обращался к нему правильно.

С годами доктор Пеймастер стал всеобщим дедушкой, лысым, круглощеким, с лицом грустного клоуна. Он по-прежнему вел прием больных у себя в амбулатории в своей шутливой манере: проделывая фокусы со своими шприцами и клизмами, фыркая над флаконами с мерзко

пахнущими химическими препаратами, строя забавные рожицы или просто скороговоркой неся какую-то нескончаемую забавную бессмыслицу — то есть делал все то, что показалось бы дуростью здоровому человеку, но не больным, отчаявшимся и напуганным, которые были благодарны ему за это представление.

Несмотря на склонность к буффонаде, доктор Пеймастер не был человеком спонтанным. Он тщательно контролировал свое поведение и за пределами клиники становился серьезен, даже несколько суров, когда сталкивался с проявлениями непрофессионализма на рынке или в храме огня. Однажды Густад в шутку спросил, не зовут ли его на самом деле доктором Джекилом. Доктор Пеймастер, не приняв шутки, ответил, что ободрение требуется больным и обеспокоенным, а поскольку запас его жизнерадостности не бесконечен, следует расходовать его благоразумно.

Ноблы никогда не изменяли доктору Пеймастеру и никогда не теряли веры в него. Но со временем стали сознавать ограниченность его возможностей. Сначала они перестали верить в чудеса, потом в его способность добиваться стойкого выздоровления и, наконец, в то, что он порекомендует более новые и эффективные

средства, о которых мог узнать в процессе штудирования медицинских журналов, выпускаемых знаменитыми зарубежными исследовательскими центрами.

Но подписка доктора Пеймастера на эти журналы давно закончилась. Как и все, что регулировалось властями, валютный контроль оброс запутанными правилами и мучительными процедурами, и доктор Пеймастер решил избавить себя от этих обременительных хлопот. Когда после смерти Неру Лал Бахадур Шастри стал премьер-министром, казалось, что застоявшиеся управленческие воды наконец всколыхнутся, оживут и посвежеют, хотя скептики утверждали, что такой коротышка не сможет добиться уважения на мировой арене. Потом случилась двадцатиоднодневная война с Пакистаном, в которой он показал себя лучше, чем Неру в войне с Китаем, и скептики замолкли. «Мал ростом, да умом велик наш Лал Бахадур, — говорил доктор Пеймастер своим пациентам, сгибая колени и со спринцовкой “на изготовку” изображая гнома. — Хорошую клизму он вставил пакистанцам».

Пока толпы ликовали, Шастри сел в самолет и отправился в Ташкент, где Косыгин предложил провести мирные переговоры между Индией

и Пакистаном. Вечером того дня, когда была подписана Ташкентская декларация, Шастри умер на советской земле, спустя всего полтора года после того, как стал премьер-министром. Некоторые говорили, что его убили пакистанцы, другие подозревали русский заговор. Были даже такие, кто утверждал, что Шастри отравили приверженцы новой премьер-министерши, чтобы династически-демократическая мечта ее отца наконец сбылась.

Так ли, иначе ли, но правительство снова погрузилось в хаос. Валютное регулирование переместилось в нижнюю строку перечня государственных приоритетов, и журнальные подписки доктора Пеймастера не были возобновлены. Так что, когда речь заходила о диарее, в его рецептах значились только два старых названия — энтеровиоформ и сульфагуанидин.

Эти снова и снова повторяющиеся назначения в конце концов заставили Дильнаваз согласиться с Густадом, что ходить в амбулаторию — пустая трата времени и денег. Названия новых лекарств теперь слетали с ее языка так же бойко, как и с его. Левая секция буфета заполнилась таблетками и сиропами, пользовавшимися наибольшим спросом. Там были гликодин терпингидрат ва-

сака[141], зефрол и бенадрил от кашля, аспро и кодопирин от простуды и лихорадки, элкозин и эритромицин от ангины и воспаления в горле, сат-исабгол от несварения, корамин от тошноты, веритол от низкого давления, йодекс от синяков, крем бурнол от мелких порезов и ожогов, привин от отеков в носу, универсальное средство Унани[142] для наружного использования (которое на вид напоминало простую воду, но, как предполагалось, снимало любую боль) и, разумеется, энтеровиоформ и сульфагуанидин от расстройства. Все это располагалось на первой полке. На второй скопилась более эклектичная коллекция.

По мере того как уверенность Дильнаваз росла, она начала раздавать рекомендации и за пределами семьи. Когда понос поражал какую-нибудь из наиболее многочисленных семей Ходадад-билдинга, такую как семейство Пастакия, которое имело лишь один туалет в своей квартире и пятерых детей в возрасте от четырех до девяти лет, ситуация становилась критической. Им при-

[141] Сноски: 141

Васака (Adhatoda vasica) — очень известное растение в аюрведической медицине, известное в основном как средство облегчения дыхания и кашля.

[142] Сноски: 142

Медицина Унани — персидско-арабская традиционная медицина, распространенная в Южной Азии.

ходилось взывать к «гостеприимству» соседей и бегать вверх-вниз по лестнице в поисках ближайшего свободного туалета. При такой срочности и интенсивности движения непредвиденные происшествия были неизбежны; воздух в доме портился, и нос Дильнаваз подсказывал ей, что вскоре ее медицинские рекомендации будут востребованы.

Ей было жалко миссис Пастакию: легко ли присматривать за пятью детьми, а сверх того еще и за свекром, страдающим высоким давлением и регулярно ругающимся с небесами. Она просила миссис Пастакию очень точно описать симптомы, если только уже не замечала следы болезни на лестнице или на террасе, и самым доверительно-вдохновляющим голосом давала совет: «Две таблетки энтеровиоформа три раза в день». Или: «Одну таблетку сульфагуанидина растолочь в ложке воды с сахаром», — потому что эта таблетка была большой и имела вкус чрезвычайно горького мела. Опыт, приобретенный с Сохрабом, Дариушем и Рошан, научил ее, как именно какие таблетки лучше скармливать детям.

Густад не одобрял ее добрососедской медицинской деятельности. Рано или поздно, говорил он, ее бесплатные советы начнут восприниматься

как вмешательство, отнимающее заработок у врачей. Но Дильнаваз отвечала: если кто-то вынужден экономить на счетах за лечение, то ее долг этим людям помочь.

Она с нетерпением ждала, пока Густад разворачивал пакет с книгами и ровно наматывал бечевку на катушку из своего стола, перекладывая ее из одной руки в другую.

— А ты не хочешь сначала посмотреть, что прислал Джимми? — спросила она.

Он улыбнулся с явным видом превосходства.

— Всему свое время, — сказал он и извлек из пакета Платона. — Какая чудесная книга. — Он протянул ей «Диалоги», а потом одну за другой остальные книги. Едва взглянув, она клала их на стол.

Пакет от майора был развернут в той же дотошной манере. Под слоем коричневой бумаги открылся черный пластик, плотно обмотанный скотчем. Густад попытался разорвать его, недооценив его крепость, потом пошарил в столе в поисках перочинного ножа и заметил стоявшего под окном Темула, который лихорадочно махал рукой, спрашивая: «Что это?»

— ГустадГустадпетицияпожалуйстапетиция. Подписатьподписатьпетициюпожалуйста.

Густад вспомнил: он на целую неделю забыл о петиции, оставленной на письменном столе.

— А ты обошел уже всех соседей?

— ГустадГустадтыподпишипервй. Типервыйтогдаивсе. Скажусмотритесмотрите ГустадНоблподписал.

Темул прав, подумал Густад, люди всегда боятся ввязываться во что-то первыми.

Подписанную петицию Темул принял, просияв всем своим доверчивым лицом так, будто это был волшебный трофей.

— ГустадГустадспасибо. — Он прижал палец к губам: — Тихотихо. Нешуметьнешуметь.

— Ш-ш-ш-ш, — Густад ответил ему тем же жестом.

Темул пришел в восторг от их «безмолвного заговора» и удалился под нескончаемое хихиканье.

— Оченьтихооченьвкусноченьвкусныйсок.

Улыбаясь, Густад возобновил борьбу со скотчем.

— Бедный парень. Что с ним будет, если что-то случится с его братом, страшно представить. А почему он упоминал какой-то вкусный сок?

Дильнаваз пожала плечами.

— Все жалеют бедного парня, но все обраща-

ются с ним как с сумасшедшим. Никому в голову не придет найти ему какую-нибудь простую работу. — Куча оберточной бумаги напомнила ей о недавней досаде. — В этом доме и так полно мусора, а ты приносишь все новые книги. — Он разре́зал последнюю полоску скотча и начал разворачивать черный пластик, которым пакет был обернут в четыре слоя. Дильнаваз продолжила свою филиппику: — При таком количестве хлама я не могу как следует убирать и пылесосить, да еще эта черная бумага на окнах и вытяжных решетках. Бог знает, когда…

Пластик соскользнул на стол, и она вмиг замолчала, не закончив фразы. Пачки банкнот достоинством в сто рупий, сложенные аккуратными стопками, предстали их взорам. Хрустящие новенькие бумажки с блестящей защитной нитью, в банковской упаковке, каждая пачка запечатана коричневой бумажной лентой.

Дильнаваз первой снова обрела дар речи:

— Что это? Я хочу сказать: что это значит? Это не может быть ошибкой?

При виде такой кучи денег у Густада отвисла челюсть. Постепенно его взгляд стал снова различать окружающее, скользнул по выходящему во двор тускло освещенному окну, в котором

виднелся открытый так же широко, как его собственный, рот Темула, глядевшего на маленькую гору денег. Это вывело Густада из оцепенения. С рыком он захлопнул окно, отрезав Темулу доступ к зрелищу, от которого глаза его сияли так же жадно, как в тот день, когда он увидел обнаженную куклу.

III

Густад сообразил, что недостаточно просто закрыть окно. Он бросился к двери. Темул, все так же открыв рот, стоял на месте.

— Иди сюда! — Грозный тон действия не возымел; Густад попробовал еще раз, мягко, задабривающе: — Подойди ко мне, Темул, подойди. Давай поговорим. — Но Темул стал испуганно пятиться. — Хорошо-хорошо, — сказал Густад, сложил свой перочинный нож и опустил его в карман так, чтобы Темул это видел. — Все. Никакого ножа. Теперь подойдешь?

— ЛадноладноГустад. Идуидуиду. — Он стал приближаться, переваливаясь и спотыкаясь. — ГустадГустадкуринаяшея. — Он провел пальцем по шее от уха до уха и вздрогнул. — ПожалуйстаГустаднемояшея.

— Не болтай глупостей, Темул. Нож — это чтобы открыть пакет. — Он улыбнулся, и Темул улыбнулся ему в ответ. — Ты помнишь, что ты видел сейчас в окно?

В страшном возбуждении Темул принялся очерчивать руками в воздухе высокие горы.

— Деньгиденьгиденьги. Такмноготакмного-

такмногоденег.

— Ш-ш-ш! — Густад уже пожалел, что задал этот вопрос, и стал озираться, нет ли кого рядом. Потом, приблизив свое лицо вплотную к лицу Темула и возвышаясь над ним, прошептал: — Говори тихо.

Темул съежился, но, вспомнив, что они с Густадом заговорщики, расплылся в улыбке и прижал палец к губам.

— ТихотихоГустад. Рошанспитнешуметь.

— Да. Правильно. А теперь слушай. — Темул энергично кивнул. — То, что ты видел, — наш с тобой секрет. Твой и мой. Хорошо?

— СекретсекретГустадсекрет.

— Да. Секрет — это значит, что ты никому не должен о нем рассказывать. Никому не говори о том, что ты видел.

— НикомуникомуГустад. Секретсекрет.

— Да. — Он снова проверил — двор был пуст. — А за то, что ты будешь хранить секрет, я дам тебе одну рупию.

Глаза у Темула зажглись.

— ДададаГустадоднарупияоднарупиясекретсекрет. — Пока Густад открывал бумажник, он протянул руку.

— Помни. Никому. — Густад вложил ему в ла-

донь рупию.

Темул осмотрел ее, повертел так и эдак, поднял к свету, понюхал, потом расплылся в улыбке и начал чесаться.

— ГустадГустаддведверупии. Секретпожалуйстадверупии. Пожалуйстапожалуйстапожалуйста.

Густад снова достал бумажник.

— Ладно. Две рупии. — Потом он положил руку Темулу на плечо и сказал угрожающим, как он надеялся, шепотом:

— Две рупии за то, чтобы ты никому не говорил. Ты ведь знаешь, что будет, если ты забудешь? Если проговоришься.

Улыбка исчезла с лица Темула. Он попытался вывернуться, но стальная хватка удерживала его плечо. Он изо всех сил замотал головой из стороны в сторону, словно от того, насколько энергично он это делал, зависело спокойствие Густада.

— Если забудешь, я схвачу тебя вот так, — он перенес хватку с плеча на затылок дрожавшего Темула, — достану нож, — свободной рукой он пошарил в кармане, — и открою его, — он зубами извлек лезвие, — вот так. — Зрелище блестящих белых зубцов на сверкающем лезвии было

зловещим. — А потом перережу тебе горло, как *гоасвалла* перерезал его курице. Вот так. — Из предосторожности прикрыв острие пальцем, он провел ножом возле горла Темула, от уха до уха. Темул начал подвывать, и глаза его наполнились слезами. — Не забудешь? — Темул замотал головой. — Никому не скажешь? — Голова снова мотнулась из стороны в сторону, и Густад, щелкнув ножом, закрыл его. — Хорошо. Теперь положи деньги в карман. — Он отпустил шею парня.

Темул складывал две бумажки до тех пор, пока они не превратились в крохотный квадратик, скинул правую туфлю и запихал квадратик в носок, под пятку.

— ГустадГустадспасибо. ДверупииГустад. ДверупииГустадсекрет.

Он начал медленно пятиться.

Наблюдая за ним, Густад испытывал чувство вины за то, что напугал парнишку. Но это был единственный способ: в голове Темула не задерживалось ничего, кроме страха. В этот момент Густад не сознавал, что настоящая проблема ждет там, в доме, лежит на черном пластике на его черном столе.

IV

Стопки денег сдвинулись, когда разворачивали пластик, и Дильнаваз подровняла их.

— Одному богу известно, какие несчастья Джимми хочет навлечь на наши головы, посылая такую кучу денег в простом пакете, как картошку или лук. — Она принялась было снова заворачивать деньги, но он остановил ее:

— Что ты делаешь?

— Упаковываю, чтобы отправить обратно, пока не случилась беда.

— Что ты такое говоришь? Какая беда? Ты даже не знаешь, чьи это деньги и для чего они предназначены.

— Беда не посылает впереди себя большое объявление с объяснениями и обоснованиями. Она просто приходит. А при том, что такой идиот, как Хромой Темул, все видел и может разболтать, она придет еще быстрее. Отнеси деньги на Чор-базар, *баба́*, и верни их таксисту.

Он разложил аккуратные пачки.

— Темул никому не скажет ни слова. Я с ним поговорил. — Густад проверил первые и последние серийные номера в нескольких пачках: в каждой

было по сто банкнот. Он сосчитал количество пачек: тоже сто. И да, все банкноты были достоинством в сто рупий.

— Господи! — прошептал он. — Миллион рупий!

Произнесенная вслух невероятная сумма снова всколыхнула страхи Дильнаваз.

— Умоляю тебя, отнеси их обратно! — Она потянулась к пластиковой обертке, но он отдернул ее.

— У тебя в голове только одно: отнеси да отнеси. — Он принялся пролистывать пачку за пачкой. — Джимми сказал, что внутри должно быть письмо.

Дильнаваз стала помогать ему: чем скорее они найдут письмо, тем скорее можно будет эту напасть отвести.

— Приятный запах, — сказала она, поднеся одну пачку к носу и вдыхая острый дух новых денег.

— Очень приятный. Двадцать четыре года я проработал с этим запахом в ноздрях, и он никогда мне не надоедал. — Густад помолчал, отвлекшись на воспоминания. — Удивительно, но банкноты в пять рупий пахнут не так, как десятки. И у каждого количества денег свой запах. Мне больше всего нравится запах пачек с

банкнотами по сто рупий. — Он стал перебирать очередную пачку, и из нее выпал сложенный листок бумаги. — Вот оно!

Письмо оказалось коротким. Они стали читать его вместе.

Дорогой Густад,

спасибо, что сходил на Чор-базар. Теперь осталось только положить деньги на банковский счет.

Поскольку ты заведуешь отделом сберегательных вкладов, тебе будет нетрудно обойти правила и нормы, касающиеся крупных депозитов. Не волнуйся, это деньги не с черного рынка, это правительственные деньги, которые мне доверены.

Для открытия вклада используй имя Мира Обили, а если требуется адрес, укажи свой или мой номер почтового ящика в Дели. Мне все равно, я полностью тебе доверяю. Единственная причина секретности состоит в том, что есть много людей в нашем собственном правительстве, которым хотелось бы увидеть, как провалится моя партизанская операция. Если понадобится, пришлю дальнейшие инструкции.

С любовью,
твой друг,
Джимми.

P. S. Совет Яго забудь. Миллион не поместится в твоем кошельке. Удачи.

Густад улыбнулся.

— А я-то удивлялся: почему Джимми выбрал именно эту строчку.

— Кончай удивляться и помоги мне упаковать это.

— Ты что, не понимаешь, что это все значит? Он пытается спасти бедных бенгальцев от истребления Пакистаном.

Она разозлилась: иногда он вел себя как ребенок, отказывающийся признавать действительность.

— Надеюсь, ты уже понял, что не можешь этого сделать, если, конечно, не хочешь ввязаться в опасную незаконную игру и потерять работу!

— А как же Джимми? Ты хоть понимаешь, какими опасными вещами он занимается в НАК? — Однако даже стараясь представить героические деяния Джимми, он понимал, что она права.

— Для него это работа, он сам поступил в секретную службу. Пусть сам и выполняет свои секретные служебные обязанности и не доводит нас до голодной смерти. А именно она нас ждет, если ты потеряешь работу, помни это! — Тут же пожалев о вырвавшихся словах, она добавила сдавленным голосом: — *Owaaryoo*[143], — и сделала жест, означающий «упаси боже!»: трижды щелкнула пальцами и махнула руками вперед, как будто что-то сметая, — чтобы отвести от Густада негативные флюиды этой зловещей перспективы.

Густад стал нехотя складывать пачки. Она по-

---

[143] Сноски: 143
Суеверных жест от злых духов (обычно у парсов).

могала ему.

— Я дал ему слово, написал, что он может положиться на меня.

— Это было до того, как он сообщил тебе, чего именно хочет от тебя. Как можно просить об одолжении, не объяснив, в чем это одолжение состоит? — Ее осенило: — Я знаю. Откажи ему так, чтобы это его не обидело. Напиши, что ты потерял работу в банке. — Хоть и поздно, спохватившись, она снова исполнила ритуальные жесты от сглаза. — Нет-нет, так не говори, скажи, что тебя перевели в какой-нибудь другой отдел и теперь у тебя другие обязанности, так что ты не можешь открывать вклады.

Он обдумал ее предложение, оно ему показалось разумным.

— Ты права. Так он не будет считать, что я его подвел.

Не закончив упаковывать деньги, он сдвинул их на край стола и принялся писать письмо.

В дверь постучали. Прежде чем открыть, Дильнаваз бросилась в спальню, принесла простыню и набросила ее на кучу денег. Но это оказался всего лишь Сохраб.

— Слава богу, — сказала Дильнаваз и сняла простыню.

— Ничего себе! — воскликнул Сохраб при виде такого богатства и расхохотался. — Папа что, ограбил собственный банк?

Густад повернулся к Дильнаваз, лицо у него было мрачным, как небо перед грозой.

— Немедленно скажи своему сыну, что я не в настроении выслушивать его бессмысленные шуточки.

Она знала: когда он говорит таким напряженным низким голосом, словно ему сдавили горло, это не пустая угроза, и взглядом предупредила Сохраба.

— Это деньги дяди майора, но мы отсылаем их обратно, — объяснила она, передавая сыну письмо от майора и ответ Густада. — Это слишком рискованно для папы.

Сохраб прочел и сказал:

— Анаграмма. Какое ребячество.

Дильнаваз этого слова не знала.

— Анаграмма? — вопросительно повторила она.

— Берешь какое-то имя, переставляешь буквы и получаешь другое имя. Мира Обили — это анаграмма фамилии Билимория. — Густад сделал вид, что не слушает, однако мысленно проверил перестановку букв. Сохраб провел пальцем по

денежным пачкам и повертел письма. — Дядя Джимми говорит, что это правительственные деньги, да? Так давайте потратим их на то, что правительству полагалось бы делать. Разве не здорово будет отремонтировать в здешней округе канализацию, всем поставить водяные баки, починить…

Без предупреждения Густад вскочил со стула и замахнулся, чтобы влепить сыну пощечину. Сохрабу удалось парировать удар.

— Бесстыжий! Говорит как обезумевшая бешеная собака! И это мой сын!

Ошарашенный и шокированный, Сохраб повернулся к матери.

— Что с ним происходит в последнее время? Я только пошутил!

— Ты знаешь, что происходит, — тихо ответила Дильнаваз и сделала предупреждающий жест, поскольку сын хотел сказать что-то еще. Дрожа от возмущения, он вышел из комнаты.

Густад продолжил упаковывать деньги, как будто ничего не произошло, но долго притворяться не мог.

— Так измениться! Его невозможно узнать. — Беспокойство из-за странной посылки и огорчение из-за неподобающей просьбы Джимми

наложились на другую, более глубокую печаль, вызванную неуважительным и неблагодарным поведением сына. — Кто бы мог подумать, что он станет таким? — Он резко дернул шпагат, и тот лопнул. Дильнаваз терпеливо связала разорванные концы. — Каждый год во время экзаменов мы на рассвете давали ему семь миндальных орехов. — Он подпитывал свою обиду воспоминаниями. — Я ходил на работу в рваных туфлях, чтобы покупать ему эти орехи, чтобы у него лучше работали мозги. Мы платили по двести рупий за килограмм. И все впустую. Все псу под хвост. — Она пальцем придерживала переплетенные кончики шпагата, пока он завязывал узелки. — Запомни, — сказал он громко, чтобы услышал Сохраб в соседней комнате, — однажды я дал ему пинка, чтобы спасти его жизнь, могу дать еще. На сей раз чтобы выкинуть его из дома! Из моей жизни!

Она едва успела выдернуть палец из-под чуть не стянувшегося на нем узла. О господи, мысленно взмолилась она, прошу тебя, не допусти! Пожалуйста, не позволяй ему так говорить! Лаймовый сок подействует, я знаю. Должен подействовать, иначе — что будет?..

— Сегодня уже поздно идти обратно на Чор-ба-

зар, — сказала она. — Может, сходишь в следующую пятницу?

Он принял смену темы.

— Нет, не надо идти на Чор-базар, — ответил он и объяснил ей другой способ связи. Но Гулям Мохаммед сказал, что уезжает из Бомбея на неделю. А пока они решили спрятать деньги в кухне, в угольной нише, под *чулавати*[144].

[144] Сноски: 144

Чулавати — дровяной камин, который используется для приготовления традиционной парсийской пищи, в чем-то похож на «буржуйку».

V

Дариуш вернулся с крикетной тренировки как раз перед обедом, москиты тоже. Густад велел ему входить быстрее и закрыть дверь, пока это стихийное бедствие не заполонило всю квартиру. Дариуш шлепнул на пол связку газет, которую, по его словам, ему дали во дворе.

— Кто дал? Откуда ты взял все эти газеты? — спросил Густад, направо и налево отмахиваясь от москитов.

— Жасмин. Это она мне их дала, — промямлил мальчик.

— Кто? Говори громче, я не слышу!

Дариуш опасливо повторил имя, и Густад рассвирепел.

— Я запретил тебе разговаривать с дочкой идиота-собачника. Что было в голове у этой толстой *падайри*[145], когда она выносила тебе газеты из своего дома? Если он снова придет жаловаться, даже твоей матери не удастся избавить тебя от страшного наказания, уж я постараюсь! — Тут все внимание Густада переключилось на москитов,

---

[145] Сноски: 145
«Папиной дочки», от padar (падар) — отец, папа (*фарси*).

и он предложил Дильнаваз сшить москитные сетки для всех кроватей. А он сколотит рамы, с которых те будут свисать как пологи. — Когда я был маленьким, отец возил всю семью на отдых в Матеран, и там все кровати в отеле имели москитные сетки. Это было чудесно — ни одного укуса за всю ночь. Никогда в жизни я не спал так безмятежно. И в обеденное время никто тебе не докучал. Хозяин ставил, бывало, блюдо… — Он оборвал себя на полуслове, взбудораженный воспоминанием. — Ну конечно! Вот что нужно! Быстро неси большое блюдо. Самое большое, какое у нас есть.

— Зачем? — удивилась Дильнаваз.

— Неси, я покажу.

Она быстро сбегала в кухню.

— Это серебряное немецкое *тали*[146] годится? Оно самое большое.

— Идеально, — сказал Густад, расчищая место на столе, ставя мелкий круглый поднос под лампу и наливая в него воду. Когда поверхность воды успокоилась и стала неподвижной, отражение лампы в ней тоже застыло и призывно-ярко засверкало в середине подноса. Потом в воду начали

---

[146] Сноски: 146
Та́ли — блюдо, тарелка (*хинди*).

падать москиты. Один за другим они отлетали от настоящей лампы и тонули в самоубийственной попытке добраться до иллюзорной, водяной. Почему-то она была для них притягательней той, что свисала с потолка.

Густад довольно потер руки.

— Видишь? Так делал хозяин отеля в Матеране!

Даже Дильнаваз радовалась, наблюдая победу над злобными маленькими насекомыми.

— Вот теперь можно спокойно поесть, — сказал Густад. — Пусть слетаются. Сколько угодно. Воды у нас для всех них хватит. — Поверхность воды в блюде уже была сплошь покрыта копошившимися крапинками. Он слил воду с подноса в раковину, снова наполнил его и приготовился к трапезе.

Но Сохраб отказался выходить из задней комнаты и садиться за стол. Дильнаваз умоляла его не усугублять ситуацию, а когда она сообщила Густаду, что Сохраб отказывается обедать, он лишь пожал плечами и ответил:

— Мне-то что?

Они принялись за обед без Сохраба. Москиты продолжали нырять, некоторые делали это так стремительно, что вокруг них вскипали крохот-

ные фонтанчики. Впервые за последние недели обед прошел без того, чтобы хотя бы один москит упал кому-нибудь в тарелку.

* * *

Два дня спустя, пока Густад был на работе, Сохраб собрал свои немногочисленные вещички и ушел. Матери он сообщил, что договорился кое с кем из однокурсников пожить пока у них.

Дильнаваз была категорически против, говорила, что это невозможно, что его дом здесь, даже плакала.

— Отец хочет для тебя только лучшего, просто сейчас он очень расстроен. Не можешь же ты уйти из дома только из-за этого.

— Я сыт по горло его угрозами и всем прочим. Я не маленький мальчик, которого ему можно бить и наказывать. — Он пообещал, что будет навещать ее раз в неделю. Увидев, что переубедить его не удастся, она лишь спросила, надолго ли он уходит. — Это будет зависеть от папы, — ответил он.

Вечером она рассказала Густаду, что случилось. Скрыв боль и разочарование, он лишь небрежно повторил то, что сказал двумя днями раньше:

— Мне-то что?

Глава девятая

I

Всю следующую неделю, каждое утро, пока он возносил молитвы, две тревожные мысли кружили и вихрились у него в голове, словно опавшие листья, подхватываемые ветром: изнуряющая Рошан диарея и опасный пакет, спрятанный в закопченной кухонной нише. Была еще и третья, но он притворялся, будто ее не существовало.

На сей раз таблетки оказались бессильны, ни энтеровиоформ, ни более сильнодействующий сульфагуанидин не помогли. «Почему? Моя бедная девочка который уж день пропускает школу. А Джимми! Последний человек, о котором я мог бы подумать, что он втянет меня в нечто криминальное». Дул сильный ветер. Густад поглубже надвинул свою молельную шапочку. После короткого ночного дождя, добродушного предвестника приближающегося муссона, листья на розовом кусте были зелеными и свежими. Он не уставал удивляться выносливости своей розы, тому, как она год за годом стойко выживала на крохотном пыльном клочке земли, несмотря на решетки автомобильных радиаторов, мявших и ломавших ее стебли, и на детей, бессмысленно

обрывавших цветки.

Он склонился, чтобы убрать пустую пачку из-под сигарет «Чарминар», запутавшуюся в ветвях, и услышал, что подъезжает машина. Даже не обернувшись, он узнал «короля дорог». Служебный долг призывал инспектора Бамджи к исполнению своих полицейских обязанностей в любое время суток. Иногда, зачитавшись допоздна, Густад слышал урчание мотора его машины и улыбался, представляя себе Соли Бамджи, с лупой выискивающего улики. Соли давно прозвали Шерлоком Бамджи. Однажды, когда в окру́ге произошло особо чудовищное убийство и кто-то из соседей спросил Бамджи, как полиции удалось раскрыть дело, он, не задумываясь, ответил: «Элементарно, друг мой».

Прозвище немедленно прилипло к нему. Все знали, что Соли — не частный детектив и не курит трубку, и что он — в отличие от прототипа, всегда отличавшегося изяществом слога и отличной дикцией, — обожает цветистую речь и крепкое словцо, но он был рослым и худощавым, с изможденным лицом и высоким лбом, и всего этого оказалось достаточно, чтобы шутливое прозвище пристало к нему навсегда.

Бамджи посигналил и притормозил.

— Привет, командир! Надеюсь, ты помолился и за меня?

— Конечно, — ответил Густад. — Вижу, сегодня преступность рано подняла тебя с постели?

— Да так, ничего особенного. Но если говорить серьезно, то нас ждут большие проблемы, если этот ублюдочный муниципалитет уполовинит наш двор. Как я тогда буду въезжать в него на машине? — Было бы тебе поделом, подумал Густад: Бамджи был одним из главных обидчиков его розового куста. — Как думаешь, петиции хозяина будет достаточно, чтобы вставить этим муниципальным задницам?

— Кто знает? Я так думаю, что, если власти чего-то хотят, они это получают, не так, так этак.

Инспектор Бамджи поправил зеркало заднего вида.

— Если сволочи снесут эту стену, от нашей частной жизни не останется ни хрена. Молись, командир, каждое утро за сохранность нашей стены.

Это напомнило Густаду о другой проблеме.

— Ты заметил, как она воняет? Из-за этого и от москитов тут продыху нет.

— Естественно, учитывая, сколько мочи на нее льется. Любая скотина с полным мочевым пузы-

рем останавливается у нашей стены и достает своего *кутенка*.

— А ты не можешь пресечь это силой своей власти?

Инспектор Бамджи расхохотался.

— Если полиция начнет арестовывать каждого незаконного ссыкуна, нам придется утроить наш личный состав. — Он переключил скорость своего «короля дорог» и, помахав на прощание, тронулся, прокричав напоследок: — Чуть не забыл: когда Хромой Темул приходил с петицией, он нес какую-то околесицу насчет того, что видел горы денег в твоей квартире.

Густад изобразил смех.

— Если бы!

— Я ему так и сказал: Омлет, не пудри людям мозги. А потом разок влепил ему хороший *чамат*[147] по роже. — С этими словами Бамджи отбыл.

Ох уж этот Темул. Ну как заткнуть его слюнявый болтливый рот? Слава богу, что Соли ему не поверил, да и другие подумают, что Темул несет всякую чушь по обыкновению. Сегодня вечером, когда он будет слоняться во дворе, я еще раз сде-

---

[147] Сноски: 147
Чамат — шлепок, пощечина (*хинди*).

лаю ему внушение.

Но когда Густад вернулся в тот день с работы, двор был пуст. Он трижды выходил из квартиры до ужина, и всякий раз был удивлен отсутствием Темула. Уже переодевшись в пижаму, попробовал поискать его еще раз. Было уже почти десять часов, не прекращался ветер, который нанес в его кусты обрывки газет и обертки от мороженого. Может, подняться к нему в квартиру? Но там может оказаться его старший брат.

С шумом распахнулось окно, Густад поднял голову. Это был Кавасджи, седая шевелюра светилась в темноте. Кавасджи окинул взглядом небо, склонил голову в одну, потом в другую сторону, как какая-то птица с экзотическим оперением, и закричал:

— Идет муссон, так что Ты смотри у меня! Каждый год Твои ливни смывают лачуги бедняков! Хватит! Где Твоя справедливость? У Тебя хоть какие-то мозги есть или нет? Смой в этом году владения Таты! Или Бирлов, или Мафатлалов![148]

Когда-то, в молодости, Кавасджи звали *Кавас-*

---

[148] Сноски: 148

Семейные кланы Бирлов и Мафатлалов — одни из богатейших в Индии.

Калингар[149], потому что он был круглый, как арбуз. Но с возрастом он начал катастрофически худеть, отчего с каждым месяцем, с каждой неделей казался все выше ростом, и наконец худоба и высокий рост сделали его похожим на древнего пророка, сурового прорицателя со светящимся нимбом белых волос вокруг головы. И прозвище забылось навсегда, отпало, как высохший струп.

Его сноха сбежала во двор к Густаду.

— Простите за беспокойство в столь поздний час, — сказала миссис Пастакия, — но росток от вашего *сабджо*[150], который я вешаю на шею *Motta-Pappa*[151], высох. Не могли бы вы дать мне свежий?

Густад сходил за садовыми ножницами. Он не выносил миссис Пастакию, но терпел ее ради мистера Пастакии и его старика-отца. Она отличалась любопытством, вспыльчивостью и склонностью к интригам, между тем как ее муж был человеком великодушным, прямым и терпимым. Оставалось лишь удивляться, как им

---

[149] Сноски: 149
Кавас-арбуз (*хинди*).

[150] Сноски: 150
Здесь: цветка.

[151] Сноски: 151
Старшего брата отца/дяди (*гуджарати*).

удалось так долго прожить вместе и вырастить пятерых детей. Все свои недостатки, включая и дурное порой отношение к старику Кавасджи, миссис Пастакия списывала на свою мигрень. Случавшиеся в удивительно подходящие моменты приступы отправляли ее на весь день в постель, где она молча страдала, восполняя пробелы в чтении прошлых выпусков еженедельников «Ева», «Фемина» и «Филмфэар», а мистер Пастакия, вернувшись с работы, делал всю работу по дому. Он должен быть святым, думал Густад, чтобы терпеть это столько лет.

— Поздравляю, — сказала миссис Пастакия.

— С чем?

— Я слышала, вы сорвали крупный куш в лотерею. Как замечательно!

Вручая отросток цветка, Густад заверил ее, что, к его великому сожалению, она ошибается, и распрощался. Отломав несколько отцветших веточек, он понес их домой. Дильнаваз молча наблюдала, как он вышелушивал семена и замачивал их в воде. Вообще-то он испытывал предубеждение против цветка — потому, как она думала, что целебную силу растения открыла и разнесла об этом весть миссис Кутпитья. Но теперь он сам давал настой дочке, и Дильнаваз

была ему за это благодарна.

Следующий день выдался еще более ветреным. Вернувшись с работы, Густад увидел, что ветви единственного в их дворе дерева мотает во все стороны.

— Рошан полегчало, только бы не сглазить, — сообщила Дильнаваз. — Хорошо, что ты вспомнил про цветок.

Он кивнул, довольный. «И Гулям Мохаммед вернется на этой неделе, я смогу передать ему сообщение, спросить, когда и где можно вернуть пакет».

Он заранее написал записку, сунул ее в конверт и заклеил его. Завтра он передаст свое послание через паанвалу Пирбхоя.

II

Спустя семь дней он снова отправился к «Птичнику», узнать, не пришел ли ответ. Пирбхой, сидевший, скрестив под собой ноги, на деревянном ящике перед своим большим медным подносом, сказал только, что Гулямбхай получил его сообщения, но больше ничего.

Прошло три недели. От Гуляма Мохаммеда — ни слова. В ночь на пятницу должна была начаться свирепая гроза с молниями, а за ней во всю силу обрушится муссон. Густад вышел во двор и оглядел небо. Посмотрел на запад, на тучи, сгустившиеся над Аравийским морем, втянул носом воздух: да, муссон приближается. После того как все легли спать, он посидел еще немного, читая газету. Беженцы продолжали прибывать. Официальная статистика называла цифру четыре с половиной миллиона, но репортер, вернувшийся из поездки по лагерям беженцев, писал, что на самом деле она ближе к семи миллионам. К следующему месяцу ожидалось десять. Четыре с половиной, семь, десять, думал Густад, какая разница? В любом случае это слишком много людей, чтобы прокормить их стране, которая не способ-

на прокормить себя. Может, партизаны скоро победят? Если бы я только мог помочь Джимми!

Он проверил результаты крикетных матчей и отбросил газету. Подойдя к письменному столу, взял Платона. Стопка новых книг лежала на углу стола с тех пор, как он принес их четыре пятницы назад. А все мои планы насчет книжного стеллажа разлетелись в прах. Как и все остальное.

Около полуночи начался дождь. Он услышал, как первые капли застучали по оконным стеклам. К тому времени, как он подошел к окну, уже лило как из ведра. Ветер загонял струи внутрь. Густад сделал глубокий вдох, чтобы насладиться запахом мокрой земли, и испытал большое удовлетворение, как будто в приходе муссона была его собственная заслуга. «Дождь пойдет на пользу моим кустам. Хорошо, что я перенес розу поближе к ступенькам крыльца: вода, стекающая с козырька, будет поить ее».

Он закрыл окно и уселся с книгой, однако не мог сосредоточиться. Приход муссона неизменно вызывал волнение, ему всегда предшествовала первая сильная гроза, он помнил это еще с раннего детства, с тех пор, когда проливной дождь ассоциировался с началом нового учебного года, с новой классной комнатой, новыми учебника-

ми, новыми друзьями, со шлепаньем — в новом плаще и резиновых сапогах — по улицам, превращавшимся в потоки, несущие бутылочные крышки, пустые пачки из-под сигарет, палочки от мороженого, рваные туфли и шлепанцы. Ему нравилось наблюдать, как обычно наглое дорожное движение намертво застывает и тонет в воде: в этой картине была некая восхитительно-поэтическая справедливость. А эта вечная надежда, что ливень станет достаточно сильным, чтобы отменили уроки! Каким-то чудесным образом то детское волнение оставалось неувядаемым и расцветало в душе снова и снова при первых каплях дождя.

Теперь время от времени гремел гром, но оглушительный грохот ливня скрадывал его звук. Внутри общего шума воды он различал и индивидуальные звуки: плоские шлепки по асфальтовой дорожке, пересекающей двор; громкий, раскатистый, как барабанная дробь, треск по оцинкованным навесам; мягкое, словно стук застенчивого гостя, стаккато по оконным стеклам; и громче всех — громыхание пяти водосточных труб, по которым скопившаяся на крыше вода мощными водопадами обрушивалась на землю. Это напоминало ему оркестр, в котором он выде-

лял звуки скрипок и альтов, гобоев и кларнетов, литавр и больших барабанов.

Он почувствовал подергивание в левом бедре. Да — верный признак того, что пришел муссон. И с ним — снова боль. Достаточно острая, чтобы напомнить о мучительных неделях, проведенных в постели. «Джимми, да благословит его бог, так помог мне тогда! Он внес меня, как ребенка, на руках в помещение, где принимал Мадхивалла-Костоправ». Какое же столпотворение там царило! Волонтеры помогали ему управляться: одни переносили больных на носилках или перевозили в инвалидных колясках, другие готовили повязки, два человека расфасовывали разные виды душистых трав и коры по маленьким пакетикам. Этикетки приклеивали самодельным растительным клеем — смесью муки с какими-то вонючими ингредиентами, но ароматы трав перекрывали неприятный запах.

Посреди всего этого, в окружении своих преданных помощников, стоял сам великий Костоправ. На вид он был совершенно обычным человеком, никто бы не догадался, какими удивительными умениями он обладает. На нем были длинное

белое *дагли*[152] и молельная шапочка, он напоминал организатора парсийского свадебного застолья: начальника *баберчис*[153], надзирающего за всем, от церемониальных объявлений до рассылки помощников официантов с тазиками, мылом и кувшинами горячей воды вдоль столов — для омовения рук пресыщенных гостей.

Но Мадхиваллу за творимые им чудесные исцеления почитали как святого. Он спасал раздробленные конечности, сломанные позвоночники, расколотые черепа — то есть излечивал такие травмы, взглянув на которые даже специалисты, доктора, получившие образование за границей (имеющие дипломы прославленных университетов Англии и Америки), работающие в хорошо оснащенных больницах, только безнадежно качали головами. А Мадхивалла-Костоправ исправлял любые увечья, даже считавшиеся безнадежными, всего лишь с помощью голых рук, своего особого набора трав и коры разных деревьев, а в случае смещения позвоночных дис-

[152] Сноски: 152

Дагли — традиционный парсийский пиджак/кафтан/кардиган, который носят с белыми брюками.

[153] Сноски: 153

Баберчис — повар-дворецкий в домах богатых парсов, который был единственным, кто готовил еду на торжественные праздники.

ков — своей правой ступни, которой он наносил тщательно выверенный тычок в поясничную область, быстро возвращавший выпавший диск на место.

Никто толком не понимал, что и как он делает, работа его ног и рук казалась волшебством: пощупает тут, помнет там, согнет, скрутит, повернет — и все в порядке. Быстро, спокойно, безболезненно. Поговаривали, будто он гипнотизировал пациента, чтобы тот не чувствовал боли. Но те, кто наблюдал за его работой вблизи, знали, что этого не могло быть, потому что он никогда не смотрел пациенту в глаза, которые, заметим, в большинстве случаев бывали закрыты. Глаза же самого́ Костоправа следили за его руками; они проницали глубоко, через кожу, через жир, через мышцы, до самых костей, до того места, которое было повреждено. Неудивительно, что врачи-рентгенологи проклинали тот день, когда он объявился.

Собрать сломанное бедро Густада будет для Мадхиваллы детской забавой, говорили зеваки. (Когда Костоправ вел прием, зевак вокруг было много: ни доброжелателям, ни поклонникам, ни родственникам пациентов, ни просто любопытствующим — никому не возбранялось наблюдать

за его работой, его умения и достижения были открыты для всеобщего обозрения.) Однако зрелище часто бывало страшным до обморока, не для слабонервных. Переломанные тела повсюду: одни лежали, вытянувшись на носилках, другие, свалившись как мешки с костями, — на полу, третьи, обмякши, сидели на стульях, четвертые — забившись в угол, воздух оглашали непрерывные стоны и пронзительные крики. Раздробленные малые и большие берцовые кости, прорвавшие кожу; сломанный плечевой сустав, из-за которого гротескно-неестественно вывернулось плечо; ужасные последствия раздробленного бедра — несчастные со всеми этими повреждениями ждали своей очереди к Костоправу, ждали избавления.

При виде ужасов, каких прежде ему видеть не доводилось, Густад забыл о боли, пронизывавшей его собственное тело. Он пытался представить, что́ могло послужить причиной таких травм. В мебельной мастерской своего деда он иногда бывал свидетелем того, как кто-нибудь отрубал или расплющивал себе часть пальца, но *такого* не видел никогда. Казалось, что где-то, на какой-то дьявольской фабрике кто-то злонамеренно штамповал столь экстравагантные увечья.

Однако наряду с болью, наполнявшей крики и стоны несчастных, он улавливал в них и нотку надежды, какую даже самому красноречивому человеку не выразить словами. Надежды чистой и первозданной, которая прорастала, невольно и иррационально, из самой крови пациентов и вселяла в Густада уверенность, что избавление теперь не за горами.

Позднее он пытался вспомнить, что делал Мадхивалла, чтобы собрать его сломанное бедро. Но единственное, что приходило на память, это как его схватили за ступню и вывернули ногу каким-то особым образом. С этого момента боль уменьшилась. Обломки кости встали на свои места, и дальше следовало дожидаться, когда они срастутся, регулярно смазывая бедро пастой, приготовленной из коры какого-то особого дерева. Костоправ написал на бумажке номер снадобья и вручил бумажку Джимми. Те двое, которые приклеивали ярлыки к пакетикам вонючим клеем, нашли нужные ингредиенты по этому номеру и отдали ему вместе с инструкцией. Мадхивалла никогда не назначал никакой цены за свое лечение, равно как не раскрывал названий трав и деревьев, которые использовал для приготовления лекарств, чтобы не дать возможности

недобросовестным людям наживаться на его знаниях за счет больных бедняков. От богатых с благодарностью принимались пожертвования. Все приветствовали такую секретность, однако и сокрушались: Мадхивалла старик, что будет, когда его не станет, неужели его знание умрет вместе с ним? Впрочем, многие верили, что втайне он готовит себе преемника, который появится и продолжит его дело, когда придет срок.

Дильнаваз готовила мазь строго по рецепту Костоправа: вымачивала кору в воде, растирала ее на плите из грубого камня, которую они обычно использовали для приготовления *масалы*. Работа была нелегкой, нужно было приготовить достаточно мази, чтобы покрыть ею все бедро. Не успевала она сделать одну порцию, как уже пора было приниматься за следующую. Густад чувствовал себя виноватым, глядя, как она потеет и задыхается, не обращая внимания на то, что спина и плечи вопиют, взывая о передышке, притом что еще и трехмесячная Рошан требовала заботы. Но в течение двенадцати недель, стиснув зубы, Дильнаваз продолжала растирать снадобье, отказываясь от посторонней помощи, уверенная, что только ее усилия смогут снова поставить мужа на ноги.

Где-то под дождем хлопнула дверца машины. «Король дорог». Не повезло Бамджи дежурить в такую ночь. Однако машина, судя по всему, продолжала стоять, работая на холостом ходу. Сверкнула молния, потом раздался раскат грома. Может, у него что-то с мотором? Густад подошел к окну. Но не успел он отодвинуть щеколду, как машина отъехала.

На часах был почти час ночи. Он открыл стеклянную дверцу и пальцем остановил маятник, одновременно нашаривая ключ. Блестящая нержавеющая сталь была холодной на ощупь. Он завел часы и отправился в постель.

Спал он урывками. Ему снилось, что он идет в банк от автобусной остановки на площади фонтана «Флора». Вдруг что-то ударило его в спину. Он повернулся и увидел лежавшую у ног пачку сторупиевых банкнот. Когда он наклонился, чтобы поднять ее, еще несколько пачек больно врезались в него. Он спросил у своих мучителей — за что? Отказавшись отвечать, те продолжали обстрел, сбив с него очки. «Прекратите! — закричал он. — Я пожалуюсь в полицию! Мне не нужен этот ваш мусор!» Он начал швырять пачки обратно, но те возвращались с такой же скоростью, с какой он их бросал. Подъехал полицейский

фургон, из него вышел инспектор Бамджи. Густад несказанно обрадовался такому везению, однако Бамджи, словно не узнавая его, направился к группе деньгометателей. «Соли, послушай, дай мне рассказать, что случилось!» — взмолился Густад. К его удивлению, инспектор на маратхи велел ему заткнуться: «*Umcha* section *nai*»[154]. «Он служащий банка, но не хочет принимать наши деньги, — пожаловались нападавшие. Густад наблюдал за всем этим, совершенно ошарашенный. — Куда нам их нести, если банк отказывается их принимать?» «Нет! — завопил Густад. — Я не могу их взять, мне некуда их поместить! Что будет, если…» Из ниоткуда возник мистер Мейдон со своей золотой табакеркой в одной руке и хронометром «Ролекс» в другой. «Что происходит, Нобл? Прово́дите банковскую операцию на тротуаре, гм-м? — Раздавив ногой валявшиеся на земле очки Густада и отмахнувшись от его объяснений, он сообщил, что уже начало одиннадцатого. — Даю вам тридцать секунд, чтобы оказаться за своим рабочим столом. — Он поднял хронометр над головой и нажал кнопку. — Время пошло. Вперед!» Густад побе-

[154] Сноски: 154
Выше уже ничего нет (*маратхи*).

жал, локтями расталкивая толпу, стремившуюся ему навстречу. Откуда столько людей, подумал он, сейчас же не вечер? Когда он, тяжело хромая, добежал до входа в банк, в дверях, сардонически улыбаясь, материализовался мистер Мейдон и показал ему свой хронометр. «Тридцать четыре секунды. Не взыщите», — произнес он и вручил Густаду извещение об увольнении. «Прошу вас, мистер Мейдон, пожалуйста. Дайте мне еще один шанс, пожалуйста, я не виноват, я…»

Дильнаваз трясла его за плечо:

— Густад, ты разговариваешь во сне. Густад!

Он всхрапнул, перевернулся на другой бок и мирно проспал остаток ночи.

III

Рассвет поглощала серая пелена моросившего дождя. Густад не мог выйти во двор на молитву. Он приоткрыл окно. Размокшая от влаги рама поддалась с трудом, издав зловещий стон. Стайка потревоженных мокрых ворон, хлопая крыльями, поспешно отбежала на безопасное расстояние. Несколько птиц вспорхнули на ветви мелии. Взглянув на затянутое тучами небо, Густад пришел к выводу, что дождь будет идти минимум еще день.

Вороны с обвислыми от дождя перьями злобно наблюдали за ним, потом начали мелкими прыжками возвращаться к окну. К тому времени, когда Густад допивал вторую чашку чая, небо посветлело, а вороний гомон стал намного громче. Карканье и пронзительное верещанье птиц наконец разбудило и Дильнаваз.

— Что там во дворе происходит? — спросила она.

Густад застегнул до шеи пижамную куртку, надел резиновые тапочки и под зонтом вышел на улицу.

Вороны слетелись во двор со всей округи. Кроме

стаи, собравшейся во дворе, множество их топталось на ступеньках крыльца, стряхивая воду с перьев. Другие ровной черной цепочкой расселись вдоль карниза. «Кыш-ш-ш-ш!» — шикнул на них Густад, хлопая в ладоши и топая ногами. Потом начал обходить огромную лужу перед входом, размахивая открытым зонтом, продолжая шипеть и сам напоминая гигантскую ворону. И тут он увидел свой розовый куст. У него свело внутренности. Выпитый чай пополам с желчью подступил к горлу. Вороны выжидали, когда можно будет продолжить свой банкет.

— Дильнаваз! — взревел Густад через открытое окно. — Иди сюда, быстро!

Она вмиг выскочила из дома, шлепая в галошах Дариуша, которые напялила в спешке.

— О господи! — вскрикнула она и прикрыла глаза ладонями. — Зачем ты заставил меня смотреть на это? Зачем надо было с утра отравлять мне настроение?

В красно-бурой луже, собравшейся под кустом, лежала обезглавленная бандикота[155]. А рядом с тушкой — аккуратно отрезанная голова. Несмот-

---

[155] Сноски: 155

Крупный грызун (длина тела без хвоста — до 40 см, хвост по длине равен телу); благодаря столь крупному размеру бандикоту легко отличить от домовых крыс.

ря на уже проделанную воронами работу, способ обезглавливания был очевиден: острый нож.

— Ну, это уже предел! — сказал Густад.

Оба первым делом подумали о Темуле с его увлеченностью крысами. Но Густад засомневался:

— Нет, не думаю. Даже если он это сделал, он бы никогда не бросил крысу под куст. Он пошел бы в муниципалитет за своими двадцатью пятью пайсами.

Дильнаваз была куда более озабочена тем, чтобы поскорее избавиться от полурасклеванной тушки, чем поисками виновного.

— Надо позвать *кучравалли*, чтобы он убрал прямо сейчас.

— Кто же это так ненавидит мою розу? — задумался Густад. — И где был этот чертов гуркха[156], какой же он после этого сторож?

Тем временем, разбуженный шумом, к окну подошел Дариуш. Ему велели сбегать в офисное здание за гуркхой.

— Но я же в пижаме, — запротестовал маль-

---

[156] Сноски: 156

Гуркхи — условное название группы народностей (джатов) Непала тибетского и индийского происхождения, невысокие крепкие горцы, отличающиеся удивительной выносливостью и бесстрашием, ценятся во многих армиях мира.

чик.

— А я в чем? В свадебном костюме? Иди немедленно!

Недовольно ворча, Дариуш побежал через двор, держась поближе к стене, чтобы никто не заметил его из окна. Особенно бархатистые карие глаза четырнадцатилетней Жасмин Рабади. Если нежный взгляд этих карих глаз засечет его в дурацкой пижаме, это, без сомнения, загубит его шансы навсегда.

— Ты знаешь, где днем спит гуркха? — крикнул ему вслед Густад. — В маленькой комнате рядом с лифтом.

— Да знаю я, — огрызнулся, сердито мотнув головой, Дариуш. Вскоре он вернулся с гуркхой и осторожно, но с достоинством ретировался.

Гуркха был маленьким кривоногим человеком с мощными икроножными мышцами и жилистыми руками. Он служил охранником в соседнем офисном здании и, совершая ночные обходы, включал в них двор Ходадад-билдинга, за его труды каждый квартиросъемщик платил ему две рупии в месяц. Он еще не успел переодеться после смены, на нем были форменная рубашка цвета хаки, такого же цвета шорты и кепи. На кожаном ремне висел церемониальный гуркхский

нож кукри — короткий меч с широким лезвием, а рядом — два маленьких кинжала, каждый в своих ножнах.

Сверкнув своими миндалевидными непальскими глазами, он браво отдал честь и сказал:

— Салам, *сэт*, — потом, обращаясь к Дильнаваз: — салам, *баи*[157]. Как ваша девочка? — Он очень любил Рошан. Иногда, если не спал, завидев ее выходящей из школьного автобуса на другой стороне улицы, подбегал к ней и сопровождал до двора. Рошан называла его коллекцию кинжалов «папа-нож и близнецы».

— С дочкой все в порядке, — ответила Дильнаваз.

— А вот как *это* понимать? — перебил ее Густад, указав на растерзанную воронами бандикоту.

– *Аррэ, баап*![158] Очень большая крыса!

— Спасибо, это я сам знаю, — сказал Густад. — Но вот кто отрезал ей голову и кто бросил ее в мои цветы — это мне неизвестно. И это должны знать *вы*, потому что вы сторожите двор в ночное время. — Он сделал паузу. — Или вы берете с нас деньги за то, чтобы спать всю ночь?

---

[157] Сноски: 157
Баи — вежливое обращение к женщине на маратхи.

[158] Сноски: 158
Эй, отец! (*хинди*)

– *Аррэ, сэт*, нет. Ничего подобного, никогда. Каждую ночь я хожу здесь и стучу палкой по черной стене. В час, в два часа, в три часа — всю ночь. Но я ничего не слышал и не видел.

Густад недоверчиво посмотрел на него. Дильнаваз тихо, в сторону, на гуджаратском *асмаи-касмаи*[159] — чтобы гуркха не понял — сказала:

— *Masmaybisme hisme wasmas sleasmepisming beasmecausmause ismit wasmas raismainisming*[160].

Тогда Густад попробовал сменить тактику перекрестного допроса.

— А как вы совершаете обход во время дождя?

Гуркха улыбнулся, обнажив идеально белые, взращенные на ниме[161] зубы.

— Люди из офиса дали мне очень хороший длинный плащ. Во время дождя я его надеваю. И пластмассовую кепку с клапанами, которые прикрывают уши и спускаются на щеки, а под подбородком застегиваются на пуговицу и…

---

[159] Сноски: 159

Своего рода лингвистический код, чтобы скрыть от третьего лица то, о чем говорят двое. Получается путем вставки суффикса между слогами.

[160] Сноски: 160

От *англ.* May be he was sleeping because it was raining. (Может быть, он спал, потому что шел дождь.)

[161] Сноски: 161

Ним — в Аюверде считается одним из самых сильных средств для детоксикации и очистки крови и всего организма.

— Ладно, ладно. Значит, этой ночью вы патрулировали в своем длинном плаще и кепке. Но я не слышал ударов палкой о стену.

— О, *сэт*, дождь так шумел, и еще гром, как бы вы услышали мою палку?

В этом Густад вынужден был с ним согласиться.

— Но впредь — дождь, не дождь — я хочу слышать вашу палку. Бейте сильнее, бейте под моим окном, но бейте так, чтобы я слышал. Предупреждаю. Я хочу слышать ее каждую ночь. — Гуркха энергично закивал, чтобы успокоить Густада, и счел, что вопрос почти закрыт. — И скажите там по дороге *кучравалли*, чтобы немедленно убрал это.

Как только Густад и Дильнаваз повернулись, чтобы войти в дом, вороны снова стали подбираться к добыче. Густад решил остаться и подождать уборщика.

— Ты на работу опоздаешь, — сказала Дильнаваз, — давай я его подожду.

— Все в порядке. Времени еще достаточно.

Теперь ему было неловко, что он заставил ее смотреть на растерзанные внутренности бандикоты.

IV

Дождь лил всю субботу, но ночью прекратился. Густад не спал, чтобы слышать палку гуркхи. Обнадеживающие удары дерева по камню отмечали часы ночной темноты. Довольный тем, что угрозы возымели действие, он перевернулся на бок и заснул.

Воскресный рассвет встретило чистое небо. Густада разбудил луч света, проникший через щель в вентиляционной решетке, образовавшуюся там, где бумажное затемнение отошло от стены. Дождя нет, подумал он. Помолиться во дворе? Но там, должно быть, слякотно. Лучше остаться дома, а то вчера пришлось долго чистить тапки.

Он сел, потянулся и протер глаза. Карканье началось снова. Сначала закаркала только одна ворона, словно скликала верующих на молитву, но вскоре к ней присоединились другие, ревностные новобранцы, готовые поддержать ее своими глотками. Потом гам сделался неистовым: огромный хор птичьих голосов слился в экстазе, и Густад соскочил с кровати.

Матрас подпрыгнул от его резкого движения,

это разбудило Дильнаваз.

— Что случилось?

Он указал на окно.

— Ты слышишь?

Вороний грай заставил ее сесть в постели. Она потянулась за своим пыльником.

Утро было безветренным, поверхность луж, оставшихся после дождя, гладкая как стекло, отражала безоблачное небо. Но всего в нескольких футах, под розовым кустом, царил другой мир. Соперничество было жестоким, вороны лихорадочно хлопали крыльями и долбили клювами, иногда нападая друг на друга. Время от времени некоторые выходили из боя, чтобы собраться с силами, потом снова бросались в атаку. Из-за этой обезумевшей, трепещущей серо-черной массы крыльев и перьев было трудно разглядеть, что там, под кустом.

— Во-о-он! — взревел Густад, бешено размахивая руками. — Кыш-ш-ш-ш! Кыш-ш-ш-ш!

Вороны, словно черный занавес, поднялись и снова уселись неподалеку. Тут-то он и увидел мертвую кошку: рыжую, с белыми пятнами, ее открытые глаза еще не были выклеваны. Пасть слегка приоткрыта, внутри виднелся розовый язык. Мокрые усы распластались на поверхности

воды. Если бы кошачья голова так же, как крысиная предыдущим утром, не была отделена от тела, можно было бы подумать, что животное лакает воду из лужи. Густад отстраненно подумал, что в детстве именно так представлял в своих фантазиях отсеченные головы драконов: целые, как будто способные продолжать самостоятельное существование.

— Не смотри, — сказал он Дильнаваз, но было уже поздно. Она дважды подавила рвотные позывы, потом взяла себя в руки. — Я хочу знать, что происходит, — спокойно произнес Густад. — Дариуш!

Дариуш подошел к окну, протирая сонные глаза.

— Что?

— Быстро! Позови гуркху.

— Я больше не пойду туда в пижаме. Вчера ты уже меня посылал, — заартачился мальчик. — Так нечестно. — Вдобавок ко всему карта его подросткового плотского желания была начертана за ночь на ткани пижамных брюк над одним бедром.

— Не перечь мне! Иди немедленно!

— Не пойду! — завопил в ответ Дариуш и вернулся в постель.

— Тебя ждут большие неприятности в жизни, если ты так же, как твой сбежавший поганец-брат, будешь орать на отца! Запомни это!

— Не обращай внимания, — сказала Дильнаваз. — Я схожу.

— Стыд и срам. Как быстро он учится плохому. Ну-ка постой. Темул! Дружок мой! Темул! — Густад впервые после той пятницы, когда ходил на Чор-базар, увидел парня. Он помахал ему и улыбнулся, призывая подойти поближе и не делая резких движений, чтобы он не сбежал.

Темул робко приблизился, почесываясь, и улыбнулся Дильнаваз.

— ГустадГустад.

— Как поживаешь, Темул? Хорошо было под дождем?

Темул увидел обезглавленную кошку, залился смехом и, подойдя бочком, наклонился, чтобы поднять мертвую голову.

— Нет-нет, Темул, не трогай. Она плохая, кусается. — Темул отпрянул, ухмыляясь. — Можешь кое-что для меня сделать? Ты знаешь гуркху, который сидит в соседнем здании? Пойди позови его, скажи, что его хочет видеть господин Нобл.

Темул отправился выполнять поручение, хромая и разгоняя ворон по дороге. Вернувшись с

гуркхой, он изобразил отдание чести, шлепнув себя тыльной стороной ладони по лбу. Густад с невозмутимым видом молча указал на куст.

— О, Бхагван[162], — воскликнул гуркха, — что происходит?

— Почему вы спрашиваете Его? Это *вы* должны знать. В какое время вы заснули? В два часа? В три?

– *Аррэ*, Нобл-*сэт*, я ходил всю ночь.

— Ложь! — закричал Густад, указывая на очевидное. — Так не пойдет! С меня довольно! — Стали открываться окна, из них выглядывали любопытные лица. — Вчера крыса с отрубленной головой. Сегодня кошка! Кто-то делает гадости, а что делаете вы? Не выполняете свою работу! Что последует завтра? Собака? Корова? Слон?

— Крысакрысакоткот, — сказал Темул. — Крысакрысакоткот.

— Предупреждаю: я перестану вам платить. И все соседи тоже. Я скажу им, чтобы не платили, потому что вы как сторож бесполезны.

Гуркха запаниковал.

— О, *сэт*, припадаю к вашим стопам, не делайте этого. Иначе чем я буду набивать животы своих

---

[162] Сноски: 162
В индуизме имя — эпитет высших божеств.

детей? Я несу свою ночную стражу добросовестно — первый класс, первый класс! Еще один шанс, пожалуйста.

— Крысакрысакотсобака, — веселился Темул.

«Король дорог» инспектора Бамджи свернул во двор и остановился возле собравшейся там четверки.

— Что происходит, командир?

Обрадовавшись присутствию представителя власти, Густад воззвал к нему:

— Соли, вот скажи, что ты об этом думаешь? Кто-то подбрасывает мертвых животных в мои цветы. А этот бравый страж не имеет ни малейшего понятия — кто.

Пока инспектор Бамджи вылезал из машины и рассматривал кошку, гуркха стоял по стойке «смирно», а Темул, передразнивая инспектора, расхаживал, заложив руки за спину и повторяя:

— Крысакрысакоткот.

Инспектор Бамджи улыбнулся едва заметной зловещей улыбкой. Это была его профессиональная улыбка.

— У кого-то есть очень острый нож. И он им умело пользуется. Ты знаешь кого-нибудь, кто затаил на тебя злобу и хочет запугать?

Густад покачал головой и посмотрел на Диль-

наваз. Она подтвердила его неведение, тоже покачав головой, и добавила:

— Иногда люди убивают животных, когда колдуют, — они используют их кровь, чтобы совершать *пуджа*[163] или что-то в этом роде.

— Это правда, — согласился инспектор Бамджи. — Тут таких сумасшедших полно. Я думаю, кто бы и с какой бы целью это ни делал, он бросает трупы здесь, под кустом, потому что это тихое место, самое подходящее, чтобы избавиться от них, — тут они скрыты от прохожих черной стеной. Если наш сторож станет хорошо следить за этим местом, проблема будет решена.

— Дайте мне еще один шанс, *сэт*, — вставил гуркха. — Только еще один.

Инспектор Бамджи подмигнул Густаду и согласно кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Еще один шанс. Но чтобы больше не спать!

— На службе — никогда, *сэт*, — воскликнул гуркха. — Клянусь именем Бхагвана.

— Бесполезно, — заметил Бамджи, имея в виду, что этот парень ни за что не призна́ется, и сел в машину. Гуркха отсалютовал ему вслед, потом

[163] Сноски: 163

Пуджа — ритуал поклонения, совершаемый индуистами, буддистами и джайнами в знак почтения божествам.

так же — в сторону Густада и Дильнаваз. Темул отсалютовал гуркхе, снова протараторил: «Кот-коткрысакрыса», — и направился сопровождать его до ворот, но на полпути отвлекся на желтую бабочку, грациозно пролетевшую перед ним, и заковылял за ней, пытаясь поймать. Время от времени бабочка садилась на травинку, но всегда выпархивала прямо из-под носа у Темула.

Густад печально наблюдал за ним, вспоминая Сохраба с его сачком, сделанным из сломанной бадминтонной ракетки, и то, как по воскресеньям утром водил его в Висячие сады[164].

Дильнаваз поняла, о чем думает муж, и сказала:

— Он вернется. Можно я скажу ему, что ты хочешь, чтобы он вернулся?

Густад притворился, будто не понимает, о чем речь.

— Это ты о ком?

— О Сохрабе. Можно я скажу ему, что ты хочешь, чтобы он вернулся?

— Говори ему что хочешь. Мне все равно.

Дильнаваз решила прервать разговор, пока они не вернутся в дом, потому что через двор шли

---

[164] Сноски: 164

Террасные сады, расположенные на вершине холма Малабар, над главным водохранилищем Бомбея/Мумбаи.

мистер и миссис Рабади с собачкой.

Они намеренно громко что-то между собой обсуждали.

— Люди думают, что мы ничего не понимаем. Дурачат нашу доченьку какими-то сборами пожертвований для беженцев. Одному Богу известно, куда уходят эти деньги.

Густад сказал Дильнаваз так, чтобы услышали Рабади:

— Недосуг мне отвечать каждому чешущему языком придурку. — И когда Рабади прошли, добавил: — Не удивлюсь, если крыса и кошка — дело рук этого идиота.

— Нет-нет, — возразила она, придерживаясь здравого смысла. — Он нас не любит, это правда, но не думаю, что он способен на такое.

И она была права. То, что Густад нашел на следующее утро, сняло подозрения со всех жителей дома.

Встав пораньше, он решительно настроился помолиться во дворе. Это будет хорошим началом новой недели. Гуркха стоял возле розового куста.

— Салам, *сэт*. В цветах — никаких мертвых животных, даже насекомых. — Было видно, что он испытывает большое облегчение.

Густад сам осмотрел куст, обошел его вокруг и

заметил странно расположенный листок бумаги: он был свернут и заткнут в узкую развилку между двумя соседними ветками, как в подставку для писем. Ветер такого сделать не мог. Густад достал бумажку. На ней карандашом были написаны две строчки из невинного детского стишка, при виде которых кровь отхлынула у него от лица.

Bilimiria chaaval chorya
Daando lai nay marva dorya[165].

Гуркха заглянул Густаду через плечо.

— Это что за язык, *сэт*? — Поскольку он был прощен, то решил, что не помешает укрепить свои позиции, выказав дружелюбие.

— Гуджарати, — коротко ответил Густад, ему хотелось, чтобы гуркха поскорее ушел.

— Вы умеете читать на гуджарати?

— Да, это мой родной язык.

— И что означают эти забавные буквы?

— Здесь написано: «Украдешь рис у Билимории — мы возьмем палку и отделаем тебя».

— И что это значит?

— Это детская песенка из игры в догонялки: один бежит, другие пытаются его догнать.

---

[165] Сноски: 165

Дословно: Если украдешь рис у Билимирии — мы возьмем палку и побьем тебя (*порт.*).

— А! — сказал гуркха. — Очень мило. Салам, *сэт*, теперь мне пора спать.

Густад вошел в дом, мысленно повторяя стишок. Сомнений не оставалось. Смысл двух обезглавленных тушек стал очевиден. Послание было абсолютно ясным.

Глава десятая

I

Густад сел, положив перед собой листок, в котором видел не слова, не каллиграфический почерк, а непостижимое предательство, у него было ощущение, будто какая-то часть его самого бесповоротно разрушена. Долгие годы дружбы проплывали перед его глазами и тонули в этой бумажке; она дразнила его, издевалась над ним, превращалась в гигантское полотно лжи и коварства. Что же это за мир и что за люди, если они способны поступать подобным образом?

Он понимал, что должен встать и пойти к угольной нише. Джимми Билимория загнал его в ловушку, лишил собственной воли. «Если бы я мог до конца жизни остаться сидеть в этом кресле, чтобы гнилой мир проходил мимо меня! Дедушкино кресло, когда-то вместе с черным письменным столом стоявшее в его мебельной мастерской. Каким прекрасным был тот мир, наполненный грохотом молотков и пил, запахами опилок, пота и лака. А папин книжный магазин, со своими звуками и запахами, с пленительным шелестом переворачиваемых страниц, с неподвластным времени ароматом тонкой

бумаги, старинных книг в кожаных переплетах, заполнявших шесть огромных комнат, где даже воздух был особым, как в храме или мавзолее. Тогда время и мир казались бесконечными, пока не настали плохие дни и все не скукожилось. Значит, вот как чувствовал себя отец, сидя в этом кресле после того, как его нечестивый братец разрушил все, после банкротства, когда все пропало. Должно быть, ему тоже хотелось, не вставая с этого кресла, наблюдать, как то, что осталось от жизни и усохшего мира, проходит мимо».

— Ты уже помолился? — Закончив набирать воду, Дильнаваз вышла из кухни. Рукава и передняя часть ее ночной рубашки, как обычно, насквозь промокли. — С розой сегодня все в порядке?

— С розой все в порядке, — ответил он. Однако более чем двадцатилетняя привычка делиться с ней всем была слишком сильна. Он не мог заглушить в голосе и стереть с лица подавленность, которую испытывал.

— Что случилось? — спросила она. Он протянул ей листок бумаги. — О господи! — слабо вскрикнула Дильнаваз. — Джимми?.. — Густад кивнул. — Но угрожать нам?.. — Он снова кивнул. — Может, это таксист?..

— А какая разница?

Она в отчаянии стала выжимать ночную рубашку, словно вместе с водой могло уйти и тягостное предательство.

— Я думаю, мы должны взять эти деньги, отнести их в полицию и рассказать им все, — сказала она. — Как они к тебе попали, что тебе было велено с ними сделать, про крысу и кошку — все. — Ей казалось, что эта праведная мысль придавала ей сил, между тем как она лишь пыталась заполнить образовавшуюся внутри пустоту фальшивым суррогатом. — Дай им адрес майора Билимории, номер его почтового ящика. Чтоб ему гореть в *jhaanum*![166] Вместе с его национальной безопасностью! — Безжалостность, прозвучавшая в ее голосе, удивила ее саму. — Или расскажи все инспектору Бамджи. Он знает, что делать.

Густад покачал головой. Он с трудом преодолевал искушение так же, как она, чем-то заполнить пустоту внутри.

— Ты не понимаешь. Инспектор Бамджи, полиция не властны над НАК. — Он снова покачал головой. — Мы имеем дело с бессердечными людьми — с ядовитыми змеями. На месте бандикоты и кошки могут оказаться Рошан или

---

[166] Сноски: 166
Аду (*урду*).

Дариуш. — Он яростно скомкал бумажку и с омерзением отшвырнул ее. — Полагаю, нам следует поблагодарить за это Джимми.

– *Owaaryoo*! — простонала Дильнаваз, лихорадочно щелкая пальцами через плечо, по направлению к двери, чтобы прогнать беду прочь от своего дома, от своей семьи.

— Выход только один. — Он снял молельную шапочку. Она пошла вслед за ним на кухню, где он, встав на колени перед угольной нишей, достал пакет. Дильнаваз со страхом наблюдала за ним, надеясь, что муж не заметит спрятанных там же лаймов и бланков заявок на стипендию для Сохраба. — Не волнуйся, — сказал он. — Я буду осторожен. За двадцать четыре года я узнал все ходы и выходы в банке. Одна пачка в день. Десять тысяч рупий. Более крупная сумма вызовет подозрения.

— Но это значит, чтобы положить всю сумму на депозит, потребуется…

— Сто дней. Я напишу ему и объясню, что это самое большее, что в моих силах. — Он положил деньги в портфель. — Я уже ничего не понимаю в этом мире. Сначала твой сын разрушает наши надежды. Теперь этот негодяй. Я относился к нему как к брату. Каким же порочным стал наш мир!

II

Сирена воздушной тревоги начала свои пронзительные стенания, как только он вышел из автобуса на площади фонтана «Флора». Словно гигантская птица скорби, она парила в небе над городом, кружа, ныряя, взмывая и поглощая уличные шумы. Десять часов, подумал Густад. Я должен был бы быть на своем рабочем месте.

Вот уже несколько недель погребальный плач этой сирены начинался каждое утро ровно в десять часов: три минуты воздушной тревоги, потом монотонный сигнал отбоя. Никаких официальных объявлений не было, поэтому многие решили, что, готовясь к войне с Пакистаном, власти проверяют готовность системы оповещения. Другие думали, будто это делается для того, чтобы приучить людей к этому траурному звуку — они не ударятся в панику, услышав сирену воздушной тревоги среди ночи, если привыкнут к ней в дневное время. Циники заявляли, что это больше похоже на заговор, потому что, если пакистанцы когда-нибудь захотят осуществить успешную бомбежку, единственное, что им нужно будет сделать, это достичь неба над городом

ровно в десять часов утра. Но, пожалуй, наиболее оптимистичное объяснение состояло в том, что сирену включают, чтобы люди сверяли по ней часы в порядке предвоенной попытки повысить пунктуальность и эффективность работы в государственных учреждениях.

Следуя в потоке людей, двигавшихся от автобусной остановки к офисным зданиям, Густад с десятью тысячами рупий в портфеле был очень напряжен. На углу вдруг поднялась какая-то суматоха, и он покрепче сжал ручку портфеля. Это был тот самый угол, на котором обычно работал своими мелками уличный художник. Густад часто останавливался, чтобы полюбоваться его изображениями богов и богинь.

Художник не ограничивался какой-то одной религией — в один день это мог быть слоноголовый Ганеша, дарующий мудрость и успех, а на следующий день — распятый Христос, и проходящие служащие благоговейно бросали монетки на эти картинки. Художник хорошо выбрал место. Он сидел, скрестив под собой ноги, и собирал заработок, сыпавшийся сверху. Пешеходы аккуратно обходили его клочок асфальта, освященный изображением очередного божества. Они, автоматически отклоняясь, обтекали картину, словно

ручеек муравьев.

Иногда случались происшествия, как, например, сегодня. Кто-то, наступив на изображение, оставил на нем след. Справедливость была восстановлена без промедления: толпа не отпустила недотепу, пока он не возместил свою оплошность щедрым пожертвованием. Потом художник взял мелок и исправил подпорченное подошвой лицо бога. Пока Густад наблюдал за этой сценкой, у него созрело взаимовыгодное предложение к автору священных рисунков. Но он опаздывал на работу и решил поговорить с ним вечером, тогда народу будет поменьше.

Сигнал отбоя стих, когда он поднимался по лестнице. Остановившись перед столом Диншавджи, он шепнул:

— Жди меня перед входом во время обеденного перерыва. Это очень важно.

Диншавджи кивнул, довольный. Он обожал секретные соглашения, конфиденциальную информацию, тайные разговоры, хотя все это доставалось ему куда реже, чем хотелось бы.

Три месяца прошло с тех пор, как Диншавджи вернулся на работу после болезни, и Густада беспокоило, что он по-прежнему выглядел бледным и изможденным, как в день рождения Рошан. Но

каким веселым он старался казаться: пел, смеялся и шутил, как будто у него не было никаких забот. Кто бы поверил, что он недавно вышел из больницы? Правильно ли его лечат? — тревожился Густад. В любом случае перед Диншавджи следовало снять шляпу за то, что он старался оставаться жизнерадостным и никогда не жаловался.

Они встретились в час дня, как договаривались. У Диншавджи были сэндвичи с цветной капустой, и, заметив портфель Густада, он спросил:

— У тебя сегодня тоже сухой паек?

— Нет-нет, у меня кое-что поважней еды. Я сегодня обойдусь без обеда.

Тогда Диншавджи настоял, чтобы он съел один из его бутербродов, и Густад согласился.

— Так что у тебя за важное дело?

Густад все ему рассказал, начиная с письма майора Билимории о партизанской операции и кончая посылкой с деньгами, полученной через Гуляма Мохаммеда. Пропустил он лишь бандикоту, кошку и стишок. Если напугать Диншавджи, он может отказаться помогать. Вместо этого Густад подчеркнул, как их совместные усилия будут способствовать освободительной борьбе

Мукти-Бахини[167], что послужило для Диншавджи весьма действенным стимулом. Чем больше энтузиазма он проявлял, тем совестней было Густаду сознавать, что он дурачит больного друга, уже готового нарушить законы банковской деятельности и рискнуть своей работой и пенсией, которая была не за горами.

К концу разговора Диншавджи настолько воодушевился, что согласился бы немедленно ринуться в штыковую атаку против пакистанских солдат.

— Безусловно, *яар.* Сто процентов! Мы поможем майору. Должен же кто-то что-то делать с этими проклятыми палачами.

— Вот и я так считаю, — сказал Густад.

— А ты читал сегодня, что делает Америка? — Густад признался, что вот уже три дня не читал газет. — *Аррэ*, эти ублюдки из ЦРУ прибегли к своей обычной тактике «пальцем в жопу». Провоцируют еще больше убийств и зверств.

— Зачем?

— Это же очевидно, *яар*. Чем свирепей будет террор, тем больше беженцев хлынет в Индию.

---

[167] Сноски: 167

Мукти-Бахини (Освободительная армия) — народно-освободительное движение в Бангладеш, которое сражалось против пакистанских вооруженных сил в ходе войны за независимость.

Так? И тем большей проблемой это станет для нас — кормить и одевать их. А это значит, что мы должны будем начать войну с Пакистаном, чтобы решить проблему беженцев.

— Да, это так.

— План ЦРУ состоит в том, чтобы в этом случае поддержать Пакистан. Тогда Индия проиграет войну, а Индира проиграет следующие выборы, потому что все будут винить за поражение только ее. И это именно то, чего хочет Америка. Им, видишь ли, не нравится ее дружба с Россией. Из Никсона прямо дерьмо прет, когда он лежит в кровати без сна и думает об этом. Дом-то у него Белый, да пижамные брюки каждую ночь становятся коричневыми.

Густад расхохотался и открыл портфель.

— Пора возвращаться, — сказал он и передал Диншавджи деньги в простом конверте.

Диншавджи обернул его освободившимся от обеда пакетом.

— В ближайшее время нам надо быть очень пунктуальными. А помнишь старые времена, когда присутствие на рабочем месте проверяли просто по пиджакам, висевшим на спинках стульев? Никаких дурацких книг прихода-ухода. *Аррэ,* тогда тебе доверяли делать свою работу

так, как ты считаешь нужным. Система была основана на честности. Пиджак на стуле, шляпа на вешалке — и можешь выйти на час-другой или вздремнуть. Никто не возражал. А теперь времена честности и доверия ушли навсегда.

Густад проверил, не забрал ли еще *даббавала* пустые контейнеры из-под обедов.

— Ты иди, — сказал он, — я скоро. — Потом он написал записку Дильнаваз: «Моя дорогая, с Мирой Обили все в порядке, но я не успел поесть. С любовью и XXX». Его внимание привлек запах, шедший из невостребованного лотка, предназначенного ему. Он выдвинул стопку контейнеров и увидел в своем тыквенный *бирьяни*[168]. Рот наполнился слюной. Ладно. Вечером поем. И Дариушу достанутся остатки — он любит полакомиться рисом на ночь, в дополнение к основному блюду, еще и с хлебом. Но ему это необходимо при его занятиях культуризмом.

Было без трех минут два. Диншавджи использовал оставшееся время для «окучивания» Лори Кутино. В последние недели, подстрекаемый другими мужчинами, он осмелел. Теперь он на-

[168] Сноски: 168

Второе блюдо из риса (обычно сорта басмати) и специй с добавлением мяса, рыбы, яиц или овощей.

певал «Рок круглые сутки»[169], настаивая, чтобы она с ним потанцевала, и гарцевал вокруг стула, на котором она сидела, кротко ожидая конца обеденного перерыва. Очень скоро на лысой голове Диншавджи заблестели капельки пота. Он раскачивался и извивался, размахивал руками, откидывал голову назад и время от времени делал выпады тазом.

Глядя на него, Густад опасался, как бы в пароксизме своей жалкой клоунады он не забыл на столе у Лори роковой конверт. Он вообще с каждым днем все больше тревожился за Диншавджи из-за его болезненного вида, пергаментного лица, взгляда, с трудом скрывающего боль. Но в то же время его приводило в отчаяние нескромное поведение друга, наносившее ущерб его достоинству. Диншавджи вел себя так, словно забыл обо всем, подобно средневековому больному чумой, который понимает, что достоинство и прочие роскошества, подобающие здоровому человеку, для того, кто потерял последнюю надежду, — всего лишь ненужные излишества.

---

[169] Сноски: 169

Rock Around the Clock — песня, написанная в 1952 году американскими музыкантами Максом Фридманом и Джеймсом Майерсом. Сингл с этой песней стал одним из самых продаваемых в истории музыки и сыграл решающую роль в популяризации жанра рок-н-ролл.

Закончив петь, он остановился и, задыхаясь, сказал:

— Лори Кутино, Лори Кутино, как-нибудь я должен показать тебе своего маленького *кутенка*. — Она улыбнулась, не зная значения этого парсийского сленгового слова, означавшего мужской член. — Да-да, — продолжил он, — тебе понравится играть с моим сладким *кутенком*. Мы здорово повеселимся.

Она вежливо кивнула, а стоявшие вокруг мужчины загоготали, толкая друг друга локтями. Диншавджи зашел слишком далеко. Но Лори снова улыбнулась, немного озадаченная, и сняла чехол со своей пишущей машинки.

Мужчины стали неохотно расходиться по своим рабочим местам: минутная стрелка неумолимо ползла вверх. Густад проводил Диншавджи до его стола и на прощание напомнил:

— Не забудь принести мне депозитную квитанцию для отчета.

Схема сработала идеально.

— Все прошло без сучка без задоринки, — доложил Диншавджи на следующий день за обедом. Густад передал ему очередную пачку и посоветовал сбавить энтузиазм относительно Лори на тот период, пока они помогают майору, чтобы не

привлекать к себе внимания.

— Наоборот, *яар*, наоборот! — возразил Диншавджи. — Это самый безопасный способ поведения. Пока я продолжаю свои дурачества, я — нормальный Диншавджи. А если я вдруг стану серьезным, люди начнут пристально наблюдать за мной, чтобы понять, что со мной не так.

Густад собирался сказать ему, что он старый дурак, но после этих слов ему не хватило духу отругать друга. А ведь Диншу прав, подумал он. Особенно учитывая, что чем хуже его состояние, тем трудней ему оставаться «нормальным Диншавджи».

Так что Густад решил: пусть ведет себя как прежде, лишь бы с депозитами все было в порядке. Пакет в угольной нише на кухне постепенно пустел. Иногда Густад задумывался: чего еще потребует майор Билимория, когда все деньги перейдут на банковский счет? Но он старался не заглядывать так далеко, наоборот, с нетерпением ждал того дня, когда черный пластик в нише схлопнется окончательно.

III

Как-то в начале августа, через несколько часов после того, как Густад ушел на работу с двадцать седьмой пачкой денег, Дильнаваз с удивлением услышала звонок в дверь. Она только что закончила готовить еду на весь день. *Даббавала*, собиравший обеды под проливным дождем, бегал быстро, поэтому, когда он взял ланч-бокс Густада, она понадеялась, что он доставит еду в банк еще теплой. Больше она никого не ждала.

Утренний поток торговцев вразнос закончился приходом продавца золы и опилок, у которого она купила по мешку того и другого, поскольку у нее заканчивался запас чистящих средств. Она упорно отказывалась пользоваться современными моющими средствами и нейлоновыми щетками. Не то чтобы она имела что-то против современных технологий в целом — например, покупая ткань, она всегда смотрела, чтобы на ней значилось «Безусадочная»: так здорово было не накидывать на усадку три-четыре лишних дюйма на каждый ярд. И эти новые териленовые и хлопковые с добавлением синтетики юбки — просто чудо, они не нуждаются в глажке. Но

по отношению к новомодным видам мыла и щеток она оставалась непреклонна, они были не только дорогими, но и чистили не так хорошо, как старые добрые *raakh-bhoosa*[170] и скрученное в мочалку кокосовое волокно. Когда нужно отмыть кастрюли и сковороды, засаленные *ванаспати*[171] и топленым маслом, нет ничего лучше старых, освященных веками способов. Кое-кто утверждал, что они негигиеничны, поскольку никогда неизвестно, какую золу тебе продают, — может, из окрестностей крематория, откуда тебе знать? Но Дильнаваз верила своему постоянному продавцу и качеству его золы и опилок.

Не успела она пересыпать содержимое мешков в коробы, стоявшие возле общего туалета, как за положенным ему стаканом лаймового сока явился Хромой Темул. Пока он пил, ухмыляясь и рыгая, она взволнованно наблюдала: не появилось ли в нем признаков большего, чем обычно, безумия. Она одновременно и боялась, и желала

---

[170] Сноски: 170

Зола и опилки для мытья посуды.

[171] Сноски: 171

Ванаспати — это полностью или частично гидрогенизированное растительное масло для приготовления пищи, часто используемое в качестве более дешевой замены топленого и сливочного масла. В Индии топленое масло ванаспати обычно изготавливают из пальмового масла.

увидеть свидетельства деградации Темула, без которой невозможно было исцеление Сохраба. Темул вернул ей стакан, приговаривая: «Спасибоспасибооченьвкусно», — и ушел, одной рукой почесывая в паху, другой помахивая ей на прощание.

А когда она мыла стакан, и раздался удививший ее звонок. Глянув в глазок, она увидела Рошан в сопровождении одной из школьных монахинь. Дрожащей рукой Дильнаваз нашарила щеколду.

— Добрый день, миссис Нобл, — сказала монахиня, стряхивая зонт, и тут же уронила его в испуге, потому что из ниоткуда вдруг у нее за спиной материализовался Темул. Он искоса оглядел ее с ног до головы, от складок на ее апостольнике до испачканного дождевой грязью подола белого облачения, долгим тяжелым взглядом задержался на кресте, блестевшем на ее плоской груди, потом почесал голову и обошел монахиню вокруг, поскольку никогда за всю свою ограниченную двором и окрестностями Хододад-билдинга жизнь не видел столь странно одетого существа.

— Да, сестра? — сказала Дильнаваз, взяв Рошан за руку. — Что-то случилось?

Однако ее вопрос не требовал ответа: бледное

лицо и липкая ладошка ребенка все сказали сами.

— Рошан сегодня нездоровится, так что мы решили отвезти ее домой. — Монахиня поеживалась под взглядом Темула и сама посматривала на него с подозрительностью. — Она несколько раз ходила в туалетную комнату и вытошнила весь свой завтрак.

— Спасибо, что привезли ее, сестра. Рошан, скажи спасибо.

— Спасибо, сестра.

— Не за что, дитя. Поправляйся поскорей, мы ждем твоего возвращения в школу. — Она погладила Рошан по голове и, прежде чем уйти, молча прочла короткую молитву.

Дильнаваз сняла с Рошан плащ, вытерла ей руки и ноги.

— Поспи немного. Я позвоню папе и расскажу ему.

— Попроси папу, чтобы он пришел пораньше. Пожалуйста. — При виде бледного умоляющего лица дочки Дильнаваз захотелось крепко обнять ее, но она сдержалась.

— Ты же знаешь, папа работает, — бодро ответила она, укрывая девочку простыней. — Он не может вот так сразу уйти.

— Ну один разок, — взмолилась Рошан.

— Хорошо. Я попрошу его. А теперь спи. — Она заперла дверь и пошла звонить.

Мисс Кутпитье понадобилось время, чтобы добраться до двери. Дильнаваз слышала, как в квартире кто-то разговаривает. У мисс Кутпитьи гости? Невероятно. Она приложила ухо к двери.

— Сегодня к чаю я нажарила *бхакрас*[172]. А если ты быстро сделаешь все уроки, я повезу тебя на Чаупати[173], и ты сможешь там копать песок своей лопаткой. Ну давай, поторопись, будь хорошим мальчиком, не трать время попусту. — Потом внутри хлопнула дверь.

Услышав приближающиеся шаги, Дильнаваз шагнула назад, едва не оступившись на лестнице.

Мисс Кутпитья отвела в сторону шторку дверного глазка и холодно спросила:

— Кто там?

— Дильнаваз.

Шторка встала на место, и мисс Кутпитья отперла дверь.

— Простите, глаза с каждым днем видят все

---

[172] Сноски: 172
Бхакрас — традиционная парсийская выпечка, печенье.

[173] Сноски: 173
Известный пляж в Бомбее/Мумбаи.

хуже.

— Все в порядке, я сама порой плохо вижу. Что делать, годы идут, и мы стареем.

— Вздор! — энергично возразила мисс Кутпитья. — Вам еще очень далеко до моих проблем. Сначала трое ваших детей заведут свои семьи и сделают вас бабушкой.

— На все воля Божья. Но можно мне воспользоваться телефоном?

— Разумеется. — Она отперла замочек на трубке и отступила в сторону.

Ожидая, пока банковская телефонистка соединит ее с Густадом, Дильнаваз огляделась вокруг. Никаких признаков чьего-либо присутствия. Если только кто-то не прятался за двумя запертыми дверями. Закончив разговор, она протянула тридцать пайс мисс Кутпитье.

— Я не могу взять деньги за звонок, касающийся нездоровья Рошан, — сказала та. — Заберите их, а то рассержусь. — Она стала нашаривать ключ в кармане. — Бедная Рошан. Такая милая и воспитанная девочка. — Она снова заперла замочек на трубке. — Можно мне кое-что вам сказать? Не возражаете, если старуха даст вам совет?

— Конечно нет, — ответила Дильнаваз.

— Я слышала, вы говорили насчет доктора. Вот

что я вам скажу: идите, покупайте лекарство. Но не забывайте, что у болезней бывают причины, с которыми врач ничего не может сделать.

— Не понимаю.

Мисс Кутпитья воздела вверх указательный палец.

— Когда такая веселая игривая девочка, как Рошан, заболевает, тому могут быть другие причины. Например, дурной глаз. У врачей от этого нет ни лекарств, ни процедур. Но существуют иные способы.

Дильнаваз кивнула.

— О, они вам известны? — раздраженно спросила мисс Кутпитья. Дильнаваз отрицательно мотнула головой. — Тогда почему вы киваете? Слушайте. Возьмите иголку с ниткой, с хорошей, прочной ниткой, сделайте на конце большой узел. Выберите желтый лайм и семь перцев чили. Чили должны быть зелеными, еще не покраснев-шими. Ни в коем случае не красными. Нанижите все это иголкой на нитку. Лайм должен быть внизу. И повесьте эту низку на дверь, с внутренней стороны.

— И что это даст?

— Это вроде *тавиз*[174], оберега. Каждый раз, когда Рошан будет проходить под ним, дурной глаз будет все больше терять свою силу. Вообще-то от того, что вы повесите оберег, польза будет всем членам вашей семьи.

Дильнаваз пообещала немедленно изготовить талисман.

— Но знаете, Сохраб до сих пор отказывается возвращаться домой, — сокрушенно пожаловалась она.

— Естественно. А вы рассчитывали на чудо? Тогда идите к колдунам с их абракадаброй. — Однако вспышка раздражения у нее быстро прошла, и она подбодрила Дильнаваз: — Терпение. Такие вещи требуют времени. Темул приходит за соком? — Она подумала немного. — Есть еще кое-что, что вы можете сделать, если захотите, чтобы немного ускорить процесс. Вам понадобятся ногти Темула. — Она подробно объяснила процедуру. — Но после этого останется только одно лекарство. И оно очень опасно, Темул может окончательно потерять рассудок, его останется только сдать в сумасшедший дом. Это так ужасно, что я даже не стану вам рассказывать. Просто

---

[174] Сноски: 174
Тавиз — амулет, талисман (*урду*).

делайте то, что я вам сказала.

— Спасибо. Я отняла у вас так много времени.

— А на что мне оно? Чтобы сидеть и ждать, когда Тот-Кто-Наверху призовет меня к себе?

— Не говорите так, вы еще много лет будете с нами.

— Ну и проклятье вы на меня насылаете. Что мне делать с этими «многими годами»? Нет уж, пусть они лучше достанутся вам и вашим детям. — Переспорить мисс Кутпитью, когда речь шла о смерти, было невозможно, как, впрочем, и вообще, о чем бы ни шла речь. Дильнаваз еще раз безуспешно попыталась отдать ей тридцать пайс и вернулась домой.

Улыбка, словно солнечный лучик, расцвела на лице Рошан, когда она услышала, что папа придет домой пораньше, чтобы повести ее к доктору Пеймастеру.

— Пораньше? Тогда я буду спать, — сказала она, закрывая глаза. Дильнаваз погладила ее по волосам, вспоминая, как мальчики, когда были маленькими, тоже с нетерпением ждали возвращения папы с работы. Как Сохраб и Дариуш наперегонки бежали к двери, чтобы открыть ее первым! А теперь они выросли, и все стало совсем по-другому.

IV

Раннее возвращение Густада совпало с прогулкой Капельки, и он лицом к лицу столкнулся с мистером Рабади. Собака лаяла и норовила схватить Густада за щиколотку, но не доставала до нее благодаря короткому поводку. Тем не менее Густад взорвался:

— Если уж вы не можете обходиться без животного, то, по крайней мере, воспитывайте свою чертову суку!

Это послужило мистеру Рабади толчком, которого он только и ждал. Незадолго до этого *дустурджи* Бария снабдил его двумя новыми наборами молитв: один — за здоровье Капельки; другой — чтобы сплетать защитную сеть вибраций вокруг его милого дитяти, доченьки Жасмин, эта сеть была призвана оберегать ее от необузданной страсти таких мальчишек-дикарей, как сын Нобла. Молитвы давали мистеру Рабади ощущение неуязвимости.

— Вам ли говорить о воспитании животного? Сначала научите своего собственного сына хорошим манерам и дисциплине! Забрать чужие газеты! Где это видано?

— А вы идите и спросите об этом вашу дочь! И прихватите свою сучку, пока я не рассвирепел окончательно! — Густад вошел в дом, оставив мистера Рабади что-то бормотать возле кустов.

— Рошан готова? — рявкнул он, все еще кипя гневом и не в силах приглушить его в голосе.

— Почти. — Дильнаваз недоумевала: что это с ним?

— Хорошо. Я вернусь через две минуты. — Он отправился к общему туалету, схватил стопки «Таймс оф Индия» и «Джем-и-Джамшед» и вернулся, неся их под мышками. Потом попросил Дильнаваз открыть ему дверь. — Этот идиот-собачник говорит, что мой сын украл его газеты, я покажу ему газеты!

Она загородила ему дорогу.

— Успокойся, пожалуйста. Этот человек чокнутый, зачем тебе с ним равняться?

— Говорю тебе: открой дверь и уйди с дороги!

— Но как мы без этих газет оплатим подписку на следующий месяц?

— Ничего, обойдемся без газет! Все равно каждое утро приносит только новые неприятности и ничего больше.

Она сдалась и пропустила его. Зубы у него были крепко стиснуты, от тяжести, которую он нес под

мышками, спина ссутулилась, отчего хромал он сильнее, чем обычно. Подскочил Темул, желая помочь.

— ГустадГустад. Пожалуйстапожалуйста. Японесуспасибобольшое.

— Заткнись и проваливай! — не глядя на него, гаркнул Густад.

Темул замер и не решался пошевелиться, пока Густад не вошел в подъезд на другом конце дома. Только тогда, всхлипывая и неразборчиво бормоча, он отошел и остановился на безопасном расстоянии возле мелии.

Густад вскарабкался на второй этаж, к квартире мистера Рабади, и свалил газеты перед дверью. Внутри несколько раз тявкнула Капелька, но к двери никто не подошел.

V

Иголка никак не проталкивалась через лайм. Дильнаваз поднажала, и иголка сломалась пополам. Из фарфоровой курочки, в которой держала свои швейные принадлежности, она извлекла более длинную и толстую иглу. Та вошла легко, лайм соскользнул на кончик нитки, где его остановил узел; нанизывать перчики было гораздо легче, игла протыкала их безо всяких усилий.

Дильнаваз встала на стул и осмотрела вытяжное отверстие над входной дверью. Один угол черной бумаги немного отстал. Она приподняла этот уголок и привязала нитку к одной из горизонтальных перекладин вентиляционной решетки. Бумага опустилась на место, прикрыв ее.

Торопиться некуда, Густад с Рошан будут отсутствовать не менее часа, а то и больше. А теперь — сок. Когда Сохраб приходил в последний раз, она поводила вокруг его головы несколькими лаймами, чтобы иметь запас. Но все равно осталось только три штуки. О, Господи, сделай так, чтобы Сохраб поскорее вернулся. Он навещал ее все реже и реже. А ведь обещал приходить раз в неделю. «Удивительно, что он еще позволяет

мне проделывать этот обряд с лаймом, на все остальное он отвечает категорическим “нет!”».

Она подошла к окну позвать Темула. Тот все еще стоял возле дерева.

— Иди сюда, — сказала она. — Сок готов. — Войдя в кухню, он протянул руку за стаканом. — Как у тебя ногти отросли! Разве ты не стрижешь их каждую неделю?

Он стыдливо качнул головой.

— Давай я тебе состригу. — Она взяла маникюрные ножницы. Темул затряс головой и спрятал руки за спину. — Иди, не бойся, — принялась увещевать Дильнаваз. — Неприлично ходить с такими длинными ногтями, они же всю грязь собирают. — Парень не шевельнулся. — Тогда сегодня не будет тебе никакого сока. Хочешь соку — сначала срежем ногти.

Жадно глядя на стакан, Темул протянул растопыренные пальцы, и она схватила их, пока он не передумал. Рука у него была липкая. Края ногтей — неровные, искусанные, а под ногтями — зеленовато-черная грязь. Преодолевая отвращение, она начала стричь, собирая обрезки на маленькую пластмассовую тарелочку.

Взглянув на лицо Темула, она увидела, что он улыбается, — не своей обычной дурацкой ухмыл-

кой, а невинной детской улыбкой. Интересно, о чем он думает? Может быть, при виде маникюрных ножниц представил себе давно умершую маму? Может, что-то все же осталось в его поврежденной голове от счастливых дней детства, до несчастного случая?

Комок подступил к горлу Дильнаваз, глаза наполнились слезами. Внезапно ее накрыла волна острой ненависти к себе. Нет, больше она ничего такого делать не будет, что бы там ни говорила мисс Кут-питья.

Покончив с ногтями, она снова посмотрела на Темула. Парень ковырял в носу и переносил «добычу» в рот. Да нет, видно, мне просто показалось. Невозможно, чтобы что-то осталось в этой черепушке, — просто пустая скорлупка. Парнишка протянул руку за соком.

— Подожди. Нужно еще на ногах состричь.

Не расшнуровывая, он скинул туфли и стянул носки. Из правого выпал маленький квадратик, сложенный из двух бумажек по одной рупии. Он аккуратно всунул его обратно, потом поспешно протер пальцы на ногах, от чего хлопья грязной омертвевшей кожи и пота посыпались на пол. Кухню наполнил тошнотворный запах.

Сглотнув подступившую к горлу рвоту, Диль-

наваз стала быстро срезать зеленовато-желтые дужки ногтей, но легкие брезгливые касания ее щекочущих пальцев заставили его извиваться и хихикать. У нее не осталось другого выбора, кроме как, задержав дыхание, схватить его вонючую ступню, чтобы побыстрей покончить с делом.

Он жадно выпил сок. На лицо его вернулась обычная глупая ухмылка.

— Спасибоспасибооченьвкусно, — твердил он, пока она не закрыла за ним дверь, и ей вдруг показалось, будто он сказал: «Спасибоспасибомамочка». Нет, конечно, показалось. Его трудно понять, даже когда он стоит прямо перед тобой, а уж из-за закрытой двери…

Тщательно вымыв руки, она положила на плиту маленькую решетку и насыпала на нее углей — так делал Густад, когда возжигал *лобан*[175] в кадиле после вечерней молитвы. Мисс Кутпитья строго наказала, что жечь ногти нужно только на углях, никакого керосина, никаких свечей. Когда угли разгорелись, Дильнаваз выключила плиту, собрала обрезки ногтей в кучку посередине тарелочки и высыпала их сверху. Ногти тут же с шипением и треском «ожили», стали свора-

[175] Сноски: 175

Лобан — ароматическое вещество, древесная смола, добываемая из коры крупных кустарников стиракса, произрастающих в Азии.

чиваться и наконец превратились в блестящую спекшуюся пузырчатую массу.

Жуткая вонь, ударившая в ноздри, резкая и летучая, заставила ее отшатнуться. Как смрад самого́ дьявола со дна *дозакх*[176], подумала она. Зажав нос пальцами, она пошла к шкафчику, где хранились специи, за куркумой и кайенским перцем. Мисс Кутпитья объяснила, что они широко откроют каналы Темула, по которым дух его вытянет зло из головы Сохраба. Дильнаваз припорошила желтым и красным порошком спекшуюся черную массу.

Теперь смрад стал еще невыносимей, приобретя особую едкость. Слезы хлынули из ее глаз. Задыхаясь и кашляя, она распахнула окно и стояла возле него, пока ногти Темула не испарились полностью и пар не ушел к небесам.

---

[176] Сноски: 176
Дозакх — ад, преисподняя (*урду*).

Глава одиннадцатая

I

Амбулатория доктора Пеймастера находилась в районе, который за последние годы из пыльного неприметного прибежища бедноты превратился в шумный, многолюдный, но по-прежнему пыльный очаг коммерции. Ветхие дырявые складские помещения и многоквартирные дома с шаткими лестницами и обваливающимися балконами были подремонтированы, подновлены и превращены из убогих, непригодных для жилья в убогие, временно пригодные для жилья дома. Система канализации осталась нетронутой, сломанной и по-прежнему переполнялась. Подача воды все так же представляла проблему. Равно как крысы, мусор и уличное освещение.

Но местные обитатели решили выжать из района все что можно. Новые блестящие вывески с названиями вроде «Плотно пригнанные гайки и болты», «Музыка А-1», «Стильные прически» стали появляться над старыми обшарпанными магазинами и *kholis*[177]. Новые хозяева продавали транзисторы, тостеры, покрышки, автозапча-

[177] Сноски: 177
Здесь: развалами; дословно: комната, хижина, угол (*маратхи*).

сти, пластмассовую посуду — все необходимое для волшебства, которое, проглотив сто лет истории, несло страну, застрявшую в девятнадцатом веке, прямиком к достижениям века двадцатого. Иногда поглощение целого века в один присест вызывало несварение. Но почтенные лидеры заверяли свое озабоченное население, что это пройдет, а пока предлагали бесплатное вербальное обезболивание, которое ничьих страданий не утишало.

Вскоре в окру́ге появились предприимчивые личности, которые обслуживали автомобили, наваривали покрышки, заправляли холодильники и при этом сливали и сваливали отходы своего производства куда попало. Ходившие босиком вынуждены были теперь перепрыгивать через скользкую грязь, лужи машинного масла, острые, как лезвие бритвы, ребра сломанных железяк и длинные скрученные змеи облысевшей резины, не подлежащей восстановлению. В августе эти резиновые ленты выглядели особенно пугающе из-за приближения праздника Нагапанчами[178], когда на каждом уличном углу дают свои представления заклинатели змей, собира-

[178] Сноски: 178

Индуистский праздник, в ходе которого верующие поклоняются живым змеям или их изображениям.

ющие подаяния с желающих покормить кобру молоком в обмен на благословение рептилии. В темноте шестифутовую полоску черной резины легко принять за змею, сбежавшую из корзины заклинателя.

Здешние отвратительно замусоренные улицы были одной из причин, по которым Густад ненавидел ходить к доктору Пеймастеру. Но поскольку ни *сабджо*, ни энтеровиоформ, ни сульфагуанидин не помогли, выбора не оставалось.

За те годы, в течение которых район претерпевал свою удивительную метаморфозу, только четырем заведениям удалось выжить и избежать перемен. Природа их деятельности отвечала слишком насущным человеческим нуждам, чтобы их могли вытеснить застройщики, спекулянты или муниципальные планировщики.

Два первых представляли собой кинотеатры, расположенные на перекрестках неподалеку от пляжа. Несмотря на близкое соседство, их хозяева мирно уживались, поскольку в этом случае и двойное предложение никогда не могло удовлетворить ненасытный спрос. Как только в прокат выходил новый фильм, весь район оживлялся и пробуждал местный околокиношный бизнес, который, впрочем, редко спал крепким сном.

Спекулянты, подпольные торговцы начинали роиться вокруг кинотеатров, беспрерывно жужжа, словно облако москитов над пропитанной мочой стеной Ходадад-билдинга, и мелодично распевая на все лады: «Десять за пять, десять за пять, десять за пять…» Соотношение цен могло взлетать до небес в зависимости от звезд, участвующих в фильме, и количества песен в нем. Обычно после первого безумного ажиотажного взрыва черный рынок сбавлял обороты и впадал в спячку, как личинка в ожидании момента, чтобы вылупиться при выпуске очередного целлулоида.

Вскоре один из кинотеатров решил обновить свое оснащение, чтобы отвечать требованиям округи и страны, и второму ничего не оставалось, кроме как последовать его примеру. Когда работы были закончены, оба кинотеатра в один день поместили в газете рекламу на целую полосу об открытии первого в районе кинозала с использованием широкоформатной системы, Тодд-АО[179], и шестиканальным объемным звуком. И вот зрители уже трепетали от восторга и ужаса в более мягких плюшевых креслах, глядя на широ-

[179] Сноски: 179

Первая коммерчески успешная широкоформатная киносистема, инициатором разработки которой был бродвейский бизнесмен и импресарио Майкл Тодд.

коэкранное действо, в котором герой и героиня нависали над ними как колоссы, а гигантские деревья, вокруг которых они танцевали с песнями, вырастали еще выше, а кинжал злодея с черным сердцем становился больше и острее и сверкал еще опасней, чем можно было себе представить. Аудитория выходила из зала в благоговейном восторге, с восстановленной верой в то, что никакие преграды не остановят теперь страну на пути прогресса и модернизации.

Первым показанным после реновации фильмом была эпопея о королях и воинах, и Густад повел на нее всю семью. Это было еще до рождения Рошан, Дариушу было три года, Сохрабу — семь. Без малого четыре часа короли и воины разговаривали громовыми голосами, величавые кони мчались, всхрапывая, а сияющие доспехи оглушительно бряцали. Дубинки обрушивались на головы, мечи лязгали, геральдические эмблемы ломались и падали на землю, барабаны рвались. Булавы, ощетинившиеся устрашающими шипами, опускались на щиты, и щиты прогибались. Через положенные промежутки времени на поле битвы спускались стаи женщин, и короли с воинами приостанавливали военные сражения: в испачканных кровью, искорежен-

ных доспехах они начинали петь и танцевать со своими женщинами. Однако музыкальные схватки казались такими же свирепыми, как батальные сцены, и вскоре Сохраб сидел, съежившись от страха, а Дариуш рыдал, хотя оба не сводили глаз с экрана. Дильнаваз с трудом заставила их уткнуться лицами ей в колени, в такой позе они в конце концов и заснули.

Между тем как в кинотеатрах годы катились к громоподобным звукам актуальной кинохроники, поблизости существовало еще одно заведение, не изменившее рода своей основной деятельности. Это был самый старый дом в окру́ге. Основной персонал заведения был готов оказывать услуги весь день, но после шести часов вечера его клетушки заполнялись размалеванными женщинами с развязно зажатыми между пальцев сигаретами, в сари, обернутых невероятно низко на животе, в блузках, скрывающих верхнюю часть тела не более бюстгальтера, или в девчачьих платьицах. В воздухе стоял аромат жасмина и камелий, а на запястьях и щиколотках женщин тихо позвякивали многочисленные браслеты. Ароматические эфирные масла и духи с Бхинди-базара, обволакивавшие их насыщенным эротическим облаком запахов, будоражили

чувства прохожих.

«Птичник» предлагал полный набор услуг: от быстрой, без затей, ручной работы, которую даже беднейший из поденщиков мог себе позволить, до самых замысловатых изысков из репертуара «Камасутры» или «Благоуханного сада»[180] — на клиентов и кошельки любой пухлости. Местные жители мечтали о мягких душистых простынях, комнатах с кондиционерами, горячих и холодных напитках, платных танцовщицах, разнообразных экзотических спиртных напитках, еде, достойной королей, из великолепной кухни борделя, и афродизиаках вроде печально известного *паана*[181] *палунг-тоде* (прозванного «койколомателем»), завернутого в лист бетеля. «Птичник» предлагал все эти роскошества — за исключением последнего: бетель с начинкой нужно было покупать с лотка при входе.

Этот лоток был вотчиной Пирбхоя, седого старика с постоянно красными — несомненно, от выборочного контроля собственного товара —

---

[180] Сноски: 180

«Благоуханный сад в радующейся душе» — трактат Мухаммада Ан-Нафзави о чувственных наслаждениях, написанный в XV веке.

[181] Сноски: 181

Паана — лист бетеля, в который заворачивают самые разные ингредиенты.

губами. Ни в дождь, ни в зной на нем не бывало ничего, кроме *лунги*[182]. Его сморщенные старушечьи соски́ нависали над дряблым животом, украшенным великолепным, нестареющим пупком, который неустанно наблюдал за улицей, как немигающий, всевидящий третий глаз. Скрестив под собой ноги, он сидел на деревянном ящике и больше напоминал *свами*[183] или гуру, чем торговца бетелем, его высокий лоб, покрытый морщинами, свидетельствовал о древней мудрости, а ноздри крупного, внушительного носа раздувались, как у брахмана, когда он раздавал тонкие ломтики своей мудрости — как прямой речью, так и завернутыми в листья бетеля.

Как мастер-ремесленник былых времен, Пирбхой очень гордился своим продуктом. Кроме легендарного «койколомателя» он продавал множество других *паанов*: прогоняющие сон, способствующие хорошему отдыху, возбуждающие аппетит, подавляющие желание, помогающие пищеварению, послабляющие, очищающие

---

[182] Сноски: 182

Лунги — длинная мужская юбка, обычно завязывающаяся на талии ниже пупка.

[183] Сноски: 183

Свами — отшельник или йогин, получивший посвящение в религиозном монашеском ордене; почетный титул в индуизме.

почки, снимающие метеоризм, уничтожающие дурной запах изо рта, придающие соблазнительный запах дыханию, замедляющие ухудшение зрения и слуха, обеспечивающие ясность мысли и четкость речи, увеличивающие подвижность суставов, продлевающие жизнь, уменьшающие продолжительность жизни, облегчающие роды и предсмертные муки — одним словом, у него были *пааны* на все случаи жизни. Но среди неофитов, чувствовавших себя скованно, поскольку это было их первое знакомство со снадобьем и с борделем, самым большим спросом пользовался «койколомателъ».

Когда они собирались, привлеченные большим медным подносом, в который Пирбхой ударял как в гонг, он успокаивал их афродизиакальными анекдотами.

– *Паан палунг-тоде*, — говорил он, выбирая лист бетеля, отрезая черенок и начиная смешивать рубленые орехи бетеля, *чунам*[184] и табак, — имеет долгую и славную историю, он был одинаково популярен у индусских раджей и императоров моголов. В стародавние времена, когда наставал момент ежегодной процессии, во

[184] Сноски: 184

Чунам — разновидность лайма, используемого специально для приготовления паана с листьями бетеля.

время которой раджа должен был обнаженным пройти со стоячим фаллосом перед публикой, чтобы убедить своих подданных, что право быть их повелителем по-прежнему принадлежит ему, то полагался он на *палунг-тоде*. Тайна была известна лишь нескольким придворным, которых после церемонии неизменно казнили, чтобы надежно скрывать обман.

Императоры моголов тоже использовали *палунг-тоде*, — продолжал Пирбхой, — но не для торжественных процессий, а когда хотели ублажить свой гарем. Хотя и в этом случае государственные интересы имели место, потому что сексуальная доблесть императора напрямую связывалась с его популярностью, а для врагов являлась надежным показателем того, насколько глубоко он способен проникать в сердца и умы своих подданных. Заговоры и дворцовые перевороты неизменно возникали, если *zanaankhana*[185] распространяли слух, будто император сплоховал.

Все это, независимо от того, правда это или вымысел, — вещал Пирбхой (доставая травы из никак не помеченных баночек и добавляя

---

[185] Сноски: 185
В гареме (*хинди*).

таинственные порошки из помятых металлических коробочек), — все это было в стародавние времена и теперь стало историей или мифом. Но не так давно объявился тут человек, назвавший себя Шри Лохунди Лунд, мистер Железный Петух, и, хвастаясь деньгами, заказал самый дорогой, неразбавленный *палунг-тоде*, решительно вознамерившись нечестным путем получить преимущество среди посетителей Дома: качество, мол, гарантируется. Он заплатил (в те времена плату брали наличными вперед) и сделал выбор.

Целый час трудилась его избранница, безжалостно скакала на нем верхом, пока, вымотавшаяся и пристыженная, не была вынуждена с извинениями спешиться. А что же он? Он нагло лежал на спине, такой же твердокаменный, как в момент начала эрекции. В администрации состоялась короткая консультация, и Лохунди Лунду предложили выбрать другую партнершу — за счет заведения.

Вторая была моложе, пышные, упругие округлости ее бедер и ягодиц обещали довести до конца усилия ее коллеги, компенсируя ее труды и пот. Оседлав клиента, она галопировала на нем два часа без остановки, а он лишь смеялся над ее стараниями. Два часа — и эта тоже рухнула, исте-

кая своими понапрасну истраченными соками, струившимися по ее потерпевшим поражение бедрам. Что же это за чудовище, недоумевали остальные, чудовище, которое вообще не сдается?

Теперь это уже сделалось вопросом репутации Дома. Прочитав короткую молитву, в бой вступила третья женщина, суровая и жилистая, как закаленная в боях Рани из Джханси[186]. Но и ее хитроумные жокейские попытки сломить этот таран, этот каменный столп, этого губителя безупречной репутации местных дев, были обречены на провал. Так продолжалось всю ночь, пока все женщины Дома, одна за другой, не подвергли себя пытке посажением на этот несгибаемый кол. Часы пробили четыре утра́, и управляющий приготовился вернуть деньги Лохунди Лунду.

Но первая женщина, только что вернувшаяся после того, как отдохнула, набралась сил и вознесла молитвы Йелламме, покровительнице проституток, богине похоти и страсти, снимая с себя одежду, повелела своим коллегам: «Постойте! Посторонитесь». Потом эта женщина, которая

---

[186] Сноски: 186

Лакшми Баи — национальная героиня Индии, рани (княгиня) княжества Джханси, одна из руководителей восстания сипаев, символ индийского сопротивления деспотизму англичан.

первой доверчиво впустила монстра в свою тенистую гавань, в свой укромный уголок, в свое дружелюбное ущелье наслаждения, во второй раз заняла место, по праву ей принадлежавшее. И кто сказал, что в борделях нет места поэзии или справедливости? Как только первые петухи закукарекали в лачугах бедняков, она, начавшая дело, его и закончила. Лохунди Лунд лишь раз пронзительно вскрикнул и со стоном откинулся на кровати, наконец сникший.

На следующий день «Птичник» был закрыт на отдых и восстановление после опустошения, произведенного в его стенах. Но честь его не была посрамлена, поскольку обязательства оказались выполненными, — завершал свой рассказ Пирбхой, протягивая покупателю зеленые треугольнички *паана* и принимая деньги.

Нервничавшие новички знали: то, что жуют они, — не чистый *палунг-тоде,* но они и не собирались побивать рекорд Лохунди Лунда. Кроме того, истории Пирбхоя сами по себе творили чудеса, те самые истории, ради которых Густад со своими школьными приятелями, прогуливая школу, приходил поглазеть на женщин — обитательниц «Птичника».

Первые же воспоминания Густада об этом

районе были связаны с амбулаторией доктора Пеймастера, с периодическими визитами в нее с отцом на прививки против оспы, холеры, дифтерии, тифа и столбняка. Насчет последнего отец был особенно бдителен, поскольку Густад проводил очень много времени в мебельной мастерской с дедом: один ржавый гвоздь, говорил отец, может стать причиной того сардонического «столбнячного оскала», который принесет горе всей семье. Чтобы попасть в амбулаторию, они должны были пройти мимо борделя, и Густада интриговали маячившие в его окнах женщины, развалившиеся в ленивых позах. Однажды он спросил у отца, почему они полураздеты. И отец ответил, что это не женщины, а мужчины, играющие в некую игру — вроде тех, которых они видели по пятницам на улицах хлопающими в ладоши, танцующими и просящими милостыню. Но Густад знал, что эти, в «Птичнике», не были *хиджрами*[187], он знал, что папа обманывает.

Потом течение лет вынесло Густада на подростковый берег, когда все вокруг кажется более

[187] Сноски: 187

Хиджра — одна из каст неприкасаемых, в которую входят представители «третьего пола», трансгендерные женщины, бисексуалы, гомосексуалы и кастраты, которые одеваются и ведут себя как женщины и называют себя женскими именами.

увлекательным, чем уроки. Бывало, они с другом стояли возле женской школы и наблюдали, как девочки играют на лужайке в крикет или совершают бесцельные долгие прогулки. Но их любимым занятием было слоняться возле «Птичника» и слушать байки Пирбхоя про мощь и славу *палунг-тоде.* Однажды они решили встать в очередь и попробовать эту смесь. Дрожа от нервного возбуждения, как перед главным экзаменом, со своими пятнадцатилетними головами, кружащимися от ожидания необузданных эмоций, они изо всех сил старались выглядеть опытными и невозмутимыми. Когда подошла их очередь, Пирбхой со смехом отверг их притязания и вместо этого приготовил для них *паан*, прочищающий мальчишкам мозги от нечистых мыслей и помогающий сосредоточиться на учебе.

Теперь, когда подростковый берег остался далеко позади, Густад почти забыл фантастические истории Пирбхоя. Но каждый визит к доктору Пеймастеру, который приводил его в памятные места, сквозь годы воскрешал в памяти сплетавшиеся вместе болезни и запретные удовольствия. Пока он вел за руку свое больное дитя в амбулаторию, поток, несший его от одного воспоминания к другому, внушал ему глубокое отвращение.

Четвертым заведением в окру́ге, которое никогда не меняло рода своей деятельности, разумеется, была амбулатория. Если не считать кратковременной, нецелесообразной, как выяснилось, замены старой вывески доктора Лорда на новую, доктор Пеймастер не терпел никаких перемен. В силу особого местоположения его практики пациенты и их недуги четко делились на четыре группы. Первые — жертвы производственных травм. Механики регулярно приходили к нему с оттяпанными пальцами, завернутыми в газету, и стоически ждали помощи в очереди, словно на почте — чтобы отправить посылку. Мастеров по ремонту радиоаппаратуры приносили к нему после поражения электрическим током. И время от времени являлась группа специалистов по окраске автомобилей, чтобы проверить легкие и почистить их от паров краски и скипидара.

Постоянным пациентом был мастер по восстановлению протекторов. Ему не повезло работать как раз напротив «Птичника». С покрышкой, зажатой между колен, и острым инструментом, зигзагами двигавшимся по окружности колеса, он порой засматривался на женщин, развалившихся, расставив ноги, в окнах дома напротив, и

когда засматривался слишком долго, инструмент, бывало, соскальзывал.

Вторая группа пациентов доктора Пеймастера являлась побочным продуктом киноиндустрии. Когда возникал большой спрос на билеты, страсти разгорались, и время от времени разгневанная толпа избивала кассира или билетера, которых доставляли к врачу для «починки». Иногда спекулянт, чьи тонко настроенные инстинкты притупляла чрезмерная алчность, попадал в амбулаторию тем же путем. Но чаще всего за помощью обращались покупатели билетов, после долгого стояния в очереди, под палящим солнцем, падавшие в обморок от солнечного удара или обезвоживания.

«Птичник» поставлял третью группу клиентуры. Женщины приходили на регулярные осмотры, как предписывалось муниципальным органом по выдаче лицензий, и к этим пациенткам доктор Пеймастер так и не смог привыкнуть. Они являлись в своей «рабочей одежде» и любили с ним пошутить — «Доктор, надо проверить, в порядке ли мой механизм», или: «Мы делимся с вами своим хозяйством, а вы с нами — нет», — что ужасно его смущало.

Любимой клиентурой доктора Пеймастера

была та, что входила в четвертую группу, состоявшую из таких семей, как Ноблы. Он обожал лечить детские болезни и хвори представителей среднего класса, которых с годами, по мере того как менялась округа, становилось все меньше. Корь, ветрянка, бронхит, грипп, пневмония, гастроэнтерит, дизентерия — вот с чем хотелось ему иметь дело. Он мечтал безболезненно вскрывать фурункулы детям, объевшимся манго, и видеть их благодарные улыбки. Накладывать повязки на пальцы мальчишек, рассеченные струнами воздушных змеев, острыми, как бритва, *манджами*[188], обмазанными клеем и обсыпанными порошкообразным стеклом, когда мальчишки пытаются высоко в облаках сбить своим змеем змея противника. Он любил утешать малышей, поцарапанных собаками и запуганных родителями россказнями о четырнадцати уколах огромной иглой в живот, хотя обычно одного укола пенициллина оказывалось достаточно, если собака была привитым домашним животным.

Он знал, что заболеваний, какие он мечтал

[188] Сноски: 188

Манджа — цветная леска, покрытая порошкообразным стеклом. В Индии и других азиатских странах на таких лесках запускают воздушных змеев на фестивалях «змеев-истребителей», во время которых участники пытаются сбить своим змеем других.

лечить, в городе было бесконечное множество. Но почему-то они никогда не находили дороги к двери его амбулатории. А если вдруг один такой больной объявлялся, это можно было считать ответом на молитвы врача.

II

Крохотная, забитая пациентами приемная была отделена от внутреннего святилища доктора Пеймастера перегородкой с дверью. Через большие вставки матового стекла были видны лишь смутные очертания того, что происходило в кабинете врача.

Открыв дверь, чтобы посмотреть на следующего пациента, доктор Пеймастер заметил Густада с Рошан, и ему захотелось принять их вне очереди. Но это был самый заурядный и занудный день: постучать, помять, послушать, посмотреть горло и подписать разрешения раскрашенным дамам продолжать свою работу. Иногда он чувствовал себя жилищным инспектором Гостехнадзора — не хватало только резиновой печати: *«Годен для проживания людей»*. Вернувшись за стол, он вручил справку об отсутствии заболеваний появившейся из-за ширмы у него за спиной Хемабаи, высокой женщине, ошеломляющей пышностью форм и получившей среди местных механиков прозвище Гидравлическая Помпа благодаря уникально, упоительно плавному методу движений, которым она владела в совер-

шенстве.

Нажав на серебряный настольный звонок, доктор приветственно помахал Ноблам. В течение следующего получаса он «расправился» с полудюжиной пациентов, ждавших в очереди, потом встал, чтобы пожать руку Густаду и ущипнуть Рошан за щечку.

— Давно вас не видел, что с медицинской точки зрения очень хорошо, но плохо с точки зрения общения. Хотите выпить чего-нибудь холодненького? — Он подошел к маленькому «Кельвинатору», в чьей неполноценно работающей утробе охлаждались наиболее важные сыворотки и неустойчивые химические соединения, а кроме них — несколько бутылочек «Голдспот»[189] и «Малиновой» для особых пациентов. — Или послать мальчика за чаем?

— Ничего не нужно, спасибо, — сказал Густад. — Я только что пил чай. А Рошан, думаю, ничего пить не стоит.

— Почему? Что случилось? Объелась баклажанов? — Доктор Пеймастер привычно заменял эвфемизмами названия болезней и всякие медицинские термины.

---

[189] Сноски: 189
Индийский безалкогольный прохладительный напиток.

— Живот. Уже несколько дней расстройство желудка.

— Сколько?

Густад понимал: то, что он скажет, будет плохо воспринято доктором, но, откашлявшись, выпалил все, словно бросился в омут.

— Ай-ай-ай, и вы так долго ждали, прежде чем прийти?

Густад выглядел сконфуженным.

— Энтеровиоформ и сульфагуандин обычно хорошо помогают. — *Сабджо* лучше не упоминать, решил он.

— Это лекарства, которые не стоит поглощать, как сладкие *папди*[190] или *чана-мумра*[191]. Ну-ка, Рошан, ложись. Я немного пощекочу тебе животик. — Слушая стетоскопом, он расспрашивал ее о школе.

Она упомянула о лотерее:

— Я выиграла большую куклу, но она сейчас спит в шкафу раздетая.

— Почему раздетая?

Девочка объяснила ему, что свадебное платье

---

[190] Сноски: 190

Папди — индийский десерт, среднее между нежирной халвой и сладкой ватой, с разными наполнителями.

[191] Сноски: 191

Чана-мумра — сладость из воздушного риса, орехов и сухофруктов.

слишком пышное и занимает много места, и описала остальные предметы кукольной одежды.

— Знаешь, что я думаю? — сказал доктор. — Раз твоя кукла — готовая невеста, нам нужно найти для нее жениха. Симпатичного юного парса. Светлокожего и красивого, как я. — Он притворился обиженным, когда Рошан рассмеялась. — Что? Разве я не молодой и не красивый? — Он погладил несколько оставшихся на голове седых прядей. — Видишь, какие у меня чудесные вьющиеся черные волосы? А лицо! Такое красивое, даже красивей, чем у твоего папы.

Рошан снова рассмеялась, но после недолгих уговоров согласилась, что доктор лучше всех подходит для ее куклы в качестве жениха. Доктор Пеймастер велел ей повернуться на бок лицом к перегородке и стал готовить инъекцию, подмигнув Густаду, чтобы тот молчал.

— А теперь нам надо обсудить свадьбу. Я люблю игру на аккордеоне. А Куколка?

— Она тоже, — хихикнула Рошан.

— Отлично. Тогда позовем ансамбль Гуди Сервai[192]. Но если он окажется занятым, тогда

[192] Сноски: 192

Гуди Серваи был признанным виртуозом-аккордеонистом и руководителем бомбейского музыкального ансамбля, который всегда приглашали на торжества, устраивавшиеся парсами.

пригласим оркестр Нелли. — Он выбрал иглу из стерилизованного лотка и направился к «Кельвинатору». — Дальше — свадебный обед. Я всегда любил еду от «Чокси». — «Чокси кейтеринг» одобрили все. Доктор стал перечислять блюда, которые он хотел бы включить в меню, начиная с маринованного манго с морковкой, лепешек, *мурумбо*[193] и кончая фирменным свадебным жарким «Чокси», — перечисляя, он брызгал на место будущего укола холодным эфирным спреем. Далее должны были следовать рыба, завернутая в листья и запеченная в зеленом чатни, сочные куриные ножки, зажаренные по-мугальски[194], и *пулао* из баранины[195].

— Ой! — вскрикнула Рошан. Но к тому времени, когда дело дошло до десерта, на который предполагалось подать фисташковый *кульфи*[196],

---

[193] Сноски: 193

Мурумбо — блюдо из белой тыквы.

[194] Сноски: 194

Мугалы, или моголы, могулы — этнокультурная общность, проживающая на территории Индийского субконтинента. Потомки монгольских и тюркских завоевателей.

[195] Сноски: 195

Пулао — блюдо, напоминающее плов из баранины, в котором используется рис басмати.

[196] Сноски: 196

Кульфи — замороженный молочный десерт, который часто описывают как «традиционное индийское мороженое».

доктор уже вынул иглу и тер место укола ватным шариком.

— Ну вот, — сказал он. — Это все. Теперь можешь посидеть на диване в приемной, пока я поговорю с твоим папой.

Когда дверь закрылась, Густад спросил:

— Это не простая диарея? Насколько все серьезно?

— Не диарея. Но волноваться не о чем. — Он начал выписывать рецепт. — Иногда, конечно, и диарея может доставлять большие неприятности. Посмотрите на Восточный Пакистан — это пациент с заболеванием простым, но очень трудно поддающимся лечению. И вот его состояние становится критическим, и уже требуется отделение интенсивной терапии. Но никому в мире до него нет дела. — Доктор Пеймастер был убежден, что к политике, экономике, религиозным проблемам, внутренним конфликтам — ко всему нужно подходить методически: выявить и осмыслить симптомы, поставить диагноз, назначить лечение и сделать прогноз. Но знал он и то, что так же, как существуют некоторые неизлечимые болезни человеческого тела, бывают смертельные заболевания и у стран, семей и теологических догм.

— Восточный Пакистан страдает диареей смерти, — продолжал он. — Смерть там изливается беспрепятственно, и вскоре пациент будет полностью обезвожен. — Гладкое скольжение его авторучки вдруг сменилось жестким царапанием, и из-под пера стали выходить наполовину не прописанные буквы. Он поднес ручку к лампе и сквозь прозрачный пластик корпуса посмотрел на стержень. — Опять пусто. — Открутив колпачок, он сжал резиновый баллончик и опустил ручку в пузырек с паркеровскими чернилами. — Восточный Пакистан атакован сильным вирусом, пришедшим из Западного Пакистана, слишком сильным для восточнопакистанской иммунной системы. А величайший врач мира ничего не делает. Того хуже, доктор Америка помогает вирусу. И что тут прописать? Партизанскую войну Мукти-Бахини? — Он покачал головой. — Это лекарство недостаточно действенно. Только полноценное внутривенное вливание индийской армии способно победить этот вирус.

Он закончил выписывать рецепт и вручил его провизору, сидевшему в маленькой кабинке в глубине кабинета. Густад по опыту знал, что доктору Пеймастеру достанет остроумия и выдержки, чтобы продолжать медицинские ме-

тафоры до бесконечности, поэтому перебил его:

— С Рошан все будет хорошо?

— Абсолютно. А если что не так, я ведь всегда тут, на своем месте. Думаю, это кишечная инфекция. Подержите ее несколько дней дома. Только вареный рис, суп, сухой тост и немного вареной баранины. И приведите ее снова на следующей неделе.

Провизор закончил приготовление лекарства по рецепту и протянул темно-зеленую бутылочку вместе со счетом. Густад взглянул на цифру и поднял брови.

— Налог на беженцев, — виновато объяснил провизор.

III

Спокойная манера поведения и ободряющая речь врача удерживали Густада от паники по поводу кишечной инфекции. Он повел Рошан к автобусной остановке мимо выстроившихся в ряд магазинов, мимо «Текстиля для дома», «*Бхелпури*-хауса»[197], «Мастера на все руки», «Молодежной мужской одежды». Паанвала Пирбхой хлопотал возле «Птичника». Женщины стояли в дверных проемах или смотрели из окон, облокотившись о подоконники и выставляя все что можно напоказ сквозь решетки. Изнутри дома неслась популярная музыка из кинофильма: *«Mere sapno ki rani kab ayegi tu?»* — «О, королева моей мечты, когда же ты придешь?» — ее было слышно на всем пути до автобусной остановки.

Позднее, когда они уже подходили к Ходададбилдингу, эффект благотворного присутствия доктора Пеймастера начал развеиваться. По мере приближения вечера под черной стеной увеличивалось количество луж мочи, и вонь становилась все сильней и сильней. Как только

---

[197] Сноски: 197
Бхелпури — любимый индийцами фастфуд.

она ударила Густаду в ноздри, последние остатки внушенной доктором уверенности беспомощно потонули в этих мерзких лужах, не оставив ему ни малейшей крупицы оптимизма.

Он начал винить себя в болезни Рошан: лучше бы он никогда не слышал об этих энтеровиоформе и сульфагуанидине. Его хромота утратила обычную сдержанность, и к тому времени, когда они добрались до своей двери, его уже мотало из стороны в сторону.

— Что сказал доктор? — спросила Дильнаваз.

Густад многозначительно закрыл и открыл глаза — она поняла.

— Все хорошо, доктор Пеймастер собирается жениться на кукле Рошан.

— Да, — подхватила девочка. — А свадебный обед он закажет у «Чокси кейтеринг». — Густад дал ей первую дозу микстуры, и они отправили дочку в кровать, только тогда Густад тихо рассказал Дильнаваз, что сказал врач.

Несколько минут она сидела молча, но морщины собирались у нее на лице, предвещая грозу.

— Ну, теперь ты доволен? Хоть теперь-то ты согласишься, что я права? Твержу тебе это до хрипоты, до посинения, но для тебя же что я говорю, что собака брешет — все одно.

— Что за бред ты несешь?

— Никакой не бред! О чем я тебе все время твержу? О воде, конечно. Сколько раз я тебе повторяла: воду надо кипятить, воду надо кипятить, воду надо кипятить. Только до твоих мозгов это никак не доходит! — Она яростно впилась ногтями в голову.

— Ну давай! Вини меня! Это проще всего.

— Если не тебя, то кого? Твоего покойного дядюшку? Нет-нет, это ты всегда говоришь, что марганцовки достаточно, нет нужды кипятить. Вы, Ноблы, всегда считаете, что все знаете лучше всех.

— Правильно! Вини не только меня, но и моего отца, и деда, и прадеда. Неблагодарная женщина! Как ты думаешь, почему я говорю, что не надо кипятить? Ради тебя! У тебя и так по утрам столько дел, что некогда даже присесть выпить чаю, только и бегаешь из ванной в кухню и обратно!

Их голоса звучали все громче, хотя они, похоже, этого не замечали.

— Если у меня по утрам нет времени, то есть другой выход, — сказала она, — но ты ведь только сидишь и читаешь свою газету, пока у меня все внутренности надрываются от того, что приходится таскать неподъемные баки и ведра. И два

твоих больших сына, как *lubbhai-laivraas*[198], никогда не помогут.

— Ошибочка. Это у тебя два сына. У меня — только один. И что у тебя с языком? Почему это *я* должен им все говорить, когда…

— Все?! И что такое это «все», что ты им говорил? Это я всегда ору и ругаюсь, пока их добрый папочка молча за этим наблюдает. Быстрей доедай, делай уроки, унеси посуду… Без отцовской строгости чего можно ждать от них, кроме непослушания?

— Давай! И за это вини меня. Это я виноват, что Сохраб не хочет учиться в ИТИ! Я виноват, что Дариуш впустую тратит время на толстуху этого идиота-собачника! Я виноват, что Рошан болеет! Все на свете, что не так, — моя вина!

— Нечего отговариваться! Ты испортил мальчишек с самого начала! Никогда не мог сказать им «нет»! На еду и школьную форму денег не хватает, но *баап* идет и покупает аэропланы, аквариумы и птичьи клетки!

Они не замечали, что Рошан стоит в дверях, пока та не начала всхлипывать.

— Что такое, моя милая? — сказал Густад, сажая

---

[198] Сноски: 198
Дословно: ни на что не годны, бесполезны, «как мертвому припарка».

ее рядом с собой.

— Я не люблю, когда вы ссоритесь, — сквозь слезы произнесла девочка.

— Никто не ссорится. Мы просто разговариваем, — сказала Дильнаваз. — Взрослым иногда приходится обсуждать такие вещи.

— Но вы так сердито кричали, — продолжала всхлипывать Рошан.

— Ну ладно, моя *bakulyoo*, — сказал Густад, обнимая дочку за плечи. — Ты права, мы кричали. Но не сердились. Посмотри, — он улыбнулся, — разве у меня сердитое лицо?

Рошан это не убедило, тем более что ее мать сидела за обеденным столом неподвижно, сцепив руки на груди.

— Пойди поцелуй маму… — попросила девочка.

Он взглянул на гневное лицо Дильнаваз, которая никак не могла совладать с собой.

— Попозже, сначала я поцелую тебя, ты ко мне ближе. — Он поцеловал дочку в щеку.

Но Рошан не сдавалась.

— Нет, нет, нет, я не смогу уснуть, пока ты ее не поцелуешь. Мама сама подойдет сюда.

Поскольку Дильнаваз не шелохнулась, Рошан пошла к ней и принялась тянуть ее за руку, на-

валившись на нее всем своим скудным весом. И Дильнаваз уступила. Холодно глядя на Густада, она слегка чиркнула губами по его щеке.

— Нет, не так! — закричала Рошан, молотя кулачком по стулу. — Это не настоящий поцелуй. Поцелуй папу так, как целуешь, когда он утром уходит на работу. — Дильнаваз приблизила губы к губам Густада. — Закройте глаза, закройте глаза! — завопила Рошан. — Делайте все правильно!

Они повиновались, но тут же отпрянули друг от друга. Густада поведение дочки позабавило.

— Ты мой маленький целовальный арбитр, — сказал он.

Рошан чуяла, что соединения губ и закрытых глаз недостаточно, чтобы избавиться от гнева и горечи. Но она не знала, что еще сделать, поэтому отправилась в постель.

IV

Мистер Рабади собрал газеты, брошенные за дверью. Но один он не мог поднять их все и попросил миссис Рабади ему помочь. Она была решительно за то, чтобы продать их *джарипуранавалле*, но он ее даже не слушал.

— Я покажу этому негодяю! Делай, как я говорю!

На площадку выбежала взбудораженная Капелька и, тявкая, стала топтаться вокруг газетных стопок, сложенных мистером Рабади. Он втащил ее в дом, велел миссис Рабади выйти на площадку и закрыл дверь.

— Неси, — распорядился он, указывая на одну стопку, вторую взял сам.

Во дворе они столкнулись с инспектором Бамджи.

— Привет-привет! — сказал он. — Продаете старые газеты? Но магазин вот-вот закроется. — В подтверждение своих слов он взглянул на часы.

— Я ему покажу! — бормотал мистер Рабади. — Вышел, чтобы повести погулять Капельку, и споткнулся о них! Чуть не упал с лестницы и не сломал себе шею! Он же свалил их прямо под

моей дверью!

— Кто? — спросил Бамджи.

— Этот… этот негодяй! — брызгая слюной, выкрикнул мистер Рабади. — Даром что по фамилии он Нобл[199].

— Густад?

— Не иначе хотел меня убить, устраивая такую ловушку под моей дверью! Что он о себе возомнил? — Он свалил газеты неподалеку от кустов. Миссис Рабади, крепко прижимая к груди свою пачку, вопросительно смотрела на него. Тогда он, схватив ее за руки, развел их в стороны, газеты упали на землю, а он вынул из кармана коробок спичек.

— Вы уверены? — спросил инспектор Бамджи.

Но мистер Рабади уже чиркнул спичкой и бросил ее на газетную кучу.

— Сначала его сын украл мои газеты! — Бумага занялась. — А теперь… Если он думает, что может свалить их у меня под дверью и я все забуду, то он ошибается! — Через несколько секунд газеты уже полыхали, и вид пламени еще больше разжег гнев мистера Рабади. Лицо у него сделалось ярко-оранжевым. — Мне не газет жалко! Тут на

---

[199] Сноски: 199
От *англ.* noble — благородный.

кону такие понятия, как воспитание, уважение, признание вины! Принципы! Пусть раз и навсегда поймет, с кем связался!

Инспектор Бамджи не знал, что сказать. Посмотреть на пламя прибежал Темул.

— Горячогорячогорячо! — Он подошел вплотную к костру, и инспектор Бамджи оттащил его.

— Осторожно, Омлет, а то твое лицо и впрямь поджарится.

Внезапно раздались крики:

— Пожар! Пожар! *Aag laagi! Aag laagi*![200] На помощь! Позовите *бумбавалла*![201] — Это поднял тревогу Кавасджи, свесившись из окна с гирляндой из *сабджо* на шее. Мистер и миссис Рабади улетучились, скрывшись у себя в квартире. Кавасджи перенес внимание на небо. — Ты снова это делаешь! Обрушиваешь страдания только на головы бедных! Вонь, шум, потоп — а теперь огонь! Ты когда-нибудь сжигал дома богатых *sethiyas*?[202] Хоть когда-нибудь? Ответь мне!

Густад услышал крики и одновременно увидел

---

[200] Сноски: 200
Пламя! Пожар! (*хинди*)

[201] Сноски: 201
Бумбавалла — пожарный (*хинди*).

[202] Сноски: 202
Искаженное «сэтов».

в окне оранжевое зарево. Когда он выскочил из дома, там оставался только Темул.

— ГустадГустад. Жаркожарко.

Костер уже догорал. Обугленные лохмотья газет лежали под кустами. Вскоре ветер погнал их по двору, и Темул помчался их догонять. Густад вернулся домой, недоумевая, как идиот-собачник мог зайти настолько далеко, чтобы чуть не спровоцировать пожар.

Но, как он вскоре обнаружил, спровоцировано было и кое-что еще. Обезумевшие от дыма москиты взбаламутились как никогда прежде. Они опускались густыми облаками слепой мстительной ярости, врезáлись в стены, бились о горячее стекло лампы, рикошетом отлетали и запутывались у него в волосах, жалили в лицо.

Он помчался выключать свет, на ходу крикнув Дильнаваз, чтобы она собрала все плоские блюда, какие сможет найти. Но когда он подошел к баку и повернул кран, из него не вытекло ни капли. Взобравшись на стул, он заглянул внутрь. Бак был пуст, и в нем, в том месте, где носик был припаян к стенке, имелась трещина. Лишь в одном ведре оставалось немного воды, едва ли достаточно, чтобы дотянуть до утра. На сегодня о ловушках для москитов следовало забыть.

Пришлось возвращаться к шлепанью, хлопанью и «Одомосу».

Глава двенадцатая

I

Густад подошел к «кровати с дверью», держа в руках новую микстуру и пилюли. За последние две недели доктор Пеймастер четырежды менял Рошан лекарства и назначил анализ крови, кала и рентген с бариевой взвесью. На прошлой неделе Густад продал фотоаппарат, чтобы оплатить счета.

Когда Рошан села в постели, чтобы принять лекарства, ему хотелось заключить ее в нежную безопасность своих рук и не отпускать никогда. Но он лишь коснулся ее лба тыльной стороной ладони и ласково погладил по спине. Однако она поняла, что ее сильный, широкоплечий папа (с его мощными бицепсами, которые могли двигаться вверх-вниз, как живые существа) напуган и беспомощен перед лицом ее болезни. Иногда по утрам, когда он заглядывал проведать ее, она думала, что он вот-вот расплачется, и у нее самой к глазам подступали слезы. Потом она заставляла себя подумать о чем-нибудь хорошем, например о том, как дядя майор приходил по воскресеньям на мамин вкусный *дхансак* и они с папой, подбадриваемые Сохрабом и Дариушом, ставили локти

на стол и мерились силой рук. Мышцы у них так раздувались, что казалось: вот-вот лопнут. Было так смешно наблюдать за ними, как они борются, обливаясь потом и смеясь! Дядя майор тоже был очень сильным человеком, даже еще более высоким, чем папа, но папа всегда побеждал, таким он был крепким.

— Как твой укол, моя маленькая *bakulyoo*, — спрашивал он, — все еще болит?

— Немножко.

Он шел к шкафу и доставал тюбик крема «Гирудоид».

— Это поможет отеку рассосаться. — Он втирал крем в место укола. — Ну вот. Чего тебе еще хочется? Хочешь, чтобы твоя большая итальянская кукла вышла из шкафа?

— Да, да! — Ее глаза радостно вспыхивали.

— Вечером, когда я вернусь с работы, мы достанем из чемодана все ее вещи и полностью оденем ее. Потом она будет сидеть с тобой на диване. Или спать рядом. Хорошо?

— Хорошо, только не задерживайся, папа.

— Не задержусь, обещаю. А теперь спи. Тебе нужно побольше отдыхать. Ну, закрывай глазки. Или, может, мне спеть тебе колыбельную, как маленькому ребеночку? — Поддразнивая ее, он

начинал петь песенку, которую пел, бывало, когда она была еще малышкой:

Рошан хорошая девочка,

Самая лучшая девочка,

Посмотрите, как быстро она засыпает…

— Нет, нет! Не эту! — протестовала Рошан. — Спой мою любимую.

И он пел ей куплет из «Ослиной серенады», потом целовал в щечку и говорил «до свидания».

— Спокойной ночи. Да благословит тебя бог, — отвечала она.

— Но сейчас не ночь.

— А я все время сплю. Поэтому для меня всегда ночь, — объясняла она, и оба смеялись.

Густад забрал из кухни тридцать девятую пачку денег и подумал: скоро будет половина. Когда он шел к автобусной остановке, начали собираться тучи, а когда он вышел из автобуса на площади фонтана «Флора», уже шел дождь. Последние усилия уходящего сезона муссонов, который перевалил за середину. Он посоветовался сам с собой: защипнуть брюки велосипедными клипсами или не надо? Сирена воздушной тревоги

еще не смолкла, значит, время есть. «Ненавижу весь день сидеть в брюках с облепляющими щиколотки мокрыми отворотами». Пошарив в портфеле, он нашел клипсы, поставил ногу на нижнюю ступеньку крытой автобусной остановки, плотно обернул брючину вокруг щиколотки и зажал клипсой, потом проделал то же самой на другой ноге.

От автобусной остановки он видел купол здания банка, который белел и блестел на фоне серого неба. Дождь чисто отмывал его день за днем. Добравшись до банковского портика, он снял велосипедные клипсы с брюк. С наконечника прислоненного к колонне зонта ручьем текла вода. Он по очереди защипнул пальцами брючины на коленях и отворотах и подергал, чтобы восстановить стрелки, потом стряхнул воду с зонта. Кто-то тронул его сзади за плечо.

— Доброе утро, мистер Нобл, — сказала Лори Кутино немного нараспев, как девочки в монастырских школах, вставая, приветствуют учительницу. У Рошан тоже была такая привычка.

— Доброе утро, мисс Кутино.

— Мистер Нобл, могли бы вы уделить мне сегодня немного времени, чтобы поговорить?

Он с одобрением отметил вежливую форму ее обращения, но сама просьба его удивила.

— Разумеется. В одиннадцать часов, как только закончу проверку бухгалтерского учета, вас устроит?

Она покачала головой.

— Я бы предпочла приватную обстановку.

Еще больше удивившись, он взглянул на часы.

— Есть еще десять минут, мы можем поговорить сейчас. Или во время обеденного перерыва.

— Да, лучше во время обеденного перерыва.

— Хорошо, тогда встретимся в столовой в час.

— Пожалуйста, только не в столовой. Лучше где-нибудь за пределами банка.

Она приблизила к нему голову, чтобы можно было говорить тихо. Он ощутил запах каких-то приятных духов. Что у нее на уме?

— Тогда ждите меня здесь в час.

— Большое спасибо, мистер Нобл, — шепнула она и вошла внутрь.

Он оценивающе посмотрел вслед ее удаляющейся фигуре, озадаченный, но польщенный, и тоже отправился на рабочее место.

Поскольку десяти еще не было, окошки касс пустовали. Несколько клиентов уже ждали открытия, нервно переводя взгляд с настенных часов

на бездельничающих за кассовыми окошками служащих, словно многократное повторение этого визуального цикла могло ускорить процесс. Не обращая внимания на беспокойных посетителей и бескомпромиссно чтя свое свободное время, несколько служащих просматривали газеты, другие сидели вразвалочку, положив ноги на стол или на картотечный ящик. Диншавджи с воодушевлением что-то рассказывал группе с огромным интересом слушавших его коллег.

Густад услышал обрывок фразы:

— …И тогда второй сказал: «Переключение скоростей? Это еще ерунда, *яар*…» — Увидев Густада, он прервался. — Иди сюда скорей! Это смешная история.

Густад уже слышал эту историю, но не подал виду, когда Диншавджи начал сначала:

— Первый человек говорит: «*Яар*, с тех пор как моя жена начала учиться водить машину, с ней во сне происходят странные вещи. Она хватает моего *кутеночка* и говорит: “Первая скорость, вторая скорость, задний ход”, — и крутит его во все стороны. А второй ему отвечает: «Переключение скоростей? Это еще ерунда. Моя посреди ночи хватает моего *кутенка*, вставляет в рот и говорит: “Двадцать литров бензина, пожалуйста”».

Взрыв хохота заполнил пространство позади стойки. Мужчины хлопали Диншавджи по спине.

— Еще, еще что-нибудь расскажи, — попросил кто-то. Но медленный торжественный бой часов заставил всех разойтись.

Густад открыл портфель и небрежно передал Диншавджи пачку денег.

— В обеденный перерыв я не смогу с тобой встретиться. Мне надо отлучиться по делу. — Он медленно закрыл и открыл глаза. Диншавджи понял: в присутствии посторонних друг ничего объяснить не может, и предположил, что это связано с секретной миссией, как он любил это называть.

В одиннадцать Густад встал из-за стола, чтобы выпить чашку чая, но потом, сменив направление, пошел дальним путем, мимо рабочего места Лори Кутино. Он сам не знал, зачем это делает, но после утренней встречи хотел взглянуть на нее еще раз. Они мимолетно встретились взглядами, и она улыбнулась. Сердце у Густада учащенно забилось, и он почувствовал себя дураком. Как школьник.

II

Он ждал под портиком. Все были заняты обедом, и он не боялся, что его кто-нибудь увидит. А вот и она.

— Спасибо, что пришли, мистер Нобл.

— Не за что, мисс Кутино. Куда бы вы хотели пойти?

— Пожалуйста, называйте меня Лори. — Он улыбнулся и согласно кивнул. — Куда угодно, мистер Нобл, лишь бы там было уединенно. Мне бы не хотелось, чтобы нас увидели вместе и неправильно это истолковали.

— Отлично. На углу есть приятный ресторан.

— Я видела его снаружи, — сказала Лори.

— У них есть отдельные кабинеты, там мы сможем поговорить.

После дождя остались глубокие лужи. Осторожно обходя их, они дошли до угла.

— Мистер Нобл, вы служили в армии?

— Нет. А что?

— Я заметила, что вы прихрамываете, и подумала: может, это оттуда. Вообще, ваша походка, плечи, усы — все это делает вас похожим на военного.

Польщенный, он скромно рассмеялся, отмахнувшись от ее слов, которые счел комплиментом, как сделал бы это настоящий военный.

— Нет, эта травма получена не на службе родине, а на службе семье.

Заинтригованная, она поинтересовалась подробностями.

— Девять лет назад, чтобы спасти жизнь моему старшему сыну, — ответил он, — я на ходу спрыгнул с автобуса наперерез автомобилю. — Он рассказал ей о том дождливом утре, об автобусном кондукторе, о падении Сохраба на проезжей части и о визите к Мадхивалле-Костоправу.

— Этот костоправ еще практикует? — спросила она.

— О да. Но он уже очень стар и принимает не так часто, как прежде.

— Надо запомнить его имя — на случай, если я когда-нибудь что-нибудь себе сломаю.

— Вы должны заботиться о своих костях, — сказал он и, осмелев, добавил: — Они слишком красивы, чтобы ломать их.

Она покраснела и улыбнулась.

— Благодарю вас, мистер Нобл. — В ее голосе снова послышались интонации ученицы монастырской школы.

Они молча обогнули площадь, запруженную машинами. Он вспомнил тот последний раз, когда был в этом ресторане. Всего чуть более трех месяцев назад, с Диншавджи. Но кажется, что прошли годы — обман времени. И несчастный случай с Гулямом Мохаммедом. Лучше бы мерзавец умер. И те аккуратно отсеченные головы… Как будто ножом мясника — хрясь! И Темула, подбирающегося к отрезанной кошачьей голове. И проклятое письмо Джимми.

Нижний зал ресторана был набит битком. Официанты носились взад-вперед, сопровождаемые обычными шумами и запахами — жареных самосов, перекипевшего чая, жгучего карри с грибами ругда… Стук тарелок и стаканов, выставляемых перед посетителями. Выкрикивание заказов в кухню, ответные крики из кухни: «Три чая, пани-пури, один матар-панир! Идли, доса, самбхар, ласси!» А на стене над кассой появилось еще два рукописных плаката. На одном было написано: «В ресторане просим волосы не расчесывать». Другое предписание звучало строже и масштабней: «О боге и политике не дискутировать!»

Наверху, в отдельных кабинетах, судя по всему, было пусто. Туда вел один лестничный марш, крутой, как стремянка. Густад шел вслед за Лори,

ее попа находилась на уровне его глаз. Видел бы это Диншавджи! Соблазн в пределах досягаемости его зубов. Сэндвич с омлетом и попа Лори на десерт.

Лестница заканчивалась небольшой площадкой с шестью дверьми. Он открыл ближнюю. Там его приветствовал еще один плакат: «Пожалуйста, нажмите кнопку вызова официанта под столом».

— Зачем помещать официанта под стол? — пошутил Густад.

— У вас есть чувство юмора, прямо как у вашего друга мистера Диншавджи, — сказала Лори, оценив шутку, и рассмеялась. Он первый раз услышал, как она смеется — с переходом от тихого фырканья к оглушительному хохоту. Такая прелестная девушка — и самый неблагозвучный смех, какой я когда-нибудь слышал, подумал Густад.

В кабинете стояло четыре изогнутых деревянных стула и деревянный стол, покрытый стеклом, так же как внизу. Под этим грязным стеклом лежало меню. Дополнительными удобствами за минимальную сумму в пять рупий были уединенность с кондиционированным воздухом и потертая, видавшая виды софа с обивкой, покры-

той пятнами. Обстановка со всей очевидностью свидетельствовала о единственной низменной цели, для которой она была предназначена. Он заметил взгляд, которым девушка окинула истасканную софу.

— Прошу прощения за это место. Я тут никогда не бывал. Я имею в виду — тут, наверху. И не знал, что это *так* выглядит.

— Ничего страшного. Зато мы сможем поговорить без посторонних ушей.

— Да, — согласился он. — Наверное, надо что-то заказать. А потом вы мне расскажете о своей проблеме.

— Это не совсем… впрочем, да, это проблема.

Их головы сблизились, склонившись над меню. Притворившись, будто изучает его, Густад краем глаза наблюдал за Лори. Диншу был прав, действительно очень привлекательная девушка. Изящно очерченная верхняя губа, эдакий намек на надутые губки, свидетельствующий о ее сексуальности.

— Готовы? — спросил он. — Где же этот звонок вызова официанта? — Он стал шарить рукой под столом, она тоже, и их руки соприкоснулись. Он мгновенно отдернул свою, словно его ударило током, и смущенно сказал: — Простите.

— Все в порядке, — улыбнулась она. Кнопка обнаружилась на дальней ножке стола, и она нажала ее. Спустя несколько секунд официант осторожно, не желая рисковать чаевыми, постучал в дверь. Он знал по опыту, что в этих кабинетах между звонком и его приходом может происходить что угодно.

— Да-да, войдите, — раздраженно крикнул Густад, чтобы показать Лори, что предположения официанта его глубоко оскорбляют. Они сидели очень официально, выпрямив спины и сложив руки.

Официант принял заказ, обеспокоившись тем, что страсти у клиентов маловато. Никаких намеков на возбужденность, а не осчастливленные мужчины дают маленькие чаевые. Может быть, их стоит немного подхлестнуть?

— Спасибо, сэр, я вернусь с едой ровно через пять минут. И я непременно постучу, а после этого вас никто не потревожит.

Когда дверь закрылась, Густад покачал головой.

— У него только одно на уме.

— Он не виноват, — сказала Лори. — Эта комната только для одного и предназначена.

Смелое замечание, мысленно отметил Густад.

— А теперь скажите, зачем вам нужно было меня видеть.

— Да. — Она провела рукой по волосам и поправила воротник. — Мне нелегко говорить об этом, но, думаю, лучше сказать вам, а не управляющему.

— Мистеру Мейдону? А в чем дело?

Она сделала глубокий вдох.

— Это касается вашего друга, мистера Диншавджи.

О нет, подумал Густад. Лори между тем продолжала:

— Вы же знаете, как он себя все время ведет, прикидываясь дурачком.

— Конечно. Да, Диншавджи так ведет себя со всеми.

— Я знаю. Именно поэтому не обращала внимания. Шуточки, песенки, приплясывания, это все ничего. — Она уставилась на свои ногти. — Не знаю, известно ли вам, но однажды он начал говорить мне, что хочет познакомить меня со своим *кутенком*. — В нерешительности она закусила нижнюю губу. — «Вы сможете поиграть с моим маленьким *кутенком*, — сказал он, — и вы славно повеселитесь вместе». — Теперь она смотрела ему прямо в глаза. — Поначалу я думала, что он

имеет в виду своего сына или племянника, ну, что-то вроде того, поэтому улыбнулась и ответила: «Конечно, с удовольствием».

Густад покраснел. Ему было трудно продолжать смотреть ей в глаза, но он ничего не сказал, предоставив ей продолжать.

— А недавно я выяснила, что́ это значит на самом деле. Можете себе представить, что́ я почувствовала?

Густад отчаянно пытался найти слова. Испытывая жгучий стыд перед Лори, злость на Диншавджи и страх перед Мейдоном, он смог выдавить лишь:

— Мне очень жаль. Я пытался его образумить.

— Знаете, каково мне вспоминать мужчин, хохочущих вокруг каждый раз, когда он это говорит? Мне стало невыносимо ходить на работу, я решила уволиться и объяснить мистеру Мейдону, почему я это делаю. — Ее тон, до того ровный и сдержанный, становился все более взволнованным. — Теперь, если кто-то произносит мое имя — неважно кто, — мне становится плохо. Оно напоминает мне о грязном значении слова. Мистер Диншавджи испоганил для меня мое собственное имя. — Она промокнула платочком уголок глаза.

Как глубоко она расстроена, вот что наделал

Диншу. На этот раз он зашел слишком далеко. И если это дойдет до ушей мистера Мейдона… Чертов Казанова фонтана «Флора». Густад с самым серьезным видом наклонился вперед.

— Пожалуйста, не говорите так. Лори Кутино — прелестное имя. И оно никогда, никогда не будет значить ничего другого из-за глупого совпадения с каким-то сленговым словом.

— Знаете, я ничего не имею против его шуточек и ребячества. Раньше они даже казались мне милыми. Славный старый человек пытается произвести на меня впечатление. Чего он мне только не говорил. Даже что он работает на секретные службы и отвечает за миллион рупий, предназначенных для снабжения партизан Мукти-Бахини. Можете себе представить? Мистер Диншавджи — и секретные службы! — Она посмеялась.

— Ха-ха-ха! Секретные службы? Ну, это уж слишком! — хохотнул Густад, едва сдерживаясь, чтобы не стукнуть кулаком по столу и не заорать, ему захотелось сделать с Диншавджи что-нибудь такое, чтобы тот завыл от боли. Тупой болван! Абсолютно безмозглый! И это после того, как я объяснил ему, насколько строго надо соблюдать секретность! Какой же идиот, полный кретин!..

— Забавно, правда? — сказала Лори.

— Ха-ха, думаю, ни одна секретная служба не наняла бы его даже туалеты чистить.

— В общем, — Лори вернулась к главной теме, — я так расстроилась из-за этой грязной шутки, что хотела пойти и все рассказать мистеру Мейдону. — Она посмотрела на часы. — Но потом подумала, что у мистера Диншавджи будут серьезные неприятности, а мне этого не хочется. Ему ведь, кажется, совсем недолго до пенсии?

— Совсем, — подтвердил Густад. — Всего два года. И еще он очень болен, хотя, глядя на его игривое поведение, и не подумаешь.

— Этого я не знала. — Она помолчала, теребя салфетку левой рукой. — Я решила рассказать все это вам, потому что вы его лучший друг. Но раз вы уже пытались его образумить…

— Я сумею его убедить. Предоставьте это мне. — «Но сначала мне нужно убедить ее, иначе и ему и мне — крышка», — пронеслось у него в голове. — Сегодня же, после работы. Я позабочусь о том, чтобы он больше никогда вас не огорчил.

— Спасибо, мистер Нобл. Я знала, что вы поможете.

Ну погоди же, дай мне только до тебя добраться! Старый дурак. Со всеми твоими идиотскими штучками. Чертов придурок.

III

Даббавала уже отбыл с пустыми контейнерами, поэтому, чтобы предупредить Дильнаваз, что он будет поздно, Густад позвонил мисс Кутпитье. Связь была плохая.

— Алло! Алло! Мисс Кутпитья! Это Густад Нобл.

Никто не ответил на его крики. При телефонной связи, являющей собой нечто вроде колеса рулетки, вероятность попасть на плохой период была равна вероятности поймать хороший. Он повесил трубку, потом вспомнил о своем обещании Рошан вечером нарядить куклу. «Теперь она решит, что я забыл о своем обещании». Впрочем, так оно и есть. У него разболелась голова, боль была острой, словно кто-то пытался взломать ему череп изнутри. Сейчас он хорошо понимал, что чувствовала миссис Пастакия, когда страдала своей мигренью: было ощущение, будто тебе в голову втыкают вязальные спицы и шевелят ими внутри.

Он вернулся на рабочее место, массируя лоб. Слишком уж много всего обрушилось на него одновременно: болезнь Рошан, обвинения Дильнаваз из-за марганцовки, вероломство Джимми,

идиотизм Диншавджи, жалобы Лори, предательство Сохраба — сплошные неприятности, печали и разочарования наваливались на него, погребая под собой и грозя раздавить. Он перенес руку со лба на затылок и закрыл глаза.

Когда он открыл их и стал тереть как заспанный ребенок, Диншавджи стоял, склонившись над его столом. Кулак, которым он хотел шарахнуть по столу в ресторане, непроизвольно сомкнулся снова, и теперь он дал ему волю. Бабах! — выпад через стол, и Диншавджи испуганно отпрыгнул назад.

— Эй, парень, полегче! — Внезапный тычок оказался болезненным, он стиснул руками бока и поморщился.

Густад поставил локти на стол и закрыл лицо ладонями. Хорошо еще, не до крови, подумал он и заговорил очень тихо, так, что Диншавджи вынужден был подойти поближе, чтобы расслышать:

— У меня мозги от тебя вскипают, идиот.

Диншавджи обиделся.

— Ты как со мной разговариваешь, *яар*?! Что случилось? По крайней мере объясни, в чем я провинился.

— Я объясню. О, обещаю тебе, что все объяс-

ню! Встречаемся в шесть под портиком. — Он развернул кресло спинкой к Диншавджи и снова принялся массировать лоб. Диншавджи подождал несколько секунд, совершенно обескураженный, потом ушел.

До конца дня Густад не мог работать. Его терзали мысли о напастях, которые он не переставал перебирать. Когда он подумал о Рошан, у него заледенело сердце: на миг он представил себе худшее, но тут же мысленно проделал жест, которым Дильнаваз отводила беду и над которым он частенько посмеивался. «Как она может меня винить? Ведь марганцовка столько лет действовала безотказно. Джимми рассказывал, что они всегда пользовались ею в армии. Чертов Джимми, ублюдок. Был все равно что братом — а теперь? Невольно вспомнишь все эти библейские истории, которые рассказывал мне Малколм, когда мы ходили на рынок Кроуфорд. Там была одна, о Каине и Авеле… Я тогда думал: сказки. А сейчас, с дистанции времени, понимаю: правда. Взять историю моего отца. Его брат, пьяница и игрок, уничтожил его вернее, чем если бы раскроил ему череп. Джимми — еще одно воплощение Каина. Он убил веру, любовь, уважение — все. А еще история про Авессалома, сына Давида. Сейчас

Сохраб мог бы уже заканчивать первый семестр в ИТИ, если бы только…»

«И что осталось теперь, — спрашивал он себя, — после того как ту самую цель, ради которой он боролся, работал, к которой стремился все эти годы, мой собственный сын бездушно растоптал и ошметки швырнул в мусорное ведро, как те бланки заявлений? Единственное, чего я хотел, это обеспечить ему шанс на хорошую карьеру. Но этот шанс у меня вырвали из рук. И что осталось? Что осталось у меня в жизни? Скажи, Дада Ормузд, что?»

Так продолжалось весь день: от Сохраба к Рошан, потом обратно к Джимми, к Дильнаваз, Лори и Диншавджи. Развороты на 180 градусов, обратные ходы, пока голова не начинала кружиться от грустных мыслей и не возникало ощущение, близкое к отчаянию.

Но в шесть часов спасение пришло в форме гнева, который вернулся, стоило лишь ему увидеть под портиком Диншавджи. Вонь изо рта Диншавджи была невыносимой. О господи! Поделом ему, если он все это время мучился и страдал, может, хоть теперь возьмется за ум.

Диншавджи слабо улыбнулся.

— Тебе будет не до улыбок, когда ты услышишь

то, что я тебе скажу.

— Опять кричишь на меня? — жалобно сказал Диншавджи. — Ты злился весь день. Почему бы просто не сказать, что за муха тебя укусила?

— Хочу, чтобы ты сначала насладился чашкой чая. Может, это будет последнее, чем ты сможешь насладиться в своей жизни.

Диншавджи рассмеялся, но это было лишь бледное подобие его обычного развеселого смеха.

— Интересно, какой сюрприз ты мне приготовил, *яар*? У Альфреда Хичкока научился, что ли?

Они шли по большому кругу вдоль лавины автомобилей и людей. Широкая река, сменившая направление, поспешно текла теперь на север: поток утомленных человеческих существ из банков, страховых контор, обувных и текстильных магазинов, бухгалтерских фирм, производственных администраций, ателье оптики, рекламных агентств, этот усталый поток несся на грохоте автобусов, скрежете поездов, треске мотоциклов, на отяжелевших усталых ногах на север, к пригородам и трущобам, домам, лачугам, квартирам, своим и арендованным, однокомнатным, к проржавевшим хибарам, уличным углам, тротуарам, картонным домикам, он тек на север, пока его воды, выдохшись, не разливались неподвижной, но

внутренне неспокойной гладью, остававшейся лежать в темноте, пытаясь вымолить достаточно сил, чтобы приготовиться к утреннему приливу в обратном направлении, на юг и к бесконечному дальнейшему повторению этого цикла.

Они ждали, когда принесут чай.

— Знаешь, почему меня не было в столовой во время обеда? — спросил Густад.

— Скажи — буду знать.

— Потому что Лори Кутино захотела поговорить со мной в конфиденциальной обстановке. Поэтому мы пришли сюда. Наверх, в отдельный кабинет.

— Вот это да! Честно? — Диншавджи ухмыльнулся. — Повезло тебе, негодяй.

— Нет, это тебе «повезло», негодяй. Потому что все это время она говорила о тебе.

— Шутишь!

Густад слов не выбирал, он хотел, чтобы они разили, как нож мясника. И без того бледное лицо Диншавджи утратило последние краски, рот приоткрылся, из него через стол неслось зловонное дыхание.

— Но и это еще не все, — безжалостно продолжил Густад. Диншавджи невидящим взглядом уставился на свои сложенные на коленях руки,

ему было слишком стыдно, чтобы посмотреть на друга, и он был слишком ошеломлен, чтобы что-нибудь сказать. — Слава богу, что Лори не поверила в твою «секретную службу», миллион рупий и партизан. Пересказывая мне все это, она смеялась. А если бы это дошло до ушей Мейдона и у него появились бы подозрения насчет наших депозитов? Что бы мы тогда делали, чертов ты дурак?

— Что я могу сказать, Густад? — слабо проблеял Диншавджи. — Ты абсолютно прав. Я тупой идиот. — Он нервно поглаживал пальцем ручку своей чашки. — Что нам теперь делать?

— Все в твоих руках. Если ты прекратишь к ней приставать, она не пойдет к Мейдону. Она мне обещала.

— Конечно, прекращу. Я сделаю все, что ты сочтешь правильным. Но… — Он глотнул чаю.

— Что — но?

Диншавджи сделал еще глоток, поперхнулся и закашлялся.

— Если я вдруг перестану заигрывать с ней, все заинтересуются — что со мной случилось. Тебе так не кажется? — Он снова закашлялся. — Потом станут повсюду совать свои носы, чтобы разнюхать, в чем дело. Будет очень плохо, если

кто-нибудь увидит, как ты каждый день передаешь мне пакет.

— Об этом я уже подумал, у меня есть план. Что нужно сделать тебе, так это перестать фиглярствовать и всех дразнить, а я одновременно начну распространять слух, что здоровье бедного Диншавджи снова пошатнулось, из-за этого он хандрит и чувствует себя как под прессом.

— Я бы предпочел чувствовать себя как под юбкой у Лори. — Попытка пошутить была жалкой, но от привычки отделаться трудно.

— Больше никаких шуток, ты сам согласился, — строго напомнил Густад.

— Прости, прости, *яар*. Только с тобой, только наедине.

— Ладно. Значит, завтра я начну распускать слух. Все будут тебе сочувствовать, и все уладится. Справишься?

— Конечно. Позволь мне заметить, что быть вечно жизнерадостным и веселым трудней, чем быть тихим и больным. — Правда, прозвучавшая в словах Диншавджи, была резкой и жестокой. Они молча допили чай и разошлись.

Начиная со следующего утра Диншавджи стал совершенно другим. Все от души сочувствовали помрачневшему, ставшему вдруг слабым и вы-

дохшимся коллеге, который приветствовал их теперь лишь тихим: «Привет». Встретив его позже в тот день, Густад удивился, как достоверно воплощает Диншавджи свой новый образ, пока не вспомнил, что образ кажется достоверным потому, что Диншавджи больше не играет: реальность наконец настигла его, и Густаду стало не по себе оттого, что это он лишил друга его привычной маски.

IV

Трещина в баке была запаяна. Густад возвращался домой из мастерской Хораджи, неся бак на плече. Дильнаваз ждала его с нетерпением, чтобы рассказать о посетителе, который обещал снова прийти в девять часов.

— Он спрашивал тебя, — сказала она. — Зачем — мне не сказал. Очень странный человек. Босой, все руки испачканы разноцветными красками, как будто он побывал на празднике Холи. Но праздник Холи был семь месяцев назад. Надеюсь, этот бесстыжий Билимория не послал его к нам с новыми напастями.

Густад догадался, кто это был. Позднее, когда посетитель вернулся, как обещал, он успокоил жену:

— Не волнуйся. Это я попросил его прийти. Чтобы что-нибудь сделать с этой вонючей стеной.

Выйдя с уличным художником во двор, он сказал ему:

— Итак, вы наконец решились расстаться с фонтаном «Флора»?

— А что делать? — ответил художник. — После несчастья, случившегося в тот день, полиция

начала притеснять меня, гонять туда-сюда, с одного угла на другой. Так что я решил прийти и посмотреть место, о котором вы рассказывали.

— Отлично, — сказал Густад. — Вам оно понравится.

Они вышли за ворота, и художник осмотрел стену. Провел рукой по ее поверхности, ощупал пальцами.

— Гладкий черный камень, — ободрил его Густад, — идеальная поверхность для рисунков. Длина этой стены — более трехсот футов. И мимо нее каждый день проходит множество людей. — Он указал на парные башни, построенные рядом с Хододад-билдингом. — Они идут в те офисы. И еще там, чуть дальше, есть базар. С дорогими ювелирными магазинами. По этой дороге ходит много богатого народу. А с другой стороны, минутах в двадцати ходьбы, — два кинотеатра. Приток зрителей гарантирован.

Закончив осмотр стены, уличный художник достал из своего рюкзачка мелок и сделал пробный набросок.

— Да. Отлично, — сказал он, потом, сморщив нос, добавил: — Только больно уж воняет.

— Это правда, — согласился Густад. Он удивился тому, как долго художник не решался это

сказать. — Бессовестные люди используют стену как уличный туалет. Глядите! Вон один из них!

У дальнего конца стены неподвижно и молча стоял человек, слышалось только журчание струи, да из середины фигуры, сверкая в свете уличного фонаря, лилась жидкая дуга.

— Эй! — крикнул Густад. — *Бай-шарам будмас*![203] Вот я тебе оторву твой *худди*[204], негодяй!

Струя тотчас прекратилась. Мужчина дважды встряхнул рукой, шустро заправился, застегнул брюки и исчез.

— Вы видели? — сказал Густад. — Ни стыда ни совести. Вот от этого и вонь. Но когда вы нарисуете здесь свои священные рисунки, никто такого себе больше не позволит. — Заметив нерешительное выражение на лице собеседника, он поспешил добавить: — Прежде всего мы отскребем и отмоем всю стену.

Уличный художник немного подумал и согласился.

— Я могу начать завтра утром.

— Чудесно, чудесно. Только один вопрос: вы

---

[203] Сноски: 203
Бай-шарам будмас — Ах ты, бесстыжий проходимец (*урду*).

[204] Сноски: 204
Здесь: худди — конечность (*хинди*).

сможете покрыть рисунками все триста футов? Я имею в виду, знаете ли вы достаточно богов, чтобы заполнить всю стену?

Художник улыбнулся.

— Это нетрудно. Если понадобится, я могу и триста миль покрыть рисунками, учитывая обилие разных религий с их богами, святыми и пророками — индуистскими, сикхскими, иудейскими, христианскими, мусульманскими, зороастрийскими, буддистскими, джайнистскими. Да и одних индуистских хватило бы. Но я люблю их смешивать, представлять разнообразие в своих рисунках. Так мне кажется, что я способствую распространению терпимости и понимания в мире.

Густад был впечатлен.

— А откуда у вас такие богатые познания во всех этих религиях?

Художник снова улыбнулся.

— У меня степень бакалавра по религиоведению. Моей специальностью было их сравнительное изучение. Разумеется, это было до того, как я перешел в художественное училище.

— Вот оно что! — воскликнул Густад. Они договорились встретиться на следующее утро очень рано, когда придет подметальщик улиц. Позже тем вечером он сказал Дильнаваз:

— Можешь доложить своему никчемному, наплевавшему на ИТИ сыну, когда он в следующий раз придет тебя навестить, что у бедного уличного художника две степени бакалавра в гуманитарной области.

На рассвете, когда подметальщик выгреб ночные отходы, Густад уговорил его с помощью пятирупиевой банкноты вымыть стену. Он дал ему жесткую проволочную щетку, чтобы он хорошо отскреб поверхность.

Художник прибыл с рюкзаком, лампой «Петромакс»[205] и небольшой постельной скаткой.

— Сейчас взойдет солнце, — сказал Густад, — и стена быстро высохнет.

Спустя три часа, когда он направлялся в банк, художник уже работал вовсю над первым рисунком. Густад понаблюдал, пытаясь определить объект, и наконец поинтересовался:

— Простите, можно спросить: это кто?

— Тримурти — триада: Брахма, Вишну и Шива — Бог-Создатель, Бог-Хранитель и Бог-Разрушитель. Вы не возражаете против них, сэр? Я могу нарисовать что-нибудь другое.

---

[205] Сноски: 205

Лампа Petromax — лампа высокой интенсивности, в которой керосин пропускается через газификатор под давлением, а испарившееся топливо сжигается в мантии, создавая яркий свет.

— О нет-нет, прекрасно, — ответил Густад. Он бы предпочел для открытия стены изображение Заратустры, но понимал, что эта триада будет способна усовестить гораздо больше мочеиспускателей и дефекаторов. Когда он возвращался вечером, художник уже зажег свой «Петромакс». Триада была готова, так же как и жестокое кровавое распятие. Шла работа над делийской соборной мечетью Джама Масджид: поскольку ислам запрещает изображать людей, художник рисовал знаменитые мечети.

— Надеюсь, дождя не будет, — сказал Густад. Сделав глубокий вдох, он удовлетворенно добавил: — Пока никакой вони. — Художник кивнул, не отрываясь от дела. — Но в эту первую ночь будьте осторожны: люди еще не знают, что на стене — священные изображения.

— Не волнуйтесь, я их предупрежу, — ответил художник. — Я собираюсь работать всю ночь. — Он отложил зеленый мелок, тот покатился по асфальту. Густад остановил его и положил в коробку. — Простите, сэр. Можно один вопрос? Не возражаете, если я буду по утрам отламывать веточку от вашей мелии, чтобы чистить зубы?

— Конечно нет, — сказал Густад. — Все так делают.

За ночь художник нарисовал еще две картины: Моисея с Десятью заповедями и Ганапати Бабу[206]. На восходе он добавил несколько завитушек к телесного цвета хоботу последнего, потом взял белый мелок, чтобы написать заповеди на каменных скрижалях Моисея.

В течение нескольких следующих дней стена заполнилась богами, пророками и святыми. Проверяя воздух каждое утро и каждый вечер, Густад радостно отмечал, что никаких дурных запахов в нем нет. Москиты и мухи перестали быть наказанием божьим, как раньше: с исчезновением питательной среды их количество радикально сократилось. «Одомос» в Хододад-билдинге стал рудиментом прошлого. Дильнаваз и Густад убрали из-под ламп плоские блюда, *khumchaas, tapaylis*[207], так как исчезла необходимость использовать их в качестве москитоловок.

Благочестивые лица — одни суровые и мстительные, другие добрые и по-отечески приветливые, со стены днем и ночью наблюдали за дорогой, за движением транспорта, за пешехода-

---

[206] Сноски: 206

Ганапати — другое имя Ганеши, одного из самых важных и почитаемых божеств в индуизме.

[207] Сноски: 207

Подносы, тарелки.

ми. Натараджа[208] исполнял свой космический танец, Авраам высоко заносил топор над Исааком, Мария баюкала младенца Иисуса, Лакшми одаривала изобилием, Сарасвати распространяла мудрость и знание.

Но по мере того как стена подвергалась подобной трансформации, художника стали посещать опасения. Проект, более грандиозный, чем все его когда-либо выполненные рисунки на асфальте, внушал ему беспокойство. За долгие годы жизнь его обрела некоторый ритм: приход, творение и стирание. Что-то вроде: сон — пробуждение — потягивание. Или: еда — переваривание — очищение; цикл, гармонирующий с током крови в жилах и циркуляцией воздуха в легких. Он научился презирать слишком долгое пребывание на одном месте и откладывание ухода, ибо они — родоначальники самодовольной рутины, коей следовало избегать любой ценой. Странствие — случайное, незапланированное, в одиночку — вот что дает наслаждение.

Однако сейчас возникла угроза его прежнему образу жизни. Доброжелательное окружение и солидность длинной черной стены снова пробуж-

[208] Сноски: 208

Натараджа — один из самых популярных иконографических образов Шивы.

дали в нем обычные источники человеческих печалей: стремление к постоянству, к корням, к чему-то, что он мог бы назвать своим, к чему-то неизменному. Разрываясь между желанием уйти и желанием остаться, он продолжал работать, чувствуя себя не в своей тарелке, растерянный и недовольный. Свами Даянанда, Свами Вивекананда, Богородица Фатимская, Заратустра и множество других святых заняли свои места на стене — места, предопределенные им уличным художником, и все вместе ждали неопределенного будущего.

Глава тринадцатая

I

Вой сирены воздушной тревоги врывался в банк через открытые окна. Теперь для Густада эти повышающиеся и понижающиеся завывания были предвестием лучших времен, когда он освободится наконец от леденящего душу ощущения надвигающейся катастрофы, — в отличие от предыдущего периода, когда они знаменовали ее неизбежный приход. Сегодня на рассвете он вознес особую благодарственную молитву: Дада Ормуз, спасибо за то, что отвел от меня беду. И за Рошан, которой стало намного лучше, наконец-то ее щечки снова порозовели.

Утро пролетело быстро. Встретившись с Диншавджи, он передал ему очередную пачку.

— Что нового, Диншу? Что там с пакистанцами?

Диншавджи поднял обе руки ладонями кверху.

— Кто знает? Я еще не видел газет. — Он встал, и Густад обратил внимание на его живот. Вон оно, то, что он замечал в последние дни: вздутие, словно что-то росло у него внутри. Он отвернулся, прежде чем Диншавджи успел перехватить его взгляд.

Диншавджи с трудом потащился в туалет, было видно, что каждый шаг дается ему с болью. Хоть он и прекратил свою клоунаду, люди по-прежнему, здороваясь с ним по утрам или интересуясь его состоянием, ждали от него шуток. Они были готовы смеяться, но теперь у него для всех был один ответ: «Да так, ничего, скрипит пока еще моя тележка». Поначалу многие думали: поскольку это исходит от Диншавджи, это должно быть смешно, вероятно, какой-то тонкий юмор под маской невозмутимости. Они никак не могли отделаться от привычного восприятия Диншавджи как жизнерадостного, острого на язык человека, поэтому фыркали или широко улыбались и похлопывали его по плечу.

Но поскольку он день за днем повторял свою присказку про тележку, в конце концов пришлось признать очевидное. Теперь коллегам хотелось сжать ему руку, утешить, но утро за утром им удавалось выдавить из себя лишь: «Ну, как ты, Диншавджи?», и его ответ болью отдавался в их сердцах.

Правду о болезни Диншавджи Густад заподозрил еще тогда, в день рождения Рошан. Но когда она стала известна всем в банке, показалось, будто она усугубилась во сто крат, в соответствии

с неким неизвестным извращенным законом физики, согласно которому тяжесть бремени растет прямо пропорционально количеству людей, его несущих. Он молился за Диншавджи каждое утро. Его совесть точило сознание, что он несет ответственность за состояние друга, поскольку это он заставил его отказаться от обычного балагурства. В конце концов, если Рошан могло стать лучше благодаря кукле, может, и Диншавджи могло стать хуже из-за того, что ему пришлось отказаться от своих игр. Но кроме вины он испытывал еще и стыд, потому что в его молитвах имелся и эгоистический мотив: если Диншавджи перестанет ходить на работу, пополнение депозита остановится и, следовательно, отсрочится избавление от спрятанного в кухне пакета.

Вечером уличный художник, от чьих сомнений и беспокойства не осталось и следа, счастливо насвистывал «Ты мое солнышко». Поприветствовав Густада, он сообщил, что сегодня под изображением Сарасвати кто-то оставил букетик цветов:

— Не иначе как просил об успешной сдаче экзамена.

— Это значит, что уважение к стене растет благодаря вашим чудесным рисункам, — сказал Густад.

Художник скромно улыбнулся, склонив голову, и ответил, что за несколько последних дней прохожие оставили достаточно денег, чтобы он смог купить новую одежду и пару обуви, так что скоро он собирается пойти в магазин. Густад осмотрел новые изображения и вошел в ворота, насвистывая подхваченный у художника популярный мотив. На ступеньках крыльца стояла Дильнаваз, ругавшаяся и шикавшая на детей, чтобы они не шумели и шли играть в дальний конец двора. Он сразу перестал свистеть, во рту у него пересохло. Он ускорил шаг.

— Опять началось, — сказала Дильнаваз. — Очень жидкий стул, кажется, даже хуже, чем было.

Он бросил портфель на стол. Неоперившаяся робкая надежда, которую он лелеял весь день, улетела, взмахнув крыльями. Как те воробьи, что чирикали на одиноком дереве во дворе, но тут же взлетали, стоило «королю дорог» стрельнуть выхлопом, Густадова надежда, сделав круг у него над головой, скрылась. Если бы было возможно подпрыгнуть и схватить ее на лету!

— Она спит?

— Нет. Глупые дети так шумят во дворе…

Он подошел к постели Рошан и склонился над

дверью-боковиной, чтобы поцеловать дочку в лоб. Кукла лежала рядом с ней, разодетая в свой свадебный наряд, который сейчас казался скорее погребальным. У Густада по спине пробежали мурашки. Он приподнял голову куклы, чтобы она открыла глаза, и прислонил ее к спинке кровати.

— Вот, — сказал он, — пусть присматривает за тобой, пока ты спишь. Если она сама будет весь день спать, то станет ленивой и толстой, как дочка идиота-собачника.

Он сжал ручку Рошан, потом вернулся в столовую.

— Я пойду к врачу, Рошан незачем таскать к нему. Пусть он направит нас к специалисту. — Дильнаваз налила ему чашку чаю на дорогу. Он расшнуровал туфли и положил ноги на чайный столик. — По крайней мере, теперь ясно, что это не из-за воды, — сказал он. — Ты ведь кипятишь ее каждый день.

— Кто знает? Если уж вирус попадает в организм…

— Так ты по-прежнему хочешь, чтобы виноватым был я? Прекрасно! — Он снова завязал шнурки и демонстративно вылил чай в раковину.

Она пожалела о своих словах. Было бы дурной

приметой, если бы после них он ушел сейчас, не взяв ничего в рот.

— Ладно, — сказала она, — тебе противна я и противен мой чай, но выпей хотя бы воды перед уходом.

— Пей ее сама. — Он знал о ее склонности к суеверию и хотел заставить ее помучиться.

После его ухода Дильнаваз задумалась: стоит ли проконсультироваться с мисс Кутпитьей? Ухудшение, последовавшее за относительным выздоровлением, было необъяснимо.

Но тут послышался звонок в дверь. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы узнать Диншавджи. Она была поражена тем, как он изменился со дня рождения Рошан. В любом случае она не была настроена выслушивать его дурацкие шутки и постаралась поздороваться с ним как можно сдержанней:

— Сахибджи?

Однако, как выяснилось, опасалась она зря. Человек, стоявший перед ней с газетой под мышкой и пухлым конвертом в руке, был совсем не тем человеком, который смеялся и пел тем вечером, пил пиво, декламировал стишки и проделывал всякие фортели, страшно ее раздражавшие.

— Простите за беспокойство, — очень тихо

сказал он. Так же тихо кудахтала среди ночи курица, которую Густад принес с базара, подумала она. — Могу я поговорить с Густадом? Это очень важно. — Голос его дрожал, и слезящиеся глаза нервно бегали, пока он суетливо перекладывал газету из одной подмышки в другую.

— Он ушел минуты две назад. — Ее намерение с ходу осадить его холодным взглядом и острым языком само собой рассосалось.

— Ушел? — Гость выглядел так, будто вот-вот заплачет. — О-о-о! Что же мне делать? — Он принялся вертеть и дергать пуговицу на рубашке. — Это очень, очень важно.

Его растерянность растопила остатки сопротивления Дильнаваз.

— Входите, — сказала она. — Если он еще на остановке, я верну его.

— Нет-нет-нет. Я не могу доставлять вам столько хлопот.

— Не волнуйтесь, остановка — прямо напротив нашего двора. Просто зайдите и посидите на диване, *бабá.*

Словно убоявшись прозвучавшего в ее голосе нетерпения, он быстро прошел к дивану.

— Спасибо, благодарю вас. Простите за беспокойство, пожалуйста, извините. — Пробираясь

мимо чайного столика, он задел его коленом и сморщился. Пока Дильнаваз звала Темула, он, подтянув штанину, осмотрел место ушиба.

— Какапоживаетеуменявсехорошоспасибоочень вкусныйсок, — затараторил Темул.

— Быстро беги к остановке. Если Густад там, попроси его вернуться. Скажи, что это очень важно. Быстрей! — Оставив дверь открытой, она вошла и направилась к дивану, чтобы посидеть пока с Диншавджи.

Но тот был уже не один. Его робкий шепот проник-таки в дальнюю комнату и разбудил Рошан, она узнала папиного гостя, того, что так смешил ее и сделал ее день рождения таким веселым, пока все не испортила шумная ссора. Теперь она сидела вместе со своей куклой на диване рядом с Диншавджи и ждала, что сейчас он снова начнет проделывать всякие забавные штучки.

— Хотите что-нибудь выпить? — спросила его Дильнаваз.

— Нет-нет. Я и так уже доставил вам слишком много хлопот.

Она принесла стакан воды, от которого несколько минут назад отказался Густад.

В дверях появился Темул.

— УехалуехалГустадуехал. АвтобусуехалГуста-

дуехал.

— Уехал? — беспомощно повторила Дильнаваз.

— Уехалуехалуехал.

— Мне очень, очень важно с ним поговорить, — нервно сказал Диншавджи, все туже и туже скручивая газету. Он был на грани отчаяния; Дильнаваз не могла отпустить его просто так.

— Он поехал к доктору по поводу Рошан. Это ненадолго.

— Сколько у вас из-за меня хлопот, — смущенно повторил он, но явно испытал облегчение оттого, что ему позволили подождать.

Темул медленно перетащил через порог свою искалеченную ногу. Его глаза, прикованные к кукле, блестели.

— Пожалуйстапожалуйста. Позвольтемнепотрогатьпожалуйста. Толькоодинразпожалуйста.

— Нет! — Рошан прижала куклу к себе, обхватив за талию.

Диншавджи улыбнулся.

— Такая маленькая девочка и такой громкий голос.

— Темул, — сказала Дильнаваз, — иди, поиграй во дворе.

Он остановился. Его нижняя челюсть задвига-

лась, как будто он хотел возразить, но слов так и не нашел, и жаловаться было некому. Он ушел. Ветер сорвал с мелии листок, и он, грациозно кружа, падал на землю. Парнишка попробовал поймать его: сначала двинулся налево, потом направо и наконец завертелся на месте, споткнулся и упал. Дильнаваз вздохнула и закрыла дверь.

— Голос у тебя совсем не больной, — сказал Диншавджи, обращаясь к Рошан. — Как громко ты сейчас крикнула!

— Не сглазьте, — сказала Дильнаваз, стуча по деревянному чайному столику одной рукой, а другой делая то же самое, зажав в ней ладошку Рошан. Диншавджи послушно последовал ее примеру.

— Ну, Рошан, — сказал он, — давай еще раз послушаем твой голос. — Девочка смущенно улыбнулась и стала суетливо поправлять фату на кукле. — Как насчет коротенькой песенки? Вас наверняка учат петь в школе. Ну, давай, пожалуйста, — стал упрашивать он.

Она замялась, а потом, к удивлению Дильнаваз, сказала:

— Мы каждое утро перед уроками поем «Два маленьких глаза».

— Замечательно, — отозвался он. — Я мечтаю

послушать. Спой так, как вы поете в школе.

— Хорошо, — сказала Рошан и тихо пропела:

Два маленьких глаза, чтоб видеть Бога,

Два маленьких уха, чтоб слышать Его,

Две ручки, чтобы трудиться, их не покладая,

Две ножки, чтоб следовать Его путем.

Свое пение она иллюстрировала действиями, которым научила их учительница: прикасалась пальцами к глазам и ушам, вытягивала вперед руки, указывала на ноги.

Диншавджи зааплодировал.

— Очень хорошо, очень хорошо. А что еще вы поете перед уроками?

Девочка встала и, хлопая в ладоши, раскланиваясь на все стороны, запела:

Доброе утро! Доброе утро!

Мы вместе всегда и везде,

Под солнцем и при дожде,

В игре и в работе мы вместе везде,

Пусть будет счастливым наш день!

— Браво, браво! — сказал Диншавджи, взяв

куклу за руки и хлопая ими.

— Ну, хватит петь, — сказала Дильнаваз, — а то ты устанешь. — Она пошла на кухню, проверить, готова ли картошка, а вернувшись, застала дочку с гостем играющими в *Аррунг-Даррунг*[209] распластанными на чайном столике ладонями. Диншавджи считал пальцы, и, когда доходил до конца, Рошан кричала: «*Bhum dai nay bhoski!*»[210] Это было знаком к тому, чтобы оба вскинули руки вверх, а потом шлепнули ими по столу, притворяясь, будто свалились на месте.

— Рошан, ты уже слишком большая, чтобы играть в такие игры, — сказала Дильнаваз. — Мы играли в это, когда тебе было года четыре или пять. — Про себя она, однако, заметила, что немного завидует.

— Она играет в эту игру ради меня, — сказал Диншавджи. — Я еще достаточно маленький. А теперь мы поиграем в *Какерья Кумар*[211].

Они уперлись в стол кулаками — кулак Диншавджи внизу, на нем кулак Рошан, потом опять

---

[209] Сноски: 209
Детская игра, в которую играют, переплетая пальцы.

[210] Сноски: 210
Выкрикивание в духе «Раз, два, три — старт!».

[211] Сноски: 211
Детская игра на воображение.

Диншавджи и сверху снова Рошан — и начали играть в вопросы-ответы. «*Kaakerya Kumar, kelto bhaar?*» — «*Munno bhaar*». — «*Ek uteri nay bagalma maar*»[212]. По очереди стараясь заставить партнера страшными угрозами убрать свой кулак и спрятать его под мышкой, они швыряли друг в друга воображаемыми стульями, шкафами, кроватями, машинами, грузовиками, пока воображаемая же боль не становилась настолько сильной, что один из них сдавался. Развязка наступила, когда нижний кулак Диншавджи, выдержавший все угрозы, включая зловещий огонь Мелкого Бога, еще оставался на столе, но Рошан запустила в него всепожирающим пламенем Большого Бога, и Диншавджи отдернул кулак, завопив от боли:

— О, я горю, горю! Горю в огне Мотта Дададжи!

Даже Дильнаваз не удержалась от смеха при этой его выходке, но тут же настояла, чтобы Рошан вернулась в постель.

— Еще только одну игру, мамочка, пожалуйста, — вымолила девочка, принесла свою колоду

[212] Сноски: 212

«Какерья Кумар, будешь играть?» — «Буду играть». — «Один ответ меня не уничтожит» (*хинди*).

карт, и они стали играть в *Екка-Пер-Чар*[213]; Рошан громила Диншавджи до тех пор, пока не стала совсем сонной и сама не прекратила игру. В кровать она отправилась с улыбкой, оставив куклу на диване.

Как только она ушла, волнение и нервозность снова охватили Диншавджи. Он опять принялся сворачивать-разворачивать газету. Края ее уже обтрепались, а его липкие руки покрылись черными пятнами типографской краски.

[213] Сноски: 213
«Один к четырем» — карточная игра, аналог «Румми».

II

Густад настоял, чтобы фармацевт немедленно сообщил доктору Пеймастеру о его приходе: у него неотложный случай. Он ждал возле маленькой кабинки в небольшом кладовом помещении, среди склянок из зеленого стекла, вонючих порошков и коробочек с разными фармакологическими параферналиями. Бог знает сколько времени не используемое, все это было покрыто пылью. Зачем он все это хранит, притом что использует только стандартные четыре-пять лекарств? А еще называет себя врачом. И почему мы продолжаем ходить к нему?

Из кабинета вышел находившийся там пациент, и сквозь матовое стекло было видно, что доктор направился к кабинке. После целого дня общения с дураками и безрассудными вояками доктор Пеймастер пребывал в дурном расположении духа. Все утро он потратил на то, чтобы убедить соседей, что заставить муниципалитет что-то починить и улучшить можно только через демократические процедуры — петиции, избирательные урны или судебные процессы. То, что канализационные трубы смердят, еще не явля-

ется основанием для того, чтобы опускаться до помоечного уровня беспорядков, чинимых правящей партией, или устраивать массовые протесты, чтобы запугать муниципалитет. В конце концов они согласились испробовать его методы борьбы. Однако после их ухода ему пришлось целый час спорить с газовой компанией о замене газового баллона, пытаясь объяснить идиотам, что, если он не сможет зажигать горелки и стерилизовать инструменты, амбулаторию придется просто закрыть. Но эти кретины ничего не понимают. Как страна сможет вести войну при таком уровне управления? — недоумевал он.

То, что сказал Густад, тоже настроения ему не улучшило.

— Надеюсь, вы строго следовали моим предписаниям? Или что-то в них меняли? Не давали больше энтеровиоформа? Или сульфагуанидина? Я знаю, как вы их любите. — Его ворчливость удивила даже фармацевта. — Но самая большая проблема знаете в чем? Каждый хочет быть врачом. Хуже того, каждый считает, что он и есть врач.

Вскоре Густад ушел с новым списком таблеток. «Как он смеет говорить такие вещи?! Пользуется тем, что мы знакомы уже много лет. Что он о себе

возомнил? Сначала говорил — вирус, теперь — колит. Легко ему бросаться новыми диагнозами. Врачи думают, что все остальные — тупицы».

К тому времени, когда проходил мимо «Птичника», он уже широко зевал, прилагая огромные усилия, чтобы остаться на плаву в буре собственных мысленных нападок на доктора Пеймастера. В Доме было временное затишье. Здесь, как и в любом бизнесе, дела шли с чередованием приливов и отливов. Паанвала Пирбхой, отдыхая в ожидании нового наплыва клиентов, расставлял и переставлял свои подносы и баночки. Когда Густад поспешно шел мимо, хромая больше обычного, он не удержался и окликнул его:

– *Аррэ*, джентльмен, привет, как дела?

Густад подумал, что его пытается завлечь один из множества сутенеров, то и дело шнырявших около входа, потому что Пирбхой повторил любимую форму приветствия этих субъектов с тонкими, как карандаш, усиками, щедро набриолиненными волосами, кричащими шейными платками и заискивающими улыбками, субъектов, которые не упускали ни малейшей возможности подкатиться к потенциальному клиенту. Несомненно, Пирбхой подхватил эту формулу у них. Густад обернулся, увидел, как он

ему машет, и понял свою ошибку.

— Привет, джентльмен! Вы не мистера Мохаммеда снова ищете?

— Нет-нет, все в порядке. Эта проблема теперь улажена. — Что еще он мог сказать об этом негодяе? И о чертовом Билимории?

— Гулямбхай был здесь как раз сегодня утром, — сказал Пирбхой. — Он выглядел очень озабоченным и расстроенным. Я спросил его, что случилось, но он ничего не ответил. Вы не знаете, что произошло?

Густад покачал головой и продолжил свой путь.

— Постойте, постойте, — снова окликнул его Пирбхой. — Я сделаю *паан* для вашей ноги. Он укрепит ваши кости. Вы не будете больше хромать.

— Нет необходимости. Все хорошо.

— Нет, *хузор*[214], не хорошо, — не сдавался паанвала. — Я же вижу, как сильно вы хромаете: вверх-вниз и из стороны в сторону — вихляете, как катер, отчаливающий от «Аполло Банде-

[214] Сноски: 214
Хузор — уважаемый, господин (*хинди*).

ра»[215] в сезон муссонов.

Густад убрал паруса, выпрямил курс и, сделав несколько шагов, продемонстрировал твердость походки.

— Видите? Все в порядке.

— О да. Теперь вижу. Значит, проблема не в ногах, а в голове. И для этого у меня тоже есть *паан.*

Не ожидая согласия, он быстро принялся за дело, открывая банки, обрезая лист, измельчая орех.

Почему бы и нет, подумал Густад.

— Ладно. Только что-нибудь не слишком дорогое.

— У всех моих *паанов* разумная цена. У всех, кроме одного. Но этот вам понадобится, только если вы соберетесь посетить Дом.

— Вы все еще делаете *палунг-тоде*?

— Пока существуют на свете мужчины, будет существовать и *палунг-тоде*.

Как он постарел, отметил про себя Густад. Крупные руки Пирбхоя не утратили мастерства и сноровки, но пальцы стали узловатыми, а ногти

---

[215] Сноски: 215

«Аполло Бандер» (позднее пирс Веллингтона) был одним из главных причалов для пассажирских и грузовых судов в Бомбее/Мумбаи в конце XIX века. Старое название было популярно среди индийцев и до сих пор используется.

пожелтели, как старый газетный шрифт.

— Я с самого детства помню вас продающим здесь *пааны.*

— О да. Я тут давно.

— Можно спросить, сколько вам лет?

Пирбхой рассмеялся.

— Если вы можете сосчитать все годы, отпущенные мне до дня моей смерти, и вычтете из них годы, которые мне до него еще остались, вы получите мой нынешний возраст. — Он сложил лист бетеля и подвернул уголки.

— Попробуйте и скажите, как вам.

Густад широко открыл рот и запихал в него *паан,* который еле там помещался.

— Очень славно, — неразборчиво пробормотал он. — Сколько?

— Всего одна рупия.

Перед тем как сесть в автобус, Густад выплюнул половину. На вкус это была смесь сладкого с кислым, немного острым, а еще терпким и горьковатым. Во рту начало появляться необычное ощущение.

Подходя к Ходадад-билдингу, он избавился от остатков *паана.* К этому времени онемение распространилось и на его сознание, что отнюдь не было неприятно, однако мешало думать о советах

доктора Пеймастера. Он открыл дверь ключом.

— Диншавджи? Что привело тебя сюда?

— Прости за беспокойство, — пробормотал гость. — Это очень важно.

Дильнаваз заметила красноту на губах Густада, учуяла горьковато-сладкий запах и возмутилась:

— От тебя ужасно пахнет! Ведешь себя как *миа ланда*![216]

— Извини, Дильну, дорогая, — слабо произнес он и отправился в ванную, где прополоскал горло и почистил зубы с пастой, это помогло устранить красноту и запах. Но онемение продолжало окутывать его мозг, когда он вернулся в комнату.

— Что сказал врач? — спросила Дильнаваз. — И с чего ты вдруг решил жевать *паан*?

— Паанвала Пирбхой сказал, что это будет полезно для моей ноги. — Он потер лоб. — Можно чашку чая?

— Вы, мужчины, как дети. Столько глупостей делаете. — Она вспомнила, как он вылил чай в раковину. — На сей раз ты уверен, что тебе хочется чаю? — Однако Густад был слишком далеко, чтобы уловить сарказм, и просто покорно кивнул. — Так что сказал врач?

---

[216] Сноски: 216
Мусульманин, член секты индийских душителей-тхагов.

— Наговорил всякого дурацкого вздора. Что мы не соблюдаем как следует режим отдыха и диету. Он нас во всем винит! Хочет положить Рошан в больницу. Всем известно, что случается в больницах: всякие ошибки и накладки — то не тот укол сделают, то лекарства перепутают.

Диншавджи согласно кивнул.

— В больницу можно ложиться, только когда ты готов умереть, вот что я всегда говорю.

— Совершенно правильно, — подхватил Густад. — *Бас*[217], когда врачи не знают, что делать, они отфутболивают пациента в больницу. Хотел бы я знать, кто на свете лучше будет заботиться о моей Рошан, чем я. У меня от него мозги вскипают!

— Несколько месяцев тому назад мой врач захотел положить меня в «Парси дженерал»[218]. Я сказал ему: никаких генералов[219] и даже фельдмаршалов. Но моя Аламаи встала на его сторону. Мне ничего не оставалось — я лег. Было бы в сто

---

[217] Сноски: 217
Хватит, стоп (*хинди*).

[218] Сноски: 218
Больница общего профиля парсийской общины в Бомбее/Мумбаи.

[219] Сноски: 219
Слово general (*англ.*) имеет как значение «общий, общего профиля», так и значение «генерал».

раз лучше остаться дома.

Дильнаваз принесла три чашки. Диншавджи ждал, продолжая скручивать и раскручивать газету. Ошметки с ее краев уже свисали тонкой бахромой.

Густад глотнул обжигающе горячего чая.

— Осторожно, осторожно, — предостерегла его Дильнаваз. — А то у тебя и кровь вскипит. Он не слушает, когда я ему говорю, что вредно пить чай таким горячим и крепким, — сказала она, обращаясь к Диншавджи. — От этого бывает рак желудка. — При этих словах Диншавджи вздрогнул. Он пил очень медленно, потому что чашка дрожала у него в руке. — У отца моей свояченицы тоже была такая привычка, — продолжала Дильнаваз, — пить чай, как только он вскипел, прямо с огня. К пятидесяти годам вся слизистая его желудка была сожжена. Им приходилось кормить его внутривенно. К счастью, бедняга недолго промучился.

Густад попросил еще чашку.

— Диншавджи ждет, — напомнила ему жена, — у него к тебе что-то важное.

— Рассказывай, Диншавджи, я слушаю.

Дрожащими руками Диншавджи развернул газету и передал ее Густаду вместе с пухлым

конвертом. Густад узнал конверт и мгновенно вскочил.

— Ты с ума сошел? Почему ты не положил их на счет?

— Пожалуйста, прочти, — взмолился Диншавджи, чуть не плача, — и все поймешь.

Заметка была очень короткой, заголовок гласил: «ГНЕЗДО КОРРУПЦИИ В НАК». Густад издал звук, похожий на всхлип.

«Действуя совместно на основе анонимной информации, ЦРУ и городская полиция вчера арестовали в столице страны офицера Научно-аналитического крыла Джимми Билиморию по обвинению в мошенничестве и вымогательстве».

Он недоверчиво повернулся к Диншавджи, чувствуя, как онемение от *паана* возвращается, ледяными пальцами стискивая мозг.

— Это невозможно! Что за бред?

— Пожалуйста, читай, — снова взмолился Диншавджи, но Густад уже и так опустил глаза в газету.

«В отчете полиции приводятся следующие факты, основанные на признании обвиняемого. Несколько месяцев тому назад, в Нью-Дели, мистер Билимория, имитируя голос премьер-ми-

нистра, позвонил в Национальный банк Индии и назвался Индирой Ганди. Он приказал главному кассиру изъять из банковского резерва шесть миллионов рупий и передать их человеку, который представится уполномоченным Бангладеш. На следующий день мистер Билимория, на сей раз в обличье бангладешского представителя, встретился с главным кассиром и получил от него шесть миллионов рупий.

Далее в полицейском отчете утверждается: мистер Билимория признался, что совершил это мошенничество с целью оказания помощи партизанам в Восточном Пакистане. "Мукти-Бахини — отважные борцы, — согласно этому отчету, написал офицер НАК в своих признательных показаниях, — и я устал наблюдать, как бюрократы тянут резину". Он утверждает, что идея принадлежала лично ему, и винить во всем следует его пылкое стремление помочь Мукти-Бахини.

Комментарий: хотя относящиеся к делу факты уникальны сами по себе, что поражает больше всего, так это еще более необычные обстоятельства, окружающие это в высшей степени изобретательное преступление. Например, даже если допустить, что мистер Билимория обладает незаурядным талантом голосовой

имитации, возникают вопросы: что же, в наших государственных банках рутинной процедурой является передача крупных сумм денег по звонку премьер-министра? Насколько высокое положение надо занимать в правительстве или Индийском национальном конгрессе, чтобы располагать возможностью делать подобные звонки? И значит ли это, что главный кассир настолько хорошо знает голос миссис Ганди, что по телефону принимает от нее указания без какой бы то ни было проверки? Если да, то должны ли мы предположить, что миссис Ганди осуществляет подобные операции часто? Все эти вопросы настоятельно требуют ответов, и пока ответы — ясные и полные — не будут получены, и без того пошатнувшееся доверие общества к нашим лидерам не может быть восстановлено».

Когда Густад закончил читать, Дильнаваз принесла ему вторую чашку чая, но он не удержал ее, чашка упала на пол, разбилась вдребезги, и горячая жидкость ошпарила ему ступню и щиколотку.

— Что случилось? Тебе плохо? — Она в панике пощупала ему лоб, опасаясь, что все это — последствия действия *паана.*

— Разумеется, со мной все в порядке, — раз-

драженно огрызнулся он. — Это ты уронила чашку. — Он даже не пошевелился, чтобы собрать осколки и вытереть ногу. — Джимми арестовали.

— Что?! — Она выхватила у него газету и села рядом с Диншавджи, который теперь выглядел гораздо спокойней.

«Интересно, что он обо всем этом думает?» — вертелось в голове у Густада.

— Поверь мне, Диншу, я понятия не имел, иначе ни за что бы не ввязался сам и никогда не попросил бы тебя…

— Об этом и речи нет, — мягко прервал его Диншавджи. — Сомневаться в тебе мне бы и в голову не пришло.

— Он лгал. Майор Билимория лгал с самого начала. Лгал обо всем! Мне!

— Да, но что нам делать теперь? — спросил Диншавджи.

— Мы так рисковали! Из-за его ворованного миллиона. Ради чертова жулика. Считая, что делаем хорошее дело!

— Да-да, Густад, — спокойно сказал Диншавджи, — но теперь мы ничего не можем изменить.

Fait accompli[220]. *Jay thayu tay thayu*[221]. Теперь надо подумать, что делать с деньгами.

— Диншавджи прав, — сказала Дильнаваз, удивленная тем, как здраво тот мыслит.

— Я бы хотел сжечь их все. Как идиот-собачник сжег газеты, — с горечью ответил Густад.

— Думаю, прежде всего надо прекратить класть деньги на депозит, — продолжал разумно рассуждать Диншавджи.

— А как же быть с теми деньгами, которые уже лежат на счету?

— Пусть там и лежат. Возможно, Гулям Мохаммед свяжется с тобой. Или ты можешь связаться с ним.

— Но, вероятно, он тоже в тюрьме, — вставила Дильнаваз. — Мы не знаем, насколько глубоко он вовлечен во все это. Может, нам пойти в полицию?

— Гулям Мохаммед не в тюрьме, — возразил Густад. — Паанвала Пирбхой сказал мне, что видел его сегодня и что он был очень расстроен и озабочен. Неудивительно. Да, он определенно замешан в этом. Идти в полицию слишком риско-

---

[220] Сноски: 220
Свершившийся факт (*фр.*).

[221] Сноски: 221
Что случилось, то случилось (*гуджарати*).

ванно для нас. Вы же знаете, какой это опасный человек.

— Опасный? — удивился Диншавджи.

— Конечно, — ответил Густад, но вовремя вспомнил, что другу ничего не известно о кошке и бандикоте. — Ну, я так думаю.

— Я все еще не могу поверить, что наш Джимми мог совершить что-то бесчестное, — вздохнула Дильнаваз.

— Люди меняются, — сказал Густад. — В своих признательных показаниях он утверждает, будто деньги предназначались для партизан. Тогда зачем он послал миллион мне? Руку даю на отсечение, что здесь имеет место какое-то мошенничество. И что́ это за партизанский канал связи: из Дели через Чор-базар в Ходадад-билдинг?

— Ты прав, — согласился Диншавджи. — Но мы не знаем всего. И, думаю, автор статьи задал правильные вопросы. Все говорят, что Индира и ее сын-автопромышленник замешаны во всякого рода мошенничествах, что у них счета в швейцарских банках и все такое прочее.

— Это правда, — подхватила Дильнаваз. — Говорят кое-что еще и похуже. Ну, насчет того, как умер Шастри.

— Я помню, — сказал Диншавджи. — Это было

тогда, когда мне удаляли желчный пузырь, почти шесть лет тому назад. Я лежал после операции и услышал это по радио.

— Да, — снова подхватила Дильнаваз. — А до того, еще при жизни ее отца, была история с бедным Ферозом Ганди. Неру никогда его не любил.

— Это была трагедия, — сказал Диншавджи. — Даже сегодня говорят, что сердечный приступ Фероза на самом деле не был сердечным приступом.

Густад рассердился.

— Какое отношение все эти слухи и сплетни имеют к майору? Он *меня* обвел вокруг пальца! Если политики — негодяи и плуты, как это меняет то, что сделал Джимми?

Диншавджи понял, что ему пора уходить. Он пожал руки им обоим.

— Мне жаль, что я принес столько дурных новостей, — сказал он и побрел к выходу.

— Напротив, спасибо, что пришел. Если бы не твоя газета, мы бы об этом никогда не узнали, — сказал Густад.

После ухода Диншавджи он какое-то время сидел на диване, теребя фату на кукле.

— Моя *bakulyoo* сегодня забыла взять куклу с собой в кровать. — Потом он встал и подошел к

окну. — Иногда я думаю: кто наслал на нас такое злое проклятье? И сколько будет продолжаться это *punoti*?[222]

Темул увидел его фигуру, вырисовывавшуюся на фоне окна.

— Густад. ПожалуйстаГустадпожалуйста. Онинеразрешилимнепотрогатьниразу. Пожалуйстапожалуйста. Толькоодинразтолькоодин.

Густад поднял руку, слабо махнул ею и задернул занавеску, сегодня у него не было времени на сочувствие. Снаружи послышались всхлипывания и шмыганье носом, потом — звук шагов: первый — легкий, за ним тяжелый, а потом перемежающееся шарканье волочившейся ноги, которое постепенно затихало, пока не смолкло совсем.

---

[222] Сноски: 222
Несчастье, невезение (*хинди*).

Глава четырнадцатая

I

Приближаясь к перекрестку, Густад увидел на фоне темнеющего неба сверкающие на фасаде кинотеатра огни рекламного щита. Лампочки синхронно вспыхивали вокруг гигантского изображения героя и героини, стражей вечернего городского хаоса; за ними маячил бородатый злодей со зловеще искривившимися губами.

Возле молочного киоска «Аари колони»[223] трое мальчишек в замызганных жилетках и маленькая девочка в дырявой рубашке до щиколоток ковырялись в проволочных сетках, осматривая использованные бутылки. Отгоняя их, продавец кричал, чтобы они оставили бутылки в покое.

— Только мешают торговле, — бормотал он, — пялятся своими глазищами, как будто никогда в жизни молока не видели.

Дети дождались, когда он отвлекся на покупателя, и снова пробрались к киоску. Продавец услышал позвякивание бутылок. Он тихонько

---

[223] Сноски: 223

Aarey Milk Colony — крупная молочная ферма, расположенная в Аари, пригороде Бомбея/Мумбаи, который является самой важной зеленой зоной вокруг города.

открыл заднюю дверь и выскочил наружу как раз в тот момент, когда Густад дошел до угла.

Мальчишек как ветром сдуло, а девчушку он поймал за рукав.

– *Budtameez*![224] — сказал он и стукнул ее по голове. — Не хочешь слушаться по-хорошему?! — Еще удар. Девчушка завизжала и стала вырываться. Мальчишки беспомощно наблюдали, стоя в стороне. Мужчина поднял руку, чтобы нанести третий удар, но она так и осталась занесенной. Густад схватил его сзади за воротник, и от неожиданности мужчина ослабил хватку. Мальчишки захлопали, а девочка быстро отбежала на безопасное расстояние. Густад развернул мужчину лицом к себе.

— Стыда у вас нет, такой здоровый осел и бьет крохотную девочку!

— Да надоели они за целый день, — заныл продавец. — Отпугивают покупателей, выхватывают у них бутылки, не успевают они их даже поставить. — Густад отпустил его воротник. Девочка с благодарностью наблюдала из надежного места, вытирая нос рукавом. Какая же она маленькая и хрупкая. Даже более худенькая, чем Рошан. —

---

[224] Сноски: 224
Грубиянка, хамка (*урду*); дословно: bud — плохой и tameez — манеры.

Люди предпочитают не останавливаться там, где копошатся попрошайки, — продолжал продавец. — А если я не продам столько, сколько мне положено, этот киоск закроют. И что мне тогда делать?

— Дайте мне одну бутылку, — рявкнул Густад, доставая бумажник.

— Какого? Шоколадного, мангового, фисташкового, простого?

Густад подозвал девочку.

— Иди сюда, детка. Какое молоко ты любишь?

Она застенчиво пожала плечиками. Он настоял, чтобы она сама выбрала, и она наконец робко пробормотала:

— Простое белое.

Продавец недовольно поставил перед ней бутылку, сунув в нее соломинку. Сделав несколько глотков, девчушка позвала мальчиков и протянула бутылку им.

— Стой, стой, что ты делаешь? — сказал Густад. — Молоко — тебе.

— Это мои братья. Они тоже любят молоко, — смущенно ответила девочка, опустив глаза и чертя что-то в пыли пальцем ноги.

— А! — понял Густад. — А вы какое любите?

— Шоколадное!

— Шоколадное!

— Шоколадное! — пулеметной очередью прострекотали мальчишки, а потом хором добавили: — Но любое подойдет.

— Три шоколадных, — сказал Густад продавцу. Он подождал, пока они все выпьют, опасаясь оставлять детей наедине с этим парнем, и ушел, только когда в соломинках послышалось пустое шипение. Ребятишки потащились за ним на некотором расстоянии, прыгая, толкаясь, начиная вдруг петь песенки из кинофильмов и не зная, как еще показать ему свою благодарность. Но в конце концов их поглотила толпа кинозрителей.

После перекрестка у кинотеатров толпа поредела. Торговый центр «Шины — Диски — Покрышки» убирал с тротуара свою уличную экспозицию. Автомеханики («Чиним все — местное и иностранное») уносили инструменты и запчасти с обочины и запирали машины. Возле «Птичника», как обычно, слонялись бездельники, пришедшие посмотреть на экзотических птиц в их скупом, хотя и пестром оперении. Настоящие посетители входили и выходили без колебаний.

— Привет, джентльмен! — сказал Пирбхой. — Сегодня нога в порядке?

— Да-да, все хорошо, — ответил Густад, упре-

ждая предложение нового *паана.* — Гулям Мохаммед приходил сегодня?

— Он и сейчас там, внутри.

— А я могу войти? Они не будут возражать?

— Женщины? *Аррэ*, они любят, когда к ним заходит мужчина. Гулямбхай на последнем этаже, прямо напротив лестницы.

Откуда-то, то ли из радиоприемника, то ли из магнитофона, неслась песня из старого фильма: «*Dil deke dekho, dil deke delkho, dil deke dekhoji…*» — «Попробуй отдать свое сердце, отдай свое сердце и увидишь…» — надрывался певец. Густад нерешительно вошел и проследовал по коридору, окутанный ароматами духов и тошнотворными запахами эфирных масел, смешанными с запахом тел. Женщины ждали клиентов, выпятив груди. Одна опустила руку и поддернула подол юбки так, чтобы обнажилось бедро. Густад мимолетно взглянул: нога волосатая. Он стал подниматься по лестнице. На следующей площадке мизансцена повторилась. Пупки и ложбинки на груди красовались в рамах дверных проемов. Одна женщина, в шортах («Секс-бомба», — гласил принт у нее на спине), поворачивалась в разные стороны, демонстрируя выпирающие под шортами «полумесяцы». Он скользнул взглядом, надеясь, что

тот выражал отсутствие какой бы то ни было заинтересованности. Нужно дойти до отчаяния, чтобы… Этой не мешало бы побриться. А у этой формы — как продолговатые *баатли*[225] манго. А у этой — как шины из автомагазина. Снаружи это место выглядит лучше, чем внутри. Но говорят, на Колабе[226] есть красивые проститутки высшего класса. Колабские девушки по вызову зарабатывают большие деньги на туристах с Ближнего Востока, арабах, которые обожают AC/DC[227], туда-сюда…

Комнаты, в которые ему удавалось мельком заглянуть, выглядели отвратительно убого. Кровать, на ней тонкий комковатый матрас — ни простыней, ни потолочного вентилятора, ни стула, ни стола. В одном углу — таз и маленькое зеркало. Где же душистые шелковые простыни, комнаты с кондиционерами, освежающие и алкогольные напитки — вся та роскошь, о которой трубили хозяева заведения? Где танцов-

---

[225] Сноски: 225
Сорт манго, дословно — бутылкообразный (*хинди*).

[226] Сноски: 226
Один из старых районов Бомбея/Мумбаи, расположенный на острове.

[227] Сноски: 227
AC/DC — аббревиатура от «переменный ток/постоянный ток» (*англ.* «alternating current/direct current»). В некоторых субкультурах AC/DC — сленговое обозначение бисексуалов.

щицы, в совершенстве владеющие искусством, наслаждение от которого, как говорят, способно свести мужчину с ума? От того, как двигались *эти* женщины, как они выставляли себя напоказ, у мужчины было столько же шансов сойти с ума, сколько выздороветь после операции на сердце, выполненной мясником с Кроуфордского рынка. Густад вскарабкался на третий, последний, этаж. Вот так всегда: все выглядит чудесным со стороны. А когда посмотришь вблизи — сплошное разочарование.

Песня закончилась и тут же началась сначала: «*Dil deke dekho, dil deke dekho, dil deke dekhoji…*» — наверное, очень уж кому-то она нравилась. Густад постучал в дверь напротив лестницы. Дверь приоткрылась. Он не знал бородатого мужчину, выглянувшего в щель. Потом мужчина заговорил, отворив дверь настежь:

— Мистер Нобл! Пожалуйста, входите. — Голос был знакомым. Теперь, по истечении нескольких месяцев после визита Густада на Чор-базар, Гулям Мохаммед избавился от повязки и обзавелся бородой.

Густад осторожно вошел. Комната была такой же, как те, в которые он мельком заглядывал, только вместо кровати здесь стоял письменный

стол. На стене позади стола висели портреты Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру в рамках.

— Садитесь, пожалуйста. Я вас ждал. Спасибо, что так быстро пришли. — Любезен и вежлив, как всегда, подумал Густад. Как будто ничего не случилось. — Вы прочли об этом в газете?

— Вчера, — подтвердил Густад.

— Должно быть, вы недоумеваете, что происходит. — Он слегка раскачивался, сидя на стуле, потом вдруг замер. — Это правда. Наш дорогой друг действительно в тюрьме. Но все остальное — ложь. Грязная ложь. Вы ведь знаете: все, что пишут в газетах, — неправда.

«Соль и перец, имбирь и чеснок», — припомнил Густад собственные слова о пропагандистских домыслах, которые, бывало, повторял Сохрабу.

— Я знаю, как следует читать газеты, — сказал он, — но тогда откройте мне правду вы. Зачем Джимми послал мне миллион и велел положить его на банковский счет? Скажите же мне правду. — Он чувствовал, как вскипает в нем гнев, хотя и знал, что с этим человеком нужно быть очень осторожным. — А также расскажите мне про кошку и гигантскую крысу с отрезанными головами под моим кустом.

Он очень внимательно наблюдал за реакцией,

но лицо Гуляма оставалось совершенно бесстрастным.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, мистер Нобл. У нас в НАК нет времени играть с кошками и крысами. Но вот что я вам скажу: у Билибоя есть враги. Вся эта история была состряпана людьми на самом верху, чтобы прикрыть собственные грехи. — Он наклонился ближе. — Я рад, что вы спросили про деньги. К несчастью, я не могу ответить на ваши вопросы. Билибой все расскажет вам сам в положенное время. А пока вам придется просто довериться ему.

— Думаю, я и так уже слишком ему доверился.

— Полноте, мистер Нобл, не следует сердиться на друга, когда он более всего в вас нуждается.

— Что вы имеете в виду?

— Его жизнь в опасности, — ответил Гулям Мохаммед. — Он… — «*Dil deke dekho*» потонула в поднявшихся криках и визгах. Гулям вскочил со стула и, выглянув в окно, проверил глухой переулок внизу, потом открыл дверь и прислушался. Женщины кого-то поносили — мужчину, судя по оскорбительным насмешкам, касающимся его мужских достоинств, которые они беспрерывно громко выкрикивали. Гулям, а за ним и Густад вышли на лестничную площадку. Воздух борделя,

насыщенный удушливыми ароматами эфирных масел, теперь заполонил еще и поток цветистых ругательств.

А потом сквозь весь этот гвалт прорвался безошибочно узнаваемый высокий голос, бурно тараторивший:

— Пожалуйстапожалуйстаодинразтолькоодинраз. Быстробыстропотереть. Пожалуйставозьмитеденьги. Дайтепотрогатьодинтолькоразприжатьпожалуйста.

— Поверить не могу! — сказал Густад.

— Во что?

— Этот голос! Это Хромой Темул, мы живем в одном доме. Несчастный парень с мозгами набекрень.

— Вы уверены?

Похоже, у него отлегло от сердца, отметил Густад.

— Абсолютно. Но что он здесь делает?

— То же, что и остальные мужчины, полагаю.

— Этого не может быть, он ведь — как ребенок. Кажется, его надо выручать.

Ссора на нижнем этаже была в разгаре. Гидравлическая Помпа, любимица механиков, с губами, красными как кровь, и глазами, черными как уголь, свирепо таскала Темула за ухо. Их плотно

окружали женщины, норовившие стукнуть его по голове, ущипнуть, дернуть за волосы. Они забавлялись этой игрой, оставаясь для него вне досягаемости, между тем как он пытался схватить кого-нибудь из них за грудь или залезть рукой под юбку.

— Пожалуйстапотрогать. Пожалуйстаодинразпотрогать. Возьмитеденьгипожалуйста. — Он протягивал круглую жестяную банку из-под сигарет, в которой звенели монеты, но никто не брал ее.

— Темул! — крикнул Густад. — Прекрати!

Жадные руки Темула вмиг опали. Он стал озираться в поисках своего любимого Густада и увидел его на середине лестничного марша.

— ГустадГустадГустад. — Он помахал ему своей жестяной банкой. Амазонка с кроваво-красными губами продолжала держать его за ухо. Прицельный удар выбил банку из руки Темула, она упала, открылась, и монеты — большей частью по двадцать пять пайс — раскатились по полу. Женщины вмиг замолкли.

— Что за бедлам вы здесь устроили? — грозно вопросил Гулям Мохаммед. — Это уважаемое заведение, а не какой-нибудь третьесортный

rundi-khana[228].

Женщины хором запротестовали:

— Мы не виноваты, этот парень…

— Он все время просит потрогать и…

— Нет такого закона, что мы должны задирать юбку перед каждым, кто может заплатить!..

— Говорят, что у сумасшедших они большие, как у лошади! Мы не желаем, чтобы нам причинили вред!..

Гидравлическая Помпа продолжала держать Темула за ухо, пока ее подруги изливали свое возмущение.

— Хватит! — рявкнул Гулям. — Я достаточно наслушался. Отпусти его ухо!

– *Аррэ*, он снова начнет хватать, он же совсем чокнутый! — сказала она скрипучим как наждак голосом.

— Не станет. — Гулям Мохаммед посмотрел на Густада. Как только Темула отпустили, женщины попятились назад. Он стоял неподвижно, с виноватым видом.

— Что все это значит, Темул? — укоризненно сказал Густад. — Что ты здесь устроил?

— ГустадГустадпростипростипожалуйста. — Он

---

[228] Сноски: 228
Публичный дом, бордель (*урду*).

наклонился, чтобы поднять свою банку. — Многоденегпропалопропало. Деньгичтобыпотеретьсябыстро быстро. Приятноприятновсепропало. — Он с несчастным видом заглянул в банку.

— Откуда у тебя деньги, Темул?

— Крысыкрысымертвыемуниципальные крысы.

Ну конечно.

— Все в порядке, — сказал Густад Гуляму Мохаммеду. — Я отведу его домой.

Темул бросился собирать монеты.

– *Чаало*[229], все марш по своим комнатам! — приказал Гулям. — *Тамааша*[230] окончена.

Женщины разбрелись, за исключением двух, оставшихся помогать Темулу собрать деньги.

Когда они пошли к паанвале Пирбхою, Темул сунул ладонь в руку Густада. Пирбхой уже знал про заварушку в Доме и согласился присмотреть за Темулом, пока Густад не закончит свои дела.

* * *

— Я уже сказал вам, что жизнь Билибоя в опас-

---

[229] Сноски: 229
Чаало — здесь: ну-ка (*хинди*).

[230] Сноски: 230
Тамааша — представление, шоу (*хинди*).

ности.

— Сначала вы сказали, что он в тюрьме, потом — что его жизнь в опасности.

«За кого он меня принимает?» — мысленно возмутился Густад.

— Я понимаю, что вы расстроены, мистер Нобл, — терпеливо продолжил Гулям. — Но пожалуйста, постарайтесь понять. Здесь замешаны люди с самого верха. Они могут сделать с Билибоем все, что захотят. В этой стране законы не распространяются на тех, кто наверху, вы же знаете.

— Ну, и что я могу сделать?

— Прежде всего деньги нужно отправить обратно.

— Разумеется. Но я уже положил на счет половину из них. Остальные пятьдесят пачек вы можете получить в любой момент.

— Нет, мистер Нобл, нужно все. Заберите вторую половину, если вы уже ее депонировали. — Теперь его голос звучал резче.

— А вы отдаете себе отчет в том, насколько сложно класть на счет и снимать со счета такие крупные суммы? Как это опасно. Это ведь нарушение закона.

— Но это лучше, чем перелом костей, мистер

Нобл.

«Это чьи кости он имеет в виду? — мелькнуло в голове у Густада. — И какой у этого мерзавца равнодушный голос».

— А вы отдаете себе отчет в том, как все это опасно для Билибоя? — продолжал между тем Гулям. — Чтобы заставить его сказать, где деньги, они применяют свои обычные методы. И единственная причина, по которой он им ничего не говорит, это нежелание навлечь беду на своих друзей.

И чему из этого можно верить? Как вообще можно теперь доверять ему или Джимми?

— Сейчас Билибой заключил с ними соглашение, — не останавливался Гулям. — Если деньги будут возвращены в течение тридцати дней, они больше не станут задавать ему никаких вопросов.

«Почем мне знать, что этот ублюдок не возьмет деньги и не скроется с ними? Но что, если Джимми действительно пытают?»

— Тридцать дней. Это невозможно. Я могу изымать только по одной пачке в день.

— Изымайте по две, мистер Нобл. — Внезапно на его лице появилась улыбка. — Иначе мне придется ограбить ваш банк. — Так же внезап-

но улыбка исчезла, а голос снова стал источать яд. — Чтобы помочь Билибою, я сделаю все, что потребуется. У вас тридцать дней, чтобы вернуть весь пакет.

Густад еще раз попробовал возразить, но этот человек был твердым как сталь.

— Если деньги не будут возвращены вовремя, все обернется очень плохо для *всех* нас, мистер Нобл.

Проклятый ублюдок. Я мог бы раздавить его одной рукой, но он знает, что я не посмею.

Они назначили дату возврата денег.

— Но если вы будете готовы раньше, — сказал Гулям, — приходите сразу же. Я буду здесь каждый вечер. — Он проводил Густада до двери. — Так, говорите, кто-то подкинул мертвую кошку и мертвую крысу под ваши кусты?

— Да.

«Одной рукой», — продолжало крутиться в голове Густада.

— Надеюсь, вы поймаете злоумышленника, кем бы он ни был, — сказал Гулям.

Когда Густад спускался по лестнице, большинство дверей были закрыты. Оживленный бизнес. Из магнитофона неслась другая песня — о бессмертной любви, длящейся больше столетия,

длящейся вечно: «*Sau saal pahalay, mujay tumsay pyar tha, mujay tumsay pyar tha, aajbhi hai, aur kalbhi rahayga…*»[231] Мелодия была сладкой, как сироп, и сочилась ностальгией. «У меня не остается другого выхода, — думал Густад. — Придется забирать деньги. И подвергать риску бедного Диншавджи».

Пирбхой сообщил ему, что Темул ушел.

— Не беспокойтесь, с ним ничего не случится. Бедняга пытался объяснить мне, что произошло, но он говорит слишком быстро. Я дал ему *паан* для сокращения «соковыделения».

[231] Сноски: 231

«Сто лет назад я любил тебя, я любил тебя и сегодня люблю, и завтра буду…» (*хинди*)

II

Мисс Кутпитья не могла объяснить рецидив болезни Рошан, не осмотрев лайм и чили. Поэтому Дильнаваз сходила и принесла эти нейтрализаторы дурного глаза.

— Да, — сказала мисс Кутпитья. — Да, именно то, что я думала. Посмотрите сюда. Знаете, что обычно делается с желтым лаймом?

— Он становится коричневым, мягким и начинает неприятно пахнуть.

— А теперь посмотрите на этот, — победоносно провозгласила она. — Твердый как камень и черный как дьявол! И вообще никакого запаха.

Дильнаваз ощутила холодный сквознячок, проникший в коридор. Мисс Кутпитья тем временем демонстрировала ей необычное поведение перцев чили, которые, вместо того чтобы покраснеть, оставались зелеными, как сатанинские изумруды. Она перебирала их, словно бусины на четках.

— Это дает нам представление о том, сколько зла может причинить дурной глаз. Бедной девочке досталось по полной. — Она понюхала перцы. — К счастью, от этого нетрудно избавить-

ся. Семи штук хватит.

— Но почему Рошан сначала стало лучше, а потом снова хуже?

— Вы можете не торопиться? Я как раз к этому подхожу. Слушайте. Внутри вашей девочки борются две силы: дурной глаз, который задел ее случайно, и что-то еще, что-то темное, намеренно насланное. Когда дурной глаз побежден, ребенок выздоравливает, но тут поднимает голову темная сила, и болезнь возвращается. — Она взяла в руку лайм. — Вот: черный камень выдает темную силу.

— Значит, лекарства не приносят никакой пользы?

— Кое-какую приносят. Они предотвращают ухудшение. Но не лечат. Мы должны найти того, кто ответствен за эту темную силу.

— О господи! Но это же невозможно сделать!

— Только если у вас нет квасцов. — Губы мисс Кутпитьи растянулись в редкой для нее довольной улыбке. — Подождите здесь. — Она отправилась на кухню и вернулась с двумя камешками величиной с голубиное яйцо. — Вот, возьмите. Но когда будете делать то, что я сейчас скажу, Рошан должна присутствовать, иначе никакой пользы не будет. — Она подробно описала процедуру,

которую следовало проделать, потом вернула Дильнаваз перцы и лайм. — А впредь учитесь быть более осмотрительной. И детей научите. Они должны опасаться полнолуния; а с приближением *Каличоудас*[232] держите их в доме после захода солнца. Скажите им, чтобы не наступали на странные предметы, попадающиеся на дороге, и не переступали через них. Чтобы остерегались всего, что выглядит как маленький пакетик с цветками, или разбитое яйцо, или расколотый кокосовый орех. Эти предметы посланы *кааре-стан*[233], поверьте мне.

Дильнаваз кивала, стараясь запомнить инструкции.

— А как насчет Сохраба? Когда он вернется ко мне?

— Терпение.

— Нет ли чего-то, что я могла бы сделать еще?

Ее настойчивость рассердила мисс Кутпитью, но в порядке компромисса она сказала:

— Повторите обряд с ногтями Темула, и в этот раз добавьте прядь его волос. Сделайте это в пер-

---

[232] Сноски: 232

Каличоудас — второй из пяти дней отмечания праздника Дивали, в ходе которого молятся богине Кали.

[233] Сноски: 233

Каарестан — черная магия (*хинди*).

вый день новолуния. В этот день его каналы будут открыты шире всего. — Погрозив костлявым указательным пальцем, она еще раз наставительно сказала: — Но вы должны запастись терпением.

Дильнаваз рискнула робко напомнить:

— Вы говорили, что существует еще одно, последнее, средство, которое можно попробовать, если все остальное не поможет…

Мисс Кутпитья резко оборвала ее:

— Я сказала, чтобы вы об этом и не думали. Выкиньте это из головы. Немедленно.

— Как скажете. Вам лучше знать, поэтому я к вам и хожу.

Она смиренно поблагодарила и ушла.

III

Совет Диншавджи состоял в том, чтобы Густад выполнял все, что сказал Гулям Мохаммед.

— Не противоречь ему. Давай просто потихоньку сделаем, что он велит, и навсегда забудем о мерзавце.

— Но нам придется изымать по две пачки в день. Только так мы сможем уложиться в тридцать дней.

— Не волнуйся, предоставь это мне.

Диншавджи делал свое дело спокойно и уверенно. Каждый вечер он передавал Густаду две пачки, тот относил их домой и снова прятал в ненавистный черный пластиковый пакет в кухонном *чулавати.*

Банк гудел разговорами об из ряда вон выходящем событии в Нью-Дели. Не так уж часто парс попадал на первые страницы газет из-за совершенного им преступления. Последняя сенсация подобного рода произошла более десяти лет назад, когда командующий флотом застрелил любовника своей жены. В столовой обсуждалось сомнительное признание майора Билимории и обилие поразительных фактов, обнаруженных

следствием. Большинство сотрудников отказывалось верить, что майор смог имитировать голос премьер-министра. Есть во всем этом что-то очень сомнительное, говорили они.

Диншавджи и Густад принимали участие в этих дискуссиях, чтобы продемонстрировать подобающий интерес. Диншавджи так здорово справляется с ситуацией, думал Густад, исполненный восхищения хладнокровной отвагой и здравомыслием друга. Не было больше никакого фиглярства и буффонады — только близкая, надежная дружба. «Как же я его недооценивал! И как я смогу отплатить ему за его неоценимую помощь?»

Не успел он оглянуться, как минула половина назначенного тридцатидневного срока. Выйдя помолиться на рассвете, Густад обнаружил, что и его розовый куст, и мятный срублены под корень. Каждый стебель, каждая веточка были срезаны и искромсаны на мелкие кусочки.

Нет смысла звать гуркху, подумал он. Зачем поднимать шум? Но Джимми любил эти кусты и иногда по утрам приходил, чтобы полить их.

Он постоял минуты две, потом принес метлу и молча собрал остатки Гулямова бездушного напоминания.

* * *

Диншавджи увеличил темп, теперь он изымал по три пачки в день, и Густад предпочел бы не сообщать ему об угрозах Гуляма. Но самым малым, чем он считал себя теперь обязанным Диншавджи, была абсолютная честность.

— Диншу, не слишком ли это опасно? Тридцать тысяч — такая сумма в бухгалтерском учете обратит на себя внимание, может, не стоит так торо-питься?

Диншавджи ответил, что беспокоиться не о чем, он знает, что делает. Таким образом, счет опустел за пять дней до крайнего срока.

Тем вечером Густад крепко пожал ему руку.

— Спасибо тебе, Диншу, огромное спасибо. Я даже не знаю, как мне тебя благодарить, ты так много для меня сделал.

— Не стоит благодарности, *яар*, — улыбнулся тот. — Ерунда.

Но лишь на следующий день, когда Диншавджи уничтожил все следы фиктивного счета, Густад узнал правду. Перед обедом Диншавджи потерял сознание и был срочно увезен в «Парси дженерал». Мистер Мейдон отправил посыльного к его жене и разрешил Густаду сопроводить

его в больницу. Когда «Скорая» под вой сирены мчалась по улицам, Диншавджи пришел в себя.

— Все в порядке, Диншу, все будет хорошо, — сказал ему Густад. — Твою жену уже известили, она приедет прямо в больницу.

— Мой домашний стервятник, — слабо улыбнувшись, произнес Диншавджи. — Да благословит ее бог, она сразу прилетит.

«Скорая» маневрировала в потоке движения, порой почти останавливаясь в пробках, и встревоженный Густад начинал ругаться. Он посмотрел на лицо Диншавджи и заметил, что теперь, когда он лежал, обвисшая под его подбородком кожа двумя валиками опала вдоль горла.

Диншавджи снова открыл глаза.

— Теперь ты знаешь, почему я так торопился. Я понимал, что у меня осталось не так много дней. Поэтому начал изымать по три пачки, чтобы успеть закончить дело, пока не стало поздно. — Густад взял его ладонь обеими руками. Говорить он не мог, в горле стоял ком. Ладонь была холодной и очень гладкой.

Когда «Скорая» добралась до «Парси дженерал», жены Диншавджи там не было.

— Страшные пробки, — бодро объяснил другу Густад. — Должно быть, Аламаи застряла в одной

из них.

Он оставался с другом, пока в мужской палате не нашли свободное место и не были выполнены все формальности. Это была та же палата, в которой Диншавджи лежал полгода назад.

Диншавджи торопил его вернуться в банк.

— Иначе Мейдон начнет вышагивать взад-вперед, недовольный тем, что мистер Нобл так долго не возвращается.

— Забудь про Мейдона. Я не уйду, пока врач тебя не осмотрит.

— В этом нет необходимости, *яар*. Для меня это место — все равно что дом отдыха. — Он лукаво подмигнул, как делал это до жалобы со стороны Лори Кутино. — Тут у меня все удобства и развлечения, какие только можно себе представить. — И он тихонько, безбожно фальшивя, пропел:

Посели меня, Боже, в больничке,
Где игривы и стройны медсестрички,
Полногруды, прекрасны,
Но с порога уж ясно:
Пациентов тут лечат ужасно…

Густад рассмеялся.

— Ш-ш-ш! А то услышат и зададут тебе жару. Эти люди не умеют ценить творчество Поэта-ла-

уреата. Знаешь, какой у них любимый способ досаждать пациентам?

— Какой?

— Когда ты просишь принести судно, они заставляют тебя терпеть, пока тебе не станет невмоготу.

Диншавджи начал давиться от смеха, придерживая живот в том месте, где он болел.

– *Аррэ*, пусть только попробуют проделать такое со мной. Я просто перестану сдерживаться — др-др-др. Прямо в постель. Вся больница провоняет насквозь. Так у них будет еще больше работы.

Они еще посмеялись, потом Густад пожал руку другу и ушел, оставив в регистратуре рядом с телефоном Аламаи и номер мисс Кутпитьи — на всякий случай.

Он не спешил возвращаться в банк. Лужайки больничной территории ярко освещало солнце. Он нашел скамейку на аллее между клумб. В цветах порхала бабочка. Прежде чем она улетела, он успел рассмотреть блестящий оранжево-черный узор на ее крыльях. «В коллекции Сохраба была точно такая. Он говорил, что она называется монарх. Отлично помню, как он поймал ее. После дождя, в Висячих садах. Все вокруг было в цвету.

Предыдущим вечером Сохраб был чрезвычайно взволнован, строил планы. А в саду, со своим самодельным сачком, оробел. Но в тот день он поймал пять бабочек. Первой был тот самый монарх. Когда Сохраб достал его из своей жестяной банки пинцетом, его усики были поломаны, тельце искалечено». Облако печали опустилось на лицо Сохраба, когда он увидел эту изуродованную бабочку, и Густад понял, что это увлечение у сына ненадолго.

«Интересно, помнит ли что-нибудь из этого Сохраб? Думаю, очень мало. Сейчас. Но настанет день, когда он вспомнит все, в мельчайших подробностях. Как вспоминаю теперь я своего отца. Воспоминания, они всегда приходят уже после окончательной утраты».

Бабочка вернулась, планируя на легком ветерке. Он наблюдал за ней, пока она не превратилась в маленькую крапинку, а потом и исчезла совсем.

IV

Упав на раскаленные угли, два кусочка квасцов спеклись в один шарик. Вязкий шарик пузырился и пенился на поверхности углей, издавая шипящий и булькающий звук. Рошан с интересом наблюдала, пока угли не остыли, перестав светиться красным, и бурная активность квасцов не прекратилась.

— А теперь — обратно в постель, — сказала Дильнаваз. — После этой молитвы ты должна почувствовать себя лучше. — Она с любопытством и опаской осмотрела белую форму, которую принял спекшийся кусок квасцов. Как зловеще он лежит на углях. Воплощение зла. Легкий и хрупкий, он легко отделился от углей. Как печенье *хаари* от противня, думала Дильнаваз, пряча его в бумажный пакет и как бы запирая в нем тайную силу, вредящую ее ребенку.

Мисс Кутпитья пришла в восторг от результата.

— Хорошо, очень хорошо, — сказала она. — Какая прекрасная, законченная форма. Зачастую он крошится, и тогда читать по нему трудно. Но вы все сделали отлично. — Она положила этот

неопределенной формы сплав на телефонный столик и стала внимательно изучать. — Идите сюда, тоже посмотрите, — позвала она Дильнаваз. — Но только глядите, как бы не видя его. Тогда он приобретет разные смыслы. Смотрите, словно бы видите его во сне.

Дильнаваз попыталась, не очень понимая, чего от нее хотят.

— Он напоминает мне сестру, которая привезла Рошан домой, когда она заболела.

— Что? — недоверчиво переспросила мисс Кутпитья.

— Ну, вот видите: это похоже на длинную белую тунику *джаббхо*[234], какие носят монахини.

— Но разве они могут хотеть причинить зло Рошан? Они же добрые благочестивые люди. Послушайте, если вы доверяете только глазам, вы будете видеть только предметы этого мира. Но мы имеем дело с силами мира иного. — Они снова принялись изучать квасцовый пузырь, молча поворачивая его так и эдак. — Минутку-минутку, — сказала мисс Кутпитья. — Да, определенно. Встаньте-ка вот здесь. — Она перетащила Дильнаваз на другую сторону. — Что вы видите теперь?

---

[234] Сноски: 234

Джаббхо — также известна как абхо — традиционная одежда в штате Гуджарат и Раджастан, похожая на платье в пол.

— Шляпу? Нет. Дом? Дом без окон?

Глубоко разочарованная ограниченным воображением Дильнаваз, мисс Кутпитья отмахнулась от ее предположений с презрением, коего они заслуживали, а потом стала направлять ее взгляд, опираясь на преимущества собственного экспертного ви́дения.

— Смотрите, что это? Хвост. А это, это, это и это? Четыре ноги. А вот здесь?

— Два торчащих уха! — взволнованно воскликнула Дильнаваз, уловив наконец то, что пыталась показать ей наставница, к великому облегчению последней. — Это… это морда!

— Правильно! — сказала мисс Кутпитья. — А все вместе?

— Четырехногое животное?

— Разумеется. Думаю, собака.

— Собака? Которая насылает темную злую силу?

— А вы не помните, что я вам говорила раньше? — нетерпеливо напомнила мисс Кутпитья. — Я говорила, что форма квасца даст нам ключ. Это не значит, что она покажет нам самого виновника. Но тем, кого мы ищем, может быть человек, у которого есть собака.

Дильнаваз стиснула голову руками.

— О боже мой!

— Что?

— Мистер Рабади! У него белый померанский шпиц! И он…

— Успокойтесь. Прежде всего скажите: у него есть причина?

— Да, да! Они с Густадом все время ссорятся, еще с тех пор, когда у мистера Рабади была большая собака. Тигр, который пи́сал на кусты Густада. И эта, маленькая, тоже все время лает на него. И еще была неприятность с газетами, и еще он думает, будто мой Дариуш пристает к его дочке. Рабади по-настоящему нас ненавидит!

Мисс Кутпитья взяла в руки судьбоносный пузырь и произнесла:

— Вы знаете, что делать дальше.

V

Возле дворовой стены витал приятный аромат.

— Откуда он исходит? — спросил Густад.

Художник подправлял свои рисунки. Некоторые люди имели досадную привычку прикасаться к стене, выражая почтение нарисованным на ней святым. Раньше это его ничуть не волновало; за годы странствий он усвоил, что бренность — один из непреложных факторов, правящих его работой. Когда бы превратности и капризы уличной жизни ни лишали художника его меловых творений, заставляя рисовать их заново или перебираться на другое место, он относился к этому легко. Если полицейский в шортах, с шишковатыми коленями не затирал его рисунки ногами в предписанных формой черных сандалиях, то в конце концов их все равно смывало дождем или сдувало ветром. Но ему это было все равно.

Однако в последнее время что-то изменилось, и он стал ревностно оберегать свои произведения.

— Приветствую, сэр. Давно вас не видел, — сказал он, откладывая мелок. — Я закончил много новых рисунков.

— Чудесно, — ответил Густад, с удовольстви-

ем втягивая носом воздух. — Как приятно здесь пахнет.

— Этот запах идет от Лакшми, — пояснил художник, и Густад направился к богине изобилия. Кто-то воткнул *агарбатти*[235] в трещину на асфальте напротив ее изображения. Ароматическая палочка сгорела почти дотла. Лишь крохотное ярко-оранжевое колечко еще светилось у самого ее основания. Жидкий серовато-белый дымок медленно поднимался вверх, плыл к лицу Лакшми и рассеивался без следа в вечернем воздухе. Густад наслаждался нежным ароматом. Когда палочка догорела до конца, столбик пепла качнулся и упал, рассыпавшись вокруг.

— Стена становится все более популярной, — сказал Густад. — А что с деньгами, вам оставляют достаточно?

— О да, — ответил художник. — Это очень удачное место. — Он покрасовался, демонстрируя новую одежду. — Териленовые брюки-клеш, по последней моде, с семью штрипками для ремня, и рубашка из махрового хлопка, быстро сохнет и не требует глажки. — Оттянув воротник, он показал ярлычок на внутренней стороне. Однако

---

[235] Сноски: 235

Агарбатти — ароматическую палочку, благовония, которые поджигают для окуривания помещений или сжигают в ходе молитв.

ноги у него по-прежнему были босыми. — Я ходил и в «Карону», и в «Батю», и в «Ригал футвэар», перемерил множество самых разных моделей. Туфли, сандалии, *чаппалы*[236]… Но они все жмут и натирают ноги. Босиком лучше.

Потом он повел Густада показывать ему свои новые творения: Гаутама Будда, сидящий в позе лотоса под деревом Бодхи; Христос с учениками во время Тайной вечери; Картикея, бог доблести; Хаджи Али Дарга, прекрасная мечеть посреди моря[237]; базилика Богоматери Нагорной[238]; пророк Даниил в львином рву; Саи Баба[239]; Манаса, богиня змей; святой Франциск Ассизский, разговаривающий с птицами; Кришна с флейтой и Радха[240] с цветами; Вознесение и, наконец, Дустур Кукадару[241] и Дустур Мехерджи

---

[236] Сноски: 236

Чаппалы — кожаная индийская сандалия с ремешком на большом пальце в форме колечка и кожаной полосой, пересекающей ступню.

[237] Сноски: 237

Хаджи Али Дарга — мечеть и дарга (храм или гробница, построенная над могилой почитаемого религиозного деятеля), памятник Пир Хаджи Али Шаху Бухари, расположенный на островке в южной части Бомбея/Мумбаи.

[238] Сноски: 238

Базилика Богоматери Нагорной, или церковь Маунт Мэри — католический храм в Бомбее/Мумбаи.

[239] Сноски: 239

Сатья Саи Баба (1926–2011) — неоиндуистский религиозный лидер и гуру.

[240] Сноски: 240

Радха — одна из женских форм Бога в кришнаизме, вечная возлюбленная Кришны. Радху практически всегда изображают вместе с Кришной.

[241] Сноски: 241

Джамшеджи Сораб Кукадару (1831–1900) был зороастрийским священником в Бомбее/Мумбаи, почитаемым зороастрийцами за ряд чудес, которые, как считается, он совершил.

Рана[242].

Сегодня художник был далеко не так сдержан, как обычно: признался, что хочет сэкономить, чтобы купить новые рисовальные принадлежности.

— Отныне больше никаких мелков. Буду писать только маслом и эмалевыми красками. Прочными. Ничто их не испортит.

Потом он поведал Густаду краткую агиографию некоторых святых, например Хаджи Али, умершего во время совершения паломничества. Гроб с его земными останками таинственным образом переместился через Аравийское море обратно в Бомбей и оказался на скалистом утесе неподалеку от берега. Верующие возвели на этом месте мечеть с его саркофагом, а также дамбу, соединяющую утес с сушей, во время отлива по дамбе можно пройти к месту упокоения святого.

Рассказал он и о другом чудотворном месте — базилике Богоматери Нагорной. Кучка напуганных рыбаков, застигнутых свирепым штормом, была уверена, что все они утонут. Но появилась Пресвятая Непорочная Дева Мария и заверила их, что они спасутся, потому что она будет охра-

---

[242] Сноски: 242

Дустур Мехерджи Рана — духовный лидер общины парсов в Индии в XVI веке.

нять их. А взамен они должны будут построить церковь на возвышенном месте в Бандре[243] и поставить в ней статую, которую вынесет на берег у подножия возвышенности. Рыбаки благополучно добрались до суши. На следующее утро, когда шторм утих, у самого берега плавала статуя Богородицы с младенцем Иисусом на руках.

Художник разворачивал перед Густадом истории одну за другой, и Густад слушал с большим интересом. Какой кладезь знаний, думал он. И помимо того, что стена превратилась в чистое место, благодаря священным образам она сама приобрела ореол святости.

Когда стало настолько темно, что ничего уже не было видно, Густад пошел во двор. Следом за ним в ворота вкатился «король дорог» инспектора Бамджи.

– *Аррэ*, командир! Удивительное дело ты сделал, честно. Одним выстрелом прогнал всех проклятых ссыкунов. Больше никаких *гоо-моотер*[244], никакой вони. Прямо чудо какое-то.

— При таком количестве святых и пророков на стене одно чудо совершить нетрудно.

---

[243] Сноски: 243
Пригород Бомбея/Мумбаи.

[244] Сноски: 244
Гоо-моотер — испражнений (дословно — фекалий и мочи) (*хинди*).

— Отлично, командир, отлично! — сказал Бамджи. — Ты сделал эту стену засранцеотталкивающей. Но знаешь, не понимаю я ограниченного склада ума наших *мадер чод*[245] соседей. Можешь поверить? Кое-кто из них (не буду называть имен) ворчит: мол, с какой стати все эти чужие *перджаат*[246] боги красуются на стене нашего парсийского дома? Такое впечатление, что у них в голове опилки.

— Догадываюсь, о ком ты.

— А, ладно, забудь о них. Много чести. Вместо того чтобы радоваться, что нет больше вони, нет москитов, нарушений общественного порядка, эти *саала*[247] *мадер чодс* ищут, к чему бы еще придраться.

— Так или иначе, — сказал Густад, — художник уже нарисовал Заратустру. А также Мехерджи Рану и Дустурджи Кукадару.

— Конечно, командир. Чем больше, тем лучше. Такая хорошая компания — прекрасный символ нашей светской страны. Вот так и должно быть.

---

[245] Сноски: 245
Мадер чод — ублюдки, сволочи (*хинди*).

[246] Сноски: 246
Перджаат — не парсийские (*хинди*).

[247] Сноски: 247
Саала — поганые (*хинди*).

А эти *Гхэль чодиас*[248] были бы недовольны, даже если бы сам Бог снизошел к ним. Они бы нашли, что в Нем тоже что-то не так. Что Он недостаточно красив, или недостаточно светлокож, или недостаточно высок.

Инспектор Бамджи помахал Густаду и уехал. Густад отпер дверь и вошел домой, продолжая посмеиваться про себя. Рошан сидела на диване и рыдала.

— Не могу ее успокоить, — сказала Дильнаваз. — Такая глупая.

— У нее что-то болит? Что случилось? — Густад бросился к дивану и обнял дочь.

— Ничего не болит. Ее кукла пропала, вот и все.

— Что ты хочешь сказать? Как это пропала? Такая большая кукла? Это же не иголка и не пуговица.

— Мы не можем ее найти нигде в доме.

— Тогда так и скажи: ее украли. А то — пропала! — Он вытер Рошан слезы. — Где она была?

— На диване, она там сидела много дней.

– *Бас*, должно быть, ты оставила дверь открытой. Сколько раз я тебя предупреждал! Всего

---

[248] Сноски: 248
Гхэль чодиас — большие засранцы/идиоты (*хинди*).

несколько секунд нужно какому-нибудь продавцу фруктов или выпечки или еще кому-нибудь, чтобы схватить что угодно и убежать.

— Я никогда не оставляю дверь открытой, — решительно начала было Дильнаваз, но тут же вспомнила свои метания между своей квартирой и квартирой мисс Кутпитьи.

— Не волнуйся, — сказал Густад дочке. — Мы ее найдем.

«Только вот где, хотел бы я знать, — беспомощно подумал он. — Тут нужно чудо вроде нашей стены. И почему чудеса и несчастья всегда ходят рука об руку?»

Глава пятнадцатая

I

— Все деньги здесь. Можете пересчитать.

Гулям изобразил оскорбленность.

— Прошу вас, не говорите так, мистер Нобл. Я доверяю вам свою жизнь. Вы — друг Билибоя, а следовательно, и мой друг.

Чертов лицемер, подумал Густад. Во время последней встречи был злобным и свирепым, как кобра, распустившая капюшон, а сейчас — слащавый и притворно-благодарный. Комедиант проклятый.

— Надеюсь, ваша и майора нужда в моей дружбе на этом закончилась.

Гулям вздохнул и развернул газету.

— Видели это сегодняшнее сообщение из Дели? Про Билибоя. — Любопытство взяло верх над обидой Густада. — Смотрите, — продолжал Гулям, — как на него ополчились. За три дня три судьи отказались от его дела. — Он сердито скомкал газету. — Поверьте мне, тут замешаны люди с самого верха.

Паршивец прав. Происходит нечто странное.

— Майор Билимория лгал мне с самого начала. Как я теперь могу верить или не верить во что

бы то ни было? Кому я вообще могу доверять? Вам? Газетам?

Гулям снова изобразил обиду.

— Прошу вас, мистер Нобл. Все не так, как кажется. Его поймали в ловушку люди, которые на самом верху. — На лице Густада появилось презрительное выражение. — Но что ранит его больше всего там, в тюрьме, так это не вражеские выпады, а то, что лучший друг считает себя преданным им. Вот почему он хочет увидеться с вами и все объяснить.

— Что? Но вы же сказали, что он в тюрьме.

— Все можно устроить. Если вы согласитесь поехать в Дели.

— Это невозможно. У меня нет отпуска, моя дочка болеет, а кроме того…

Гулям сунул руку во внутренний карман.

— Вот, он вам написал. Прочтите, пожалуйста.

Густад открыл конверт.

Мой дорогой Густад,

с чего начать? Все пошло не так, как предполагалось. Совершенно не так. И я чуть не навлек на тебя беду. Сможешь ли ты простить меня?

У меня осталась только одна, послед-

няя, просьба. Бесстыдно с моей стороны даже упоминать слово «просьба», но я прошу тебя приехать в Дели, чтобы я смог объяснить тебе, что случилось. Это долгая, запутанная история, и ты не поверишь словам, написанным на бумаге, потому что я и раньше писал тебе слова, которые помимо моей воли обернулись ложью. Пожалуйста, встреться со мной. Я хочу, чтобы ты все узнал и понял, и мечтаю услышать из твоих собственных уст, что ты простил меня.

Гулям Мохаммед все устроит. Пожалуйста, приезжай.

С любовью,
твой друг Джимми.

Густад сложил письмо и сунул его в карман.

— Вы поедете? — спросил Гулям.

— Однажды он меня уже обманул.

— Вы делаете ошибку, он действительно остается вашим другом. Но ненадолго, если враги с ним расправятся.

— Бросьте вы. — Лицедей чертов. Он скажет что угодно, лишь бы уговорить меня.

— Нет, это правда. Без преувеличения. Если бы вы хоть раз столкнулись с этими людьми, вы бы

поверили. Пожалуйста, поезжайте.

— Ладно, я подумаю, — ответил Густад только затем, чтобы избавиться от навязчивых уговоров.

Вечерний воздух был густым, удушающим, как присутствие этого негодяя, и пах так, как пахла черная стена до того, как за нее принялся художник. Канализационная система опять переполнилась, слышалось нескончаемое бурление вредоносных и зловонных газов. Интересно, подумал Густад, оказали ли какой-нибудь эффект жалобы в муниципалитет, поданные доктором Пеймастером, владельцами магазинов, проститутками и механиками? Задержав дыхание и только изредка, по необходимости, делая как можно более поверхностный вдох, он ускорил шаг, чтобы поскорее миновать это место.

Когда он подошел к дому, Темул ждал во дворе.

— ГустадГустадоченьважноеписьмо.

Письмо было от владельца дома, он благодарил арендаторов за то, что они подписали петицию против расширения дороги, и обещал держать их в курсе относительно судебного процесса. Из тридцати экземпляров Густад взял один и велел Темулу раздать остальные. При том, с какой скоростью работают наши суды, мы успеем со-

стариться и умереть к тому времени, когда будет вынесен вердикт, подумал он. И слава богу.

II

За оставшиеся дни октября состояние Диншавджи не улучшилось. Казалось, он все больше скукоживается в своей больничной кровати. Его руки, ноги, шея, лицо — все ссохлось, кроме глыбы в животе, этого зловещего бугра, вздымавшегося под простыней, да ступней двенадцатого размера, торчавших вертикально, словно близнецы несли караул в изножье его постели.

Густад навещал его так часто, как только мог, минимум дважды в неделю, и очень удивлялся, что, часами просиживая у его постели, ни разу не встретился с женой Диншавджи. Он сообщал другу банковские новости, рассказывал об общих знакомых. Чтобы развлечь его, воспроизводил ссору мистера Мейдона с одним из служащих или описывал, в чем пришла на работу Лори Кутино.

— Сегодня блузка у нее была расстегнута вот до сих пор, — говорил он, расстегивая три верхние пуговицы у себя на рубашке и разводя ее борта в стороны так, что получалась широкая и глубокая буква V.

— Ну ты скажешь! Не может быть, — хихикал Диншавджи.

— Клянусь, — уверял его Густад и в подтверждение своей клятвы щипал себя за шею под кадыком. — Вот досюда. Я не преувеличиваю. Говорю тебе, на ходу ее бубсы колыхались, как горки желе «Рекс».

– *Аррэ*, кончай дразнить меня, *яар*. Пожалуйста, умоляю тебя!

— Мужчины, шельмецы, весь день так и слетаются к ее столу под разными дурацкими предлогами. Даже Сыч Ратанса. Ты не поверишь, но в конце концов даже старик Бхимсен не устоял, просеменил к ее столу и спросил: «Мем-сааб, не хотите ли чаю или кофе? Или бисквит с кремом?» Это было уже слишком.

Диншавджи трясся от смеха.

— А что Мейдон?

— Он свою долю удовольствия получил в личном кабинете. Сказал, что его секретарша занята, поэтому он хочет продиктовать кое-какие документы мисс Кутино.

— Ну естественно, — сказал Диншавджи. — Должно быть, он начал ей д-и-к… и забыл, что дальше, увидев ее «Рексы».

Когда тема была исчерпана, Густад сообщил, что вернул деньги Гуляму Мохаммеду, и показал письмо майора.

— Что ты об этом думаешь?

— Трудно сказать, — ответил Диншавджи, — но я бы на твоем месте поехал.

— А если это снова подвох?

Настало время обеда, и над Диншавджи водрузили накроватный столик. Разносчик быстро поставил на него глубокую тарелку с супом и мелкую, накрытую крышкой, после чего покатил свою тележку к следующему больному. Пришпиленный к кровати столиком, Диншавджи казался совершенно беспо-мощным.

— Давай я подниму немного изголовье, — предложил Густад. Он начал крутить ручку, но подниматься стало изножье кровати. Тогда он вставил рычаг в другой паз и попробовал снова. Верхняя половина кровати медленно поползла вверх. — Так удобно?

Диншавджи благодарно кивнул, и Густад, подняв рычаг, закрепил кровать в этом положении. Диншавджи набрал супу в ложку и поднес ее ко рту. Но рука у него сильно дрожала, суп потек по подбородку. Он смущенно улыбнулся, пытаясь вытереть подбородок тыльной стороной ладони. Густад нерешительно развернул салфетку и вытер его сам. Увидев, что Диншавджи позволил ему это сделать без возражений, он взял ложку и

начал его кормить.

— Можно с кусочком хлеба?

— Да, конечно. — Густад покрошил хлеб на ломтики, ложкой утопил их в супе, а потом стал вылавливать один за другим.

На тарелке под крышкой лежали баранья котлета и немного вареных овощей.

– *Бас*, я наелся, — сказал Диншавджи.

— Нет-нет, тебе нужно есть. — Густад разделил котлету на маленькие кусочки, наколол один вилкой и поднес ко рту Диншавджи. — Давай-давай. Открывай рот. Это очень вкусно.

— Прошу тебя, друг, у меня полон живот супа, я сыт по горло.

— Ну будь хорошим мальчиком, Диншу.

— Ладно. При одном условии: мы съедим это пополам. — Густад согласился, но все время норовил скормить Диншавджи лишний кусочек. — Нечестно, нечестно, — восклицал тот, заметив. — Теперь твоя очередь. — Когда тарелка опустела, он выпил немного воды из поильника, посмотрел, как Густад отставляет посуду в сторону, чтобы разносчик забрал ее, потом медленно опускает кровать в горизонтальное положение, и сказал: — Прости меня за все это, Густад.

— Чушь! Мне ведь досталась половина твоей

вкусной котлеты, — ответил Густад. Если бы ему не удавалось сохранять бодрый вид, он погрузился бы в печаль и уныние, но при Диншавджи этого нельзя было допустить ни в коем случае.

Позже, когда он уже уходил, Диншавджи снова поблагодарил его чуть ли не со слезами в голосе.

— Не знаю, что бы я делал, если бы не твои посещения.

— Да брось ты, *яар*. Мне же это ничего не стоит, и для меня это тоже приятное времяпрепровождение. — Он поправил ему подушку. — *Чаало*, спокойной ночи. И смотри, не затевай *ghaylaa-chayraa*[249] с ночной медсестричкой.

— А ты ее видел? Настоящий *футаакро*[250]. Моя Дама с фонарем[251]. Если вдруг ее фонарь потухнет, она всегда может рассчитывать на мою свечу.

Идя по холодному гулкому коридору, Густад думал: а как бы Диншавджи справился, если бы его

---

[249] Сноски: 249

Дуракаваляние, хулиганство (*маратхи*).

[250] Сноски: 250

Футаакро — фейерверк (*хинди*).

[251] Сноски: 251

Прозвище Флоренс Найтингейл (1820–1910), сестры милосердия, которая во время Крымской войны 1854–1856 годов стала инициатором реформы госпитального обслуживания и системы подготовки медсестер. Было дано ей по персонажу староанглийской легенды.

не оказалось рядом? Покормили бы его разносчик или санитарка или оставили бы расплескивать суп по кровати? И где же его «домашний стервятник»? Он хотел было спросить об этом у друга, но побоялся поставить его в неловкое положение.

В оставшиеся дни октября и в начале ноября он посещал друга регулярно. По воскресеньям просиживал с ним всю вторую половину дня и бóльшую часть вечера. К середине ноября состояние Диншавджи ухудшилось, его стали кормить путем внутривенных вливаний. Теперь Густад беспомощно сидел у его постели и наблюдал, как пакеты, холодно и бездушно подвешенные на штативе, безразлично, по каплям переливают свое содержимое в его друга. Он вдруг осознал, как он предвкушал мгновения, когда будет кормить его. Теперь вместо него это делали прозрачные пластиковые мешочки и иглы.

Но Густад не пропускал визитов, особенно воскресных, которые по какой-то причине значили для Диншавджи больше, чем все остальные. Воскресенья стали для Густада чрезвычайно загруженными днями. Строгая диета, которую прописал Рошан доктор Пеймастер, вынудила его возобновить ненавистные воскресные походы на рынок Кроуфорд. Пища Рошан должна была

быть разнообразной, только вареной — и никаких специй. А также ей надо было каждое утро давать кокосовое молоко, на обед и ужин — суп на курином бульоне, в полдень — сок трех сладких лимонов, а в промежутках, если попросит пить, — разведенный «Бовриль»[252].

Деньги, вырученные Густадом за фотоаппарат, съели медицинские счета, а новая строгая диета Рошан оказалась чрезвычайно дорогостоящей, особенно «Бовриль», который можно было купить только на черном рынке. Он подумывал, не продать ли часы или подаренные на свадьбу золотые запонки, но поскольку он целый день пропадал на работе, Дильнаваз попросила мисс Кутпитью присмотреть за Рошан, а сама отправилась на Джавери-базар[253], обошла три лавки и, найдя лучшее предложение, продала два своих золотых свадебных браслета.

Деньги она отдала Густаду, и возражать было поздно.

— Только ради бога, не приноси больше домой живых кур.

---

[252] Сноски: 252

Bovril — торговое название густой и соленой пасты с мясным экстрактом.

[253] Сноски: 253

Ювелирный рынок в Бомбее/Мумбаи.

Если бы это не было ради ребенка, ничто не заставило бы его сносить запахи и виды рынка Кроуфорд, от которых его мутило, как и раньше. Каждую субботу, ложась спать, он ощущал, как к горлу подступает тошнота, усиливавшаяся к рассвету. Но в одно прекрасное утро, в огромном переполненном торговом зале, когда он направлялся в его глубину, туда, где продавали кур, его ждал приятный сюрприз. Сначала шли лотки и лавки, источавшие острые навязчивые запахи еды и специй, затем фруктовые прилавки, на которых громоздились огромные кучи ананасов и апельсинов на грани гниения, испускавшие омерзительно-сладкий дух. На открытом пространстве у яичных рядов, рядом с птичьими прилавками, он увидел шедшего навстречу высокого стройного мужчину, показавшегося ему настолько знакомым, что Густад уставился на него, пытаясь вспомнить, кто это. Когда их взгляды встретились, на лице мужчины появилось такое же выражение узнавания.

— Бог ты мой! — воскликнул он. — Это же Густад Нобл, я не ошибся?

— Малколм! Сколько лет!

— Глазам своим не верю!

— Где ты…

Они поставили на пол корзины, соединили в теплом рукопожатии все четыре руки, потом обнялись, похлопывая друг друга по спине и смеясь. А потом Малколм левой рукой стиснул плечо Густада — у него все еще была эта привычка, — и они снова принялись трясти друг другу руки. Ошарашенные такой случайной встречей, они не сразу смогли прийти в себя и спокойно рассказать друг другу о некоторых событиях, случившихся за долгие годы их разлуки. Малколм по-прежнему не был женат, и ему удалось было осуществить свою юношескую мечту зарабатывать на жизнь музыкой.

— Но кто в наши дни, со всеми этими налогами на помощь беженцам и прочим, может позволить себе иметь инструмент и брать уроки? Помнишь: спрос и предложение? Слишком много теперь учителей музыки осталось не у дел. — Того, что он получал за занятия с немногочисленными учениками, едва хватало на нотную бумагу для собственных сочинений и оплату услуг настройщика, регулярно его посещавшего. — И записи стало труднее покупать. Проклятые спекулянты дерут все больше и больше. Даже в «Стэнли и сыновья» выбор теперь убогий, а цены заоблачные. И в конце концов, — признался Малколм, — мне

пришлось поступить на службу в муниципалитет.

— Какая жалость, — сказал Густад. — У тебя ведь такой талант.

— Теперь на музыке зарабатывают только те мартышки, которые играют в студиях звукозаписи всякий мусор вроде джинглов[254] или саундтреков индийских фильмов. Но я не могу вот так продавать свою душу — тренькать весь день на пианино. Это после стольких-то лет классического музыкального образования? Никогда.

В конце концов разговор перешел на день сегодняшний.

— Это здорово, — сказал Малколм, — что ты до сих пор ходишь на этот базар за говядиной.

— На самом деле нет. Мы покупаем мясо у разносчика. Это удобней, он приходит каждый день. — Густад не стал открывать главную причину того, почему он перестал ходить на рынок Кроуфорд — его страх перед беспорядками и кровопролитием мог показаться другу глупым.

Однако, клише не клише, думал Густад, когда

---

[254] Сноски: 254

Музыкальный элемент оформления радио- или телеэфира, короткая законченная музыкальная фраза с вокальной пропевкой названия радиостанции, наименования программы или (в случае рекламного характера) названия бренда и слоган.

речь идет о религиозных фанатиках, лучше заранее позаботиться о безопасности, чем потом жалеть. Как все беспорядки, тогдашние начались с мирного собрания *садху*, вооруженных жезлами, трезубцами и прочими священными религиозными атрибутами и вышедших на площадь перед зданием парламента в знак протеста против убоя коров. Знакомые с современными политическими и общественными технологиями, они привели с собой стадо коров. Развернули транспаранты и плакаты, обрушили на правительственных чиновников проклятья; шум дополняли барабаны, колокольчики, рожки́, тарелки, и спокойные животные, оказавшиеся в центре этой какофонии, занервничали и замычали. Собравшиеся стали призывать гнев богов на головы убийц священных коров-матушек, и вдруг, совершенно неожиданно (кое-кто утверждал, что это была рука Провидения), мирное сборище переросло в насилие. Полиция открыла огонь. Коровы и *садху* обратились в паническое бегство, жезлы и трезубцы, копыта и рога, пули и резиновые дубинки — все они собрали свою дань. Беспорядки повлекли политическую смерть министра внутренних дел, который симпатизировал *садху* и поощрял их требования, теперь

он вынужден был подать в отставку. Потом официальный профсоюз *садху* и праведников санкционировал общенациональное движение, и потребовалось много времени, чтобы производители и потребители говядины снова смогли вздохнуть спокойно. Густад с тех пор держался подальше от рынка Кроуфорд, он больше не ходил туда за мясом.

— Покупаешь у разносчика? — переспросил Малколм. — Позволь, но это же совсем другое дело: *гоасвалла* никогда не принесет тебе шейку. И кстати, что тогда привело тебя сюда сегодня?

Густад рассказал ему о болезни Рошан. Несмотря на тридцатилетний перерыв, он чувствовал себя так же спокойно и приятно в обществе Малколма, как в их студенческие дни. Он признался ему, как разочаровал его Сохраб, испортив себе будущее, и как у него болит сердце за сына. Потом всплыла тема Диншавджи.

— Так печально, так больно видеть, как этот чудесный персонаж беспомощно лежит в кровати. Он был моим единственным настоящим товарищем с тех пор, как мы с тобой потеряли друг друга из виду. — Произнося эти слова, Густад вспомнил также и Джимми Билиморию, но о нем умолчал — майора следовало вычеркнуть из

своей жизни.

Малколм исполнился сочувствия к бедам друга.

— Есть способ помочь твоей дочке, — сказал он. — И твоему больному другу. Ты слышал о Горé Марии?

Какое совпадение, подумал Густад и сказал:

— Да, слышал.

— Я не имею в виду шутку, которая была в ходу у нас в колледже, — рассмеялся Малколм. — Ну, помнишь: девочек спрашивают, как пройти на гору Марии… Я говорю о базилике Богоматери Нагорной.

— Ах, так вот что значила та шутка! Но и о базилике я тоже слышал. Совсем недавно один уличный художник рассказал мне о чуде Горы Марии.

Малколма очень впечатлил рассказ Густада о замечательном художнике, который преобразил черную каменную стену возле Ходадад-билдинга.

— Сходи со мной на Гору Марии, — сказал он. — Попроси Богоматерь помочь. Она исцелит Рошан и твоего друга. Чудеса случаются каждый день, многие я видел своими глазами. — Но сначала он предложил помощь в выборе курицы, и

они направились к птичьим рядам. Густад еще больше узнал о церкви Богоматери Нагорной, о том, что она традиционно принимает и парсов, и мусульман, и индусов, независимо от касты и убеждений. Дева Мария помогает всем, она не делает различий между людьми по религиозной принадлежности. Когда они шли вдоль клеток с курами, Густад почувствовал себя так, словно вернулся в одно из их давних студенческих воскресений, с утренним посещением церкви, покупкой мяса, знакомством с христианством. Разглядывая птицу, которую протягивал ему хозяин лавки, он продолжал слушать друга.

— Постой-постой, — вдруг перебил себя Малколм. — Видишь это? — Он указал на деформированную куриную ногу. — Должно быть, она подралась. Никогда не покупай драчливых кур. — Он жестом велел продавцу убрать птицу и предупредил: — Думаешь, мы слепые? — Малколм взял выбор курицы на себя, чему Густад был очень рад. Малколм напомнил ему отца в годы его процветания, когда он чувствовал себя на рынке Кроуфорд в своей стихии.

— Чертовски хорошая курица, — сказал Малколм, выбрав одну, которая ему понравилась. — Вот пощупай здесь, под перьями. — Небрежно

потыкав пальцем, Густад с ним согласился. Хозяин лавки взял нож и отправился в заднее помещение. Малколм последовал за ним, кивнув Густаду, чтобы он тоже шел.

— С этими жуликами надо держать ухо востро, а то, глядишь, подменят птицу на ходу.

Хозяин спросил, нужна ли им голова. Густад ответил отрицательно, и голова полетела в сточную канаву на радость воронам.

— Ну так как, пойдешь со мной? — спросил Малколм, когда они подходили к автобусной остановке. — Можно сделать это прямо сегодня.

В былые времена Густад не задумываясь отклонил бы его предложение. Игры с религиями он считал занятием безвкусным и недостойным, оскорбительным для других религий, и в первую очередь для его собственной. Но Гора Марии — другое дело, в отношении ее он ощущал едва ли не предопределенность: сначала уличный художник рассказывает ему о чуде, а сегодня он вдруг встречает Малколма. И от обоих слышит одно и то же. Похоже на божественное вмешательство. Может, это Дада Ормуз что-то ему подсказывает?

— Хорошо, пойдем.

— Отлично, — сказал Малколм, весьма довольный. — Я сяду на двухчасовой местный поезд на

станции Марин Лайнз. А ты стой на платформе Грант Роуд и высматривай меня.

— Хорошо, — согласился Густад. — Который сейчас час?

Столетние часы на фасаде рынка Кроуфорд, исправно (за исключением тех случаев, когда отрубалось электричество) служившие здешним мясникам и владельцам зоомагазинов, лавочникам и торговцам с черного рынка, покупателям и попрошайкам, собиравшимся под одной огромной крышей, показывали половину одиннадцатого.

Густад проводил взглядом Малколма, направлявшегося в район Дхобиталао, где находилась и старая школа Сохраба. Отсюда, от автобусной остановки, ему были видны стены полицейского участка неподалеку от колледжа Святого Ксавьера, и огороженное пространство, на котором когда-то дрессировали полицейских собак. Однажды они с Сохрабом видели через решетчатые ворота, как доберманы-пинчеры нападали на дрессировщиков, терзая их плотно подбитые ватой рукава.

Подошел автобус, и Густад тревожно посмотрел на свою корзину. Старый страх, что из корзины просочится кровь, до сих пор преследовал его,

хотя за несколько последних недель он освоил новую технику: выстлать дно и стенки корзины изнутри несколькими слоями газет, а поверх них разложить полиэтиленовый пакет. Если даже полиэтилен прорвется, газеты впитают выделения. Метод работал безупречно, но, словно чтобы оправдать его тревогу, женщина, сидевшая перед ним, повернулась, сердито посмотрела на него и кончиком своего сари прикрыла нос и рот. Ее взгляд метался от корзины к лицу Густада и обратно.

«Она знает, что́ у меня там, внутри, и чует мой страх как собака. У нее глаза, как у тех доберманов. Проклятые вегетарианцы. Они распознаю́т мясо каким-то шестым чувством. Не везет мне с поездками на автобусе. Вспомнить хоть ту поездку с Чор-базара, когда я впечатался в мадам Толстый зад. Ох и рассердилась же она. Но как быстро я ее очаровал».

При этом воспоминании он улыбнулся, однако вегетарианка прочла в его взгляде высокомерие, и ее глаза плюнули в него ядом.

III

После ланча Густад сказал Дильнаваз:

— Я еду навестить Диншавджи.

Он надеялся, что будет возвращаться не слишком поздно и действительно успеет заехать в больницу, пусть его ложь станет хотя бы полуправдой. Он и так испытывал чувство вины, лишая Диншавджи нескольких часов своего присутствия.

В два часа скорый поезд до Вирара остановился на станции Грант Роуд. Начались толкотня и стремительный «обмен тел», после чего поезд тронулся вновь: переполненный третий класс; умягченный подушками первый; вагон «Только для женщин», окна которого были закрыты специальной металлической решеткой с такими крохотными ячейками, что никакой развратный палец в них не протиснется. На перронном табло сменилась информация с указанием маршрута следующего прибывающего поезда. Густад принялся изучать его, пытаясь разобраться в его хитросплетениях. Тем временем поезд подкатил к платформе, и Малколм крикнул, чтобы привлечь его внимание. Через несколько минут,

на станции Бомбей Сентрал, им удалось занять места у окна.

— Это медленный поезд, идет со всеми остановками, поэтому и набит битком, — сообщил Малколм. — Как всегда — вопрос спроса и предложения.

Густад читал названия пригородных станций на сине-бело-красных табличках, время от времени мелькавших за окном. Махалакшми. Нижний Парел. Элфинстон-Роуд. Дадар.

— Дадар, — сказал Густад. — Я привозил сюда Сохраба, когда он был в седьмом классе, — за учебниками, в Первез-Холл.

— А что это?

— Социальная служба, они помогают учащимся. — Он улыбнулся при воспоминании. — Сохраб так разволновался, увидев все эти книги. Ему хотелось посмотреть их все: учебники для восьмого класса, для девятого, для десятого, для сдачи экзаменов на получение аттестата — все. Старушка — тамошняя служащая — сказала ему: *dikra*[255], не спеши, учись год за годом, если будешь глотать сразу слишком много, у тебя случится несварение желудка. — Малколм засмеялся: так забавно

---

[255] Сноски: 255
Сынок (*гуджарати*).

Густад воспроизводил манеру речи старой дамы. — Я был такой же, когда впервые попал в папин книжный магазин. Мне хотелось немедленно рассмотреть все книги. Как будто они вот-вот исчезнут. — При этих случайно вырвавшихся словах лицо его затуманилось. — Они и исчезли. Вместе с судебным приставом.

Станция Матунга.

— А ты помнишь, как мы взяли микроавтобус моего дяди, ночью, чтобы спрятать в нем мебель?

— Да, как раз накануне того дня, когда приехал проклятый грузовик пристава.

— Тебе эта мебель до сих пор служит?

— Конечно. Она ведь превосходного качества. Ты же знаешь, ее мой дед своими руками сделал. Она все еще в отличном состоянии, — с гордостью сообщил Густад.

Поезд миновал станцию Махим-Крик, и вонь сточных вод смешалась с соленым морским воздухом. Они поморщились.

— Долго еще? — спросил Густад.

— Следующая станция Бандра.

* * *

С трудом волоча ноги, по платформе к ним приближалась старуха. Под тяжестью увесистой холщовой сумки цвета хаки, набитой свечами, одно плечо опустилось у нее ниже другого. Слизь застыла в уголках глаз, как непролившиеся слезы. Из обтрепанного зева сумки по-клоунски выглядывали заостренные свечи, словно кучка крохотных язычков, молчаливо взывающих от имени старухи. Ее сморщенное лицо и белые с серыми прядями волосы напомнили Густаду Птичницу из фильма «Мэри Поппинс» на ступенях собора Святого Павла. Бедняга, такая старая и изможденная… «Корм для птиц, два пенса пакетик! Корм для птиц, два пенса пакетик! Корм для птиц! Два пенса пакетик!» Это была специально устроенная премьера фильма. Вечер, проводившийся старшей школой Святого Ксавьера для сбора денег на новую гимназию. И та песня… Еще такое длинное слово. Только Сохраб смог его вспомнить, когда они вернулись домой.

— Суперка… суперфраджи… суперкалифраджи… — пробормотал он вслух.

— Что? — переспросил Малколм.

— Да так, ничего. — Какая память, какие мозги

у парня. И так все профукать.

— Свечи для Марии Нагорной, — бубнила старуха, доставая пучок свечей из своей холщовой сумки.

Густад было остановился.

— Пошли, пошли, — поторопил его Малколм. — Этим людям нельзя доверять. Они добавляют примеси, и свечи плохо горят. Возле церкви купишь свечи лучшего качества.

Старуха слабо харкнула, сплюнула и крикнула им вслед:

— Если все будут покупать только возле церкви, кто же поможет мне, а? Что я есть буду? — Она бурчала что-то еще, но слова потонули в приступе кашля.

Выйдя со станции, Малколм договорился о цене с неофициальным таксистом. Как только они отъехали, водитель вытащил из-под своего сиденья пучок свечей среднего размера.

— Для Марии Нагорной, — с энтузиазмом предложил он.

— Нет, — ответил Малколм.

Водитель не сдавался:

— Вам нужны большего размера? У меня есть самые-самые разные там, в кармане откидного сиденья.

— Нет, парень, нам твои свечи не нужны, — отрезал Малколм, взглядом дав понять Густаду, что справится сам, но Густад был озабочен наполовину опущенным оконным стеклом, которое бешено дребезжало. Поскольку ручка отсутствовала, ни поднять, ни опустить его возможным не представлялось.

— У меня есть все, что нужно для Марии, там, в кармане, — не умолкал водитель, — полный набор. Кисти и ступни, голени, бедра. Цельные головы. Отдельные пальцы рук и ног. — Перечисление частей человеческого тела отвлекло Густада от дребезжащего окна. — Колени и носы, глаза и уши. Все, что вам…

— Сколько раз тебе нужно повторить, чтобы ты понял? — рявкнул Малколм.

Водитель надулся и мстительно рванул рычаг переключения скоростей, поскольку они приближались к горе. Машина поползла вверх. Постепенно между деревьями и домами стало просвечивать море, сверкавшее, как осколки зеркала. Вскоре показался скалистый берег, блестевший на солнце раскаленным черным камнем.

— Можно сходить туда после церкви, — сказал Малколм. — Там, на камнях, так приятно поси-

деть, когда дует бриз и начинается прилив. Такое умиротворение.

Как только такси остановилось у ворот церкви, машину осадили дети с пучками свечей в руках. Шофер стал их отгонять. Густад предложил заплатить за поездку пополам, но Малколм отказался:

— Сегодня ты — мой гость.

У самых ворот стояли две тележки, и, пока они размышляли, к какой из них подойти, таксист-он-же-отвергнутый-продавец-свечей презрительно взмахнул руками и, побуксовав на месте, резко развернулся, обдав своих недавних пассажиров густым облаком пыли.

— Ублюдок, — буркнул Малколм.

Четырехколесные тележки были завалены всем, что могло понадобиться направлявшемуся в церковь, и укрыты от солнца брезентовыми навесами, натянутыми на металлические каркасы. Хозяйкой одной тележки была дородная пожилая женщина в черном, неподвижно, словно статуя, сидевшая на деревянной табуретке. За другой присматривал хорошо одетый молодой человек. Ассортимент товаров был у них в сущности идентичен: четки, святые образа, пластмассовые Иисусы, серебряные нательные крестики на серебряных цепочках, настольные распятия, на-

стенные распятия, Библии, изображения Марии Нагорной в рамках, бомбейские сувениры для паломников. Но все эти предметы занимали края тележечных экспозиций, а центральная часть была отдана восковой продукции.

Ровными рядами здесь были выложены пальцы, кисти рук, плечи, руки (с пальцами), коленные чашечки, ступни, бедра и изувеченные ноги. Кисти и ступни разделялись на правые и левые и по размерам — на детские и взрослые. Черепа, глаза, носы, уши и губы лежали отдельно от конечностей и пальцев. Целые женские и мужские восковые фигурки тоже имелись. Все было здесь в соответствии с каталогом, озвученным таксистом, — отделы и подотделы конечностей и торсов, организованные согласно человеческой анатомии.

Перед мысленным взором Густада промелькнула картина приемной Мадхиваллы-Костоправа: свисающие конечности, безжизненные и беззащитные, как эти, вылепленные из воска. Его левое бедро резко отозвалось забытой болью. Он провел ладонью по лбу и посмотрел на Малкольма, словно прося его помочь сориентироваться в этом восковом мире — незавершенном мире мадам Тюссо, подумал он.

— Видишь ли, — объяснил ему Малколм, — страдающие люди приходят к Богородице Нагорной и жертвуют ей ту часть тела, которая у них болит. Считай это ремонтной мастерской. Матерь Мария — механик для всех страждущих. Она чинит все. — Такое земное сравнение заставило Густада благодарно улыбнуться. Ремонтная мастерская, да, это хорошо. Вроде тех, что работают на улице доктора Пеймастера. — Некоторые люди поступают по-другому, — продолжал Малколм. — Они сначала приходят и просят Богородицу об исцелении, обещая вернуться и пожертвовать ей соответствующую часть тела, когда та выздоровеет. Но по мне, так в этом нет никакого смысла. Если у тебя сломались часы, как часовщик сможет их починить, если ты их ему не отдашь? — Умозаключение было неоспоримым. Даже дородная хозяйка тележки кивнула в знак согласия. — А еще, — добавил Малколм, — это слишком похоже на торг, тебе не кажется? Я полностью доверяю Деве Марии, поэтому плачу вперед. — Женщина на табуретке затряслась, но трудно было сказать, от веселья ли или от чего другого, потому что лицо у нее оставалось совершенно бесстрастным.

Малколм взял с прилавка торс девочки и передал Густаду.

— Это за Рошан. А теперь — для твоего друга, который в больнице. Если рак уже распространился, то лучше, наверное, взять тело целиком. — Он указал на мужскую фигурку в последнем ряду. Женщина в черном неохотно оторвалась от своей табуретки. — Кто еще?

Поколебавшись, Густад ответил:

— А может Дева Мария помочь с головой? Я имею в виду — вправить мозги. Человеку, у которого они съехали набекрень.

— О да, думаю, Сохрабу это определенно поможет. — Малколм выбрал мужскую голову. — Ну а как насчет твоего бедра?

— Нет-нет, оно в порядке.

— Чушь собачья. Сегодня утром один ты хромал на всем рынке, я сам видел. Давай, не робей. — Дородная женщина, качнувшись на своей табуретке, наклонилась и из-за тележки посмотрела на Густада, наметанным глазом измеряя его габариты, после чего выбрала нужную ногу. — Отлично, — сказал Малколм. — Увидишь, как это помогает. Кто еще? — Густад подумал о Джимми, о его умоляющем письме, о тех ужасах, которые описывал Гулям Мохаммед. О врагах Джимми, желающих избавиться от него…

— Ну что, есть еще кто-нибудь?

— Нет. Больше никого.

Дородная женщина подсчитала общую стоимость.

— Жертвоприношение сработает, только если заплатишь ты сам, — сказал Малколм. — Мои деньги для этого не годятся.

— Конечно. Естественно.

— А теперь четыре свечи, — сказал Малколм, переходя к другой тележке. — Я всегда покупаю у обоих, чтобы было по-честному.

Густад расплатился, и они вошли в переполненную церковь. Верующие со своими жертвоприношениями медленно продвигались к алтарю. От дуновения потолочного вентилятора вуаль какой-то женщины, стоявшей рядом, скользнула по лицу Густада. В плоских металлических подносах ярко горели сотни свечей. Их совместное сияние озаряло храм оранжевым светом. На свечных подносах теснились бесчисленные конечности и фигурки — восковая вселенная, молящая за страждущих на земле. Жар от свечей постепенно лишал жертвенные фигурки их изначальных форм. Повторяя действия друга, Густад преклонил колена, потом Малколм жестами показал ему, что восковые покупки нужно поставить на поднос и зажечь свечи. Однако найти хоть кро-

хотное свободное местечко в этом нескончаемом обжигающем пламени было трудно. Малколм оглянулся — не видит ли кто — и тыльной стороной ладони быстро смахнул несколько уже наполовину сгоревших свечей. Настоящий пинг-понговый бэкхенд, отметил Густад и шепотом спросил:

— А так можно?

— Все нормально, — ответил Малколм. — Потом кто-то сделает то же самое с твоими свечами. Важно их зажечь. — Он обратил внимание Густада на главную статую. — Это та самая статуя, которую нашли рыбаки.

Статуя была задрапирована в богатые, расшитые золотом покровы; в зареве свечей сверкали камни, казавшиеся драгоценными и полудрагоценными.

— А эти облачения они тоже нашли?

— Нет, они были сделаны гораздо позднее, на пожертвования.

«Интересно, во что же была одета статуя, когда ее выбросило на берег?» — мысленно поинтересовался Густад.

— Видишь младенца Иисуса на левой руке у Матери Марии? Раз в год Он перемещается. На следующий год Он будет у нее на правой руке.

Никто не знает, как это происходит. Настоящее чудо. — После этого Малколм замолчал и, перекрестившись, начал молиться. Густад соединил ладони, склонил голову и стал думать о Рошан, желая, чтобы она опять стала здоровой и веселой; о Диншавджи — чтобы его страдания хоть немного облегчились; и о Сохрабе, чтобы к нему вернулась способность мыслить здраво. Собственное бедро его не волновало, на фоне остального оно было наименее важно.

* * *

Море медленно, но неотвратимо гнало к берегу высокий прилив. Друзья выбрали сухой плоский валун и уселись на нем.

— Какое красивое место, — сказал Густад.

— Да, эта часть Бандры — особенно. Но негодяи планируют и тут провести мелиорацию и развернуть строительство.

— Рошан здесь очень понравилось бы. Иногда, когда мы ездим на Чоупатти или Марин-Драйв[256], она обожает сидеть и смотреть на волны.

---

[256] Сноски: 256

Трехкилометровая набережная-променад в форме буквы «С», идущая вдоль естественной бухты.

Время от времени их лица орошало солеными брызгами — легко, как случайное касание той вуали в церкви. Некоторое время спустя им пришлось пересесть повыше.

— Море отгоняет нас, — сказал Малколм.

Они с любовью вспоминали былые времена, колледж, причуды некоторых своих старых преподавателей и, конечно, — своих родителей. Густад сказал, что никогда не забудет, как добра была к нему семья Малколма, как она каждый вечер привечала его у себя в доме, позволяя наслаждаться музыкой и даже предоставляя место для занятий. Они старались заполнить все лакуны в абрисе прошлого, который набросали еще на рынке Кроуфорд. Но сразу заполнить всю зияющую пропасть, поглотившую долгий период времени, было едва ли возможно. Приходилось довольствоваться всплывавшими обрывками и прядями, за которые они хватались, пытаясь пробиться сквозь своды памяти.

— Та соната, которую ты играл вместе со своим отцом, — сказал Густад и напел мелодию. — Помнишь?

— Конечно, — без колебаний воскликнул Малколм. — Последняя часть сонаты Сезара Франка для виолончели и фортепьяно. В ля мажоре. Па-

пина любимая.

— Моя тоже, — сказал Густад. — Иногда вы вдвоем играли ее вечером, когда уже темнело, но пока еще не зажгли свет. Она звучала так прекрасно, у меня слезы к глазам подступали. И я до сих пор не могу сказать, чтó она мне навевала, печаль или радость. Это так трудно описать. — Да, очень трудно, мысленно добавил он. Мы все немного Темулы: даже владея нормальной речью, порой затрудняемся найти нужные слова.

— Ты не поверишь, но даже после удара, будучи в очень тяжелом состоянии, когда уже не мог держать скрипку в руках, а порой и вспомнить собственное имя, отец слышал ее, эта соната всегда звучала у него в голове. Он не мог говорить, но мелодию воспроизводил точно и все мычал последнюю часть этой сонаты.

Малколм просвистел тему сонаты, и Густад одобрительно улыбнулся.

— Знаешь, мне нравилось смотреть, как твой отец натирал смычок канифолью, у него в этот момент было такое сосредоточенное выражение лица! А потом он начинал играть, и в движениях его смычка было столько жизни и мощи — у меня это вызывало странное чувство. Как будто он отчаянно что-то ищет, но всегда бывает разочаро-

ван. Потому что произведение кончалось прежде, чем он успевал найти то, что искал. — Малколм энергично кивнул, он хорошо понял, что хотел сказать Густад. — Занятно, но у моего отца иногда появлялось точно такое же выражение, когда он что-то читал: своего рода сожаление, что книга кончается слишком быстро, не сообщив ему всего того, что он хотел узнать.

— Такова жизнь, — сказал Малколм. Наступающие волны заставили их пересесть еще выше. Постепенно их разговор переключился на настоящее, на политику и внутреннюю ситуацию в стране. — Ты посмотри: Индира нанесла визиты во все европейские страны, и все они выразили ей сочувствие. Но ни одна ни черта не предприняла, чтобы заставить Пакистан прилично себя вести. Что теперь остается, кроме войны?

— Это правда. Налоги на помощь беженцам огромны, — подхватил Густад. — Это убивает наш средний класс. — Он рассказал, как, работая в банке, воочию наблюдает эту тенденцию: все больше и больше людей вынуждены истощать свои сбережения. Потом он спросил, каково это — работать в муниципальных службах.

— Очень скучно, — ответил Малколм. — Даже говорить не о чем. — Он посмотрел на часы. — Ну

что, готов идти?

Однако стремительно приближающийся прилив, розовато-голубое небо, усеянное умиротворяюще-мягкими белыми облаками, танцующая на кромках волн пена, блестящие, омываемые морем скалы и ощущение солоноватого бриза на лице — все это осеняло Густада такой безмятежностью, какой он давным-давно не испытывал. И он решил остаться. У Малколма был урок, ему надо было идти, но они пообещали друг другу поддерживать связь. Густад поблагодарил Малколма за то, что он привез его в церковь Марии Нагорной, Малколм ответил, что ему это было только в радость, и они на прощание обменялись сердечным рукопожатием.

Оставшись один, Густад устремил взгляд на горизонт. Там море казалось спокойным. Шум и бурление прилива можно ощутить только близко к берегу. Как обнадеживающе: хотя здесь волны мощно разбиваются о скалы, на дальнем краю, где море смыкается с небом, царит спокойствие. Он ощутил острую… что? Радость? Или печаль? Да так ли уж это важно? Точно как та соната. Или как рассвет в еще не такие давние времена: восходящее солнце, его лучи, струящие счастливые золотые слезы в их двор, воробьи, чирикающие в

одиноком дереве…

Солнце утонуло в океане, на сегодня его путь завершен. И все, что имело значение в этой жизни, подернулось сладкой грустной радостью. Он вспомнил все: дедушкину мастерскую с веселым перестуком инструментов и тишиной в конце дня. Поездки в папиной коляске с блестящими медными фонарями, запряженной четверкой лошадей, — неважно куда, потому что волшебством было просто ехать под цокот копыт, пока поездка не кончалась и лошадей не уводили в конюшню. Чудесные вечера, которые устраивал папа: вкусная еда и музыка, роскошные наряды, люди, игрушки. И тем не менее всегда в какой-то момент вечера на поверхность всплывала мысль: еда будет съедена, гости разъедутся, музыка смолкнет, его отправят в постель и выключат свет.

Начальные такты сонаты неотступно преследовали его, и слезы, которые он не мог себе позволить на людях, теперь жгли ему глаза. Волна лизнула носок его туфли, почти не замочив его. Следующая промочила насквозь оба. Если человек плачет на берегу моря, подумалось ему, соль его слез смешивается с соленой водой океана. Эта мысль наполнила его ощущением чуда.

Он стоял и наблюдал, пока море не поглотило его валун. Потом последовал в том же направлении, куда ушел Малколм, — к станции Бандра.

Позднее, когда он вышел на станции Грант Роуд, чтобы пешком идти до дома, ему неожиданно вспомнилось то слово: «*Суперкалифраджилистикэкспиалидошес*»[257]. Он тихо повторил его вслух. Завтра он повеселит им Диншавджи. Чтобы возместить пропущенный сегодня визит.

[257] Сноски: 257

Слово из песни к фильму «Мэри Поппинс» 1964 года (написанной братьями Шерман и исполненной Джули Эндрюс и Диком ван Дайком), смысл которого в фильме объясняется как «слово, которое говорят, когда не знают, что сказать».

Глава шестнадцатая

I

Дильнаваз открыла дверь, даже не взглянув в глазок, потому что это было время, когда Густад обычно возвращался из «Парси дженерал», и испугалась, увидев на пороге бородатого мужчину. Когда он представился, назвав себя Гулямом Мохаммедом, ее первым побуждением было захлопнуть дверь у него перед носом и запереть ее изнутри на все замки.

— Могу я видеть мистера Нобла?

— Его нет дома. — «Когда же этот *бхустаигайо*[258] майор прекратит обрушивать на наши головы постоянные несчастья?» — Он поехал в больницу навестить тяжелобольного друга. — «Не то чтобы я была обязана что-то объяснять этому черту, но, может быть, он хоть испытает жалость. Если у него есть сердце».

— Я подожду во дворе.

«Вот и отлично, — подумала она, — не хочу впускать его в свой дом. И как у него хватило совести заявиться сюда после всего того, что он нам сделал!» Но она тут же передумала.

---

[258] Сноски: 258
Бхустаигайо — проклятый (*хинди*).

— Вы можете подождать внутри. — «Тогда я смогу предупредить Густада до того, как он войдет в дом».

— Я вам очень благодарен. Спасибо.

Она оставалась в кухне, нервно поглядывая оттуда в гостиную. Если бы только она могла высказать чернобородому вору все, что она о нем думает! Он вежливо улыбался в направлении кухонной двери, недоумевая, почему все окна и вентиляционные отверстия покрыты бумажным затемнением.

— ГустадГустадГустад, — закричал в окно Темул. — Пожалуйстапожалуйста Густад.

— Простите, — сказал Гулям Мохаммед, — кажется, кто-то зовет мистера Нобла.

Она вышла на крыльцо.

— Что тебе?

— ГустадГустадпожалуйста.

— Его нет.

Темул поскреб под мышкой, пытаясь вспомнить остальную часть сообщения, потом вспомнил:

— Телефонтелефонтелефон. Оченьважныйзвонок.

— Тебя послала мисс Кутпитья? — Темул кивнул, впившись ногтями в обе подмышки.

— Прекрати! — сказала она, и руки Темула

мгновенно упали. — Скажи, что Густад будет позднее. — «Я не могу оставить этого чернобородого негодяя в доме одного. Но кто может звонить Густаду в воскресенье?»

Гадать пришлось недолго, потому что вскоре после этого вернулся Густад. На пороге она успела шепотом предупредить его о визитере.

— Мне остаться или пойти узнать, кто звонил?

— Пойди узнай, — сказал Густад. — Мне лучше поговорить с ним наедине.

Когда он вошел, Гулям Мохаммед встал ему навстречу. Проигнорировав протянутую им руку, Густад сказал:

— Кажется, при последний встрече я ясно дал понять, что не хочу иметь ничего общего с вами или с майором Билиморией.

— Пожалуйста, не сердитесь, мистер Нобл, мне очень неловко беспокоить вас и вашу жену. Обещаю, это в последний раз. Но помните, вы обещали обдумать просьбу Билибоя? Насчет поездки в Дели. — Он говорил успокаивающе, почти льстиво. Ни намека на угрозу или даже жесткость. — Я ждал ответа больше полутора месяцев, мистер Нобл.

— Нет, я не могу поехать, я…

— Пожалуйста, мистер Нобл, позвольте мне

показать вам это. — Он открыл свой портфель. Только не снова газета, подумал Густад. Но оказалась именно она.

Гулям указал на статью.

— Это о Билибое. Если бы я пересказал ее своими словами, вы бы мне не поверили. Поэтому лучше прочтите сами.

Снаружи все еще было достаточно светло, но из-за затемнения на окнах комната уже погрузилась в темноту. Густад включил настольную лампу.

СКОРО БУДЕТ ВЫНЕСЕН ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ О ДЕНЕЖНЫХ МАХИНАЦИЯХ В НАК

Согласно вчерашнему решению суда по делу имитатора чужих голосов мистера Билимории, офицера НАК, мошенническим путем выманившего у государственного банка шесть миллионов рупий, ходатайство обвиняемого о пересмотре дела отклонено.

Стало известно, что глава Особой следственной группы, назначенной для решения вопроса о необходимости пересмотра дела, запросил дополнительное время для тщательного изучения доказательств. Вскоре после этого он погиб

в автокатастрофе на Большой магистральной дороге[259].

Смена руководства комиссии привела к скорому завершению следствия и вынесению решения о нецелесообразности пересмотра дела. Вынесение приговора ожидается в ближайшее время.

Густад сложил газету и вернул ее Гуляму.

— Это был его последний шанс, — сказал тот. — Но суды — в кармане у властей. Эти ублюдки считают, что мы тупицы и не понимаем, что означает, когда глава следственной комиссии вдруг погибает в дорожной аварии. — Он сжал и разжал кулаки. — Так что теперь это всего лишь вопрос времени. Пожалуйста, поезжайте, встретьтесь с Билибоем. Прежде чем они его прикончат. Пожалуйста.

— Почему вы все время повторяете «они его прикончат»? Здесь не Китай и не Россия. — Хотя нечто странное действительно происходит, это точно, мысленно добавил он.

Гулям грустно покачал головой.

---

[259] Сноски: 259

Great Trunk Road (GTR) — одна из самых старых дорог Южной Азии длиной свыше 2500 км, которая проходит и по северной части Индийского субконтинента.

— Не знаю, что еще сказать, чтобы убедить вас, мистер Нобл, но это правда.

— Ладно, допустим, что это правда. Какое значение имеет, увидит он меня или нет? — Густад старался, чтобы голос его звучал твердо. — Он обо мне не думал, лгал мне, использовал меня для своих целей.

— Вы ошибаетесь, он думал о вас. И позаботился о том, чтобы у вас не было неприятностей после его ареста.

— Но я не могу ехать в Дели. Моя работа…

— Мистер Нобл, пожалуйста, — взмолился Гулям. — Это займет всего три дня. Вы сядете на ночной поезд, прибудете на место следующим утром и прямиком отправитесь в тюрьму. Ваше посещение я полностью организую. Вы вернетесь уже на третий день. — Он вынул из кармана рубашки небольшой конверт и протянул его Густаду.

— Что это?

— Билет туда и обратно.

Густад открыл конверт и увидел зарезервированный на пятницу билет в спальный вагон и адрес тюрьмы. Он тут же резким движением протянул его обратно.

— Не думаю, что…

— Пожалуйста, мистер Нобл. Ради вашего друга, который по-прежнему любит вас как брата.

«Как брата. Да. Именно так любил его я. Все те годы, что мы прожили вместе в этом доме. Наши совместные молитвы на рассвете, взрослеющие на глазах дети, сколько доброты, веселья, смеха было в наших отношениях. И к чему все это свелось теперь? Джимми в тюрьме. Просит меня приехать. Что я могу ответить?»

— Ладно. — Он принял билет на поезд. И как только согласие было дано, его ненависть к Гулягу рассеялась.

— Спасибо, мистер Нобл. Билибой будет счастлив увидеть вас. Только еще одна просьба: не говорите ему того, что я вам рассказал. Если в нем еще теплится надежда, пусть она сохранится.

Идя к выходу, он заметил на буфете пустую бутылку «Геркулеса XXX». Густаду не хватило духу выбросить ее.

— Это любимый ром Билибоя. С давних времен, еще с Кашмира.

— Я знаю, — ответил Густад. — Эту бутылку подарил мне он.

Вошла вернувшаяся от мисс Кутпитьи Дильнаваз и очень удивилась, услышав их мирный разговор. Когда Гулям ушел, она спросила:

— Чего он хотел?

Густад объяснил. Вся эта затея показалась ей весьма подозрительной, но спорить она не стала, поскольку сообщение по телефону было очень срочным.

— Звонили из «Парси дженерал». Они не могут найти номер телефона Аламаи.

Он вопросительно посмотрел на нее, но уже все понял без слов.

— Диншавджи?..

Она кивнула.

— Около часа тому назад.

Он закрыл лицо руками.

— Бедный Диншу. Смерть была спокойной? Что они сказали?

— Он потерял сознание в конце дня.

Густад встал.

— Я должен ехать немедленно. Раз они не могут найти Аламаи, значит, он там один.

— Но я не понимаю, ты же был там. Когда ты от него ушел?

Его ложь, его попытки говорить полуправду больше не имели никакого значения.

— Я не был сегодня у Диншавджи. Я ездил в Бандру, в церковь Марии Нагорной.

Она была ошеломлена.

— В церковь? Вот так вдруг?

Он снова сел и подпер рукой подбородок.

— Не волнуйся, я не сменил веру. Просто утром я встретил Малколма Салданью на рынке Кроуфорд. Удивительно: мы разговорились так, словно никогда не расставались. — Он пересказал ей легенду о Марии Нагорной. — Малколм говорит, что чудеса по-прежнему случаются каждый день.

Она прекрасно все поняла. В конце концов, и она, и Густад двигались в одном направлении, просто разными дорожками.

— Но одно очевидно, — с горечью сказала она, — для Диншавджи чуда уже не будет.

Она ласково тронула его за плечо.

— Ты сделал все, что мог. Это не твоя вина.

Ее попытка утешить пронзила его, как стрела обвинения. Он вспомнил незаконные депозиты, жалобы Лори и последовавшее молчание Диншавджи. «Это *была* моя вина. Все изменилось после того, как Диншу затих. *Я* заставил его затихнуть».

— Он болел очень давно, — снова попыталась Дильнаваз. — Вспомни, как он выглядел, когда пришел на день рождения Рошан.

— Да. Я помню. — «По кочкам, по кочкам, скри-

пит еще моя тележка, — снова и снова звучало у него в голове. — По кочкам, по кочкам, скрипит еще моя тележка». «И вот наконец его тележка остановилась, кончились ее скитания. Настал покой для моего Поэта-лауреата».

— Поплачь, не сдерживай слезы. — Она наклонилась над его стулом, чтобы обнять его.

Он поднял глаза, горевшие от непролитых слез, и с вызовом посмотрел на нее, чтобы она увидела, что глаза у него сухие и немигающие. И только после этого тоже обнял ее. В этот момент в комнату вошла Рошан, обрадовалась, видя своих родителей обнимающимися, и попыталась обнять их обоих своими тонкими ручками. Густад усадил ее к себе на колени.

— Как ты себя чувствуешь, сладкая моя девочка?

— Нормально. — Она внимательно всмотрелась в их лица. — А почему ты такой печальный, папа? — Коснувшись пальцами кончиков его губ, она попыталась растянуть их в улыбку и от этого захихикала сама.

— Потому что мы получили печальное известие, — ответила за него Дильнаваз. — Помнишь Диншавджи, который приходил на твой день рождения?

Рошан кивнула.

— Он все время щекотал и смешил меня и еще читал стишки: «Шелаю здоровья и денег побольше».

— Какая память! Умница ты моя.

— Он был очень болен, — продолжила Дильнаваз, — лежал в больнице, а сегодня умер, отправился на небеса, к Дададжи.

Рошан серьезно обдумала эти слова.

— Но я ведь тоже очень больна. Когда я отправлюсь к Дададжи?

— Что за дурацкий разговор! — Густад нарочно сделал вид, что сердится, чтобы скрыть страх. — Ты не очень больна, тебе уже гораздо лучше. Сначала ты вырастешь, выйдешь замуж, у тебя будут дети. Потом они тоже женятся, и у них будут свои дети, а ты станешь старенькой-старенькой *досси*[260], прежде чем Дададжи заинтересуется тобой и призовет тебя к себе. — Он укоризненно посмотрел на Дильнаваз — зачем она это сказала? — и, прежде чем отправиться в больницу, крепко обнял их обеих.

Во дворе гремел голос Кавасджи:

— Завтра — утро понедельника, Ты это зна-

---

[260] Сноски: 260

Досси — нянечка, служанка (*маратхи*).

ешь? Семейство Тата соберет совет директоров! Когда Ты будешь осыпать их своими милостями, не забудь и о нас! Стань наконец честным! *Бас*, хватит уже…

Его перебил пронзительный вопль миссис Пастакии:

— Да заткнитесь вы уже, старый дурак! У меня голова раскалывается!

Интересно, где ее муж, подумал Густад, почему он позволяет ей так разговаривать с его отцом?

II

Часы посещений закончились. Он объяснил дежурной медсестре, почему он здесь, и она повела его в палату.

— Когда он скончался?

Она сверилась с часами, приколотыми на груди.

— Чтобы назвать точное время, мне нужно посмотреть в записи. Но приблизительно это было два часа назад. Перед тем как потерять сознание, он стал испытывать невыносимые боли. Пришлось вколоть ему большую дозу морфия. — Голос у нее был резкий и отдавался эхом от стен коридора. Болтливая. Обычно у них нет времени, даже чтобы ответить на простейший вопрос. Они грубые, как бешеные суки. — Очень жаль, что с ним никого не было, — укоризненно продолжила сестра. — Вы его брат? Двоюродный брат?

— Друг. — Вот же, сует свой нос… Не ее это дело.

— А-а, — сказала медсестра, как бы снимая с него обвинение, но и этот шип, терзавший его вместе со многими другими, остался. «Последний день Диншавджи я провел с Малколмом.

Оставил его умирать, недоумевая, почему меня нет рядом».

— Ну вот, пришли, — сказала сестра.

— Он все еще в палате?

— А что делать? Если есть свободная комната, пациента перевозят туда. — Она произнесла «пацента». — Если нет, мы ничего не можем сделать. — Он удивился, что она использовала слово «пациент», а не «покойный» или «тело». — Вот почему мы всегда хотим, чтобы родственники пришли поскорей и все организовали. Нам так не хватает свободных коек.

— Его жена там?

— Думаю, да, — ответила сестра, останавливаясь перед дверью.

Густад нерешительно вошел в палату и посмотрел в направлении кровати Диншавджи. Женской фигуры, бдящей у постели покойного, не было. Он окинул рассеянным взглядом ряды спящих больных, услышал их посапывания и храпы.

«Если бы я не знал, что Диншавджи умер, я бы подумал, что он тоже спит. Странное ощущение. Я стою рядом с его кроватью, а он не может меня видеть. Нечестное преимущество. Как будто я шпионю за ним. Но кто знает? Может, пре-

имущество как раз на стороне Диншу и это он подсматривает оттуда, сверху. И посмеивается надо мной».

У кровати стоял жесткий стул с прямой спинкой. За последние недели Густад уже привык к нему. В изножье кровати простыня, которой был накрыт Диншавджи, топорщилась под острым углом. Густад заглянул под кровать — стоят ли ботинки двенадцатого размера рядом с чемоданчиком? Только судно — белая неподвижная эмаль в темном пространстве. А рядом — прозрачная утка в форме колбы.

Не все пациенты спали. Некоторые внимательно наблюдали за здоровым человеком, пришедшим в неурочный час, когда его здесь быть не должно. В тусклом свете ночника их глаза испуганно фокусировались на нем, метались по палате, потом снова возвращались к нему. Когда настанет их черед? Как это случится? Что потом?.. По лицу одного старика слезы тихо, медленно скатывались на уныло-белую, как его волосы, наволочку. Другие больные выглядели умиротворенно, словно теперь точно знали, что умирать — проще простого. Один из них, тот, который несколько недель шутил и смешил их, показал им, как это легко. Как легко перейти от

тепла и дыхания к холоду и неподвижности, как легко уподобиться одной из тех гладких восковых фигурок на тележке перед входом в церковь Марии Нагорной.

Диншавджи освободили от всех атрибутов, привязывавших его к жизни. Тонкий и холодный металлический штатив, имеющий сугубо медицинское назначение — держать в подвешенном состоянии пластиковый мешочек с физиологическим раствором, теперь стоял пустой и выглядел по-домашнему, просто как безобидная вешалка. В последние недели Диншу обрастал все большим количеством трубок: одна торчала у него в носу, две — в руках, где-то под простыней был еще катетер. Все это было убрано. Словно он никогда и не болел. Остается надеяться, что убирали их так же осторожно, как вставляли, умелой твердой рукой, а не просто выдернули, как бесполезные провода из старого сломавшегося радиоприемника вроде моего «Телерада». А потом выбросили в мусор, как те катушки, трансформаторы и конденсаторы, что устилают тротуары перед ремонтными мастерскими.

Диншавджи разобрали. И после того, как будут прочитаны молитвы и совершены обряды на Башне Безмолвия, стервятники доделают

остальное. А когда кости будут очищены добела, исчезнут и они, не останется никаких доказательств того, что Диншавджи когда-то жил и дышал. Кроме памяти.

«А потом? Когда умрет и память? Когда не станет меня и всех его друзей? Что тогда?»

Глаза недремлющих пациентов все еще были сосредоточены на Густаде. Он считал, что возникнет неловкость, если они встретятся взглядами, поэтому смотрел только на функциональную кровать Диншавджи. Железная рама, выкрашенная в кремовато-белый цвет. Черная там, где краска облезла. Три паза для рычага с деревянной ручкой. «Первый — чтобы поднимать изголовье, им я пользовался, когда Диншавджи приносили обед. Шестеренки и зубья — как в моем детском механическом конструкторе. Второй паз — чтобы поднимать ноги (однажды я по ошибке использовал его). А третий — для центральной секции. Странно. Зачем поднимать живот или таз выше остальных частей тела? Мне приходит в голову только одно объяснение. Отнюдь не медицинского свойства. Если только интерны и медсестры не используют эту функцию кровати для своих игр. Жаль, что мне раньше это не пришло в голову. Повеселил бы Диншавджи. Впрочем, он сам мог

придумать что-нибудь и похлеще. Достаточно вспомнить его “больничную песенку”…»

— Суперкалифраджилистикэкспиалидоушес, — прошептал он в ухо другу и улыбнулся.

В дверях появилась жена Диншавджи. Оглядев палату, она решительно шагнула внутрь с видом, не оставлявшим никаких сомнений: с ней шутки плохи. Заметив улыбку Густада, которую он не успел стереть с лица, она одарила его испепеляющим взглядом.

Аламаи была высокой женщиной, гораздо выше Диншавджи, с язвительно-суровым лицом человека, всегда готового увидеть изъяны в этом мире, а особенно в его обитателях. Словом, настоящая мегера. Ее тощая шея перетекала в узкие, постоянно приподнятые, немного сутулые плечи. «Быть бездетным, иметь такую жену, как Аламаи, и при этом обладать таким чувством юмора!..» — подумал Густад. А может, именно поэтому. Его домашний стервятник. Он чуть было снова не улыбнулся, вспомнив любимую присказку Джиншавджи: «Не придется нести мои кости на Башню, мой домашний стервятник обгложет их раньше».

Выразив соболезнования, он сказал:

— Аламаи, пожалуйста, если я могу чем-нибудь

помочь, только скажите.

Прежде чем она успела ответить, в палату ворвался молодой человек с бледным одутловатым лицом.

— Тетушка! Тетушка! — закричал он высоким голосом, который частично исходил из носа, идеально подходившего для этой цели благодаря своей форме и размеру. — Те-е-етушка! Ты ушла и оставила меня в туалете!

Все больные в палате открыли глаза. На вид парню было лет двадцать. Интересно, кто он? — подумал Густад.

— Ш-ш-ш-ш! *Muá* дурачок! Закрой рот сейчас же! Безмозглый мальчик, тут больные люди спят. Ты что, заблудился бы без меня в туалете?

Взрослый мальчик надулся, получив выговор.

— Иди познакомься с Густаджи Ноблом. Он был папиным лучшим другом. — Обернувшись к Густаду, она объяснила: — Это наш племянник Нусли, сын моей сестры. У нас детей не было, и он всегда был для нас как сын. Наедине он всегда называл нас только мамой и папой. Я привела его, чтобы он мне помог. Ну подойди, подойди, что ты стоишь и пялишься! Пожми руку дяде Густаду!

Нусли, хихикая, протянул руку. Он был тощим и

стоял, опустив плечи. *A single-paasri weakling*[261], подумал Густад, пожимая липкую руку и недоумевая, как сестра стервятницы могла произвести на свет такое робкое существо, как Нусли. А может, это было неизбежно? Он повторил, обращаясь к Аламаи:

— Могу ли я чем-нибудь вам помочь?

— Пока Нусли был в туалете, я позвонила в Башню Безмолвия. Они сказали, что катафалк прибудет через полчаса.

Больные, закрывшие глаза после того, как Аламаи утихомирила Нусли, снова открыли их, потому что Нусли опять задействовал свой пронзительный голосовой инструмент.

— Тетушка, мне так стра-а-ашно!

— Ля-ля-ля! *Теперь-то* чего ты боишься?

— Катафалка, — завыл он. — Я не хочу в него садиться!

— Безмозглый мальчишка, что в этом страшного? Это же просто как микроавтобус. Помнишь, в прошлом году мы все ездили в таком микроавтобусе на пикник в сады Виктории с семьей дяди Дораба? И видели там много всяких животных. Это будет такой же микроавтобус.

---

[261] Сноски: 261
Единственный слабый среди парсов.

— Нет, тетушка, пожалуйста, я очень боюсь. — Он съежился и стал выкручивать себе руки.

– *Marey em-no-em*![262] Одному Богу известно, зачем я притащила тебя с собой! Думала, ты будешь помогать. Где была моя голова?! — Она обеими руками ударила себя по голове.

Густад почувствовал, что пора ему вмешаться, пока еще больше пациентов не разбудил кошмар, происходящий в их палате.

— Аламаи, я охотно поеду с вами в катафалке, чтобы помочь все организовать.

— Видишь? Видишь, *lumbasoo-baywakoof*[263], слушай, что говорит дядя Густад. Он не боится, видишь? — Нусли стоял, уставившись на свои ноги и поджав губы, как будто собирался плюнуть. Она хлопнула его по спине, он еще больше ссутулился. — Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

— Да-да, он поедет, — сказал Густад. — И будет сидеть рядом со мной. Правда, Нусли?

— Ладно, — ответил тот и захихикал.

— И чтобы я не слышала твоих хиханек-хаханек, — сказала Аламаи. Но, прежде чем последо-

---

[262] Сноски: 262
Глупыш, дурачок (*гуджарати*).

[263] Сноски: 263
Долговязый ты идиот (*хинди*).

вать ее приказу, Нусли позволил себе еще один короткий пароксизм смеха.

Теперь Аламаи переключила внимание на чемодан Диншавджи, стоявший под кроватью.

— Давай, давай, Нусли! Не стой столбом! Иди сюда и вытащи чемодан. Я хочу проверить, все ли, что папа взял из дома, на месте. Не доверяю я этим больничным служащим.

Густад счел, что это подходящий момент, чтобы на время исчезнуть. Он вернется к прибытию катафалка.

— Простите, я отлучусь на несколько минут.

Аламаи, занятая инвентаризацией, отпустила его царственным жестом. Уходя, он успел заметить черные ботинки Диншавджи в чемодане. Пустые, они казались больше, чем были при жизни хозяина.

Пройдя по длинному холодному коридору, он спустился по лестнице, пересек приемный зал, вестибюль и вышел в больничный двор. Лужайка была чуть влажной и источала приятный запах свежескошенной травы. Во дворе было темно, если не считать тусклого света от кованого железного фонаря, стоявшего у дорожки. Он направился в маленький сад с беседкой, где сидел много воскресений тому назад, когда Диншавджи

еще только привезли в больницу.

Скамейка, как и трава, была влажной. Для росы слишком рано, должно быть, *маали*[264] намочили, когда поливали цветы. Он постелил носовой платок и сел. Ощущение опустошенности, которому он до сих пор не давал воли, накрыло его. Он чувствовал себя измученным, лишенным последних сил, полностью ушедших на то, чтобы пройти через этот трудный день, от рынка Кроуфорд до Горы Марии, сдерживать хромоту и терпеливо вынести общение с Аламаи.

На скамейке под деревьями было прохладно. И мирно. Как на природе. Или в той горной деревушке с ночным стрекотом насекомых. В Матеране, когда ему было восемь лет и папа возил туда их всех: бабушку, дедушку, семью младшего брата (того самого, который обманул папино доверие и погубил его) и двух слуг. Они забронировали четыре номера в отеле «Центральный». Когда вышли из игрушечного поезда, который медленно, пыхтя, доставил их на станцию, шел дождь. К тому времени, когда они на рикшах доехали до отеля, все промокло насквозь. Управляющий был папиным личным другом. Он приказал отнести

---

[264] Сноски: 264
Маали — садовники (*хинди*).

им в номера чашки с горячим напитком «Боурн Вита»[265]. Когда стемнело, зажглись фонари и налетели москиты. Тогда Густад впервые спал под москитной сеткой. Он проскользнул в кровать через просвет в сетке, и мама подоткнула ее концы под матрас. Было непривычно желать спокойной ночи и говорить «Да благословит тебя Бог» через ткань, похожую на марлю, и через нее же слышать мамин ответ. Голос доносился ясно, но выглядела мама такой бесплотной за этой вуалью, такой далекой, вне пределов его досягаемости, и он почувствовал себя под этим белым балдахином так, словно он совсем один погребен в своем безмоскитном мавзолее. Путешествие было таким долгим, и он заснул.

Но та картинка навсегда запечатлелась в его душе: мама сквозь белую прозрачную москитную сетку говорит: «Доброй ночи. Да благословит тебя Господь», нежно улыбается, проплывает перед его сонными глазами и исчезает, глядя на него ласково, с любовью, — исчезает навсегда. Именно такой он вспоминал ее в восемнадцать лет, когда ее уже не было на свете.

---

[265] Сноски: 265

Bourn Vita — пищевая добавка, содержащая большое количество витаминов и минералов, способствующих поддержанию жизненных функций, снятию усталости и предотвращению простуды.

И никогда в жизни он больше не ел таких вкусных кукурузных хлопьев, какими кормили их на завтрак в Матеране. И таких тостов с розочками из масла и джемом. Неумолчно тараторившие коричневые обезьяны всегда были наготове, чтобы стащить то, что упало, или то, что было беспечно оставлено без присмотра. Одна даже выхватила пачку печенья «Глюко» прямо у него из рук. Еще были катания на пони. Долгие пешие прогулки, по утрам и вечерам, на вершину Эхо, Обезьянью вершину, вершину Панорама, на озеро Шарлотты. С палками для ходьбы, которые папа купил каждому: только что выструганные, пахнувшие еще жившим в них деревом. Холодный свежий воздух наполнял легкие, вытесняя из них городскую затхлость. Вечерами было холодно, приходилось надевать пуловеры. Управляющий рассказывал им истории про охоту на тигров, в которой он участвовал в этих горах. А в последний вечер шеф-повар приготовил для них особый пудинг. Когда он был съеден, шеф вышел попрощаться с ними, потом притворился, будто огорчен тем, что им недостаточно понравился его деликатес. Они решили, он шутит, потому что на блюде не оставалось ни крошки. Но шеф взял пустое блюдо, разломал его перед их изумленными

глазами и разложил обломки по тарелкам, сам съев один для демонстрации. Все смеялись над тем, как их разыграли, хрустя кусочками блюда, испеченного из сахара и желатина. «Вот это и называется “сладким блюдом”», — сказал папа.

Но Густад весь ужин просидел молча, потупившись, думая о завтрашнем дне, о том, что праздник закончился. Отец пытался взбодрить его, обещал, что они приедут сюда снова на будущий год. А потом блюдо было сломано и съедено. И в этом действе таилось нечто окончательное и ужасное. Густад отказался попробовать даже маленький кусочек сахарно-желатинной шутки.

А когда книжный магазин обанкротился и явился судебный пристав, он, бессильно наблюдая, как пустеют стеллажи и книги грузят в кузова машин, вспомнил то сломанное блюдо. Папа, тщетно умолявший пристава. Подковки на туфлях приставов, нагло цокавшие по каменному полу. Мужчины, делающие свою работу: демонтирующие папину жизнь, ломающие ее на куски и скармливающие их ненасытным утробам грузовиков, которые отъезжают, оставляя за собой шлейф ядовитой вони дизельного выхлопа и Густада, вспоминающего последний ужин в Матеране и хруст обломков сахарного блюда

— такой ужасный символ конца.

Кстати, каким был тот пудинг? Лимонным? Нет, кажется, ананасным. Или, возможно, карамельным? Возможно. Даже воспоминания не остаются в целости навечно. С ними надо обращаться осторожно и щепетильно. А Диншу мертв. Завтра. Стервятники. Потом — ничего. Кроме воспоминаний. Его шутки. О двух мужчинах, чьи жены… И еще, про велосипедный насос. «Посели меня, Боже, в больничке, где милы и стройны медсестрички…»

Густад закрыл глаза и стал клевать носом. Вскинул голову. Снова уронил. И опять поднял. Его очки соскользнули ближе к кончику носа. В третий раз он даже не стал пытаться побороть сон.

* * *

От громкого автомобильного сигнала, разорвавшего тишину над влажной травой, в листве деревьев смолкли сверчки и цикады, короткому сну Густада пришел конец. Он поправил очки. Какая-то машина перегородила подъездную дорожку, и микроавтобус ждал, пока ему освободят проезд. Густад встал. В свете, лившемся из окон, была видна надпись на борту: *«КАТАФАЛК. Бомбейский парсийский панчайат»*. В темноте корпус

автомобиля излучал устрашающее серебристо-белое сияние.

Густад поспешил через лужайку. В траве опять трещали цикады — цвирк-цвирк-цвирк, — снова обозначившие свое визгливое присутствие. Машины и баррикады, подумал Густад, могут преградить путь катафалкам. Но не смерти. Смерть проходит везде и всегда как хочет: может быстро, а может, как принято, с задержкой.

Машина-нарушительница отъехала, и катафалк, урча мотором, преодолел последние несколько ярдов. Густад подошел ко входу как раз в тот момент, когда двое мужчин вышли из него и поднялись по ступенькам в вестибюль. Там ждала Аламаи.

— Наконец-то! Где вы были все это время, Густаджи? Я уж решила, что у вас в голове все перепуталось и вы ушли домой.

С кем, по ее мнению, она разговаривает? Со своим *mai-issi*[266] Нусли? Сохраняя внешнее спокойствие, он ответил:

— Я видел, что катафалк подъехал только что. Вы готовы?

Больничные формальности были уже заверше-

---

[266] Сноски: 266
Психом (*гуджарати*).

ны, все документы заверены и выданы на руки. Двое *khandhias*[267] принялись за работу. Нусли сторожил сумку Аламаи, пока она проводила последний досмотр чемодана Диншавджи. Тоном, настолько вежливым и любезным, насколько ей это было доступно, она спросила у носильщиков:

— Пожалуйста, не могли бы вы положить в машину этот маленький *пайти*[268]? Чтобы мы проехали мимо моего дома и оставили его там?

– *Маиджи*[269], нам запрещено это делать. Мы должны следовать прямиком в Дунгервади[270]. У нас на дежурстве только один микроавтобус.

Аламаи кротко сложила руки на груди и склонила голову набок.

— Послушайте, *бава*[271], беспомощная старая вдова будет молиться за вас, если вы сделаете это для нее.

---

[267] Сноски: 267
Трупоносы, особые члены зороастрийской общины, которые занимаются доставкой трупов в погребальные комплексы — дахмы.

[268] Сноски: 268
Пайти — чемодан (*хинди*).

[269] Сноски: 269
Маиджи — мадам (*хинди*).

[270] Сноски: 270
Парсийский погребальный комплекс в Бомбее/Мумбаи.

[271] Сноски: 271
Бава — хороший человек (*хинди*).

Но носильщики были непреклонны: они уже успели заметить, что это за штучка.

— Простите, но никак не можем.

Уронив руки, она в гневе развернулась и, прямая, негнущаяся, как шомпол, направилась к выходу, бормоча что-то про лишнюю поездку на такси, которую ей придется совершить. «Упрямые, ленивые бездельники», — выругалась она, ни к кому конкретно не обращаясь. Нусли следовал за ней с ее сумкой, потом шли носильщики с железными носилками и в конце процессии — Густад.

Внутри катафалка носилки закрепили у одного борта. Вдоль другого тянулась скамья для пассажиров. Шофер завел мотор, и Аламаи жестом велела Нусли залезать. Опустив плечи, тот скрестил руки на груди и попятился.

— Нет, тетушка! Только я не первый! Пожалуйста, я — не первый!

— Трусливый мальчишка! Ты так навсегда и останешься *beekun-bylo*[272]. — Она оттолкнула его тыльной стороной ладони. — Отойди, *muá животное*, отойди в сторону! Я пойду первой. — Игнорируя протянутую ей сопровождающим

---

[272] Сноски: 272
Страшно трусливым (*гуджарати*).

руку, она одним движением поднялась в машину. — *Миá* трус! Ну, теперь влезай и прячься у меня под юбкой.

Но Нусли, повернувшись к Густаду, умоляющим взглядом и жестами попросил его быть следующим. Густад сделал, как он просил. Наконец и Нусли, съежившись, вполз в машину и сел сзади, как можно дальше. Стоявший снаружи носильщик покачал головой, с грохотом захлопнул заднюю дверь микроавтобуса и прошел вперед, на пассажирское сиденье кабины.

Поездка прошла без происшествий, если не считать одного чрезвычайно ухабистого отрезка пути. Машину страшно трясло, и носилки опасно подскакивали. Голова покойного начала раскачиваться, и Нусли пронзительно закричал от страха. Это произвело на Аламаи весьма странный эффект: она начала всхлипывать, вытирать глаза маленьким носовым платочком, и Густаду стало противно. Лучше уж сидела бы спокойно и не притворялась. Бессовестная лицемерка. Если уж ей нужны слезы, наняла бы плакальщиков. Слава богу, качество жизни после смерти не зависит от количества слез.

Но он ошибался. Немного похлюпав носом и повытирав глаза, Аламаи показала, насколько он

недооценил ее актерские способности. Как только катафалк свернул в ворота Дунгервади и начал подниматься по склону, ее сотрясли конвульсии, и она без предупреждения разразилась рыданиями. Опасно раскачиваясь всем своим длинным телом взад-вперед в узком пространстве кузова, она стискивала голову руками и завывала:

— О, мой Диншу! Зачем?! Зачем?! Зачем ты оставил меня?! О, Диншу!

Прямо Том Джонс с его Делайлой, подумал Густад. Диншу это понравилось бы. Его домашний стервятник, исполняющий песнь несчастной любви.

— Ты оставил меня! Ушел! Почему? — Поскольку Диншавджи отказывался отвечать на этот вопрос, она еще немного порыдала, после чего обратила взгляд к крыше катафалка. — О, Парвар Дегар![273] Что Ты наделал! Ты забрал его у меня! Почему? Что мне теперь делать? Забери и меня! Прямо сейчас! Прямо сейчас! — И она дважды ударила себя в грудь.

Водитель притормозил у нижних молитвенных домов, но, не получив никаких указаний, двинулся дальше вверх. Оказалось, что Аламаи не

---

[273] Сноски: 273
Одно из именований Бога.

позаботилась заранее об организации похорон. Густад попросил водителя вернуться к административному зданию.

— Что за люди! — ворчливо жаловался водитель напарнику. — Они думают, что едут на воскресную прогулку в Скэндал Пойнт и я должен возить их кругами.

Когда Густад вел Аламаи в административное здание, она продолжала выть и молотить себя в грудь.

— Такова воля Божия, Аламаи, — сказал он, немного уставший от ее представления. Он пытался утихомирить ее всеми положенными в таких случаях словами, какие только знал. — Диншавджи избавился от страданий и боли. Благодарение милости Всемогущего.

— Это правда, — простонала она голосом, сила которого была довольно неожиданной для такой хилой груди. — Он освободился! По крайней мере, от своих мучений он теперь свободен!

Сотрудник администрации предоставил им информацию о ценах на услуги.

— А теперь давайте подумаем о Диншавджи, — сказал Густад. — О поминальных молитвах. — Он умело вставлял слова в промежутки между ее рыданиями. — Вы хотите заказать четырехдневные

молитвы в верхней молельне? Или однодневную в нижней?

— Однодневную, четырехдневную, какая разница? Его больше нет!

— Если заказать четырехдневную в верхней молельне, вам придется прожить здесь четыре дня. Вы можете это себе позволить? — Густад подозревал, что вопрос практического свойства остановит слезы.

Это сработало.

— Что-что? Вы с ума сошли? Четыре дня? А кто будет присматривать за моим Нуслой? Кто будет готовить ему еду?

С этого момента все пошло быстро. Время прощания было назначено на следующий день, и Аламаи согласилась дать объявление в утреннем выпуске «Джем-И-Джамшед». Служащий пообещал позвонить в газету до того, как ее отправят в типо-графию.

Они снова заняли свои места в катафалке. Водитель отвез их в выделенную им молельню. В ней имелась небольшая веранда, через которую нужно было проходить в молельный зал, и ванная комната в глубине дома, где покойный проходил последнее ритуальное омовение. Аламаи, Нусли и Густад по очереди вымыли руки и лица, прежде

чем приступить к обряду *кушти.*

Тем временем Аламаи вступила в ожесточенную дискуссию со служителями, пришедшими подготовить *suchkaar*[274] и омовение Диншавджи. Она запрещала им следовать традиции протирания трупа губкой, пропитанной *gomez*[275].

— Вся эта чушь с бычьей мочой — не для нас, — говорила она. — Мы — люди современные. Пользуйтесь только водой и ничем больше. — Однако она настаивала, чтобы воду согрели, потому что Диншавджи, судя по всему, простужался, если мылся в холодной воде из-под крана.

Испытывая неловкость, Густад ушел молиться. Нусли радостно последовал за ним. Аламаи быстро покончила с *suhkaar* и тоже вышла за ними на веранду.

Тут выяснилось, что Нусли забыл взять свою молельную шапочку.

— Безмозглый мальчишка, — скрежеща зубами, но тихо, из уважения к месту и событию, прошипела она. — Явиться на место молитвы

---

[274] Сноски: 274

Сандаловое дерево. Во время религиозных церемоний у зороастрийцев участники подкладывают ветки сандалового дерева в урну с огнем. По завершении церемонии участникам разрешается подойти к урне с огнем и положить туда оставшиеся кусочки сандалового дерева.

[275] Сноски: 275

Моча быка.

без молельной шапочки! Чем ты думал, хотела бы я знать?

Густад попытался восстановить мир между ними, достав свой большой носовой платок. Сложив его по диагонали, он показал Нусли, как прикрыть им голову. Это был вполне приличный способ, но Аламаи не удержалась от того, чтобы не выбранить племянника еще раз:

– *Marey em-no-em*. Каким огнем тебе выжгло все мозги, хотела бы я знать. — Однако на этом сочла инцидент исчерпанным.

Густад выскользнул с веранды, как только завязал последний узел на своем кушти. Он не знал, сколько еще сможет выдерживать присутствие этой женщины, а потому прошел в пустую комнату и сел там в углу в темноте. Двое мужчин внесли тело, теперь накрытое белым саваном, и положили его на низкий мраморный помост. Лицо и уши покойного оставались открытыми. Появился священник и зажег масляную лампу в изголовье Диншавджи.

Как по-деловому все происходит, подумал Густад. Рутинно. Словно Диншавджи умирал каждый день. Аламаи и Нусли заняли свои места. Священник взял небольшую щепку из сандалового дерева, окунул в масло, поднес к огню, потом

— к кадилу с кусочками ладана. Запах ладана заполнил комнату. Священник приступил к молитве. Почему-то тихая молитва вызвала у Нусли беспокойство. Он без конца корчился, поправляя носовой платок на голове. Но Аламаи быстро и без слов утихомирила его, ткнув локтем и коленом.

Молитва *дустурджи* была прекрасна. Каждое слово слетало с его языка отчетливо, выразительно и чисто, словно впервые произнесенное человеческими губами. И Густад, углубившийся было в свои мысли, стал слушать. Молитва так успокаивала. Голос был так хорош. Как у Ната «Кинга» Коула, когда он пел: «Состариться тебе судьбой не суждено», — мягкий, густой и гладкий, как бархат.

Дустурджи молился негромко, тем не менее мало-помалу, постоянно расширяющимися кругами, его голос дошел до самых отдаленных уголков комнаты. Время от времени он подкладывал в кадило сандаловую щепку или кусочек ладана. Снаружи, на веранде, горела тусклая лампа, свет которой затуманивала пелена душистого дыма. Масляная лампа, горевшая внутри, отбрасывала свет только на лицо Диншавджи, под дуновением проникавшего снаружи ветерка ее фитиль изредка колыхался, и по лицу пробегали

легкие тени. Свет и тень играли на нем как дети, ласково касаясь то тут, то там.

Молитва медленно заполняла темное пространство комнаты, оно словно бы само превращалось в звук молитвы, и, не успев осознать это, Густад оказался под его ласковыми чарами. Он забыл о времени, забыл об Аламаи, забыл о Нусли. Он слышал лишь музыку, песнь на языке, которого не понимал, но который волшебным образом успокаивал его. Всю жизнь, молясь, он произносил заученные наизусть слова этого мертвого языка, не понимая ни одного из них. Но сегодня мягкая и благородная музыка речи *дустурджи* оживила их, сегодня он ближе, чем когда бы то ни было прежде, подошел к пониманию архаичных смыслов.

Дустурджи нараспев произносил стихи древней Авесты. Слоги и интонации смешивались со звуками ночи. Постепенно из деревьев и кустов, из всей пышной растительности, окружавшей Башню Безмолвия, восходили голоса ночи и природы. Шелест листвы и бормотанье обитателей деревьев, крылатых и ползающих, поднимались от Дунгервади до самой Башни Безмолвия. Эти звуки сливались с ароматами сандала и ладана, с музыкой молитвы, выплывали из комнаты

вместе со светом масляной лампы, и все это было внятно теперь Густаду.

III

Дильнаваз спала, откинув голову на спинку дивана. Звук поворачиваемого в замке ключа разбудил ее.

— Уже очень поздно? — спросила она.

Часы показывали начало одиннадцатого. Маятник не качался. Густад сверился со своими наручными часами.

— Половина двенадцатого, — ответил он, открывая стеклянную дверцу часов и нашаривая ключ.

— Что случилось?

Заводя настенные часы, он рассказывал ей об Аламаи, Нусли, катафалке, об их поездке в Дунгервади.

— Когда я вошел в молельный дом, я был таким усталым и сонным, что сказал себе: побуду здесь всего минут пять. А потом началась молитва и… — Он замолчал, чувствуя себя немного глупо. — Это было так прекрасно. Я продолжал и продолжал слушать.

Он перевел минутную стрелку, подождал, пока часы пробьют половину одиннадцатого, потом довел ее до одиннадцати.

— Лицо Диншавджи. На мраморном помосте. Оно выглядело таким умиротворенным. И — ты, наверное, подумаешь, что это безумие… — я даже начал поворачивать голову туда-сюда, чтобы менять угол зрения: думал, все дело в освещении. Но…

— Что? Скажи мне.

— Но сомнений не оставалось. Он улыбался. — Густад еще раз сверился со своими часами и установил минутную стрелку настенных в нужное положение. — Ну давай, скажи, что я сошел с ума.

— Молитва — очень сильная вещь.

— Я видел его лицо, когда он лежал еще там, в больнице. Потом в катафалке. Ничего похожего.

— Молитвы имеют огромную силу. Они *могли* вызвать улыбку на лице Диншавджи — или в твоих глазах.

Он обнял ее.

— Надеюсь, когда меня туда отвезут, на моем лице тоже будет улыбка. И в твоих глазах.

Часы по-прежнему молчали. Он легко подтолкнул маятник и закрыл стеклянную дверцу.

Глава семнадцатая

I

Те, кто пропустили объявление в газете, узнали новость в банке, из уведомления от управляющего, в котором все сотрудники были поделены на две категории: те, кто присутствуют на похоронах в понедельник в 3.30, — и те, кто участвуют в церемонии *утхамна*[276], во вторник, в 3.00. Выбор был предоставлен только Густаду. Мистер Мейдон, сам решивший участвовать в погребении, предложил ему место в своей машине.

В Дунгервади собралось немало народу. Родственников было всего несколько человек, зато очень много друзей и коллег. Новость застала их врасплох, поэтому они не были одеты в белое и не имели при себе молельных шапочек. Но все как-то вышли из положения: женщины прикрывали головы своими сари, мужчины — носовыми платками или шапочками, взятыми напрокат в магазине изделий из сандала у подножия холма.

До половины четвертого еще оставалось время, и люди продолжали прибывать. Их, в том числе

---

[276] Сноски: 276

Утхамна — церемония на третий день после смерти человека, когда произносятся зороастрийские похоронные молитвы.

и не-парсов, размещали в павильоне, примыкавшем к молельному дому. Глядя на такой наплыв публики, Густад осознал, что Диншавджи привносил веселье в жизнь почти каждого, кто сидел здесь теперь, молча ожидая начала панихиды. Все знали, что шутки Диншавджи иногда воспринимал с улыбкой даже Сыч Ратанса.

Аламаи заняла Густаду место в первом ряду, перед мраморным помостом. Мистер Мейдон прошел вперед вместе с ним, чтобы выразить ей соболезнование. Она поблагодарила и представила ему Нусли.

— Диншавджи лелеял надежду, что когда-нибудь, перед его уходом на пенсию, Нусли начнет работать в банке рядом с ним. Увы, теперь — слишком поздно, — сказала она, закладывая первый камень в основу своих планов относительно Нусли.

Она решила, что будет целесообразно усадить мистера Мейдона в первом ряду, и предложила ему место Нусли, который, надо отдать ему должное, беспрекословно передвинулся дальше. В своем белом *даглы* и темно-бордовой молельной шапочке этот мальчик-мужчина ничем не отличался от остальных собравшихся, пока *дустурджи* не подал знак начать ритуал с

собакой. К одру подвели специальную собаку, *чар-чассам*[277], со сверхъестественными глазами, которая принимала на себя *нашу*[278], зло смерти, и помогала силам добра. Нусли вытянул шею и, поднявшись со стула, стал глазеть на нее, как ребенок, который первый раз в жизни видит такое животное. Потом начал причмокивать губами, как будто посылая ей поцелуи, и прищелкивать пальцами, чтобы привлечь ее внимание.

Впрочем, никто даже не посмотрел на Нусли, потому что, когда собака молча обошла одр, обнюхав его, и вышла, Аламаи вдруг встала, воздела руки к небу и взвыла:

— О, собака! Издай хоть какой-нибудь звук! О, Парвар Дегар! Неужели она не залает? Значит, это окончательно? О, мой Диншу, теперь ты точно меня покинул!

Женщины, сидевшие поблизости, бросились утешать ее. Густад и мистер Мейдон с радостью отодвинулись подальше, явно испытав облегчение оттого, что им ее успокаивать не придется.

---

[277] Сноски: 277

Чар-чассам — «четырехглазая» (с двумя оттенками цвета шерсти над глазами) желтая или белая с желтыми ушами собака, принимающая участие в зороастрийском погребальном ритуале «сагдид» — изгнание злого духа из тела покойного.

[278] Сноски: 278

Нашу — труп со злым духом (*гуджарати*).

Густад покачал головой, глядя на столь жалкое зрелище, тем более жалкое, что Аламаи, как выяснилось, неправильно понимала смысл ритуала. Бедная Аламаи, с ее современными убеждениями и путаницей в традиционных представлениях.

Женщины удерживали ее от попыток броситься на одр, повиснув у нее на руках и стараясь усадить обратно. Разумеется, если бы долговязая тощая Аламаи действительно хотела это сделать, она легко вывернулась бы из-под рук четырех, а то и пяти удерживавших ее женщин. Но она внезапно обмякла и плюхнулась на стул. Женщины обнимали ее, хлопали по щекам, поправляли на ней сари и шептали всякие утешительные слова.

— Такова воля Божья, Аламаи, такова воля Божья!

— Что мы можем сделать против Его всемогущих планов?

— Успокойтесь, Аламаи, пожалуйста, успокойтесь — ради Диншавджи. Иначе ему будет трудно перейти на Другую Сторону.

— Воля Божья! Воля Божья!

— Спокойно, спокойно, Аламаи! Слезы делают тело очень тяжелым. Как они смогут его нести?

— Божья воля, Аламаи, Божья воля!

Дустурджи терпеливо ждал, когда восстановит-

ся тишина, потом приступил к чтению Ахунавад Гаты, а за ней, без перерыва, других молитв. В заключение Аламаи пригласили бросить ладан и сандал в *огонь в афаргане*[279]. Все неотрывно смотрели на нее, женщины были начеку, готовые в любой момент снова ринуться на ее усмирение. Но теперь она была совершенно спокойна.

После того как все члены семьи и родственники отдали последние поклоны, к одру потянулись остальные присутствовавшие, чтобы исполнить ритуал *sezdoe*[280]. Пока они кланялись и трижды касались земли, в комнате внезапно потемнело. Солнечный свет, проникавший в молельный зал, загородили четыре тени. Прибыли *насусалары*. Они стояли в дверях, ожидая момента, когда можно будет нести носилки в Башню, к колодцу стервятников.

Настала очередь Густада. Он внимательно посмотрел в лицо Диншавджи и поклонился три раза. «Хотел бы я быть одним из этих четверых. Конечно, Диншу предпочел бы, чтобы его несли друзья. Глупый обычай — профессиональные носильщики. К тому же к этим бедным людям

---

[279] Сноски: 279
Сосуд со священным огнем в зороастризме.

[280] Сноски: 280
«Последнее прощание».

относятся как к изгоям, неприкасаемым».

Обряд прощания закончился. *Насусалары*, с головы до ног во всем белом, в том числе в белых перчатках и белых парусиновых туфлях, вошли внутрь. Люди расступились, давая им широкий проход, опасаясь ненароком соприкоснуться с ними. Лицо Диншавджи закрыли, и железные носилки вынесли из молельного дома.

Снаружи, сделав несколько шагов, *насусалары* остановились. Они ждали мужчин, которые захотят присоединиться к процессии. К колодцу стервятников доступ имели только мужчины. Женщины выстроились на веранде.

— Густад, пожалуйста, — обратилась к нему Алалами, — сделайте кое-что для моего Диншу. Возьмите с собой наверх Нусли. Он боится идти без меня, но говорит, что с вами пойдет.

— Конечно, — ответил Густад. Он вынул носовой платок и позвал Нусли. Они присоединились к процессии, идя рядом и держась за концы белого носового платка.

Все присутствовавшие сотрудники банка решили проводить Диншавджи в этот последний путь. Многие из них теперь откровенно плакали. Они шли по двое или по трое, соединенные носовыми платками, как предписывала мудрость предков:

сила — в множестве, эта сила позволит отразить *нашу*, зло, витающее вокруг смерти.

У мистера Мейдона белый носовой платок был шелковым. Он подошел к Густаду.

— Не возражаете?

Густад кивнул и другой рукой взялся за кончик платка мистера Мейдона. От платка шел стойкий аромат дорогих духов. Четверо *насусаларов,* шаркнув ногами, передвинули вре́завшиеся в плечи ручки носилок и оглянулись, чтобы убедиться, что все готовы. Собака *чар-чассам* и *дустурджи* заняли свои места. *Насусалары* двинулись вперед.

За ними следовала длинная колонна мужчин, соединенных носовыми платками. Густад ободряюще улыбнулся Нусли, потом бросил взгляд на оставшийся за спиной молельный дом. Женщины смотрели вслед мужчинам, провожавшим своего друга в последний путь. Он поискал глазами Аламаи, чтобы увидеть, как она это воспринимает, и ожидая с ее стороны последнего бурного представления — завываний, битья себя в грудь, может, даже вырывания волос, но был удивлен (и немного пристыжен несправедливостью своих мыслей): она стояла с достоинством, крепко сцепив руки и спокойно глядя вслед Диншавд-

жи. Обернувшись еще раз, Густад понял, что она действительно плачет. Наконец плачет тихими слезами. Вероятно, выплывая из глубокого колодца памяти. Памяти о чем? О радостях, печалях, удовольствиях, сожалениях? Да, все это должно было наполнять частную жизнь Диншавджи и Аламаи. Но никто никогда не слышал от него ни единого слова, даже намека на свою семейную жизнь, кроме любимой шутки о «его дорогом домашнем стервятнике». И кто знает, какая за этим скрывалась любовь, какая жизнь?

Процессия продвигалась к Башне. С обеих сторон дороги, из густой листвы деревьев и кустарников доносилось шуршание каких-то снующих тварей. Один раз белка выбежала на дорогу перед *насусаларами,* замерла на миг и стремглав бросилась дальше. Черные вороны, большие и блестящие, с интересом наблюдали за процессией с верхушек деревьев. Впереди стайка павлинов, топчась, отошла к краю дороги и с любопытством вытянула шеи, прежде чем скрыться в кустах. Среди зелени ветвей еще долго мелькали их синие шеи.

Асфальтированная дорога закончилась, началась тропа, посыпанная гравием. Шуршание шагов становилось громче по мере того, как все

больше людей вступало на гравий, и достигло крещендо, когда вся процессия зашагала по нему. Теперь звук был величественный, внушающий благоговейный трепет. Шурх-шурх-шурх. Скрежещущий, скрипучий, шуршащий. Мельничное колесо смерти. Перемалывающее кусочки жизни в соответствии с требованиями смерти.

Колонна шла вверх по склону, *насусалары* задавали темп. Шурх-шурх-шурх. Подходящий звук, чтобы окружать смерть, подумал Густад. Устрашающий и торжественный, как сама смерть. И такой же тягостный и непостижимый, сколько бы раз ты его ни слышал. Шурх-шурх-шурх. Звук, взбалтывающий прошлое, ворошащий спящие воспоминания, сметающий их в поток настоящего. «Каждый раз, когда я шел вот так вверх по этой гравиевой тропе, казалось, что все утраты, все горести перемалываются в сухие хлопья и распыляются в никуда, чтобы исчезнуть навек.

Но они всегда возвращаются. Сколько гравия истоптано, сколько таких переходов совершено. За бабушкой, которая настаивала на живых курах, знала все специи и полунельсоны, а также секретную, но универсальную связь между сватовством и единоборством. За дедушкой, который делал мебель такую же прочную, каким

был он сам, и который знал: получая предмет изготовленной им мебели, семья обретает нечто гораздо большее, нежели просто дерево, скрепленное шпонами. За мамой, ясной, как утро, сладкой, как звучание ее мандолины, мамой, скромно прошедшей через жизнь, никого не обидев, мамой, которая, сквозь прозрачную сетку прошептав: «Доброй ночи, да благословит тебя Господь», — ушла навсегда слишком рано. За папой, любившим книги, пытавшимся и жизнь читать как книгу, и растерявшимся, растерявшимся вконец, когда в последнем томе не оказалось самых важных страниц…»

Подъем закончился, процессия вышла на ровную площадку перед Башней. *Насусалары* остановились и опустили носилки на каменный постамент. В последний раз открыв Диншавджи лицо, они отступили в сторону. Наступила минута последнего прощания.

Мужчины, по-прежнему соединенные попарно или по трое носовыми платками, не отпуская их, обступили постамент и трижды вместе поклонились. После этого *насусалары* снова подняли носилки на плечи и стали подниматься по каменным ступеням к двери, ведущей внутрь Башни. Вошли в нее и закрыли за собой. Больше скор-

бящие ничего видеть не могли, но знали, что будет происходить: *насусалары* поместят тело на *пави*[281] внешнего, самого дальнего из трех каменных кругов. Потом, не прикасаясь к плоти Диншавджи, с помощью специальных шестов с крюками на конце разорвут на нем белый саван до последнего клочка, пока тело не останется голым, как в тот день, когда оно пришло в этот мир, и полностью предоставленным небесным тварям.

Над головами кружили стервятники, опускаясь все ниже и ниже с каждым идеально очерченным кругом. Теперь они начинали садиться на каменную стену Башни и высокие деревья, ее окружавшие.

Нусли прижался к Густаду и нервно прошептал:

— Дядя Густад, стервятники приближаются, стервятники приближаются!

— Да, Нусли, — ласково-спокойно ответил Густад. — Не волнуйся, все правильно.

Нусли благодарно кивнул.

Скорбящие перешли на террасу расположенно-

---

[281] Сноски: 281
Пави — священное место, платформа в дахме (*хинди*).

го рядом *аташ-дадгах*[282], где служитель раздал им молитвенники. Всем не хватило, и служитель недовольно пробормотал: «Сколько же еще экземпляров я должен запасать?»

Внутри Башни главный *насусалар* трижды хлопнул в ладоши: это было сигналом к началу молитвы за возносящуюся душу Диншавджи.

Пока они молились, тучами слетались стервятники, грациозные в полете, но превращающиеся в черные сгорбленные фигуры, мрачные и безмолвные, на земле. Теперь высокая каменная стена башни была словно оторочена ими — змеиные шеи и лысые головы несуразно тянулись из оперения.

Молитвенники были возвращены, носовые платки сложены и убраны в карманы. Скорбящим предстояла еще одна, последняя, остановка, чтобы вымыть руки и лица и совершить обряд кушти перед возвращением к подножию холма и дальше — в мир живых. И там, под журчание воды, льющейся из кранов, и молитвенные бормотанья, Густад неожиданно повернулся к мистеру Мейдону.

— Мне нужно освободиться на пятницу и суб-

---

[282] Сноски: 282
Аташ-дадгах — самый низкий уровень священного огня.

боту. — Это было сказано импульсивно, никаких оправданий он не приготовил.

Но мистер Мейдон понял это по-своему — просьба связана со смертью Диншавджи и соответствующими ритуалами — и проявил полное понимание.

— Разумеется. Завтра утром я первым делом отмечу это у себя в календаре.

В нижнем молельном доме Густад вернул Нусли Аламаи. Она поблагодарила мистера Мейдона за то, что тот пришел. Он ответил, что это его долг.

II

Уличные фонари уже погасли, когда такси Густада прибыло на вокзал Виктория-Терминус. Белая статуя королевы маячила в рассветных сумерках перед главным фасадом. Носильщики в красных рубахах и тюрбанах со специальными толстыми подушечками наверху бросились к машине и разочарованно отошли от нее, увидев ничтожный багаж пассажира.

Густад подошел к главному табло, но на нем ничего не было. Неподалеку полчища разъяренных пассажиров осаждали какое-то официальное лицо в белом форменном кителе, лицо пыталось отвечать на вопросы, постоянно снимая белую фуражку с черным козырьком и вытирая пот со лба. Густад долго ждал, пока освободится хоть малый проход в толпе, но в конце концов крикнул через головы:

— Прошу прощения, инспектор!

Его слова проложили прямой канал связи к измученным ушам служащего. «Прошу прощения» было бальзамом на его затравленную душу.

— Да, сэр?

— Где все поезда?

— Железная дорога бастует с полуночи, сэр.

Густад испытал облегчение: теперь я могу отменить поездку с чистой совестью.

— Совсем ничего не ходит?

— Мы не знаем, сэр, но, пожалуйста, слушайте объявления по громкоговорителю, там сообщают все последние новости.

Густад поблагодарил и направился к столу справок. Над закрытым окошком было приколото написанное от руки объявление: возврат денег возможен, но все операции будут выполняться только после возобновления работы. «Вернуть билет и отдать деньги Гуляму Мохаммеду будет проще простого. И забыть о Джимми раз и навсегда. Но если я не дам ему шанса объяснить…»

В чайном киоске шла оживленная торговля. Дильнаваз запрещала Густаду есть и пить что бы то ни было, если оно не было произведено известной фирмой и соответствующим образом упаковано, но для освежающих напитков в бутылках было еще слишком рано. Продавец горкой устанавливал чашки и блюдца, выкрикивая:

— Горячий чай! Горячий чай! — В промежутках он рифмовал этот прозаический призыв и с большим воодушевлением напевал:

Пей из блюдца, пей из чаши!

Смоет чай тревоги наши!
Поезд пойдет – когда-нибудь.
А пока выпей чаю и печаль забудь!

Густад поставил сумку на пол и сделал заказ.

— Постойте! — крикнул он, когда продавец уже было собрался наполнить чашку из огромного чайника, кипевшего на работавшем в полную мощь примусе. — Эта чашка грязная.

Продавец, сощурившись, посмотрел на чашку.

– *Вы* совершенно правы. Но не волнуйтесь: секунда — и все будет в порядке. — Без предупреждения он изо всей силы врезал своему помощнику в ухо. — *Бадмаш*![283] Мой как следует, а то вмиг вышвырну тебя!

— Но вода же грязная, что я могу сделать, если вы не разрешаете мне взять еще воды, — пробормотал помощник, мальчишка лет восьми-девяти, окуная чашку в ведро с мутной водой.

За пререкания он получил по другому уху.

– *Зуверка батча*![284] Воду винишь? Мой лучше! А то переломаю тебе все *худди*! — Он заискивающе улыбался Густаду, пока ребенок болтал

---

[283] Сноски: 283
Бадмаш — негодяй (*хинди*).

[284] Сноски: 284
Зуверка батча — дословно: сын свиньи (*хинди*).

чашкой в ведре. — Вот, теперь абсолютно чистая, — сказал хозяин, орудуя тряпкой, имевшей тройное назначение: вытирать чашки, пот со лба и прилавок.

Густад взял чай и отошел от киоска. Он налил чаю в блюдце, подул и отпил глоток. Обжигающее варево было крепким и сладким. Несмотря на грязную чашку, оно приятно согрело пищевод. О, вокзальное чаепитие — это отдельное удовольствие, не столько из-за чая как такового, сколько из-за действа, из-за статуса наблюдателя, который оно давало. Густад рассеянно наблюдал, как семья из четырех человек устраивалась под настенными часами. Как только развернули спальную подстилку, отец семейства мгновенно уснул, чтобы «перехитрить» обстоятельства, срывавшие его планы. Жена прикорнула у него в ногах, прижимая к груди младенца. Старший ребенок клубочком свернулся рядом с отцом. Их временное прибежище окружала стена, выстроенная из багажа. Неподалеку от них какая-то женщина разожгла керосинку, чтобы готовить чапати. Члены ее семьи поглощали жгучее мясное рагу из блестящих коробочек, сделанных из нержавеющей стали.

Дежурный службы безопасности вокзала подо-

шел к керосинке, без единого слова наклонился и загасил пламя.

— Ой-ой-й! — закричала женщина. — Что вы делаете? — Храня суровое молчание, охранник указал на щит, где перечислялось все, что запрещено делать на вокзале. — Я бедная женщина, читать не умею.

Охранник снизошел до вербального общения и прочел ей, что́ запрещено законом.

— Что это за закон такой, — запротестовала женщина, — который не разрешает мне приготовить чапати для своих детей?

— А если из-за чапати для ваших детей тут все загорится, что тогда?

С жутким шипением и треском ожил громкоговоритель, из него послышался пронзительный гул. Вокзал замер. Прекратился звон посуды в чайном киоске; замолчали мальчишки — продавцы газет, во внезапно наступившей тишине спавший на подстилке мужчина проснулся и сел с испуганным видом. Все ждали, что объявит голос сверху. Шипенье и треск принесли плоды: «Внимание, внимание, внимание! Раз, два, три, четыре. Внимание. *Эк, до, тин, чар*»[285]. Душе-

[285] Сноски: 285
Счет на хинди от 1 до 4.

раздирающий вой. Потом снова голос, хриплый и неразборчивый, неисправная радиосистема глотала большую часть слов. Те, что выживали, выскакивали, как виноградные косточки, которые небрежно выплевывал динамик громкоговорителя: «Пассажиров про… освободить платф… и ждать в… прибывает поезд… к этому времени… ажиры с билетами могут… платформы».

Лишь небольшие ручейки пассажиров потянулись с платформ, остальные продолжали стоять насмерть рядом со своим багажом. Служащих вокзальной безопасности послали освобождать перроны. Вооруженные винтовками солдаты патрулировали сортировочный двор, осматривали пути и сигнальные будки.

Густад вернул пустую чашку на прилавок и купил газету. Заголовки сообщали о забастовке. Министр путей сообщения обещал, что движение по основным направлениям будет поддерживаться силами управленческого персонала и армии.

Это значит, что поезд Бомбей — Дели все же пойдет, подумал Густад. Он углубился в газету, первую, какую он купил после ссоры с идиотом-собачником, когда их тщательно сбалансированный семейный бюджет улетучился как дым.

* * *

По громкоговорителю объявили: на седьмой платформе сейчас начнется посадка на поезд вне расписания до Нью-Дели.

Густад сложил газету и поспешил к узкому горлышку прохода на платформу номер семь. Со своей маленькой сумкой он имел преимущество перед семьями с сундуками, постельными скатками, плитками, кухонными принадлежностями, люльками, деревянными клетями и хрупкими глиняными сосудами с питьевой водой. Состав еще не подали. Кули[286] в красных рубашках деловито сновали в толпе пассажиров. «Резверд! Резверд, места! Десять рупий, ризверд!» Один из них подошел к Густаду. «Сааб? Нужно ризверд место?»

— Это поезд вне расписания, — сказал Густад, — какие тут могут быть зарезервированные места?

— Да-да, но я найду для вас ризверд место. Вы заплатите десять рупий, только если останетесь довольны, — предложил кули.

Густад огляделся: окружавшей толпы было вполне достаточно, чтобы заполнить пять со-

---

[286] Сноски: 286
Здесь: носильщики на железнодорожных станциях.

ставов.

— Ладно, — сказал он.

Кули повел его вдоль перрона, поставил в определенном месте и велел ждать.

— Ваш вагон остановится здесь, — объяснил он, — никуда не уходите. — Он указал на свой медный наплечный браслет: — Запомните: номер триста восемьдесят шесть, — и помчался к сортировочному двору.

Вскоре задним ходом к перрону подали пустой состав, в каждом окне торчал кули в красной рубахе и белом тюрбане. Не дожидаясь полной остановки поезда, люди начали забрасывать свои пожитки внутрь через окна и прыгать на подножки. Краснорубашечники, еще на сортировочном дворе захватившие места для продажи, громко кричали: «Ризверд место! Десять рупий!»

Густадов носильщик помахал ему и указал на свой браслет.

— Три восемь шесть! Не волнуйтесь, сааб, не спешите, ваше место вас ждет.

Купе было уже почти заполнено. Три-восемь-шесть взял у Густада сумку и сунул ее под сиденье, не вставая. Густад достал бумажник и протянул ему оговоренную банкноту. Носильщик встал, Густад сел.

— Мы в их власти, не так ли? — послышался голос сверху. Хорошо одетый мужчина лет тридцати с небольшим, вытянувшийся там на багажной полке, рассмеялся. — Кули правят бал. Министр путей сообщения думает, что он контролирует ситуацию, забастовщики думают, что ее контролируют они, а настоящими ее хозяевами являются кули. Я заплатил двадцать рупий за это спальное место люкс.

Густад улыбнулся ему в щель между планками багажной полки и вежливо кивнул. Полчаса спустя, когда раздался свисток, купе, тамбуры, проходы были до отказа забиты людьми и вещами. Он вытер вспотевшее лицо рукавом, поскольку достать платок не представлялось возможным. Человек с багажной полки сказал:

— Ехать больше двадцати четырех часов. Но постепенно станет легче.

И он оказался прав. Со временем купе перестало казаться таким уж набитым; агрессия, с которой все столбили свои территориальные права, растаяла. Пакеты с едой были открыты, и еда съедена. Люди даже находили возможность воспользоваться туалетом: мужчины, ехавшие в нем, услужливо выходили, когда помещение требовалось для иных нужд.

— Первый раз едете в Дели? — спросил Густада багажный пассажир.

— Да.

— Не повезло. Эта забастовка и вообще… Но для осмотра достопримечательностей момент подходящий: погода будет благоприятной.

— Я еду по личному делу, — ответил Густад.

— О, я тоже — по сугубо личному делу. — Совпадение показалось ему забавным. — Там живут мои родители. Они считают, что мне в моем возрасте пора жениться, потому что они в их возрасте рискуют умереть, так и не увидев своего старшего сына женатым. Это предмет их большой печали. Так что я собираюсь выбрать себе жену. — Он сменил свое горизонтальное положение, свесив вниз голову.

— Желаю удачи, — коротко ответил Густад, отнюдь не желая становиться реципиентом его откровений.

— Большое-большое спасибо. — Мужчина попытался сесть и стукнулся головой.

На обед Густад купил стакан чаю через окно во время стоянки поезда, потом, уже почти в семь часов, развернул пакет с бутербродами, которые дала ему с собой Дильнаваз. Омлет. Любимая еда Диншавджи. «Как я дразнил его этим. Два

бутерброда каждый день, на протяжении тридцати лет».

Свет начал меркнуть, вскоре поезд мчался на север сквозь темноту. Густад медленно жевал бутерброды, глядя на пустые поля, в которых время от времени то там, то тут мелькали слабые огоньки. Будет ли оправданным это долгое путешествие? Сто́ит ли вообще какое бы то ни было долгое путешествие конечного результата?

Его мысли вернулись к Диншавджи. Разрозненные мысли, из разных десятилетий их жизни. «Новичок — так он называл меня. Бывало, поднимет руку и скажет: под моим крылом ты в безопасности, тут немного попахивает, зато безопасно. Указывал мне, кому можно доверять, кто — сплетники, кто — лизоблюды, кто может предать. А его трюк с пиджаком, оставленным на спинке стула! Как он смешил людей. В обеденный перерыв и во время чаепитий. Даже и в рабочее время острил время от времени. Да, это было его благословенным даром — умение заставить людей смеяться. И какое же это было долгое путешествие для Диншавджи тоже. Но оно, несомненно, того стоило».

Поезд трясся сквозь ночь. Теперь стало гораздо прохладней. Густад дремал, его голова, качаясь,

ударялась об оконное стекло.

III

После отъезда Густада ранним утром несчастья посыпались на Дильнаваз одно за другим. Сбежало молоко, керосин перелился через край воронки, когда она заливала его в плиту, — в кухне образовался страшный бардак.

Она тревожилась за Густада, лучше бы он не ездил в Дели. Но это единственный способ узнать правду. Иначе Густад никогда не будет иметь покоя. И если признаться честно, она тоже. И тем не менее мысль о Густаде, входящем в тюрьму, пусть и в качестве посетителя, пугала.

Кроме того, она еще не сделала того, что предписала мисс Кутпитья для выздоровления Рошан. Рошан теперь стало намного лучше, однако мисс Кутпитья не уставала предостерегать, чтобы она не успокаивалась, не впадала в ложное ощущение безопасности, потому что именно этого и ждут темные силы, которые шныряют, как ядовитые змеи, нанося удар, когда меньше всего его ждешь. «Я ведь уже сделала все, что она велела, какой смысл останавливаться теперь?

Но почему, когда речь заходит о Сохрабе, она всегда только и твердит: терпение, терпение? И

что это за «последнее средство», о котором она так не хочет говорить? Я больше так не выдержу, не могу лежать ночи напролет без сна, тревожась о Сохрабе, Густад тоже страшно переживает, хотя не признает этого, повторяя “у меня только один сын”, а я вижу боль у него в глазах каждый раз, когда смотрю на него.

Но если я собираюсь выполнять указания мисс Кутпитьи, то сейчас самое время», — думает она, однако колеблется, пока вечером, закончив выгуливать во дворе Капельку, мистер Рабади не звонит в дверь Ноблов. Как только Дильнаваз открывает дверь, собака заливается пронзительным лаем.

– *Чоп рэ*[287], Капелька! — прикрикивает на нее мистер Рабади. — Веди себя прилично с тетей Нобл. Она нервная. А ваш муж дома?

— Нет.

— О, — растерянно, но с явным облегчением восклицает он. Как раз перед тем, как позвонить в дверь, он прочел предписанную недавно *дустурджи* Барией молитву об укреплении праведности. — Тогда могу я поговорить с вами?

— Слушаю вас.

---

[287] Сноски: 287
Чоп рэ — замолчи, тихо (*хинди*).

Ее короткий сухой ответ немного смутил его.

— Видите ли, я вовсе не заинтересован в ссорах и склоках. Мы живем в одном доме, и это ни к чему. Говорю чистосердечно и надеюсь, что вы так же чистосердечно примете мои слова и удержите своего сына. — Уверенность в себе росла у него пропорционально количеству произнесенных слов.

Дильнаваз перенесла вес тела на другую ногу.

— Удержу своего сына? Это от чего же?

— Прошу вас, *khaali-pili*[288], не притворяйтесь. Ваш сын бегает за моей дочерью, держась за сиденье ее велосипеда. Весь дом это видит, и это выглядит нехорошо.

— Что за дурацкий разговор? — Любимая фраза Густада, как она сочла, была здесь уместней всего. — Я не поняла ни слова из того вздора, который вы тут нагородили.

— Вздора? Тогда спросите у собственного сына! Что я, по-вашему, дурак, что ли? Он держится за сиденье, и весь дом наблюдает, как он бежит за Жасмин, касаясь рукой ее ягодиц! Это выглядит неприлично, мягко выражаясь! — Он погрозил пальцем, что не понравилось Капельке, она снова

---

[288] Сноски: 288
Не нужно (*маратхи*).

разразилась лаем.

Из глубины квартиры показался Дариуш, посмотреть, не нужна ли матери помощь. Уезжая рано утром, Густад положил руку ему на плечо и сказал наполовину в шутку, наполовину всерьез:

— Ты — моя надежа и опора. Остаешься за главного, береги мать и сестру.

— Да вот он сам! — закричал мистер Рабади. — Спросите его прямо сейчас! Спросите, кладет он руку на ее ягодицы или нет! Только прямо сейчас, в моем присутствии!

«Ну, с меня довольно», — подумала Дильнаваз.

— Если хотите знать мое мнение, то прямо сейчас вам следует уйти. Слишком много чуши мы от вас наслушались. — И она попыталась закрыть дверь.

– *Khabardaar*![289] — закричал мистер Рабади, толкая дверь обратно. — Относитесь к соседям с уважением! Я еще не закончил говорить и…

Дариуш, очень серьезно восприняв оказанное отцом доверие, с треском захлопнул дверь. Мистер Рабади отпрянул назад и упал, споткнувшись о Капельку. Отряхнув с себя пыль, он через дверь пригрозил подать две жалобы в полицию:

---

[289] Сноски: 289
Здесь: да как ты смеешь (*урду*).

одну за нападение, другую — за приставания к его Жасмин. А также мысленно сделал заметку на память: сходить к *дустурджи* Барии при первой же возможности и рассказать ему о неожиданных осложнениях.

— Не надо было так захлопывать дверь, — сказала Дильнаваз, втайне гордясь сыном. — Но что это он несет насчет своей *jaari*-падайри?[290]

Вид у Дариуша был немного пристыженный.

— На самом деле она не толстая. Просто ей нужна помощь, чтобы научиться кататься на велосипеде. Сохранять равновесие, когда она крутит педали. Другие ребята устают уже после первого круга. Им выносливости не хватает. Поэтому она просит меня.

— Ты что, не помнишь, что тебе говорил отец? Рабади чокнутый, и нам не нужны неприятности с ним. — Больше, чем чокнутый, мысленно добавила она, он на все способен. — Обещай мне, что ты больше и близко не подойдешь ни к ней, ни к ее отцу. Особенно к отцу. — Стоит только вспомнить взгляд, которым он посмотрел, когда Дариуш подошел к двери, — упаси Господь. Совершенно безумный взгляд.

---

[290] Сноски: 290
Распутной «папиной дочки» (*хинди*).

Теперь все обретало смысл. Рошан все больше и больше худела, и куда же уходило все ее здоровье и ее вес, если не к дочке идиота-собачника? Кто толстел день ото дня? Мисс Кутпитья была права, квасцы указывали непосредственно на Рабади!

К пущему удовлетворению Дильнаваз игла подозрений сшила дело воедино. И у нее созрел план. Прежде всего приготовить смесь. Это нетрудно. Но мисс Кутпитья сказала, что этой смесью нужно смазать ему голову. Вот это была самая сложная часть.

IV

После полуночи Густада разбудила рука, коснувшаяся его плеча.

— Простите, — сказал багажный пассажир, — хотите прилечь там, наверху?

— А как же вы?

— Я выспался. Посижу на вашем месте.

— Спасибо, — ответил Густад. С затекшими руками и ногами, с болью в каждом суставе ему было трудно вскарабкаться наверх. Мужчина помог ему. Густад сделал рывок и благополучно растянулся на багажной полке. Сквозь сон он с тревожным сомнением вспомнил словно бы ощупывающие руки парня, но было так приятно оказаться в лежачем положении. Негнущееся тело расслабилось. Покачивание поезда успокаивало. Оно напомнило ему о другом поезде. Давным-давно. С Дильнаваз. В их медовый месяц…

Он дремал, то проваливаясь в забытье, то выныривая. Ему наполовину снилось, наполовину он воображал себе, что они с Дильнаваз в купе, двадцать один год тому назад. На следующий день после свадьбы. Нетерпеливые в своей маленькой

спаленке на колесах, не желающие ждать пункта назначения, гостиницы…

Рука, гладящая бедро Густада. Она поднимается к паху, нащупывает его уплотнившийся член, он поощряет ее не останавливаться. Пальцы блуждают по пуговицам его ширинки, находят одну и протискивают ее через петельку. Потом другую. И тут Густад осознает, что больше не спит.

Притворяясь спящим, он, кряхтя, поворачивается на бок и ударяется при этом плечом. Остаток ночи его никто не беспокоил.

Ближе к рассвету становится холодно. Более низкие широты остались позади. Мечтая об одеяле, о том, чтобы оказаться в своей постели, он обхватывает себя руками, подтягивает колени к животу и снова засыпает.

Его разбудил свет, проникший через вентиляционную решетку. Ощущение тепла на лице перенесло его в другое время. Вдруг все сомнения насчет поездки в Дели рассеялись, как ночная тьма, оставшаяся где-то там, на убегающих назад рельсах. «Мы с Джимми во дворе, молимся. Первый свет дня осеняет нас. Наконец мы все выясним между собой и исправим».

Густаду казалось, что последние мили поезд преодолевает невыносимо медленно. На сле-

дующей остановке он спустился вниз, потирая замерзшие ладони. Некоторые пассажиры ночью сошли, и в купе стало гораздо просторней.

— Доброе утро, — приветствовал он багажного пассажира, у которого оказался синяк под глазом. — Что случилось?

— Ничего, все в порядке. Ночью пошел в туалет и споткнулся о чемодан или еще обо что-то. Ударился лицом.

— Таковы уж эти переполненные поезда, что поделаешь. Большое спасибо вам за ночлег. Я так чудесно выспался, — сказал Густад.

Вдоль вагонов шел разносчик чая с дымящимися стаканами в металлической решетчатой клети. Густад взял два. Багажный пассажир потянулся за деньгами, но Густад расплатился сам. Горячий стакан согревал руки. Бедный парень, подумал он, принуждает себя жениться, чтобы порадовать родителей. И бедная та женщина, какой бы она ни оказалась.

Раздался предупредительный свисток. Разносчик чая вернулся за своими стаканами. Густад протянул свой, недопитый.

— Допивайте, допивайте, — сказал разносчик. — Время еще есть.

Свисток прозвучал снова, и поезд тронулся.

— Допивайте, допивайте, — кричал разносчик, бегом двигаясь параллельно вагону, — еще есть немного времени.

Густад поспешно сделал несколько глотков. Похоже, он больше волновался о том, что не успеет вернуть стакан, чем разносчик — о том, чтобы получить его обратно. Стакан перешел из рук в руки в самом конце перрона.

Глава восемнадцатая

I

О, как приятна боль, которую испытываешь, когда снова получаешь возможность переставлять ноги: левой-правой, левой-правой. Но Джимми в тюрьме, должно быть, чувствует… И здесь солдаты. Левой-правой, левой-правой. На железнодорожном вокзале. Со своими огромными рюкзаками за спиной, наклоняющиеся вперед для равновесия, они похожи на гигантских черепах, вставших на задние конечности. У них был бы совершенно мирный вид, если бы не ружья.

Он провел растопыренными пальцами по волосам, пытаясь кое-как причесать свою жесткую, как клубок проволоки, шевелюру, и осмотрел одежду, покрывшуюся слоем красно-коричневой пыли за долгие часы езды в поезде через сельскую местность. Попробовал стряхнуть ее, но она была везде: под воротником, под манжетами, в рукавах, под ремешком часов, она забилась в ноздри и угнездилась там, как большая толстая *чиперо*[291]. В горле першило. Все отчаянно чесалось, внутри носков, под *судрой*. Песчинки

---

[291] Сноски: 291
Чиперо — корка (*хинди*).

деловито ползали, исследуя его кожу бесчисленными маленькими ножками и коготками, оповещая о своем раздражающем, царапающем, беспокойном присутствии. Так же как вопросы о Джимми в его голове.

Он вошел в зал ожидания и проследовал вглубь, к туалетам. Косясь на грязные лужи от прохудившихся труб, переполненные унитазы и всеобщую неопрятность, он ждал своей очереди к умывальнику.

Ледяная вода делийского декабрьского утра остро жалила. Но чудесно бодрила. *Так мы моем наши лица, наши лица, наши лица…*[292] Он прополоскал горло и сплюнул. *А вот так мы сплевываем пыль холодным утром…* Хорошо, что Дильнаваз проверила мои вещи и настояла на полотенце. Он вытер грудь и спину. Почувствовал себя лучше, смахнул приставшие песчинки, надел чистую судру и рубашку, прошел обратно через зал ожидания и сел в авторикшу.

Трехколесное средство передвижения маневрировало в транспортном потоке, вынужденно меняя дорожные полосы, при этом Густада бросало из стороны в сторону. После сорока минут

---

[292] Сноски: 292
Детская песенка из мультфильма.

такой тряски они остановились у невзрачного серого здания. Поездка взболтала все его внутренности до основания, так же как мысли о Джимми — его мозг.

— Это то самое учреждение?

— Да, сааб, оно и никакое другое, — ответил водитель.

Густад на нетвердых ногах вышел и расплатился, его немного мутило. После того как его такси, тарахтя, отъехало, он почувствовал себя совершенно одиноким. Ему хотелось снова быть там, внутри, и ехать обратно на вокзал.

В помещении для посетителей он сверился с запиской, которую дал ему Гулям Мохаммед, и спросил мистера Кашьяпа. Ему велели подождать.

Полчаса спустя появился полицейский и сказал:

— Сааб ждет вас.

Густад встал и последовал за ним по коридору с каменным полом и грязными желтыми стенами до двери, на которой была именная табличка «С. Кашьяп». Дверь была приоткрыта.

— Входите, мистер Нобл. — Хозяин кабинета встал и протянул ему руку. — Мистер Билимория ждет вас уже несколько недель. — Мистер Ка-

шьяп был коренаст, его лицо, казалось, улыбалось всегда, вне зависимости от того, что он говорил.

— Я был очень занят.

— К сожалению, мистера Билимории здесь больше нет. — Улыбка на лице мужчины придавала его словам несколько зловещий смысл.

— Больше нет?

— Нет-нет, я имею в виду, что его нет в этом здании, в обычной камере, мы были вынуждены перевести его в больничное отделение.

— Что случилось?

— Высокая температура и большая слабость. Должно быть, тропическая лихорадка. — Он продолжал улыбаться своей широкой бессмысленной улыбкой. — По роду службы ему очень часто приходилось бывать в джунглях.

— Но я все же могу его повидать?

— Да, да, разумеется. В больнице, в обычной камере, в одиночной ли — я должен обеспечить доступ включенных в список посетителей, так что никаких проблем. Мы можем отправиться прямо сейчас.

Главное здание с больницей соединял мрачный коридор. На каблуках у мистера Кашьяпа были металлические подковки, которые громко цокали по каменному полу, отдаваясь эхом в памяти

Густада. Его охватило чувство огромной утраты, безысходности и опустошения.

Мистер Кашьяп перекинулся несколькими словами со стражником в больничном холле, а потом обратился к Густаду:

— Ну вот, пожалуйста, ждите здесь, за вами придут.

— Спасибо.

— Не за что, — ответил мистер Кашьяп и отбыл, улыбаясь грязным желтым стенам.

Вскоре появился служащий в белом халате и повел Густада вверх по лестнице. Они миновали большие вонючие палаты и несколько одиночных, у входов в которые дежурили полицейские.

— Вы друг мистера Билимории? — Густад кивнул. — Большая, большая неприятность все эти юридические проблемы, а теперь еще и инфекция. Он иногда бредит. Не пугайтесь, если это случится при вас, это последствие действия медикаментов.

Густад кивнул, не веря своим ушам. Ум Джимми, острый как лезвие «Севен о'клок» из нержавеющей стали, — в бреду? Не может быть.

— Как долго вы намерены задержаться? Визиты ограничены получасом.

— Но я приехал сюда специально из Бомбея.

Мой поезд уходит в четыре часа пополудни.

— Мистер Кашьяп сообщил мне, что вы — особый посетитель. — Он немного поразмыслил. — До трех, хорошо?

Они остановились перед дверью, возле которой на деревянном табурете сидел полицейский с тяжелой длинноствольной винтовкой, держать которую он явно устал. Человек из медицинского персонала дал Густаду указания, и он нерешительно вошел в палату.

Воздух в ней был спертым, единственное окно закрыто на щеколду. На кровати, отвернувшись от входа, лежал человек, казавшийся спящим. Густад слышал его затрудненное дыхание. Не желая внезапно разбудить и испугать Джимми, он осторожно приблизился к изножью кровати. Теперь он мог хорошо рассмотреть его, и от того, что он увидел, ему захотелось плакать.

На кровати лежала тень. Тень мощно сложенного офицера, некогда жившего в Ходадад-билдинге. Линия волос далеко отступила ото лба, из-под запавших щек гротескно выпирали острые кости. Не было больше щегольских, закрученных вверх усов. Глаза тонули в глубине глазниц. Шея, насколько он ее видел, была тонкой, как у тщедушного Диншавджи, а под простыней уга-

дывалось нечто, слабо напоминающее сильные плечи и грудь, которые Густад и Дильнаваз, бывало, ставили в пример своим сыновьям, призывая их ходить прямо, выпятив грудь и подобрав живот, — как дядя майор.

«И это случилось всего за полтора года? Это тот самый человек, который нес меня на руках, как ребенка, в клинику Мадхиваллы-Костоправа? Который побеждал меня в армрестлинге так же часто, как я его?»

Правая рука Джимми покоилась поверх простыни, иссохшая так же, как его лицо. Она дважды дрогнула, и его веки поднялись. Взгляд был озадаченным, и глаза снова закрылись. Губы слабо и хрипло прошелестели: «Гус…»

«О господи! Он даже не в состоянии произнести мое имя».

— Да, Джимми, — ободряюще сказал Густад и взял его руку. — Это я, Густад.

— Инъек… ек… инъекшия, — прошептал он неразборчиво. — Подожди… скоро… немного… лучше…

— Да-да, не спеши. Я здесь, Джимми. — Не выпуская его руки, Густад пододвинул стул ближе к кровати. Что же это за болезнь такая? Что они с ним сделали?

Гнев, обвинения, требование ответов сразу вылетели у него из головы. Только бесчувственное чудовище могло мучить вопросами сломленного человека. Он будет ждать, слушать, чего хочет Джимми, утешать его, предложит помощь. Обо всем остальном следует забыть. И все простить.

С полчаса он сидел, держа холодную дрожащую руку Джимми в своей. Наконец Джимми снова открыл глаза.

— Густад. Спасибо. Спасибо, что приехал, — прошептал он. Теперь его речь была четче, хотя голос дрожал.

— Да что ты! Я рад, что приехал. Но что случилось? — Он тут же одернул себя, вспомнив свое мысленное обещание. — Все в порядке, не напрягайся.

— Уколы, которые делают… от лихорадки. Из-за них… трудно говорить. Но. Через час… лучше.

Он не столько выговаривал, сколько выдыхал слова, и они тут же рассеивались, как клубки дыма на ветру. Густад придвинул стул поближе.

— Что это за инфекция? Они знают, что именно надо лечить?

— Какая-то. Подхватил в Сундарбане[293]. Сна-

[293] Сноски: 293

Самый большой по территории мангровый лес на Земле, расположен в дельте Ганга.

чала… говорили, желтая лихорадка, потом тиф, малярия… брюшной тиф… бог его знает. Но думаю… мне становится лучше. Уколы… ужасные… — Он немного помолчал, его грудь тяжело вздымалась. — Спасибо, что приехал, — повторил он. — Ты останешься?

— Мне разрешили побыть до трех. — Густад посмотрел на часы. — Так что у нас полных четыре часа.

— Нужно торопиться…

— Послушай, Джимми, разговоры могут подождать. Что случилось, то случилось.

— Но я хочу. Мне покоя нет. Когда думаю о том… что ты, должно быть, предполагаешь… — прошептал он.

— Все в порядке, что случилось, то случилось.

— Сначала расскажи о себе… Как Дильнаваз, дети?..

— Все прекрасно. Просто мы очень волновались, когда ты исчез. Потом пришло твое письмо, и мы были счастливы узнать, что у тебя все хорошо. — Густад тщательно подбирал слова: ни одно не должно было прозвучать укоризненно. Он вспомнил обезглавленную кошку и крысу, стишок: *Bilimiria chaaval chorya*, розу и цветы, порубленные на куски. Он не упомянул ни о Со-

храбе, ни о болезни Рошан — ни о чем, что могло расстроить Джимми.

— Как я скучаю по Ходадад-билдингу… лучше бы я не принимал… назначение в Дели. Но я смогу вернуться… через четыре года.

— Через четыре года?

— Да, это мой приговор.

Густад вспомнил совет Гуляма Мохаммеда: если у Билибоя теплится надежда, пусть она останется.

— К тому же ты можешь использовать свое влияние.

— Нет, Густад, это тот случай, когда влияние не поможет. Это тянется на самый верх… грязное дело. — В его глазах появилось выражение отчаяния. — Но… знаешь, о чем я тоскую больше всего… с тех пор как уехал?

— О чем?

— О тех ранних утрах… когда мы молились вместе, во дворе.

— Да, — сказал Густад. — Я тоже.

Джимми приподнялся на одном локте, чтобы взять воду, стоявшую на тумбочке. Отпил немного.

— Я расскажу тебе, что происходит… в это трудно поверить…

Тиски, сковывавшие его организм после укола, постепенно ослабевали, слова начали звучать отчетливей, но он по-прежнему мог издавать только шепот, который часто прерывали болезненные приступы кашля. Сказывались внутренние повреждения, причиненные то ли вирусом, то ли людьми. Густад содрогался, глядя на него и слушая его.

— Предложение было таким заманчивым… место, куда трудно попасть. Меня востребовал офис премьер-министра.

— Так ты там работал?

— Мое письмо пришло оттуда, потому что Научно-аналитическое крыло… в прямом подчинении.

И снова Густад был озадачен.

— Ты находился в прямом подчинении НАК?

— Нет, она… — прошептал он. — Для меня было неожиданностью.

По прошествии некоторого времени Густад наловчился достраивать обрывочные фразы Джимми и понимать его медленную бессвязную, блуждающую речь. Он с грустью вспомнил захватывающие истории майора, которые Сохраб и Дариуш слушали часами с неослабевающим вниманием.

— В НАК… у меня… новые документы. Консультант по вопросам управления. Я не мог лгать… тебе. Просто уехал. Прости, Густад. Мне действительно очень жаль… Как дети?

— Прекрасно, прекрасно. Все замечательно, Джимми, — ответил Густад, похлопывая его по руке. — Значит, ты поехал в Дели и поступил в НАК.

— Большая неожиданность… она использовала НАК как свое частное агентство. Шпионить за оппозиционными партиями, министрами… за кем угодно. С целью шантажа. Меня тошнило от этого. Шпионить даже за своими собственными министрами. Один из них… предпочитает мальчиков. Другой фотографирует себя… ну, когда он с женщинами. Взяточничество, предательство… столько всего происходит, Густад. НАК собирало досье на всех. На ее врагов и друзей. Куда они ходят, с кем встречаются, что говорят, что едят, что пьют…

Джимми замолчал, задыхаясь. Несмотря на его состояние, любовь к риторике не позволяла ему сокращать рассказ сверх определенного минимума. Какой-то жирок должен всегда оставаться, так когда-то учил он Густада выбирать мясо для *дхансака* — жирок в правильной пропорции

добавляет вкуса.

— Ее друзья становились врагами, а враги друзьями… так быстро. Так часто. Шантаж — единственное средство, с помощью которого она могла сохранять контроль… держать их всех в узде. Отвратительно. Я был сыт по горло. Не затем я ехал в Дели. Я подал рапорт о переводе.

Он отпил еще воды и взбил подушку, чтобы держать голову повыше. Густад взял его под мышки и подтянул вверх. Простыня немного соскользнула, и он увидел, какая впалая у Джимми грудь, словно легкие у него схлопнулись.

— Помнишь прошлогодний циклон… в Восточном Пакистане? Тысячи убитых… и никакой помощи от ублюдков из Западного Пакистана. Показали бенгальцам раз и навсегда: западным нужен только их пот. И на выборах в декабре шейх Муджибур Рахман победил. Абсолютным большинством.

— Да, — подхватил Густад. — Бхутто со своими генералами не позволил ему сформировать правительство. А когда бенгальцы начали кампанию гражданского неповиновения, Яхья Хан послал армию.

— Солдаты устроили бойню, погибли тысячи демонстрантов. И хлынули беженцы… Мой на-

чальник сказал мне, что наше правительство окажет помощь партизанскому движению. Я тут же заявил, что готов участвовать. Тогда меня вызвали в администрацию премьер-министра на собеседование… Как же крепко она держит НАК в своих руках! Сильная женщина, Густад, очень сильная женщина… очень умная. Люди говорят, что репутация отца сделала ее премьер-министром. Может быть. Но теперь она заслуживает… — Подушка съехала вниз, и он не захотел ее поправлять, лишь слабо прочистил горло. — Сохраб. Как Сохраб?

— Прекрасно, прекрасно.

— А Дариуш? Культуризм?

— Да, крепкие мускулы, — сказал Густад. — Так что там премьер-министр?

Джимми был благодарен за напоминание.

— Она перешла к сути дела. Сказала… у вас прекрасный послужной список, майор Билимория, и вы понимаете наши задачи. Ее голос… такой спокойный, такой доверительный. Ничего общего с ее политическими речами… никаких криков, никаких воплей. Трудно поверить теперь, что она могла быть замешана в таком бесчестном деле. Может, это ее окружение… кто знает? — Густаду хотелось спросить, что это за бесчестное дело, но

он ждал. Всему свое время, пусть все идет в темпе Джимми. — Она назначила меня. Обучение и снабжение Мукти-Бахини… отличные бойцы эти бенгальцы. Быстро обучаются. Промышленный саботаж… обрушение мостов… железнодорожные пути… Эй! — вдруг выкрикнул Джимми, глядя поверх плеча Густада. Он лишь едва повысил голос, но по сравнению со слабым шепотом это прозвучало как крик. — Сволочь! Убирайся! Хватит твоих чертовых басен!

Густад понял. Он наклонился и погладил его по плечу.

— Все хорошо, Джимми, все в порядке, — сказал он, и разум Джимми соскользнул обратно, в благополучное прошлое.

— Густад, который час? — задыхаясь, спросил он. Этот всплеск отнял у него слишком много сил. — Время для *кушти*?

— Еще нет, Джимми, отдохни немного. — Он продолжал гладить его по плечу до тех пор, пока он не стал готов продолжить свою историю.

— Состоялась церемония… рождения Бангладеш. В округе Куштия, неподалеку от нашей границы… пригласили прессу… деревню переименовали в Муджибнагар. Новый флаг… зеленый, красный, золотой… в манговой роще.

Пение… Шонар Бангла[294]. А неподалеку — пакистанская артиллерия. *Джой Бангла…*[295] момент гордости для всех. Но проклятая зарубежная пресса напечатала название деревни… пакистанские военно-воздушные силы на следующий день сровняли ее с землей…

Без стука в комнату вошла медсестра с сердитым лицом. Джимми пора было делать очередной укол. Руки у нее были жилистые, вены выпирали на них как плетеные веревки. Она грубо перевернула его на бок, сделала свое дело и вышла, не проронив ни слова.

— Сейчас снова начнется. Как же я буду с тобой разговаривать?

— Не волнуйся, — успокоил его Густад. — Еще полно времени. Отдыхай. Я подожду.

Он взглянул на часы и удивился — уже почти час дня. Как много времени и бесценных усилий потратил Джимми на эти немногие слова. Как будто каждое из них приходилось кропотливо высекать из упрямого гранита, отражавшего его удары, затуплявшего долото. Но Джимми не

---

[294] Сноски: 294

«Амар Шонар Бангла» («Моя золотая Бенгалия») — государственный гимн Бангладеш, текст написан Рабиндранатом Тагором в 1905 году.

[295] Сноски: 295

Патриотической лозунг.

сдавался и после долгой борьбы представлял их Густаду. Одно за другим. Тот принимал их почтительно, с душевной мукой, чувствуя боль, которая вложена в их создание.

— Деньги. Деньги были самым главным для Мукти-Бахини. Без денег — ни продовольствия, ни взрывчатки, ни ружей… операцию можно было бы сворачивать… Мы были наедине, но она не обращала на меня внимания… как будто витала где-то далеко. Странная женщина… очень сильная женщина…

Я думал, она утратила интерес и Мукти-Бахини конец. Но все же представил ей свой полный доклад. И вдруг она сказала: я поняла ситуацию, я организую дополнительные фонды. И ушла к себе… в свой маленький кабинет. Предварительно снабдив меня инструкциями: на следующее утро отправиться в Государственный банк, встретиться с главным кассиром и попросить шестьдесят *лакхов*[296] рупий. Даже начала объяснять: когда помощь официально санкционируют, эта сумма будет возмещена. Я еще подумал: зач… зачем она все это мне рассказывает, это же не мое д-д-дело…

---

[296] Сноски: 296

Лакх — единица в индийской системе счисления, равная ста тысячам.

Вколотое лекарство снова начинало сковывать ему язык. Густад хотел, чтобы он прервался и отдохнул, он низко склонился к нему, едва не касаясь ухом губ Джимми.

— Она сказала… не сообщайте главному кассиру своего имени и звания в НАК. Только: посланец из Бангладеш… пришел за шестьюдесятью лакхами. На следующее утро я получил деньги. Удивительно… шестьдесят лакхов, просто так. Потом, через несколько дней, она прислала пос-посл-послание… Вот теперь слу-слушай внимательно… Ее п-п-план… Ка… как она все организовала… чтобы обезопасить себя и… за-загн-загнать меня в ловушку…

Джимми закрыл глаза; губы продолжали слабо шевелиться, но с них не слетало никаких звуков. Он впал в состояние, напоминавшее беспокойный сон. Густад подтянул простыню, чтобы хорошо укрыть его, и вышел, совершенно разбитый. Мучительная борьба Джимми опустошила и его.

Полицейский спросил:

— Как он? Очень страдает от боли?

— Да. Но сейчас он заснул.

Полицейский сказал, что в буфете внизу есть чай и снэки. «Снэки» он произнес как «снейк-

ки»[297].

[297] Сноски: 297
От *англ.* snake — змея.

II

Бхайя не хотел продать Дильнаваз четверть литра молока сверх нормы.

— *Аррэ баи*, надо было предупредить меня вчера. Откуда я возьму лишнее молоко?

Стоявшие в очереди соседи тут же вступили в спор, приняв сторону Дильнаваз.

— Кончай свое притворство, *миа́*, мы же знаем, что ты, как только уйдешь отсюда, просто добавишь четверть литра воды.

Как всегда бурно протестуя против обвинений, он долил Дильнаваз четверть литра.

Отнеся молоко домой, она отделила лишнюю четверть литра для приготовления смеси. Сначала — *тавиз* из связки над дверью. Она разрезала лайм на тонкие дольки, порубила чили и начала растирать все это в однородную массу. Круглый камень скрипел и урчал, пока она возила им взад-вперед по плоской доске.

Размешанная в молоке паста приобрела бледно-зеленый оттенок. Потом она отмерила в ступку нужное количество семян — аниса, сныти, мака, укропа, горчицы — и растолкла их в пудру. Остальные ингредиенты были уже в виде порош-

ка или жидкости: *kun-koo, marcha ni bhhuki, harad, dhanajiru, papad khar, shahjiru, tuj, lavang. Mari, ailchi, jyfer, sarko, garam masalo, andoo, lassun*[298]. Она энергично взболтала смесь, мисс Кутпитья особо предупредила, что все должно хорошо перемешаться.

Теперь мышиный помет. Дильнаваз не сомневалась, что найдет необходимое количество — спасибо Густадову затемнению, даже это неудобство в конце концов на что-то пригодилось. Приподнимая углы черной бумаги, она вскоре набрала чайную ложку. В смеси эти черные катышки оставались на поверхности, сколько ее ни взбалтывай. Она отставила получившийся раствор и принялась за поиски последнего ингредиента — белого шарика паучьего кокона, — не переставая дивиться тому, чего только не знает мисс Кутпитья.

Большую черно-коричневую особь она засекла почти под потолком, там, где черная бумага прилегала к вентиляционной решетке. Она резко махнула шваброй на длинной ручке. Бу-

---

[298] Сноски: 298

Молотый красный мел, молотый красный чили, мирра, молотый кориандр с тмином, пищевая сода, зира, молотая корица, гвоздика. Перец, кардамон, мускатный орех, уксус, «гарам масала», яйца, чеснок (*хинди*).

мага оторвалась, и паучиха изящными рывками заскользила к полу на своей шелковой нити. Определив место ее предстоящего приземления, Дильнаваз ждала, чтобы закончить операцию с помощью тапочки.

Но самая трудная часть была впереди — все восемь ножек паучихи намертво сомкнулись вокруг живота, и белый кокон с яйцами защищала радиальная сетка этих темных волосатых отростков. Они напомнили ей волосатые ноги инспектора Бамджи, когда — до повышения по службе — он еще носил шорты.

С помощью листка бумаги и карандаша, взятых со стола Густада, она одну за другой отогнула задние ножки паучихи. Некоторые из них снова сжались как пружинки, пришлось их придерживать, некоторые оторвались у самого тельца или на середине. Поработав карандашом, она отделила кокон, мягкий и немного клейкий, хотя и не такой липкий, как паутина.

Потом поставила кастрюльку на плиту. Смесь согрелась и превратилась в темно-коричневый однородный состав. Даже упрямые мышиные катышки растворились и смешались со всем остальным. И, наконец, тщательно сохраненный квасцовый пузырь был размолот и добавлен в

смесь.

Дильнаваз была готова к встрече с идиотом-собачником.

* * *

По субботам, в дополнение к утренней и вечерней прогулкам с Капелькой во дворе, мистер Рабади совершал еще одну, в середине дня. Зная об этом, Дильнаваз выработала стратегию. Она подогрела густую смесь и добавила в нее ложку молока. Да, теперь консистенция была правильной.

В начале второго из дальнего конца двора послышался пронзительный лай Капельки. Дильнаваз напряглась. Теперь только бы ей повезло и на лестнице никого не оказалось. Было очень важно точно подгадать момент. Она подождала, когда мистер Рабади подойдет к кустам, выскочила из задней двери и взбежала по лестнице.

Ее расчет оказался идеальным. Она выглянула с балкона. Капелька требовала временной остановки, чтобы вынюхать подходящее место под кустом, и мистер Рабади исполнил ее желание. Дильнаваз вытянула руку и опрокинула кастрюльку.

Рык мистера Рабади эхом раскатился по всему

двору. Она стремительно скатилась по лестнице и вернулась домой через заднюю дверь, стараясь не слишком радоваться, чтобы не спугнуть удачу. Не было пока никаких доказательств того, что смесь попала ему на голову, мистер Рабади орал бы независимо от того, куда она попала, — пусть даже всего лишь на землю рядом с ним. Ей отчаянно хотелось посмотреть, но приходилось ограничиваться слухом.

– *Junglees*![299] — вопил он. — Живете как животные! — Слыша нескончаемые крики хозяина, Капелька присоединила к ним и свой голос. — Тысячи людей голодают! А эти бессовестные выбрасывают карри во двор! — Дильнаваз испытала прилив оптимизма: значит, смесь вылилась достаточно близко к нему, раз он учуял запах.

К гневным литаниям добавились пронзительные крики боли, когда *молотый красный чили, яйца, чеснок, «гарам-масала»* и другие жгучие специи, стекая вместе со смесью с волос и лба мистера Рабади, попали ему в глаза.

— А-а-а-а-а! Какая боль! А-а-а-а-а! Умираю, *бас*, умираю!

Теперь Дильнаваз не сомневалась, что цели

---

[299] Сноски: 299
Дикари! (*калька с англ.*)

своей достигла.

— О-о-о-о-о! *Mari chaalyo*![300] Ослеп! Я совершенно ослеп! Смотрите, бессовестное вы животное! Кем бы вы ни были! Посмотрите на меня! В собственном дворе остался без глаз! Ослеп от вашего карри! Пусть с вами случится то же самое! И с вашими детьми, и с детьми ваших детей! — Он на ощупь потащился домой, сыпля проклятьями, скуля и взывая ко всему миру стать свидетелем его жестокой судьбы. Капелька скакала вокруг него, радуясь необычно оживленному настроению хозяина.

Дильнаваз вернулась в кухню. Все прошло в точном соответствии с планом. Мисс Кутпитья будет гордиться ею, подумала она, отчищая кастрюльку от своего волшебного зелья.

— Мама, это идиот-собачник кричал? — спросила Рошан.

Дильнаваз вздрогнула, она не заметила, как вошла дочь.

— Да, но ты не должна так его называть. И почему ты встала с постели?

— Я устала спать весь день. Можно мне что-нибудь поделать?

---

[300] Сноски: 300
Умираю! (*хинди*)

— Ладно, сядь на диван и почитай книжку. — Она смыла с кастрюльки *золу и опилки* и ополоснула ее чистой водой, кастрюлька засияла. Неужели такое возможно? Так быстро? Это настоящее чудо! Или совпадение. Но какая разница? Важен результат. А кроме того, есть ли на свете хоть один человек, которому в тот или иной момент не хочется искренне верить в сверхъестественное?

* * *

Не успела мисс Кутпитья насладиться вкусом победы, как Дильнаваз перешла к следующему пункту.

— Я знаю, что мне нужно проявлять терпение, — сказала она, — но вы должны мне помочь. Я больше не могу так жить, тревожные мысли ни на миг не покидают меня.

— Это вы о чем?

— О Сохрабе. Страхи крутятся, крутятся у меня в голове. Вы сказали, что существует еще одно средство. Последнее. Мы *должны* его использовать. Пожалуйста!

— Должны-рожны, ничего мы не должны! — разозлилась мисс Кутпитья. — Что вы обо всем этом знаете? Не указывайте мне, что я должна

делать!

Дильнаваз, испугавшись, пошла на попятную.

— Да у меня бы и язык не повернулся указывать вам, что делать. Но мне кажется, что это последний шанс.

— Вы не понимаете, о чем просите. Может случиться что-нибудь ужасное. — Мисс Кутпитья прищурилась, голос ее зазвучал зловеще, видимо, она представила себе какие-то невероятные события. — И никакие ваши последующие сожаления и скорби не помогут и ничего не исправят.

— Значит, мой сын потерян навсегда?

Боль утраты сына мисс Кутпитье была знакома.

— Я не то хотела сказать. Если вы настаиваете, мы это сделаем. Но тяжесть последствий, *паринаам*[301], ляжет на вашу голову.

Дильнаваз содрогнулась.

— Ради сына я готова рискнуть.

— Тогда договорились. Ждите. — Она вмиг стала очень деловой. Из груды картонных коробок, жестяных банок, газет и какого-то рванья выудила старую обувную коробку. — Вот, это подойдет. Теперь нам нужна ящерица. Може-

---

[301] Сноски: 301

Паринаам — результат, вывод (*хинди*).

те достать? — На лице Дильнаваз отразилась неуверенность. — Неважно. Я достану, подождите. — Мисс Кутпитья открыла одну из запертых дверей и тут же закрыла ее за собой. Некоторое время там происходила какая-то суета, потом мисс Кутпитья появилась снова, с триумфальным видом, немного запыхавшись, и протянула коробку Дильнаваз. — Следите, чтобы крышка была закрыта, а то убежит. Постойте, лучше перевязать. — Из той же кучи, где нашла коробку, она вытащила веревку. — Отлично. Теперь оставьте коробку до рассвета под кроватью, на которой спал Сохраб. Под изголовьем. И принесите мне ее назад завтра.

— И что случится?

— Не торопитесь, всему свое время. Сделайте для начала это.

Дильнаваз знала, что мисс Кутпитья все равно не удовлетворит ее любопытства.

— В десять часов вам удобно? Не позже: Густад может вернуться в любой момент после полудня, в зависимости от поезда.

— В десять, в одиннадцать — когда хотите. Принесите коробку и приведите Темула, вот и все.

— Темула?

— Разумеется. — Глупый вопрос вызвал раздра-

жение у мисс Кутпитьи. — Без него от ящерицы никакого толку.

Воображая себе разные невероятные события, которые могут проистечь из связки Темул-и-ящерица, она прошла мимо мистера Рабади, гулявшего с Капелькой во дворе. Когда он почесал голову, ей показалось, что она уловила запах чеснока, и она испытала облегчение оттого, что никакого необратимого урона его здоровью не нанесла. С глазами у него все было в порядке, и он свирепо посмотрел на нее.

Дома она поставила коробку под *дхолни* Сохраба. «Сколько же времени прошло с тех пор, как он в последний раз убирал его с пола возле кровати Дариуша, — подумала она, — а боль из моего сердца никуда не ушла. И не уйдет, пока я не буду снова каждый вечер слышать шорох его роликов».

III

Когда Густад вернулся из буфета, Джимми все еще пребывал в медикаментозных тисках. Он бесшумно подтянул стул к кровати, сел и стал ждать. И опять первой шевельнулась рука.

— Густад?

— Да, Джимми. — Он погладил его руку. — Я все еще здесь.

— Пить хочется… от укола. — Он потянулся к поильнику. — До какого момента… я тебе рассказал?

— Премьер-министр вызвала тебя к себе. Ты сказал, что у нее был план, как обезопасить себя.

— Обезопасить себя… да… и заманить меня в ловушку. — Вспомнив, на каком месте остановился, он продолжил рассказ, как будто и не прерывал его. — Она сказала: я нашла деньги… потому что Мукти-Бахини нужно помочь… но… Она поразмыслила и продолжила: у меня есть враги… повсюду. Если они узнают об этих деньгах, они используют это против меня. Им все равно, что деньги предназначены для благих целей… а наша страна пострадает, если произойдет дестабилизация в правительстве. Ситуация

на границе очень опасная… ЦРУ, пакистанские агенты… Это звучало разумно. Я спросил, должен ли я принести деньги ей. Она сказала — нет, движение Мукти-Бахини не должно пострадать… Нужно сделать по-другому. Мол, единственная проблема — ее звонок главному кассиру… он может проговориться. Это надо исправить. Как, спросил я, он же слышал ваш голос. Да, ответила она, но он не видел, как я говорю… всегда можно сказать, что кто-то подделал мой голос.

Она очень умная женщина, Густад. Она сказала: если кто-то из моих врагов начнет чинить неприятности, единственное, что вам требуется сделать, это… сказать, что вы имитировали мой голос. Я рассмеялся… кто же в это поверит? Но она ответила, что в определенных обстоятельствах люди способны поверить во что угодно. И пообещала… что со мной ничего не случится.

Я, как дурак, согласился… доверился ей. Потом она добавила, что, наверное, лучше всего сделать наш план неопровержимым… вам нужно прямо сейчас написать несколько строк. Признание. Что вы подделали мой голос… потому что хотели продолжить помогать Мукти-Бахини. Таким образом она будет, мол, готова заранее… если кто-то из политиков попытается устроить непри-

ятности. При возникновении любой клеветы она сможет предстать перед парламентом… с письменным признанием… что она была в курсе и правительство контролировало ситуацию.

Ну что сказать, Густад? Даже на это… я согласился. Она дала мне чистый лист бумаги и свою собственную авторучку. Я написал признание… как последний идиот. Мое уважение к ней… так выросло за месяцы работы. Такая сильная женщина. Я доверял ей безоговорочно.

Густад был ошеломлен. И это житейски умудренный Джимми Билимория, циничный майор, которого он знал столько лет, чьим девизом в жизни было: если сомневаешься, продолжай сомневаться! Неужели он действительно мог сделать глупость, о которой только что рассказал? Что же это за женщина такая?

— Прости, Густад… я все болтаю и совсем забыл, что ты не обедал. Хочешь есть?

— Нет, пока ты спал, я выпил чаю.

Джимми улыбнулся, но на его изможденном лице улыбка выглядела как болезненная гримаса.

— Сколько раз я вспоминал *дхансак* Дильнаваз… наши воскресные встречи. — Он устремил взгляд куда-то вдаль, взгляд его затуманился. Потом с видимым усилием продолжил шепо-

том: — Итак, я думал, что моя операция идет полным ходом… и сообщил хорошую новость командиру Мукти-Бахини. Но через несколько недель… когда я приехал к нему с инспекцией, на его лице было полное разочарование. И где же это новое финансирование? — спросил он. Повез меня показывать положение дел… и я все увидел своими глазами. Чудовищные условия… босые ноги, рваная одежда, непокрытые головы… Ружья — только у немногих, остальные вооружены палками и древесными суками. Какое-то ужасное недоразумение… Я поспешил обратно в Дели. Кое-что проверил по своим каналам. Гулям, со своей стороны, тоже провел кое-какие изыскания… Его попытались убить, подстроив аварию… это их любимый способ: дорожная авария. Он задавал слишком много вопросов. Но нам удалось узнать нечто, во что было невозможно поверить. Я перепроверил… Гулям тоже. В этом не было смысла… зачем так-то? Ей стоило всего лишь спросить у меня… — Он задохнулся и зашелся в кашле. Густад поддерживал ему голову, пока приступ не прошел, потом хотел дать ему попить, но Джимми отмахнулся.

— Я столько всего увидел… подкупы, двойная игра, шантаж. Потом это вот… — Он замолчал и

теперь все-таки выпил воды.

— Что случилось с деньгами? — спросил Густад.

— Деньги, которыми я расплачивался за поставки… перехватывали. В офисе премьер-министра. И переводили. На частные счета.

— Ты уверен?

Джимми сделал отчаянный жест.

— Хотел бы я ответить — нет.

— Но зачем?

— Вот этого я точно сказать не могу. Одна из вероятностей — для финансирования автозавода ее сына. Или для пополнения избирательного фонда, или, может быть…

— И что ты сделал тогда?

— Не то, что следовало бы сделать… совершил очередную глупость. Мне нужно было все это предать гласности. Довести до сведения прессы, оппозиционных партий. Чтобы было проведено расследование. Но я подумал: ведь она все контролирует — НАК, суды, радиовещание… все они у нее в кармане, и все будет замято…

Внезапно Джимми вскрикнул и закрыл лицо руками.

— Остановитесь! Пожалуйста, прекратите! — Он заметался, стал дрыгать ногами в воздухе. —

Прекратите! А-а-а-а-а! — Густад пытался держать его, но Джимми не давал к себе прикоснуться, отбиваясь руками. Вдруг, так же неожиданно, он затих и лежал, поджав колени к животу и задыхаясь, холодный пот струился по его лицу.

Потрясенный, Густад понял: вернулся его тюремный кошмар. Он обнял друга.

— Все хорошо, Джимми. Никто тебе не причинит зла, я здесь.

Постепенно Джимми разжал кулаки и выпрямил ноги, но продолжал дрожать, и Густад успокаивал его, пока дрожь не прошла. Джимми открыл глаза.

— Густад? Воды, пожалуйста.

Густад напоил его и снова поправил подушку.

— Днями и ночами я сидел у себя в квартире. Ничего не предпринимая… просто думал. Есть ли надежда у страны с такими бесчестными руководителями? Днями и ночами… Я вспоминал всех людей, которых встречал в жизни… армейских сослуживцев, хороших людей. Гуляма Мохаммеда. Ходадад-билдинг… семьи, жившие там. Тебя и Дильнаваз, детей, надежды, которые ты на них возлагал. И этих ублюдков, министров и политиков, этих отвратительных притворщиков, свиней… жиреющих и жиреющих, пьющих

кровь… — Джимми задрожал и стал задыхаться от бешенства. — Эти мысли сводили меня с ума. Но я решил: если они могут использовать в своих интересах шестьдесят лакхов, то почему не мы? Ее сын со своим заводом по производству «Марути» или на что там еще они эти деньги потратили… мы тоже можем воспользоваться какой-то частью. Ты, твоя семья, Гулям, я. Почему бы нет? Я отложил десять лакхов и сообщил Гуляму, чтобы он ждал посылку… по нашему обычному каналу на Чор-базаре.

Как можно деликатней Густад спросил:

— Но почему ты не рассказал мне, что происходит?

— Густад, я знаю тебя… твои принципы. Неужели ты согласился бы… если бы я открыл тебе правду? Мой план состоял в том, чтобы по завершении контракта уйти в отставку. Вернуться в Бомбей и поделить деньги. Ты, Гулям, я. Это было неправильно, я знаю, от сложения двух неправильных деяний не получается правильное. Но я чувствовал омерзение. И я был абсолютно уверен… если пятьдесят лакхов осели в офисе премьер-министра… никто не заметит пропажи остальных десяти. И на старуху бывает проруха.

Я ошибся. Они пришли за мной… арестовали…

состряпали дело на основании моего письменного признания. Чего они хотели на самом деле? Свои десять лакхов. А знаешь, что делают в наших тюрьмах, когда ты отказываешься…

— Но ты отказался.

— Я должен был защитить тебя и Гуляма… не хотел, чтобы у вас были неприятности. Но теперь, раз деньги возвращены, все в порядке. Меня перевели в больницу, лечат как положено…

Джимми замолчал, и Густад почувствовал, что он хочет услышать его реакцию.

— Что я могу сказать, Джимми? Столько страданий. Но разве ты не можешь теперь обратиться к юристам, в газеты, открыть им правду об этих десяти лакхах и обо всем этом проклятом мошенничестве…

— Густад, многие пытались. Они все держат под контролем… суды у них в кармане. Остался один выход… спокойно отбыть свои четыре года… и обо всем забыть.

— Всем известно, что коррупция существует, — сказал Густад, — но что до такой степени!.. Трудно поверить.

— Густад, то, что творится во власти, за пределами понимания обычного человека. Но я позвал тебя сюда не для того, чтобы расстраивать… и

жалеть меня. Что было, то было. Я просто хотел с тобой поговорить. Чтобы удостовериться, что ты не станешь думать, будто я хотел тебя обмануть. Гулям сказал, что ты очень рассердился… Я бы на твоем месте сердился точно так же. Но я надеялся, что… теперь ты меня простишь.

Густад выдержал его взгляд и понял, что друг нуждается в отпущении грехов, в его глазах была мольба.

— Ты простишь меня?

Ответ мог быть лишь один:

— Какая ерунда. Тут нечего прощать, Джимми.

Пытаясь дотянуться до руки Густада, Джимми с трудом поднял свою, дрожащую. Густад крепко сжал ее.

— Спасибо, Густад. За все… за то, что приехал, выслушал…

Некоторое время они молчали. Потом заговорили о старых временах, когда мальчики были еще маленькими и дядя майор учил их маршировать — левой-правой, левой-правой — и брать на караул, используя вместо винтовок линейки.

Медсестра явилась делать очередной укол незадолго до того, как Густаду пришло время уходить. Жилистая женщина перевернула Джимми, на этот раз на другой бок, и всадила в него иглу.

Им удалось закончить то, о чем они говорили до ее прихода, и попрощаться, прежде чем лекарство снова ввело больного в забытье. Густад посидел немного на краю его кровати, прислушиваясь к тяжелому дыханию. Потом подтянул простыню, подоткнул ее, склонился над кроватью и легко поцеловал друга в лоб.

* * *

Пока Густад дремал, зажатый между спутниками-пассажирами, премьер-министр в специальном радиообращении сообщила народу, что самолеты пакистанских военно-воздушных сил только что бомбили индийские аэропорты в Амритсаре, Патханкоте, Шринагаре, Джодхпуре, Чандигархе, Амбале и Агре. Она заявила, что это акт неприкрытой агрессии, и, следовательно, Индия находится отныне в состоянии войны с Пакистаном. К тому времени, когда поезд прибыл в Бомбей, новость уже была известна всем находившимся в нем: в пунктах остановок они собрали по кусочкам информацию, смешанную со слухами. На вокзале Виктория-Терминус Густад хотел купить газету, но цена на остававшиеся несколько экземпляров возросла в пять раз по сравнению с обычной, и он отказался от своего

намерения.

Глава девятнадцатая

I

Для большей надежности Дильнаваз продержала ящерицу под *дхолни* Сохраба еще три часа после восхода. Когда настало время идти к мисс Кутпитье, она достала коробку и осторожно встряхнула ее. Внутри послышалось обнадеживающее шуршание.

У нее не было даже предположений о том, какого рода связь между Темулом и ящерицей должна вернуть Сохраба домой. Удивительно, что в присутствии мисс Кутпитьи, в ее квартире, все сомнения легко рассеивались, и все ее целебные средства представлялись образцами здравого и продуманного образа действий. «И тем не менее я, должно быть, сошла с ума, если попросила ее сделать это», — подумала она.

Открыв выходившее во двор окно, Дильнаваз поискала глазами Темула. Он уже ждал ее.

— Лаймовыйсоклаймовыйсок, оченьвкусно оченьвкусно.

— Нет-нет. Сока больше нет. Но у мисс Кутпитьи есть для тебя кое-что хорошее. Иди, она зовет.

— Телефонтелефоннаверхунаверху.

— Правильно, это там, где телефон. Иди, я тоже

сейчас приду.

— Идуидуоченьвкусно. — Зажав правую руку под мышкой левой и широко улыбаясь, он пошел, куда сказали. Она дала ему две минуты форы и последовала за ним с коробкой.

Мисс Кутпитья пребывала в состоянии нетерпеливого ожидания. Она втащила их в квартиру.

— Входите, входите и закройте дверь. Думаете, я буду это делать на лестничной клетке?

Дильнаваз ждала ее указаний. Теперь, когда настал решающий момент, она чувствовала себя в западне («Я беспомощна, — думала она, — как эта ящерица в коробке»). Но события уже развивались, ей оставалось лишь наблюдать, как они, набирая обороты, стремятся к обещанному концу. Растирать специи на доске для приготовления пряных смесей — одно, а вот перемалывать события до последнего предела — другое. Тут нужна сила иного рода.

В оцепенении она наблюдала, как мисс Кутпитья подошла к одной из закрытых дверей и отперла ее ключом, висевшим на связке у нее на шее. В глазах старой женщины появился блеск, подобный тому, какой возникает во взоре художника, откидывающего покрывало со своего главного произведения, своего *pièce de*

résistance[302]. Открыв заветный портал, она жестом пригласила их в запретную комнату.

Окна в ней были плотно закрыты, тяжелые шторы задернуты. Из дверного проема потянуло густым, невыветриваемым запахом плесени и запущенности. Дильнаваз не хотелось проникать в мрачные секреты этой комнаты. Почти физически осязая там, впереди, дух правды, которая таилась за годами слухов и россказней, она в нерешительности замешкалась на пороге. Темул, с широко открытыми глазами и выступившей на лице испариной, нервно чесался.

Мисс Кутпитью при виде попусту тратящей время парочки охватило раздражение.

— Если вы будете весь день топтаться в дверях, ничего не произойдет!

Она втащила их в комнату и, нашарив выключатель, зажгла свет — тусклый и мутный.

Дильнаваз ахнула. Она не могла решить, смотреть ей или отвернуться, желания были одинаково сильными, поэтому не делала ни того ни другого, просто ждала, пока комната со всем ее содержимым (со всеми ее вещами, на которые никто никогда не смотрел) начнет постепенно

---

[302] Сноски: 302
Гвоздь программы (*фр.*).

выкристаллизовываться в ее сознании.

Все тонуло в серо-белых тенях. Из-за венков паутины и толстого слоя пыли было трудно различать предметы — кроме мебели. Но по мере того как ее органы восприятия адаптировались к зловещей неподвижности и сумрачному свету тусклой, запыленной лампы, наполненная тенями комната начала нехотя выдавать свои секреты. Теперь Дильнаваз видела, что тряпки, свисающие с сушилки для белья, когда-то были накрахмаленными до хруста рубашками и шортами мальчика, вероятно, его школьной формой. Две темные дырявые тряпки, болтавшиеся на нижней перекладине, как сброшенная кожа каких-то загадочных рептилий, определенно были когда-то носками. А то, что представлялось высохшей лентой, — ремнем из отменной змеиной кожи. Да, теперь это было очевидно.

И да, теперь она понимала, что это была комната Фарада, племянника мисс Кутпитьи, который некогда заполнял чашу ее жизни до краев и который погиб вместе с отцом в автокатастрофе на горной дороге. Когда их искореженные тела достали из пропасти, чаша жизни мисс Кутпитьи разбилась и не подлежала восстановлению, так же как их кости, — это было не под силу ника-

кому, даже самому искусному костоправу, даже волшебнику.

Но мисс Кутпитья все равно с тех пор пыталась починить и исправить все на свой особый лад. Три с половиной десятка лет благоговейно соблюдаемой изоляции позволили тропическому климату сделать свою разлагающую и разрушающую работу. Сырость тридцати пяти муссонов, буйство влаголюбивых грибков и разнообразных видов плесени — все это внесло свою липкую, жирную лепту в процесс гниения и распада. В комнате стоял письменный стол мальчика, на нем — раскрытая тетрадка, края которой пожелтели и загнулись. Рядом с ней — стопка учебников, верхний обернут в коричневую бумагу и подписан еще неуверенной детской рукой, чернила выцвели, хотя и не сдались на милость минувших лет: «Рен и Мартин. Грамматика и структура английского языка для средней школы». Авторучка и бутылочка с высохшими чернилами, покрытые пылью. Покоробившаяся и растрескавшаяся линейка. Карандаши. Ластики, похожие на кусочки твердого дерева. На спинке стула — зеленый дождевик, заросший пушистой серой бактериальной колонией; под стулом — черные резиновые сапоги, тоже покрытые серой

порослью. На кровати матрас, обтянутый тиком в черную полосу, выглядывает сквозь дыры там, где десять тысяч ночей пировали поколения моли. Но покрывало и одеяло аккуратно заправлены, подушки на своих местах в ожидании возвращения хозяина.

Дверь в смежную комнату тоже была открыта, и Дильнаваз успела заметить кое-что из обстановки. Это, скорее всего, была комната отца Фарада. Его адвокатская мантия на проволочной вешалке, местами скорее серая, чем черная, висела на дверной щеколде. Кипы юридических документов, стопки судебных дел, аккуратно связанные розовой тканой лентой, в идеальном порядке лежали на металлическом столе. Щетка для волос, бритвенный прибор, атташе-кейс, журналы занимали прикроватный столик. И в обеих комнатах все было густо оплетено паутиной: светильники, занавески, дверные рамы, окна, шкафы, сушилки для белья, потолочные вентиляторы. Как *tohruns*[303], траурные венки, паучьи сети расправили свои цепкие щупальцы и объяли реликты убитого горем прошлого мисс Кутпитьи.

---

[303] Сноски: 303
Амулеты, которые вешают на дверь «на удачу».

— Отойди в сторону, Темул, — сказала она, непонятно чем раздраженная. — Не путайся под ногами.

Она взяла у Дильнаваз коробку, поставила ее на письменный стол Фарада и чуть-чуть приоткрыла крышку. Как и ожидалось, ящерица высунула в щель морду с постоянно выстреливающим языком. Мисс Кутпитья молниеносно ударила ее по голове покоробившейся линейкой. Потом перевернула коробку и, стиснув извивающийся хвост большим и указательным пальцами, отхватила от него дюйма два с конца тупыми ржавыми ножницами.

Дильнаваз побледнела; так же как Темул, она, словно завороженная, наблюдала за происходящим. Все, что требовалось мисс Кутпитье, было заранее приготовлено в этой комнате. Как обычный ватный фитиль, она воткнула кусочек хвоста в держатель, плававший в стеклянной масляной лампе. Отягощенный необычным грузом, держатель качался на поверхности масла, поскольку хвост продолжал извиваться, но не тонул.

— А теперь, — сказала она Дильнаваз, беря со стола спичечный коробок, — идите постойте снаружи. А ты, — обратилась она к Темулу, — хочешь позабавиться?

— Позабавитьсяпозабавиться.

— Тогда садись и смотри.

Темул захихикал, глядя на извивающийся кусочек хвоста, и сел. Прогнившее плетеное сиденье мгновенно прорвалось, он провалился и стал беспомощным с застрявшей в дырке попой.

— Упалупалупал, — пожаловался он, протягивая руки, словно тонущий мужчина.

Перед тем как покинуть комнату, Дильнаваз помогла вытащить его. Ощутив едкое дуновение из-за двери, она поняла, что мисс Кутпитья зажгла спичку. Секунду спустя она и сама вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

— Очень опасно смотреть на него, когда он горит, — сказала она. — Поэтому я вас и выпроводила.

— А как же вы? Вы же, наверное, видели?

— Никогда. Думаете, я сумасшедшая? Я знаю, как поджигать его не глядя.

Минут пять они слышали, как Темул хихикает там, в комнате, окруженный едким дымом горящих шкуры и плоти ящерицы. Потом мисс Кутпитья открыла дверь и позвала его.

Он не хотел выходить.

— Крутитсягориткрутитсягорит.

— Все, хватит, — сказала мисс Кутпитья, — иди

поиграй во дворе.

Дильнаваз она шепнула, что надо подождать еще немного, а потом хорошо вымыть стекло лампы, чтобы исключить любую случайность. Даже малюсенький кусочек обгоревшего хвоста способен вызвать катастрофические последствия. Можно легко, вот так (она щелкнула в воздухе пальцами) потерять разум.

Дильнаваз тут же стала вглядываться в Темула, ища в нем признаки перемены.

— Не глупите, — сказала мисс Кутпитья, — на это требуется несколько дней.

— А-а! — протянула Дильнаваз с облегчением и разочарованием одновременно.

— Крутитсякрутится, — сказал Темул. Опираясь на здоровую ногу и тяжело подтягивая больную, он спустился по лестнице, бормоча: — Крутитсякрутитсяогоньогонь. Смешносмешно. — Помахал рукой и исчез из виду, но его голос еще доносился снизу, из лестничного проема: — Горитгоритгорит.

О том, что ящерицын хвост, извиваясь, выскочил из лампы и упал на растрепанную тетрадь Фарада, Темул умолчал.

II

Выйдя из автобуса, на котором приехал с вокзала, Густад увидел, что за время его отсутствия последние свободные участки стены заполнились рисунками. Изображения пророков, святых, духовных учителей, мудрецов, провидцев, праведников и святых мест, написанные маслом и эмалями, покрывали каждый квадратный дюйм черной стены. Яркие краски блестели на позднем утреннем солнце.

На тротуаре лежали цветы, принесенные верующими: маленькие, большие букеты и отдельные цветки. Встречались и пышные гирлянды из роз и лилий, *gulgota* и *goolchhadi*, наполнявшие воздух густыми ароматами. Их легкое, как то прикосновение женской вуали на Горе Марии, дуновение он уловил еще от автобусной остановки. И чем ближе он подходил, тем богаче становились сладостные ароматы. Циннии, бархатцы, *morga, chamayli, goolbahar,* магнолии, *bunfasha*, хризантемы, *suraj-mukhi*, астры, георгины, *bukayun,*

nargis[304] — фантастическое разнообразие красок и ароматов услаждало зрение и обоняние Густада, вызывая мечтательную улыбку и заставляя забыть об изнеможении, вызванном двумя ночами, проведенными в тесноте поездов.

Какой разительный контраст той, былой стене, подумал он. Сейчас трудно даже представить себе тот смрадный ад, какой она являла собой прежде. Дада Ормузд, ты творишь чудеса. Вместо роившихся тут когда-то мух и москитов теперь в солнечном свете плясали тысячи ярких красок. Вместо вони царил восхитительный неземной аромат. Рай на земле.

Прошло несколько недель с тех пор, как он в последний раз внимательно осматривал стену. Все рисунки, выполненные мелками, были удалены и переписаны маслом, в том числе изначальное изображение триады: Брахма, Вишну и Шива. Какое волшебное преображение! Есть все же Бог на небесах, и в Хододад-билдинге теперь все в порядке.

Густад вспомнил тот вечер почти двухмесячной давности, когда его удивил запах одинокой ароматической палочки, воткнутой в щель на

---

[304] Сноски: 304

Календула, туберoза, жасмин, франжипани, гульмохур, хризантема, подсолнух, мелия, нарцисс (*хинди*).

асфальте. Теперь их тут были целые связки в специальных подставках, источающие летучие облачка белого благовонного дыма. Неподалеку, в глиняном кадиле, курился ладан, испуская свое неповторимое, пикантно-приятное благоухание. На равных расстояниях стояли зажженные свечи и масляные лампады. А перед портретом Заратустры даже была воткнута тлеющая палочка сандалового дерева. Бывшая черная стена стала настоящим святилищем для людей всех рас и вероисповеданий.

— Ваша идея оказалась великолепной, сэр, — сказал уличный художник. — Это лучшее во всем городе место для ее воплощения.

— Нет-нет, все дело в вашем таланте. Выполненные вашими новыми масляными красками, рисунки выглядят еще прекрасней, чем прежние. А что это там, в углу? — Густад указал в дальний конец стены, где были сложены несколько бамбуковых шестов, листы гофрированного металла, куски картона и пластика.

— Я собираюсь соорудить маленькое убежище для себя. С вашего разрешения, конечно, сэр.

— Ну разумеется, — ответил Густад. — Но раньше вы говорили, что любите спать на своем матрасе под звездами. Что случилось?

— О, ничего, — смущенно ответил художник. — Просто для разнообразия. Пойдемте, я покажу вам свои новые рисунки. — Он повел его за руку. — Вот смотрите: Парвати с гирляндой в ожидании Шивы; Хануман, бог обезьян, строящий мост на Ланку; Рама, убивающий демона Равану, а рядом — воссоединившиеся Рама и Сита. А вот здесь: Упасани-Баба, Каму-Баба, Годавари-Мата. А это — всемирно известный собор Святого Петра, спроектированный Микеланджело, вы наверняка слыхали о нем. — Густад кивнул. — Вот здесь — еще несколько христианских образов. Младенец Иисус в яслях и трое волхвов; мадонна с младенцем; Нагорная проповедь. А это — из Ветхого Завета: Моисей и горящий куст; расступившееся Красное море; Ноев ковчег; Давид и Голиаф; Самсон, сдвигающий столбы и обрушивающий храм филистимлян.

— Чудесно, совершенно чудесно.

— А это — знаменитая Голубая мечеть. Рядом —

дарга[305] Хаджи Маланга[306] в Кальяне[307]. Это — Кааба. Вон там — два великих объединителя индуизма и ислама: Кабир[308] и Гуру Нанак[309].

— А кто там, с той стороны? Вы их пропустили.

— О, простите. Я думал, что вы их уже видели. Это Агни, бог огня; Кали, Мать Мира, и богиня Йелламма, богиня *девадаси*[310].

— Йелламма? — Имя казалось смутно знакомым.

— Да. Божество *девадаси.* Ну, вы знаете: *тандис*[311], *вайшьи*[312], проститутки — все одно, для всех практических целей. Ее называют заступницей проституток, — объяснил художник, и Густад вспомнил: давным-давно, еще школьником, он слышал это имя в историях паанвалы Пирбхоя.

— А это не узнаете? — многозначительно улы-

---

[305] Сноски: 305

Дарга — храм или гробница, построенная над могилой почитаемого религиозного деятеля.

[306] Сноски: 306

Суфийский святой.

[307] Сноски: 307

Город в штате Махараштра, в 60 км к востоку от Бомбея/Мумбаи.

[308] Сноски: 308

Средневековый индийский поэт-мистик, классик литературы хинди.

[309] Сноски: 309

Гуру Нанак Дэв (1469–1539) — основатель сикхизма. В Пенджабе его почитают не только сикхи, но и индуисты и мусульмане.

[310] Сноски: 310

Девадаси — букв.: слуга бога (*санскр.*), в Южной Индии девочка, «посвященная» божеству при рождении или по обету, живущая и служащая при храме до конца своей жизни.

[311] Сноски: 311

Тандис — девушки с большой грудью, девушки легкого поведения (*жарг. хинди*).

[312] Сноски: 312

Вайшьи — третья из варн, объединяющая касты торговцев и ремесленников.

баясь, спросил художник.

Густад всмотрелся в изображение, казавшееся очень знакомым.

— Похоже на нашу стену, — нерешительно предположил он.

— Абсолютно верно. Теперь ведь это священная стена, правда? Так что она занимает законное место на стене святых и священных мест.

Густад наклонился, чтобы получше рассмотреть изображение стены на стене.

— Это все, — сказал художник. — Осталось последнее. Я приберег его на конец. — Он повел Густада к участку, который прежде делили Заратустра, Дустурджи Кукадару и Мехерджи Рана. Теперь к ним была добавлена еще одна фигура, тоже в одеянии и головном уборе парсийского священнослужителя.

— Кто это? — резко спросил Густад.

— Это сюрприз. Поскольку вы тоже парс, я подумал, вам это будет интересно. Видите ли, несколько дней тому назад джентльмен, который живет в вашем доме, — тот, у которого маленькая белая собачка…

— Рабади?

— Он мне сказал: поскольку я рисую святых и пророков, у него есть просьба. Я ответил — ко-

нечно, на стене для всех найдется место. И он показал мне черно-белую фотографию, объяснив, что это *дустурджи* Бария, очень святой для парсов человек. Совершил много чудес, чтобы помочь больным и страждущим, так он сказал. И что этот Бария, мол, не ограничивается только духовными проблемами, потому что философия зороастризма поощряет как духовный, так и материальный успех.

Все это я знал, но не хотел говорить ему, что помимо диплома Школы искусств имею также степень в области древних и современных мировых религий. Никогда не знаешь, когда выпадет удача узнать что-то новое. Так что я продолжал слушать. Он сказал, что *дустурджи* Бария славится тем, что помогает людям, имеющим проблемы со здоровьем, с домашними животными, с игрой на бирже, с деловыми партнерами, с поисками работы, помогает решать проблемы сотрудникам торговых банков, известным государственным служащим, председателям разных комитетов, промышленным магнатам, мелким подрядчикам и так далее.

Ладно, сказал я ему, убедили, и взял фотографию. Начал рисовать. Закончив эскиз, принялся за масляные краски. Но однажды вечером мимо

проезжал полицейский инспектор, который тоже тут живет…

— Инспектор Бамджи, — вставил Густад.

— На ходу он разглядывал новые рисунки, но вдруг резко затормозил и стал кричать, чтобы я немедленно прекратил рисовать. Я, как вы понимаете, испугался — у меня было достаточно неприятностей с полицией. Они ничего не понимают в искусстве и обращаются со мной как с нищим бродягой. Со всем своим смирением я сказал ему: прошу прощения, сэр, джентльмен с маленькой белой собачкой уважительно попросил меня нарисовать этого человека, потому что он парсийский святой человек.

Инспектор расхохотался. Святой человек? *Аррэ*, этот тип шарлатан и позор парсийской общины. Дурачит доведенных до отчаяния людей, продает им свои фотографии в рамках, самодельные амулеты и прочий мусор. А подобные вещи зороастризм отнюдь не поощряет, сказал инспектор.

— И что было потом?

— Мистер Рабади как раз вышел выгулять собаку, услышал то, что говорил инспектор, и начал спорить: мол, *дустурджи* Бария никогда не нажил ни одной пайсы на своем священном даре, а те, кто так говорят, просто грязные завистливые

собаки, ленивые бездельники, недостойные даже лизать следы его сандалий. А кроме того, у нас, мол, светское государство, и люди имеют право верить во что хотят, а дустурджи Бария имеет право красоваться на стене, так же как любой другой.

С последним аргументом я был вынужден согласиться. Инспектору, видимо, стало неловко участвовать в уличной ссоре. Он сказал: делайте что хотите, шарлатан останется шарлатаном, даже если нарисовать его среди пророков и святых, и уехал.

А мистер Рабади сказал мне, что существует много скептиков и клеветников вроде инспектора Бамджи, но настанет день, и все они увидят правду. И добавил, что у него есть доказательство святости *дустурджи* Барии. Когда его большая собака, Тигр, умерла несколько лет тому назад, с фотографии *дустурджи* Барии, которая стоит у него в квартире в рамке, лились слезы. Поразительно!

— И вы в это поверили? — широко улыбаясь, спросил Густад.

— Видите ли, я не люблю подрывать чью бы то ни было веру. Чудо, волшебство, фокус, совпадение — какая разница, если это помогает? Зачем

анализировать силу воображения, силу внушения, силу самовнушения, силу физиологических возможностей? Слишком пристальный взгляд разрушителен, под ним все дезинтегрируется. Жизнь сама по себе достаточно трудна. Зачем делать ее еще труднее? В конце концов, кто может сказать, почему происходит чудо и как получаются совпадения?

— Это правда, — согласился Густад, — но мне больше нравятся такие чудеса, как эта стена, они более полезны и истинны, чем слезы с фотографии. Вонючее грязное безобразие превратилось в красивое благоухающее место, где всем хорошо.

— И оно будет становиться еще более притягательным теперь, когда началась война. В такие времена люди делаются великодушней и набожней.

— Согласен, — сказал Густад. — Смотрите, сандаловая палочка погасла. У вас есть спички?

У художника спички были. Пока Густад пытался снова поджечь палочку, мимо промчалась пожарная машина, сбавила скорость и заехала во двор. Бросив возиться с палочкой, он заспешил домой. Пожарные как раз разворачивали шланг.

Темул увлеченно наблюдал за ними. Он взволнованно помахал Густаду.

— ГустадГустадГустад! Диньдондиньдондиньдон. Забавнозабавно. Крутитсякрутитсявогневогне.

— Не сейчас, Темул, — нетерпеливо сказал Густад. Дым шел из квартиры мисс Кутпитьи. Все ли с ней в порядке? — встревожился он.

III

После отъезда пожарных все сошлись во мнении: то, что квартира мисс Кутпитьи осталась почти неповрежденной, — чудо. Как выяснилось, дыма было куда больше, чем огня.

Соседи передавали из уст в уста: маленький дымный огонек превратился в ревущее пламя, которое потом разрослось в неуправляемый пожар. Ходадад-билдинг оказался на грани того, чтобы стать поживой для огненного ада. Но на помощь пришло божественное вмешательство — так с жаром утверждали одни. Другие приписывали счастливое избавление стене: поскольку люди останавливаются возле нее, чтобы вознести свои мольбы и благодарения, говорили они, стена, безусловно, постоянно излучает благотворные вибрации. Как же могли не восторжествовать добро и справедливость в доме, находящемся под постоянным покровительством столь благословенного места?

Ущерб внутри квартиры мисс Кутпитьи свелся к закрытым комнатам. Бесценные реликты, подпитывавшие ее горестные воспоминания о любимых племяннике и брате, почили внутри

кирпичных стен этого склепа. Серый пепел, смешавшись с тридцатипятилетним слоем пыли, покрывал теперь полы и мебель. Влажная зола окутала все, словно целый мешок ее, купленный у продавца золы и опилок, был рассыпан повсюду чьими-то старательными руками, чтобы отскрести и тщательно вымыть эти две комнаты.

Мисс Кутпитья и Дильнаваз оценили урон, и Дильнаваз пообещала привести с собой Дариуша, чтобы он помог им вычистить грязь и навести порядок. Ее удивило, как спокойно мисс Кутпитья приняла случившееся. Более того, она была позитивно настроена на предстоящие хлопоты, радуясь сочувственному вниманию соседей, решивших забыть о ее репутации женщины злобной и чокнутой. Все без слов согласились, что силы добра, должно быть, на ее стороне, раз провидение послало ей столь счастливое избавление из челюстей огненной смерти.

Но только самой мисс Кутпитье была внятна тайна этого милостивого огня. Сама суть всех хранимых ею тридцать пять лет реликвий действовала как мягкий бальзам на ее немилосердные раны. Она смягчала ее душевную боль своей потаенной энергией.

Но понимала старушка и то, что качества, де-

лавшие все эти предметы особыми, заставлявшие их светиться аурой, коей наделили их владельцы, не вечны, что настанет день, когда свечение померкнет и реликты лишатся своей сути. И когда это случится, она станет свободной.

Теперь, после пожара, стало очевидно, что день настал. Огонь ясно донес до нее: все, что было целительного и животворящего в ее памятных сокровищах, она уже впитала из них, остались лишь хрупкие оболочки, слишком иллюзорные, чтобы поддерживать горение. Мисс Кутпитью нисколько не удивило, что огонь так послушно угас.

* * *

В промежутках между помощью мисс Кутпитье, готовкой и прочими домашними делами Дильнаваз слушала историю Джимми в пересказе Густада. Первый раз за много месяцев на душе у нее было легко и радостно. Весь ужас, стыд и чувство вины за участие в невероятных ритуалах сгорели в огне вместе с прошлым мисс Кутпитьи.

Густаду хотелось, чтобы она села и спокойно выслушала его. Он желал донести до нее боль, которую испытал при виде ужасного состояния

Джимми.

— Знаешь деревянные прессы, которыми уличные зеленщики выдавливают сок из фруктов? Когда я вошел в палату Джимми и увидел его, мое сердце как будто стиснули внутри такого пресса. — Его голос дрожал, но Дильнаваз этого не замечала. Домашняя суета и облегчение, которое снизошло на нее после несчастья с ящерицыным хвостом, затуманивали и искажали ее восприятие окружающего, щедро сулили счастливое окончание ее бед.

Она не сомневалась, что через четыре года Джимми поправится и вернется в Ходадад-билдинг.

— Разве ты так не думаешь?

Густад предпочел оставить ее вопрос без ответа и обратился к Рошан:

— Ну, моя маленькая обезьянка, то, что ты чувствуешь себя лучше, не значит, что можно бегать и прыгать весь день. Потихоньку-полегоньку, по мере того как у тебя будут прибавляться силы. — Он встал и потянулся. — Так хочется спать. Две ночи в поезде. Но столько всего нужно сделать.

— Тебе не обязательно идти помогать мисс Кутпитье, — сказала Дильнаваз.

— Я вовсе не это имел в виду. Война началась.

— Ну и что ты должен делать, если началась война? Мой муж возьмет винтовку и пойдет воевать? — Она обняла его за шею и прижалась щекой к его плечу. Выздоровление Рошан, благополучное возвращение Густада, новый настрой мисс Кутпитьи — чего еще могла она желать? Дни тревог и печалей позади. Если, конечно, не считать отсутствия Сохраба. Но она чувствовала, что и это теперь каким-то образом уладится.

— Странно ты рассуждаешь, — строго сказал Густад. — С ближайшего вечера был объявлен режим затемнения. Я должен подготовить дом к воздушным налетам.

— В такую даль, до Бомбея, они сразу не долетят, — сказала она, смеясь.

— В такую даль? А ты знаешь, что при современной реактивной авиации пакистанцы могут быть здесь уже через несколько минут? Или ты думаешь, что они пошлют тебе по почте уведомление, когда захотят сбросить бомбу?

— Ладно, *баба́*, ладно, — добродушно согласилась она. — Делай, что считаешь нужным.

Густад отметил, как хорошо, что он не убрал затемнение, по крайней мере одним делом меньше, и напомнил, как она пилила и пилила его по этому поводу девять лет после войны с Китаем. Но

разве в шестьдесят пятом, когда разразилась война с Пакистаном, затемнение не пригодилось?

— Вот и теперь то же самое. История повторяется.

— Хорошо-хорошо, *бабá*, ты был прав.

Он перенес стул к входной двери, чтобы проверить защитную бумагу.

— Пусть Дариуш останется со мной, — сказал он, когда она, вооружившись шваброй на длинной ручке и всевозможными чистящими средствами — метлы из листьев пальм, — собралась уходить. — Мне понадобится его помощь. — В нескольких местах требовалось подправить затемнение. Дариуш стоял рядом, чтобы подавать ему молоток, гвозди и листы черной бумаги. Взобравшись на стул, Густад вдруг осознал, что этим утром в десять часов не было сирены воздушной тревоги. Отныне она будет звучать только в случае реального налета.

Покончив с входной дверью, они переставили стул к окну возле черного письменного стола.

— Это я могу сделать сам, — сказал Дариуш. Он встал на стул и протянул руку за молотком. Но его отец замешкался, мечтательно поглаживая темную деревянную ручку инструмента, на лице его играла отрешенная улыбка.

— Ну? — сказал Дариуш, чтобы вывести его из задумчивости.

Густад испытал прилив гордости, глядя, как пальцы сына уверенно сомкнулись на ручке молотка.

— Ты никогда не видел своего прадедушку, но это его молоток.

Дариуш кивнул. Он всегда слушал, как Густад учил плотницкому делу Сохраба, поэтому теперь поднял идеально сбалансированный молоток с круглым бойком и стал умело вбивать гвозди. Когда он вернул молоток Густаду, ручка показалась ему немного влажной. Это от ладони Дариуша, подумал он и вспомнил, как обильно потел его дед: даже в дни процветания, имея работников, он любил сам делать тяжелую работу. Пот струился у него со лба на лицо и шею. В разгар работы под мышками образовывались огромные темные пятна, просторная рубашка прилипала к спине, а мокрое пятно на груди формой напоминало большое сердце. Потом он снимал рубашку и *судру*. Тогда пот лил с него уже ручьями, стекая на деревянные заготовки, на верстак, на разложенные вокруг инструменты, орошал стружку, становившуюся темной там, куда падали капли, словно живительная вода на выжженную почву,

воскресающую под поливным шлангом садовника. И ручка молотка, пропитанная дедушкиным пóтом, стала темной и отполированной. «Сначала его руки, потом мои, ручка становилась все более гладкой. Сохраб мог бы… но это сделает Дариуш. Он добавит глянца дереву».

Что означает, когда молоток передается из поколения в поколение? Это означает надежность, преемственность, полноту в самом сердце человеческого бытия. Вот и все. Незачем дальше трудиться выискивать глубинный смысл этих слов.

Они переходили от одного окна к другому, от одной отдушины к следующей, починяя разорвавшиеся края, заклеивая дырки, и он рассказывал Дариушу о мастерской, какой она была до станков и электрических инструментов, когда мастера полагались только на свои пот и мускулы, а иногда и кровь, чтобы делать из деревянных чурок прекрасные вещи, о прадеде Дариуша, огромном сильном мужчине, добром и ласковом, но обладавшем непоколебимым чувством справедливости и честностью, — однажды оторвал своего мастера за воротник от земли и пригрозил вышвырнуть на улицу за то, что тот плохо обошелся с одним из плотников.

Так, пока они работали, Густад открывал Дариушу окна своей жизни, чтобы он мог заглянуть в его прошлое. Дариуш слышал все эти истории и прежде, но каким-то загадочным образом они звучали по-другому, когда он держал в руке молоток своего прадеда.

Починив затемнение, они соорудили из плотного картона абажуры для голых лампочек и включили свет, чтобы проверить, направлен ли он теперь строго в пол. Потом Густад решил, что под большой кроватью с четырьмя столбцами будет их бомбоубежище: настоящее эбеновое дерево, из которого был сделан ее каркас, и прочные, в дюйм толщиной, перекладины из бирманского тика выдержат любые обломки, если случится худшее.

— Двум работникам понадобился целый день, чтобы распилить брусы для остова и столбцов этой кровати. Вот почему основная ее рама прочна, как старое железо, — сказал он. Но кровать стояла у окна. — Так не пойдет, нужно ее переместить к противоположной стене. Они сдвинули в сторону буфет и туалетный столик, чтобы освободить дорогу, и с огромным трудом, дюйм за дюймом, стали толкать неправдоподобно тяжелую кровать.

Вернувшаяся от мисс Кутпитьи Дильнаваз застала их пыхтящими от тяжелой работы.

— Что вы делаете? Прекратите! Вы же надорвете себе *антердо*[313] и печень! Остановитесь, вы меня слышите?!

— А ты знаешь, как силен твой сын? Покажи-ка ей, Дариуш. Покажи свои мускулы, — сказал Густад.

— Ой, не сглазь, *баба́*, ой, не сглазь, — сказала она, лихорадочно хватаясь за кроватную раму и пытаясь им помочь.

На кровать постелили Сохрабов *дхолни*. Дильнаваз нежно погладила место, где, бывало, лежала голова сына. Густад сердито посмотрел на нее. Свернув два одеяла, он затолкал их под кровать, а также поместил туда фонарь и бутылку с водой. В старую банку из-под печенья уложил пузырьки с йодом и меркурохромом, тюбик пенициллиновой мази, вату, лейкопластырь и два рулона хирургического бинта.

— Отныне при первом сигнале воздушной тревоги мы должны прятаться там, внизу, — сказал он.

Как мальчик, подумала Дильнаваз. До чего ж

---

[313] Сноски: 313
Антердо — кишечник (*хинди*).

ему нравятся все эти волнения. Пользуясь его хорошим настроением, она сказала:

— Если ты тут закончил, мисс Кутпитья просит твоей помощи.

Пожарные взломали ее окна, стоявшие запертыми тридцать пять лет, теперь ни одно из трех не закрывалось, и она не знала, как быть с затемнением.

Густад с Дариушем охотно отправились решать проблему с ее разбухшими рамами, прихватив долото, наждак, две отвертки и молоток. Через час, когда они вернулись, Густад отметил, как изменилась мисс Кутпитья.

— Она мне улыбалась, даже шутила — сказала, что пора мне сре́зать для нее еще одну розу. Небо и земля по сравнению с тем, какой она была.

«И ты тоже», — радостно подумала Дильнаваз.

* * *

Вечером стемнело раньше обычного. Фонарь у ворот был выключен, и к закату у уличного художника догорели все свечи, *агарбатти* и лампады. Дорога перед домом напоминала улицу во время комендантского часа. Лишь раз проехало такси без пассажиров, с выключенными фарами. Машина с закрытыми глазами, как сомнамбула,

подумал Густад. Даже вороны и воробьи, обычно очень шумные в этот час, казалось, были сбиты с толку ранней темнотой неосвещенного города.

Серый двор, окруженный замаскированными окнами, дышал безнадежной тоской. Густад проверил свои окна снаружи: ни единой щелочки света. Пройдя вдоль дома, он посмотрел на окна Темула. Его старший брат был в городе и сделал все, что нужно. Но завтра он снова уедет по своим торговым делам. Ключ от их квартиры — на случай, если Темул захлопнет дверь, оставив свой ключ дома, — хранился теперь у Густада. Ближайшие соседи отказались впредь держать его у себя, сказали, что Темул сводит их с ума.

— Какие новости, командир? — окликнул его инспектор Бамджи. — Готов к войне? — Он замазывал бóльшую часть фар своей машины ламповой сажей, оставляя только узкие щелочки.

Густад подошел к нему.

— Ночное дежурство?

Бамджи кивнул.

— Да, потому и мажу фары этой черной гадостью. — Он вытер руки о тряпку. — Ублюдки хотят войны — они получат войну. Проклятые

бахен чод бхангис[314] думают, что могут вот так прилетать и бомбить наши аэродромы? Неужели они ждут, что наши самолеты будут стоять на земле и ждать их? Наши ребята очень хитрые, командир, чертовски хитрые. Все — в подземных бетонных ангарах. Теперь ублюдки схлопочут «чистый удар»[315]: внешний пенек, средний пенек, внутренний пенек[316] — ни один не устоит.

Густад указал на дом.

— Похоже, все наши соседи отлично позаботились о светомаскировке.

— Это верно, — сказал Бамджи. — Но знаешь, командир, в первый день все полны энтузиазма. А потом становятся небрежными, и мы в полицейском участке начинаем получать жалобы. В шестьдесят пятом было то же самое. Стоит кому-нибудь увидеть светящуюся щель — и он подозревает, что это пакистанский шпион.

Влажная тряпка не стирала ламповую сажу с пальцев, и он отправился домой, попробовать

---

[314] Сноски: 314

Бахен чод бхангис — гребаные падальщики (*хинди*).

[315] Сноски: 315

Крикетный термин: когда игрок с битой одним прямым ударом сбивает калитку противника.

[316] Сноски: 316

«Пеньками» в крикете называют вертикальные столбцы, образующие калитку.

какое-нибудь более действенное средство.

Глава двадцатая

I

Мистер Мейдон издал руководства и директивы, касающиеся воздушных налетов и сигналов воздушной тревоги. В каждом отделе были назначены уполномоченные, отвечающие, помимо прочего, за то, чтобы сотрудники, имеющие дело с наличными деньгами, запирали кассы перед тем, как покинуть свое рабочее место при сигнале тревоги. Все должны были спрятаться под своими рабочими столами — по одному на каждый стол. Исключение делалось только для тех, кто работал парой за одним столом, если они были одного пола, если нет, сотрудникам, занимающим соседние столы, предписывалось объединяться по половому признаку. Уполномоченным вменялось следить за этим. Мистер Мейдон не желал никаких скандалов из-за «подстольного флирта», которые могли бросить тень на репутацию банка.

Эти письменные инструкции, как, впрочем, и все в банке, напоминало Густаду о покойном друге. Уж Диншу устроил бы в столовой День инструкции, изображая мистера Мейдона и обыгрывая волнующие ситуации, связанные с тем,

как Лори Кутино в мини-юбке лезет под стол.

Теперь в столовой не бывало ни шуток, ни песен. Вместо этого люди беспрерывно говорили о войне, рассказывали ужасные истории о том, что происходит по ту сторону границы. Слухи, факты, вымыслы — все поглощалось с одинаковым энтузиазмом.

Говорили, будто развратный пьяница — вражеский президент — организует нескончаемые вакханалии, чтобы у его министров не оставалось свободного времени: он боялся, как бы они не свергли его, будь у них возможность прийти в себя. Сумасшедший сифилитик цеплялся за власть, приходя во все большее отчаяние по мере того, как сквозь пелену пьяного угара понимал, что упорный червь с удовольствием разъедает его мозг.

Рассказы о дьявольской оккупации Бангладеш по контрасту уравновешивались докладами об отваге и доблести индийской армии. По радио и в кинохронике повествовалось, как джаваны освобождают города и деревни, гонят врага и берут его в плен тысячами. Изо дня в день сообщалось о щедрой поддержке бойцов населением: одна восьмидесятилетняя крестьянка проделала долгий путь до самого Нью-Дели, зажав в руке два

свадебных браслета, которые она преподнесла Матери Индии на военные нужды (некоторые газеты вместо «Матери Индии» писали «Матери Индире», хотя это на самом деле было не так уж важно — грань между этими двумя понятиями быстро стиралась усилиями дальновидных пропагандистов премьер-министра, которые понимали важность подобной трансформации для будущих выборов); какие-то школьники пожертвовали свои обеденные деньги, с вымытыми сияющими лицами они позировали кинооператору рядом с весьма упитанным представителем Партии конгресса; группа фермеров скандировала: «Джай джаван! Джай киссан»[317] и клялась работать еще усердней, чтобы вырастить больше продовольствия для страны.

Разумеется, в кинохронике никогда не упоминалось о старательных патрулях Шив Сены и разношерстных бандах фашистов, обшаривающих улицы с камнями наготове и в патриотическом порыве бьющих окна, если им кажется, что те плохо затемнены. Или о несчастных людях, ко-

[317] Сноски: 317

«Да здравствует солдат! Да здравствует фермер!» — лозунг, который выдвинул Лал Бахадур Шастри (премьер-министр Индии с 1964 по 1966 год) во время Индо-пакистанской войны 1965 года, чтобы воодушевить солдат на защиту Индии и призвать фермеров увеличить производство продовольственного зерна.

торых по ошибке приняли за вражеских агентов или с наслаждением избили, воспользовавшись предлогом, их личные недоброжелатели. Или о многочисленных домах, разграбленных мужчинами, выдающими себя за уполномоченных по гражданской обороне, явившихся с проверкой. Словом, все усилия были направлены только на то, чтобы информировать страну о ее непобедимости, сплоченности и высокоморальном духе.

Дух этот был так высок, что, когда через шесть дней после начала войны США, откликнувшись на просьбу генерала Яхьи, направили свой Седьмой флот в Бенгальский залив, население было готово помериться силами даже с могущественными американцами. Атомный авианосец «Энтерпрайз» вышел из Тонкинского залива и повел Седьмой флот прямо через Малаккский пролив. Его славная миссия заключалась в том, чтобы запугать опустошенную циклоном, раздираемую войной провинцию и заставить подчиниться. Никого это особо не удивило, потому что всемогущая Америка любила делать своими друзьями военных диктаторов. Но по мере приближения флота имена Никсона и Киссинджера превращались в ругательства, и после их произнесения следовало харкнуть и сплюнуть. Неграмотные

граждане не могли читать сообщения о последних злодействах, но они научились узнавать портреты злодеев по фотографиям в газетах: мрачный тип с крысиными глазками и очкарик с мордой страдающего запором быка.

Старик Бхимсен, банковский вахтер, принес Густаду и остальным сотрудникам свежие новости из трущоб. Он жил в небольшой *кхоли* в *джхопадпатти*[318] неподалеку от Сиона[319]. В перерывах между доставкой кофе и чая он рассказывал им, что в трущобах, где дети испражнялись на газеты внутри хибары (потому что были слишком малы, чтобы выходить на улицу в одиночку и искать место в переулке или в канаве), их матери специально искали в кем-то выброшенных газетах портреты крысы и быка с запором, чтобы подстилать их под детские попы. Чем ближе к Бенгальскому заливу подходил американский флот, тем труднее было найти их «неукрашенные» газетные портреты. Бхимсен решил помочь своим соседям в их антиимпериалистическом приучении детей к туалету и попросил всех служащих банка отдавать ему прочитанные газеты,

[318] Сноски: 318
Кхоли в джхопадпатти — хижине в трущобах (*хинди*).

[319] Сноски: 319
Район Бомбея/Мумбаи.

если в них появлялись фотографии Никсона и Киссинджера. Никто не отказался. Все были рады поддержать военные усилия и высокий моральный дух.

Советское предупреждение сработало. Американцы его не проигнорировали. Там, в Бенгальском заливе, при первом свете зари, когда в солнечных лучах начинала мерцать морская рябь и декабрьское небо становилось идеально розовым, они вспомнили все до единой свои всемирно известные, вечно сияющие добродетели и с патриотическими слезами на глазах снова зачехлили свои могущественные американские пушки и пулеметы.

* * *

Возвращаясь домой в наступающей вечерней темноте, Густад сразу понял, что у Кавасджи снова поднялось давление. Аллопатическая медицина оказалась не столь эффективной, как субджо-на-веревочке, которое Кавасджи носил на шее. Высунувшись из окна, он грозил кулаком черному небу.

Если он разгорячится еще больше, запросто может вывалиться, подумал Густад.

Но Кавасджи сохранял равновесие. Только свет

укоризненным маячком пробивался во двор из открытого окна, обрамляя укоризненный силуэт старика.

— Предупреждаю Тебя! Если Ты позволишь хоть одной бомбе упасть здесь, пусть другие упадут и на семейства Бирла и Мафатлалов! *Бас*! Слишком много несправедливости Ты творишь! Слишком много! Если пострадает Ходадад-билдинг, пусть пострадает и дворец Таты! Иначе ты больше не получишь от меня ни одной сандаловой палочки, ни одной монеты!

Густад поразмыслил, не стоит ли подняться и сказать кому-нибудь из семьи, что нарушается затемнение. Но в этот момент позади Кавасджи возникла фигура. Это был его сын. Он взял отца за плечи и осторожно отвел от окна, закрыв его и восстановив затемнение.

II

Третий вечер подряд сирена воздушной тревоги взвыла над городом. Это случилось вскоре после полуночи. Густад и Дильнаваз мгновенно вскочили с постели. В первый раз Густаду понадобилось время, чтобы осознать, что это не сон про бывшую утреннюю учебную тревогу.

— Разбудить Рошан и Дариуша? — спросила Дильнаваз. — Или, как вчера, все закончится через пять минут?

— Нельзя так рисковать. — Он включил ночник нулевого энергопотребления, и все они заняли свои места под кроватью. Светя себе фонарем, Густад добрался до хлипкого электрощитка и отключил его, как рекомендовали власти.

Скорбный вой сирены прекратился в тот момент, когда он вернулся под кровать. Рошан взяла у него фонарь и приставила его себе под подбородок, направив луч вверх.

— Не-е-ежить! — простонала она и залилась радостным смехом, но тут же подпрыгнула от испуга, потому что начался артиллерийский обстрел.

Он слышался со всех сторон.

— Зенитки, — уверенно сказал Густад, забирая у нее фонарь. — Наши.

— Должно быть, летят пакистанские бомбардировщики, — предположил Дариуш.

— О, только бы Сохраб был в безопасности! — прошептала Дильнаваз.

— С чего бы ему не быть в безопасности? Он не дурак, чтобы стоять посреди улицы. В любом случае наши зенитки отгонят самолеты. — Однако сознание того, что пакистанская авиация здесь, над городом, явно вызывало беспокойство. Что, если какой-нибудь идиот в доме, занервничав из-за стрельбы, зажжет свет? Или откроет окно, чтобы посмотреть, что происходит. Он поднял голову и ударился ею о тиковую перекладину.

— Куда ты собрался? — испугалась Дильнаваз, когда он включил фонарь и начал выбираться из-под кровати. Раздалось четыре залпа.

— На улицу. Проверю дом.

Ей хотелось, чтобы он остался, но она знала, что он не послушает ее.

— Будь осторожен.

— Я пойду с тобой, — сказал Дариуш.

— Нет. Ты останешься здесь, с ними.

Держа луч фонаря направленным в пол, Густад нашел тапочки и ключи. Прежде чем открыть

дверь, нашарил замок и погасил фонарь.

В небе висела молодая луна, словно сделанная из серебра толщиной в лист бумаги. Густад удовлетворенно отметил, что света такого полумесяца пакистанцам будет недостаточно. Снова ударили зенитки. Секунду спустя по небу метнулся луч прожектора. Потом еще один, и еще. Перекрестно. Прочесывают, ищут самолеты. Стоя под деревом, он наблюдал за этим действом, почти забыв, зачем вышел. Серия новых залпов, более продолжительная, чем предыдущие, напомнила ему об этом.

Он зашагал через двор к воротам: все окна были темными, в том числе и у Кавасджи. Он вернулся к дереву, проверил другую половину дома. В его квартире, квартире мисс Кутпитьи наверху, у Бамджи, у идиота-собачника… все было в порядке. Но вдруг сквозь ветви он заметил узкий прямоугольник света, который появлялся и исчезал, как легкий бриз, играющий с листвой: в дальнем конце было открыто одно окно. Темул! Придурок проклятый… А почему он не спит так поздно?

Густад побежал, неуклюже хромая больше обычного. Он взлетел по лестнице и занес было кулак, чтобы заколотить в дверь. Потом вспом-

нил, что брат Темула оставил ему ключ. В свете фонаря он отыскал его на своей цепочке, пальцы нащупали незнакомую конфигурацию ключа, он тихо вставил его в замочную скважину. Не помешает напугать Темула. Преподать урок — чтобы впредь был осторожней.

Он вошел и остановился, прислушиваясь, озадаченный слабыми звуками, доносившимися изнутри. Пыхтение, тяжелое дыхание. Глухой стон. Снова пыхтение. Темул? Что он делает? Густад постарался закрыть за собой дверь бесшумно, но замок защелкнулся с громким металлическим лязгом, словно иглой прошившим тьму террасы, на которую выходила дверь. Он вздрогнул и замер.

Звуки возобновились. Он на цыпочках прошел к освещенной спальне. Открытый дверной проем занавешивала потрепанная вылинявшая кисея. Комната за легкой прозрачной тканью плавала перед глазами как во сне и казалась иллюзорной. «Как москитная сетка, через которую я смотрел на маму в Матеране, когда она пришла пожелать мне спокойной ночи и благословить, — вспомнил Густад. — Далекая, недостижимая, тающая…»

Он заставил себя отдернуть занавеску, и сразу все, что казалось бесплотным и неосязаемым,

исчезло. Без магической вуали кисеи комната стала реальной, грязной и вонючей. Кольца, которыми занавеска крепилась на потускневшем медном карнизе, звякнули. Их тихое «динь-динь» продолжалось, пока раскачивалась занавеска.

Темул ничего не замечал. Спиной ко входу, отрешившись от всего мира, он низко ссутулился над покрытой белой простыней кроватью. Грязное кремовое покрывало с красной и черной вышивкой по краям сбилось в кучу в центре матраса. Темул был обнажен, если не считать коричневых кожаных шлепанцев с перекрещенными тесемками. Спина блестела от пота.

— Темул! — резко крикнул Густад. Ему удалось напугать парня сильнее, чем он ожидал. Темул заверещал, подпрыгнув и круто развернувшись, правой рукой сжимая огромный возбужденный член. Рука Темула автоматически продолжала двигаться на угрожающих размеров пенисе, пока парень, поскуливая, не изверг семя. Теперь Густаду стало видно, что́ лежит на кровати.

Полускрытая скомканным покрывалом, это была кукла Рошан, раздетая донага, как и Темул. Ее свадебное платье, нижняя юбка, фата, венчик, букет цветов, чулки и все остальное было аккуратно сложено на спинке стула возле кровати.

– *Бай-шарам*! Прекрати это! Сейчас же! — Густад был ошеломлен и рассержен. — Всыпать бы тебе как следует! — продолжил он, не найдя других слов, потом заметил полосатую пижаму на полу, поднял ее и швырнул Темулу. — Оденься! Немедленно! — За пижамой протянулся шлейф тяжелого кислого запаха.

Темул начал что-то бормотать, лившиеся из его глаз слезы мешались с потом.

— ГустадГустадГустад! Простипростипрости.

— Заткнись! И оденься, я сказал!

Он подошел к окну и закрыл его. Темул путался в пижаме. Руки у него дрожали, отчего и без того неуклюжие пальцы никак не могли справиться с одеждой. Поясной шнурок никак не хотел завязываться, как он его ни крутил, какие бы петли ни накидывал, просовывая их одну в другую, узел распускался каждый раз, когда он пытался затянуть концы.

Наконец ему удалось одеться, и Густад велел ему пойти вымыть руки, а сам издали с отвращением осмотрел куклу Рошан. Никаких повреждений он не заметил, если не считать того, что ее розовые ноги, живот и пах были испачканы сгустками сухого и полувысохшего семени. Сколько же ночей это длится? — подумал

он. Положим, куклу можно легко отчистить, и Рошан ничего не заметит, но какой смысл? Он не сможет снова дать ее в руки дочери. Его тошнило от одной мысли, что его ребенок прикоснется к кукле, осквернённой Темулом. Нет, он ее заберет и подарит сиротскому дому.

Вернувшись из ванной, Темул продолжал плакать, протягивая руки к Густаду.

— ГустадГустад. Чистыечистыеруки. ЧистовымылсЛюксомоченьчистосЛюксом. — Он поднес ладони к носу, понюхал сам, — оченьоченьхорошопахнет, — и протянул Густаду для проверки.

Густад гневно оттолкнул их. Темул трусливо попятился и зарыдал с новой силой.

— Стыда у тебя нет. Украсть куклу у Рошан и проделывать с ней такие грязные вещи!

— ГустадГустад, — сквозь всхлипы бубнил Темул, — онионинехотятнехотят…

— Кто — они?

— Этиэтиженщины. Дверупииязаплатилдверупии. Аониговорятнетнетнет.

Он понял: «Птичник». Тем вечером. Темул в окружении проституток, которые издевались над ним и дразнили.

Темул указал на куклу.

— Хотелпотереться. Быстробыстробыстро.

Приятноприятноприятно. Быстроприятнопотереться.

Гнев Густада начал понемногу остывать. Бедный Темул. Детский ум и мужские потребности. Отвергнутый шлюхами, он в отчаянии нашел себе эту куклу. В некотором роде подходящее решение. Он представил себе, как Темул каждый вечер раздевает куклу, нежно ее ласкает. Вспомнил тот день, когда он привез ее на такси от сестры Констанс и встретил во дворе Темула. Как ласково тот погладил ее по щеке, по маленьким пальчикам, с каким восторгом заглядывал в ее темно-синие глаза.

Бедняга Темул. Что с ним будет? Он постарался, чтобы его голос прозвучал как можно строже:

— Ты зачем открыл окно? Брат ведь велел тебе держать окна и двери закрытыми.

— ПростипростиГустад. Быложаркожарко. Былооченьжарко. Открытоеокнопрохладноприятно. ПростипростиГустад.

Как хотелось Густаду быть волшебником, обладать способностью исцелить недуги Темула, вернуть ему все права и достоинства простых смертных. И, глядя на стоявшего перед ним Темула, пристыженного, со струящимися по щекам слезами, он понял, что не сможет забрать у него

куклу. Для Рошан это не такая потеря, как для Темула. Когда-нибудь, когда она станет достаточно взрослой, быть может, он расскажет ей, что случилось.

— Я ухожу. — Он прочистил горло, чтобы слова звучали строго, как ему хотелось. — Но помни: окна не открывать, даже если тебе очень жарко. Возьми газету и обмахивайся. Ночью окна должны быть всегда закрыты.

— ВсегдавсегдаГустад. Всегдазакрытывсегда. ПростиГустадпрости. — Когда Густад повернулся, чтобы уйти, он с недоумением указал на кровать. — КуклаГустадкукла.

Густад покачал головой.

— Оставь ее себе, — грубо буркнул он.

У Темула расширились глаза, он понимал, но не смел поверить.

— Куклакуклакукла. Густадкукла.

— Да, да. Кукла — твоя.

Теперь Темул не сомневался, он поверил и точно знал, что хочет сделать. Протянув руки, он прошаркал к Густаду и обнял его.

— ГустадГустад. — Он стиснул его крепко-крепко. — СпасибоГустадспасибо. — Потом взял правую руку Густада и запечатлел на ней слюнявый поцелуй.

Тронутый, несмотря на отвратительно блестевшую на тыльной стороне его ладони слюну, Густад смутился, не зная, как выйти из положения. Но Темул не хотел отпускать его руку, пока не услышит ответа. Он не мог понять, что смутило Густада.

И тогда Густад нерешительно обнял его одной рукой и легонько погладил по плечу, после чего, еще раз предупредив, чтобы он вел себя хорошо и не открывал окна, вышел, откинув кисейную занавеску и незаметно вытерев о нее руку.

После духоты Темуловой комнаты, оказавшись во дворе, он испытал облегчение. Ночной воздух прочистил его ноздри, освободив от потного мускусного запаха, казалось, налипшего в них. Стрельба стихла, хотя прожектора продолжали прочесывать темноту. Он вошел в дом и зажег фонарь.

— Густад? Все в порядке? — Доносившийся из-под кровати голос Дильнаваз показался странно далеким и бесплотным.

— Да. — Он направился в ванную и стал с ожесточением мыть руки.

— Что случилось? Тебя так долго не было, мы начали волноваться.

— У Темула окно было открыто. Пришлось

подняться к нему. — Ему хотелось, чтобы она перестала расспрашивать.

— Но так долго? Что-то было не так?

— Не-*по* при-*по* де-*по*-тях-*по*[320], — ответил Густад. И тут прозвучал отбой воздушной тревоги.

[320] Сноски: 320

Густад использует известный детский «шифр», когда после каждого слога добавляется какой-нибудь еще, не имеющий отношения к высказыванию.

III

По мере того как индийские войска приближались к Дакке и освобождение Бангладеш становилось неотвратимым, всеобщий настрой делался все более оптимистичным. Люди приспособились к затемнению, и после наступления сумерек город уже не пустел только потому, что не светили фонари. Густад решил, что пора сходить к доктору Пеймастеру, сообщить ему, что Рошан поправилась, и спросить, можно ли прекратить давать ей лекарства. Во время ее болезни между ними случались разногласия, но Густад все равно любил своего детского доктора.

— Чудесная новость, чудесная, — сказал доктор Пеймастер. — И другой пациент тоже выздоравливает. Чудесно.

— Другой пациент?

— Бангладеш. — В приемной никого не было, и у доктора выдалось время поговорить. — Правильный диагноз — половина успеха. Правильные назначения — другая его половина. Я имею в виду инъекцию индийской армии. Таким образом, кризис миновал. Начался путь к выздоровлению.

Он опустил шторы, солнце давно уже село.

— Теперь нам бы излечить наши внутренние болезни так же быстро и эффективно, как внешние, и мы бы могли стать одной из самых здоровых стран в мире. Вы почувствовали вонь из канализационных труб, когда подходили сюда?

— Она ужасна, — сказал Густад, сморщив нос.

— Невыносима. Слушает ли нас муниципалитет? Да. Делает ли он что-нибудь? Нет. И так уже многие годы. Проблемы — куда ни глянь. Протечки, прорванные водопроводные трубы. Переполненные канализационные колодцы. Инспекторы приходят и уходят, а сточные канавы переполнены вечно. А поверх всего этого коррупция в полиции. Они каждую неделю требуют *хафту*[321] от людей, пользующихся тротуарами. Со стороны санитарных инспекторов тоже сплошные поборы. Они сдирают бакшиш с «Птичника» даже при том, что он имеет законную лицензию. В этом районе уже все сыты по горло и теряют терпение.

— У вас есть рецепт от этой внутренней болезни?

Доктор Пеймастер поднял брови и улыбнулся

---

[321] Сноски: 321
Хафта — взятка, комиссия (*хинди*).

уголком рта.

— Разумеется. Проблема в одном: лечение настолько болезненное, что может убить пациента раньше, чем болезнь.

Густад кивнул, понимая если не особенности, то суть предлагаемого доктором метода.

Внезапно за окном послышался звук гонга. Медное блюдо паанвалы Пирбхоя? Неужели он все еще продолжает рассказывать свои старые байки покупателям? Воспользовавшись паузой в разговоре, Густад откланялся.

Неподалеку от «Птичника» вокруг паанвалы Пирбхоя собралась толпа больше обычной, не обращавшая внимания на вонь, несущуюся от канализационных колодцев, которая вынудила Густада закрыть нос и рот носовым платком. Однако Пирбхой на сей раз выдавал не одну из своих традиционных баек о «Птичнике», возбуждающих новичков и призванных разгорячить им кровь, укрепить уверенность в своих возможностях, а заодно увеличить продажи своих *паанов*. Нет, он временно переключился на другую тему. В знак уважения к настрою внутри общества и в связи с внешней угрозой паанвала Пирбхой мобилизовал свои таланты на всеобщее благо, сплетая повествование, жанр которого было бы

трудно определить и описать. Это была не трагедия, не комедия и не историческая хроника; не трагикомическая, историко-буколическая или трагико-историческая пастораль. Не эпос или ироикомическое повествование. Не баллада и не ода, не сатирическая интерлюдия, не сказка, не элегия, не пародия, не погребальный плач. Хотя тщательный анализ, вероятно, мог бы выявить признаки всех этих жанров в его сочинении. Но поскольку литературная критика была пустым звуком для его слушателей, они откликались на его устное произведение единственным доступным им способом: всеми фибрами своего существа. Они видели, обоняли, осязали и переживали слова, наполнявшие сумерки, и воочию воображали себе рассказываемую им историю. Неудивительно, что они не замечали канализационной вони.

Густад пропустил начало, но это не имело значения.

— К тому времени, — вещал Пирбхой, — в Западном Крыле инструмент Пьяницы стал вялым, как червяк, сморщенным и бесполезным, вдохнуть в него новую жизнь было не под силу даже самому мощному *паану*. Его Государственный Министр по Делам Секса со своим заместителем,

Организатором Оргий, продолжали устраивать роскошные представления. Но Пьяница больше не мог участвовать в этих Карнавалах Совокупления. Злобный, как змея, захлебывающаяся собственным ядом, он наблюдал за чужим экстазом и накачивался виски. Только виски, в огромных количествах.

Его грязный гнев, убийственное настроение и садистские выходки делали жизнь невыносимой для окружающих. Они ломали головы в поисках выхода. Как ублажить Пьяницу? Как поднять ему настроение и тем самым облегчить собственное существование?

Были испробованы самоновейшие средства. Они подсовывали ему «Лудо», «Змеи и лестницы», «Монополию» и шашки, но он был не в состоянии достаточно долго помнить правила, чтобы получать удовольствие от этих игр. Министр Импорта-Экспорта даже выписал для него эротические пазлы, изображающие женщин-иностранок с розовыми-розовыми сосками и тонкими светлыми лобковыми волосами. Но он не мог собирать их в силу нарушения пространственного восприятия. Он клал фрагменты мозаики в рот один за другим, а потом плевал ими, изжеванными, покрытыми зловонной вязкой слюной, в лица

своих ревностных приспешников. Все были на грани отчаяния.

Женщины из «Птичника» стояли и сидели у окон, высматривая потенциальных клиентов. К их глубокому огорчению, мужчины в эти дни предпочитали, послушав паанвалу Пирбхоя, отправляться не к ним, а домой.

— Потом предложение внесли военные: оружие, сказали они, может стать подходящим средством, — продолжал Пирбхой. — «Как так?» — спросили другие. Военные объяснили. Личный пистолет Пьяницы насквозь проржавел и стрелять больше не может. Но напомните ему, что у него есть масса другого оружия: извергающего огонь, плюющегося свинцом — смертоносного. Он может им распоряжаться как заблагорассудится, чтобы забыть о бессилии своего собственного пистолетика.

Неудивительно, что военные предложили правильное решение. В конце концов, Пьяница и сам был военным, а они знали, как лечить недуги одного из своих. Особенно когда снадобье отвечает их собственным планам. Лечение должно было начаться безотлагательно, поскольку идеальный объект был готов: Восточное Крыло, где бенгальцы просто напрашивались на него.

Итак, Пьяница провел инспекцию своему вооружению: легкая артиллерия, среднекалиберная артиллерия, тяжелая артиллерия, противовоздушные орудия, минометы, гаубицы, танки, базуки. И это затронуло в нем какой-то чувствительный уголок, пробудило счастливые воспоминания. Он начал пускать слюни. Особая ухмылка появилась на его лице, лакеи и подхалимы вздохнули с облегчением. Позовите моего Мясника, повелел он, и все, сбивая друг друга с ног, бросились исполнять приказ.

«Дорогой мой Мясник, — сказал Пьяница, — у меня есть для тебя работа в Восточном Крыле. Бенгальцы забыли свое место. Эти темнокожие коротышки бросаются такими громкими словами, как “справедливость”, “равенство”, “самоопределение”, от чего чувствуют себя высокими, светлокожими и сильными, как мы. Ступай туда и окороти их».

Сам Пьяница не собирался отправляться в Восточное Крыло, но желал, чтобы его ежеминутно информировали о том, как справляется его оружие. Мясник пообещал: он будет все фотографировать и часто писать. Из президентского дворца он вышел, прыгая от восторга, и удалился, предвкушая удовольствие.

Поначалу у Мясника и его подчиненных был настоящий праздник. Какая радость: столько оружия, с которым можно поиграть, и столько живых мишеней. Однако особого веселья не получилось. Начался муссон, и их чудесное-чудесное обмундирование покрылось такой же грязью, как их души, и большие-большие москиты начали их заедать.

Выбить идеи справедливости, равенства и самоопределения из голов бенгальцев оказалось трудней, чем они ожидали. Независимо от того, сколько бенгальских голов они разбивали — миллион, два, два с половиной миллиона, — всегда появлялось еще больше, в которых эти идеи продолжали жить. Еще больше голов, в которых опасные идеи справедливости, равенства и самоопределения разрастались, расцветали и издавали аромат, который сводил с ума людей Мясника, потому что их носы не привыкли к иным запахам, кроме единственного, заставляющего трепетать запаха тирании и деспотизма.

Женщины в «Птичнике» нетерпеливо ждали. Эта война неблагоприятно сказывалась на их бизнесе. Налоги на помощь беженцам заставляли их взвинчивать цены; из-за затемнения мужчины рано расходились по домам, а теперь еще и

новая напасть: примитивную похоть вытесняли растущая патриотическая страсть и чувство национальной гордости.

Паанвала Пирбхой прочистил горло, сплюнул и вытер губы.

— Итак, братья мои, — продолжил он и добавил, помахав рукой в сторону зарешеченных окон: — и сестры! В конце концов, хотя еще немало женщин подвергаются насилию и многочисленные братские могилы еще заполняются, свора Мясника уже поворачивает назад и бросается наутек: к своим клубам поло, крикетным полям и бассейнам. Особенно с тех пор, как индийская армия стала подходить все ближе и до них издали начали доноситься звуки «Джана Гана Манна»[322].

Слушатели спонтанно зааплодировали и радостно закричали: «*Sabaash! Bharat Mata ki jai!*»[323]

В ожидании, когда смолкнут аплодисменты и аудитория угомонится, Пирбхой занялся делом. Он недавно представил покупателям свой новый продукт, пользовавшийся большим спросом, и

---

[322] Сноски: 322
Гимн Индии.

[323] Сноски: 323
Прекрасно! Да здравствует Индия! (*хинди*)

назвал его *патриотическим пааном*. Вместо того чтобы сворачивать листья бетеля привычными треугольниками, он делал из них маленькие прямоугольные подложки и выкладывал на них горизонтальными полосами табак, чунам и другие ингредиенты в соответствии с цветами национального флага: шафранный, белый и зеленый. Маленькое круглое зернышко посередине завершало имитацию национального триколора.

— А теперь, мои друзья-соотечественники, — продолжил Пирбхой, — не будем забывать, — он сделал паузу и сунул в рот палочку наподобие сигары, — что это не конец и даже не начало конца. Это конец начала[324].

Те, до кого дошел смысл шутки, снова зааплодировали. «Отлично сказано, *яар*», — восклицали они. Но многие никогда не слышали о толстяке с сигарой и так и остались непросвещенными.

Густад посмотрел на часы и неохотно оторвался от собрания. С тех пор как объявили затемнение, Дильнаваз всегда начинала волноваться, если он задерживался, несмотря на его неоднократные

---

[324] Сноски: 324

Цитата из речи Уинстона Черчилля по поводу победы британских войск над немецким африканским корпусом во второй битве при Эль-Аламейне (1942 г.).

объяснения, что из-за темноты на улицах транспорт ходит теперь медленней, чем обычно.

* * *

Темул стоял во дворе на четвереньках и лихорадочно перебирал коричневую землю, перемешанную с галькой.

— ГустадГустадГустад. ТемнотемноГустадтемно.

— Что случилось, Темул?

— ПотерялГустадпотерял. Потерялвтемноте, — бормотал тот, продолжая копаться в земле, словно безумный. Густад включил карманный фонарик.

От светового луча Темул пришел в восторг. Блуждающая улыбка расплылась по его лицу, сменив возбуждение. Не поднимаясь с колен, он протянул палец к источнику света и осторожно коснулся его.

— ЯркояркоГустадяркосветит. ГустадГустадтакойяркийсвет.

Свет играл на его лице, невинно сияющем всего лишь из-за скудного луча старого ржавого фонарика. Сердце Густада наполнилось печалью и нежностью. Он подумал: портрет Темула в этой позе, с этой блаженной улыбкой мог бы занять

законное место на нашей черной стене.

В свете фонарика Темул вскоре нашел то, что искал: маленький кукольный браслетик из бусинок.

— НашелнашелнашелНашелГустаднашел. — Его переполняло чувство благодарности. — СпасибоГустаднашелнашел. Большоеспасибобольшое.

Густад выключил фонарик.

— Погассветпогас, — печально сказал Темул. — Светанеттемнотемно.

Густад потрепал его по плечу и стоял, поторапливая, пока он медленно, нескладно карабкался по лестнице.

IV

Когда эйфория флагов, транспарантов и победных парадов улеглась; когда смолкли последние хоры здравиц в честь джаванов и премьер-министра; когда безоговорочная капитуляция врага стерла обидную память девятилетней давности о позорном поражении от рук китайцев и затруднительно-неловкое положение, создавшееся в 1965 году после смерти Шастри в Ташкенте; когда уличные плакаты и рекламные щиты избавились от военной риторики; когда отменили затемнение и города вернулись к обычному освещению, которое после периода темноты казалось иллюминацией в честь Дня Республики, даже после всего этого Густад черную бумагу со своих окон не убрал.

Они с Дариушем разобрали свое противовоздушное укрытие и вернули кровать на обычное место. Флакончики йода и меркурохрома были возвращены в буфет вместе с бинтами. Пустая банка из-под печенья отправилась обратно на кухню. С лампочек были сняты картонные конусы-абажуры. Но окна и вентиляционные отверстия остались неприкосновенны.

Потерпев еще один день, Дильнаваз поинтересовалась:

— А как насчет этой черной бумаги? Или ты ждешь еще одной войны?

— Куда ты так спешишь? Сделаю, когда будет время.

Густад вышел на улицу и увидел, что уличный художник закончил сооружение своего маленького навеса у дальнего конца стены. Внутри лежали какая-то скудная одежда, матрас, лампа «Петромакс» и рисовальные принадлежности. Старые коробочки с мелками тоже были здесь, потому что, хотя художник уже относился к ним с ностальгической снисходительностью, как к реликту времен, которые он перерос, выбросить их у него не хватало духу.

Теперь он старался поддерживать некое подобие порядка среди посетителей. Следующая группа допускалась к стене не раньше, чем отходила предыдущая, и только с подношениями. Он увидел, что Густад наблюдает, и устало покачал головой, но было очевидно, что ему доставляет удовольствие бурная активность «прихожан» и роль хранителя места поклонения.

Его беспечные скитания явно отошли в область памяти.

— Победа в Бангладеш заставляет меня работать сверхурочно, — пошутил он.

— Очень хорошо, очень хорошо, — рассеянно ответил Густад. Насмешка Дильнаваз насчет светомаскировочной бумаги зудела в голове, досаждая, как мухи и москиты в былые времена. Мало-помалу, однако, ароматы благовоний окутали его своей густой вуалью и заставили забыть о ней.

В течение нескольких последующих дней газеты продолжали анализировать войну. Печатались рассказы о решающих битвах и трогательные истории о том, как бангладешцы приветствовали первые индийские войска, вошедшие в Дакку. Густад читал все газеты, какие удавалось позаимствовать у кого-нибудь в столовой. А Дильнаваз, как всегда в последние месяцы, после пожара, устроенного во дворе мистером Рабади, каждое утро просматривала экземпляр «Джем-И-Джамшед», доставлявшийся мисс Кутпитье. Особенно объявления о *пудаст*[325]. Будет непростительно, считала она, если они пропустят похороны кого-то из родственников, даже дальних.

---

[325] Сноски: 325
Пудаст — похороны (*хинди*).

* * *

Обеденный перерыв закончился, столовая опустела, остались лишь мальчик, убиравший со столов, и Густад, читавший газету. Ему нужно было дочитать небольшой последний фрагмент подробного описания церемонии капитуляции, которое включало и текст Акта о капитуляции. Как и всех, Густада грело чувство национальной гордости. День изо дня он прочитывал каждую страницу, колонку за колонкой, и, как оказалось, не зря, иначе он мог бы пропустить маленькую заметочку где-то в середине газеты, в незаметном уголке.

Колонка не более дюйма длиной, но стоило ему ее прочесть, как национальная гордость сползла с него, как вода с мокрого плаща. После этого он читать перестал.

Подошел мальчик с мокрой тряпкой.

– *Сэт*, можно мне вытереть стол?

Сжав газету, Густад машинально поднял руки, и мальчик поспешно протер столешницу. Руки Густада безвольно упали на нее снова. Он не заметил ни того, что мальчик с удивлением наблюдает за ним, ни влаги, пропитавшей его рукава.

Он сидел и перечитывал снова и снова маленький абзац, в котором сообщалось, что майор Дж. Билимория, бывший офицер НАК, скончался от сердечного приступа во время отбывания четырехлетнего срока заключения в тюрьме в Нью-Дели.

Вынув страницу из газеты, он сложил ее маленьким квадратиком и засунул в карман.

Глава двадцать первая

I

Амбулатория доктора Пеймастера, как и все остальное в окру́ге, была закрыта. Не работал даже «Птичник». Настал День *морчи.*

Люди со всей округи были готовы пройти маршем к зданию районной администрации, чтобы заявить протест против переполненной системы канализации, протекающего водопровода, разбитых тротуаров, нашествия грызунов, вымогательства со стороны государственных служащих, скопившихся гор мусора, открытых смотровых колодцев, разбитых уличных фонарей — словом, против повсеместного упадка и коррумпированных «шестеренок», которые вращали колесо городской жизни. Слишком долго игнорировались их петиции и жалобы. Теперь властям придется обратить внимание на народный гнев.

Торговцы и мелкие предприниматели всех мастей, не имевшие между собой ничего общего, кроме общего врага, ждали сигнала к началу марша. Среди них были механики и лавочники, неутомимые официанты, чванливые мастера по наложению новых протекторов на шины, сутулые радиомастера, кривоногие портные,

изворотливые продавцы транзисторов-на-запчасти, косоглазые аптекари, билетеры с лицами землистого цвета, осипшие продавцы лотерейных билетов, торговцы тканями, обслуживавшие женщин из «Птичника». Собрались сотни, тысячи человек, которым не терпелось совершить этот марш, плечом к плечу, рука в руке, чтобы облегчить муки своего существования в этом загаженном районе.

Даже доктор Пеймастер и паанвала Пирбхой присоединились. Поначалу идея им, особенно доктору, не нравилась. Он пытался унять ретивость организаторов и утишить страсти, рисуя картину в целом, объясняя, что коррупция на районном уровне — лишь микроскопическое проявление алчности, бесчестности и морального разложения, процветающих в центре страны. Он подробно описывал, как с самого верха, где сосредоточена вся власть, изливается этот гной, заражая все слои общества, находящиеся под ним.

Но друзья и соседи доктора смотрели на него безучастно, что заставило его усомниться: быть может, его ви́дение злодейств и низостей, творящихся в Нью-Дели, чересчур абстрактно? Он предпринял еще одну попытку: представьте себе,

сказал он, что наша любимая страна — пациент, страдающий поздней стадией гангрены. Накладывать повязки или разбрызгивать розовую воду, чтобы скрыть вонь гниющей ткани, бесполезно. Прекраснодушные речи и обещания не вылечат больного. Гниющую часть необходимо ампутировать. Видите ли, местная коррупция — это лишь запах, который исчезнет, как только гангренозное центральное правительство будет смещено.

Это, конечно, правильно, отвечали ему, но мы не можем навечно задержать дыхание, мы должны что-то сделать с этой вонью сейчас. Сколько можно ждать ампутации? Нам нужно жить, и наши носы не могут быть постоянно заткнуты. Буйные страсти разгорелись снова, и доктор Пеймастер отступил, зараженный общим энтузиазмом. Друзья, соседи и клиенты убеждали их с Пирбхоем, что они внесут ценный вклад в борьбу, возглавив *морчу*. Их почтенный возраст, уважаемая профессия доктора Пеймастера, степенная, как у *свами,* манера поведения Пирбхоя, все это придавало *морче* респектабельности.

Разумеется, доктор должен был быть в белом халате, со стетоскопом на шее и черным медицинским саквояжем в руках: так наблюдатели и власти сразу поймут, какой уважаемый человек

возглавляет марш. Равным образом Пирбхой должен идти не в чем ином, как в своем обычном одеянии продавца *паанов*: с обнаженной грудью, в длинном *лунги*, обернутом вокруг чресел, чтобы его величественный всевидящий пупок, его древние сморщенные соски́ и массивный лоб, иссеченный тысячей морщин мудрости, внушали очевидцам благоговение и пиетет.

Организаторы *морчи*, воодушевленные примерами доктора Пеймастера и Пирбхоя, распорядились, чтобы все участники надели свою рабочую одежду и имели при себе рабочие инструменты. Механики должны были быть в дырявых жилетах и замасленных штанах и нести гаечные ключи, храповики и монтировки. Продавцы лотерейных билетов договорились маршировать со своими картонными лотками для билетов на шее; парикмахеры — размахивать машинками для стрижки волос, расческами и ножницами и так далее.

В дополнение к этому четыре ручные тележки были нагружены большими бочками с сочащимися, слизистыми образцами слякотной грязи из переполненных канав, с раскрошенным цементом, строительным раствором и песком от разбитых тротуаров, со смрадной гнилостной

массой из мусорных завалов и кучами дохлых или полудохлых грызунов. Предполагалось опорожнить бочки в вестибюле муниципального офисного здания.

Несколько дней все занимались изготовлением плакатов и транспарантов. Были отрепетированы лозунги, и полиция оповещена о маршруте *морчи*, чтобы иметь возможность предпринять необходимые меры, касающиеся городского транспорта. Марш должен был начаться от «Птичника», продлиться два часа и закончиться у здания районной администрации, где будет проведен *гхерао*[326]. Все входы и выходы будут заблокированы участниками без применения насилия и останутся перекрытыми, пока требования протестующих не будут выполнены.

* * *

Доктор Пеймастер открыл свой черный саквояж и опорожнил его. В конце концов, сейчас он служил лишь бутафорией для марша, и так его будет легче нести. Некоторое время он смотрел

---

[326] Сноски: 326

Гхерао — захват работодателей. При такой форме демонстрации рабочие «берут в заложники» работодателей на месте до тех пор, пока их требования не будут выполнены.

на аккуратно сложенное содержимое своего врачебного саквояжа. Ни разу с начала медицинской практики своего владельца не оставался он без постоянного набора пузырьков, ампул, шприцев, скальпелей, ланцетов и тонометра. Доктор подумал и вернул все обратно. Потом накинул на шею стетоскоп, запер дверь амбулатории и вышел на улицу со своим верным помощником-провизором. Как Дон-Кихот и Санчо Панса, подумал он, размышляя о том, какие еще заблуждения и мудрости откроются ему сегодня, какие новые фарсы предстоит увидеть его старым утомленным глазам.

Когда они вдвоем появились на улице, толпа зааплодировала. Поздно сожалеть, подумал доктор Пеймастер. Он ответил на приветствия вялым взмахом руки. Пирбхой, красующийся в своем самом ярком и лучшем *лунги* — темно-бордовом, с зелеными и желтыми вертикальными полосами — уже стоял во главе колонны. Доктор занял место рядом с ним. Провизор пристроился сзади.

II

Наполнив водяные баки и купив молоко, Дильнаваз развернула газету мисс Кутпитьи на средней полосе и просмотрела раздел некрологов. Обычное чувство страха уступило место облегчению, когда она дошла до конца, не увидев ни одного знакомого имени.

Потом она взглянула на врезку «В последнюю минуту» на первой полосе, которая обычно оставалась пустой, на сей раз в ней что-то было. Удивившись, она прочла: похороны Дж. Билимории состоятся сегодня утром. Никакой другой информации не было. С разрешения мисс Кутпитьи она оставила газету у себя, чтобы показать Густаду.

Он тоже был озадачен.

— Кто мог привезти тело из Дели?

У Джимми, насколько они знали, не было родственников. И кто организовал церемонию на Башне Безмолвия?

Они сошлись во мнении, что это, наверное, какой-то однофамилец Джимми, и, к облегчению Густада, оставили эту тему. Какой смысл опять начинать нервничать по этому поводу? Но когда

вечером он принес с работы страницу, вынутую из газеты в столовой, ему пришлось утешать жену и пытаться остановить ее слезы.

— А что, если это все же наш Джимми? — сказала Дильнаваз спустя некоторое время.

Неопределенность действовала угнетающе. Остается лишь съездить в Дунгервади, решил Густад.

— Если это наш Джимми и я пропущу его похороны, это будет непростительно.

А если это кто-то другой, тоже ничего страшного, никакого греха нет в том, чтобы присутствовать на похоронах незнакомого человека.

Поэтому он отправился к Башне Безмолвия, мысленно отметив: второй раз. Менее чем за месяц ушли два друга. Он поднял лицо к небу, точь-в-точь как старик Кавасджи, испытывая что-то вроде чувства протеста и гнева на небеса, но не произнес ни звука.

* * *

Когда закончились молитвы, спускаясь с холма, он продолжал недоумевать: кто организовал и оплатил погребальную церемонию? Кто бы это ни был, он испытывал к этому человеку чувство глубокой благодарности: наконец все исправле-

но, и Джимми благополучно препровожден туда, где он вне досягаемости своих мучителей.

«Страшно подумать, что я чуть было не пропустил его похороны. Никого не было бы в его последнем молельном доме, никто не смотрел бы на огонь, не слушал бы молитвы, никто не бросил бы сандал и ладан в *афарган*, и порошок не вспыхнул бы летучими искрами, напоминающими отблески встряхиваемой на солнце фольги.

Ладан, миро, сандал светились красным цветом восходящего солнца. Лицо Джимми сквозь поднимавшийся от них белый дым… В Дели он был… Странно, как преображает смерть. На мраморном помосте он лежал таким, каким был тот, старый майор из Ходадад-билдинга. И этот подъем на холм… Диншавджи провожало столько людей… громкий хруст гравия под ногами, торжественное прощание… А Джимми провожал я один. И гравий шуршал совсем тихо, словно в комнате разговаривали два друга».

К тому времени, когда Густад спустился с холма, *дустурджи* нигде не было видно. Оставалось надеяться, что регистратор сможет ему сказать, кто организовал похороны.

* * *

Человек за стойкой регистрации отнюдь не обрадовался его вторжению. Вопросы были проклятьем его жизни. Он подозрительно посмотрел на Густада, потом стал нервно шарить глазами по комнате. По его части похороны Джимми Билимории завершились, вопрос был закрыт. Он устал от того, что люди, особенно родственники усопших, приходили к нему со странными просьбами.

Например, те две женщины на прошлой неделе. Такие маленькие, хрупкие, мелко семенившие, дергавшие головками, — ни дать ни взять воробышки. Однако обе оказались настырными, как стервятники. «Мы забыли снять бриллиантовое кольцо с бабушкиной руки, — заявили они. — Пожалуйста, не могли бы вы отогнать грифов на несколько минут, чтобы мы вошли в Башню и сняли его?»

Что он мог сказать таким людям? Как найти общий язык с двумя полоумными? Он им объяснил, что, прежде чем *насусалары* покинули Башню, они сняли с покойной всю одежду, все, что на ней

было, как предписывает «Вендидад»[327]. Так что, если даже вы забыли снять кольцо во время прощальной церемонии, на Башне его непременно заметили бы.

Но женщины продолжали торопить его, пока бесценное кольцо не попало в желудок стервятника. Дело, мол, здесь не в деньгах, а в семейной памяти. «Не верим мы этим неграмотным кретинам насусаларам», — твердили они, игнорируя его напоминания о том, что мирянам доступ в Башню запрещен. Кончилось тем, что регистратору пришлось просить помощи у высшего священника, который увел парочку для дальнейшей дискуссии, кивая своей совино-мудрой головой в ответ на все их аргументы.

Если бы это было единственной проблемой, удручавшей регистратора, он мог бы это выдержать без озлобления и подозрительности. Но в последнее время жизнь ему отравляли роскошные высотки, которые выросли вокруг зеленого пространства Дунгервади.

— Ваши проклятые стервятники! — гневались жильцы новых домов. — Следите за своими птицами! Они роняют мусор на наши балко-

---

[327] Сноски: 327
Одна из четырех частей священной книги «Авеста».

ны! — Жильцы утверждали, что, насытившись, грифы вылетают из Башни, прихватив последний кусок про запас, и если в полете выпускают этот лакомый кусок из когтей, тот падает на их фешенебельные балконы. Это, возмущались жильцы, абсолютно недопустимо, учитывая заоблачные цены, которые они платят за свои шикарные квартиры.

Разумеется, никто достоверно не доказал, что летящие с неба ошметки — это куски человеческой плоти. Но очень скоро родственники многих покойных прослышали о скандале с жителями небоскребов и заявили свои протесты: не для того, мол, мы платим за похороны, чтобы бренные останки наших дорогих усопших выставлялись напоказ и разлагались на пафосных балконах. Потерявшие близких настаивали, чтобы панчаят принял меры. «Дрессируйте своих птиц должным образом, — говорили они, — или привозите больше стервятников, чтобы вся плоть покойных съедалась внутри Башни. Мы не желаем, чтобы останки дорогих нам людей разносились по городу и падали в нечистых, неосвященных местах».

Между тем шли ожесточенные дебаты между реформистами и ортодоксами. Эти два лагеря имели за плечами долгую историю неукроти-

мой борьбы, которую они с вожделением вели на газетных полосах, в письмах к редактору, на собраниях общины — на любой площадке, куда получали доступ. Сначала это были риторические битвы по поводу химического анализа *бычьей мочи*. Потом возникла теория вибрации, возникающей при чтении молитв «Авесты». Когда же разразился «птичий скандал», и ортодоксы, и реформисты, утомившиеся от долгого бездействия и пришедшие в восторг от того, что снова есть во что вгрызться зубами, с большим энтузиазмом вступили в схватку.

Партия ортодоксов защищала вековую мудрость, состоявшую в том, что это чистый способ, не оскверняющий ни одного из Божьих добрых творений: ни землю, ни воду, ни воздух, ни огонь. Любой ученый, отечественный или иностранный, который даст себе труд изучить процедуру с точки зрения современных стандартов гигиены, воспоет ей хвалу. Реформисты, выступавшие за кремацию, настаивали, что древний метод не подходит для двадцатого века. Столь мерзкая система, говорили они, наносит вред общине с прогрессивной репутацией и широкими взглядами.

Представители ортодоксального лагеря (или

«стервисты», как прозвали их оппоненты) отвечали, что у реформистов есть свой корыстный интерес ратовать за кремацию: они имеют родственников за границей, которым недоступны Башни Безмолвия. Более того, их позиция попахивает крупным мошенничеством, организованным теми, кто имеет свою долю в крематориях: они разбрасывают куски мяса с одномоторных самолетов, управляемых сомнительными личностями, находящимися на их содержании.

Все (включая немногих «заднескамеечников» самих ортодоксов) признали, что это небольшой перебор. Безусловно, говорили они, уж кто-нибудь из жителей высотных домов увидел или услышал бы самолет, летящий на малой высоте, чтобы сбрасывать свой «коммерческий» груз. (Планеры в спорах даже не рассматривались.)

Однако «стервисты» представили письменные заключения всемирно известных орнитологов, в которых утверждалось, что местные стервятники как вид не способны взлетать после обильной трапезы, тем более с добычей в клюве или когтях. Осаждаемый родственниками служащий Башни вздохнул с облегчением, ознакомившись с этой экспертной оценкой. Даже не будучи склонным к конфликтам, он тут же ухватился за документ

и распечатал его во множестве экземпляров, чтобы снабжать ими граждан, приходящих с жалобами.

Но жильцы не были удовлетворены. Самолеты следовало исключить, это очевидно. Тем не менее, если орнитологи правы, вопрошали они, не может ли он объяснить им происхождение мяса на балконах? Если оно не человеческое, то чье? Коровье? Баранье? Должны ли они поверить, что мясники вдруг оторвались от земли и делают свое дело в небесах, летая над городом со своими разделочными ножами и топорами? Они что, разъезжают на велосипедах среди облаков, производя доставку не через двери, а через балконы?

У бедного служащего ответов на эти вопросы не было. Он постоянно слышал недовольство и нарекания в разговорах своих коллег, хотя было непонятно, кому адресуются их упреки и обвинения.

В ответ на простой вопрос Густада о Джимми Билимории он стукнул кулаком по столу и гневно заморгал налитыми кровью глазами.

— Сказать? Что сказать? Вы думаете, тут справочное бюро?

Позднее, вспоминая эту сцену, Густад удивлял-

ся, что сразу не осадил регистратора, позволил ему разговаривать с собой в таком тоне. «Я же не юнец какой-нибудь».

Ошарашенный, он попытался еще раз:

— Просто я подумал, что вы можете знать, кто организовал похороны.

Регистратор взбодрился. Первый раз ему удалось поставить спрашивающего (а возможно, и жалобщика) на место.

— Кто знает? — осмотрительно ответил он. — *Бехести*[328], свидетельство о смерти и все необходимые приложения были предъявлены, деньги переведены. Наш главный *дустурджи* всегда говорит: если есть мертвый парс, наш долг провести похоронную церемонию. Мы не суем нос ни во что другое.

— А как же объявление в «Джем-И-Джамшед»? — не сдавался Густад, отметив про себя: никчемный парень. Тот, который дежурил в день похорон Диншавджи, был таким предупредительным.

— Объявления в газете всегда дают родственники умершего, — сухо ответил регистратор. Отчасти вернув себе чувство собственного досто-

---

[328] Сноски: 328
Бехести — добрая душа (*гуджарати*).

инства, он счел унизительным предположение, будто столь ничтожная обязанность могла вменяться ему.

— У этого человека не было родственников.

— И что? — Он что, виноват в том, что у мистера Билимории не было родных? У этих чокнутых, с которыми приходится сталкиваться в наши дни, все может быть.

Густад сдался.

— Большое вам спасибо за помощь, — сказал он и пошел дальше вниз, ускоряя шаги на склоне.

В тени дерева с внутренней стороны въездных ворот стояло такси с опущенным флажком на счетчике — «не работает». У водителя в темных очках были такие же усы, как у Джимми. Я знаю этого человека, подумал Густад, подходя ближе.

III

Малколм Салданья изучил планы и чертежи, проверил кое-какие расчеты, пролистал остальные документы. Работы должны были начаться сегодня, под его руководством. Он зевнул два раза подряд. Проклятый осточертевший муниципалитет. Как он ненавидел свою работу, хотя в то же время был благодарен ей за постоянное жалованье — спасибо дядюшкиному влиянию. Этот окаянный город превращается в суровое, немилосердное место. Но регулярная зарплата была мощным соблазном. Уроки фортепьяно никакой стабильности не давали. Никогда не знаешь, будут ученики или нет. В наше время детям предоставляют слишком много свободы, дисциплины вообще нигде не осталось.

И прекрасная музыка тоже постепенно исчезает с лица земли, как и дисциплина. Как будто наблюдаешь за медленным угасанием любимого человека. Благодарение Богу за клуб «Тайм энд тэлентс», благодарение Богу за «Макс Мюллер Бхаван», за Британский Совет, за Культурный центр ГДР, за Информагентство США. Иначе музыка давным-давно умерла бы. Но и это — по-

следние глотки воздуха; золотой век западной классической музыки в этом городе определенно закончился. Вспомнить хоть того вчерашнего родителя, который со смущением сообщил, что его сын вместо уроков музыки предпочел тренажер «Булвокер»…

Малколм резко встал. Слово «снос» привлекло его внимание и зазвенело в голове как тревожный звонок. До сих пор этот чертов проект казался чистой рутиной. История предыдущего руководителя была хорошо известна. Этот несчастный неправильно понял распоряжения. Снес не то строение и вместе с ним — собственные надежды на благополучный уход на пенсию.

Малколм заставил себя прекратить грезить наяву и начал все сначала. Он читал внимательно, шаг за шагом, ничего не принимая на веру, выписывая наиболее важные данные, отмечая то, что легко можно упустить, когда рабочие войдут в раж.

Теперь пора было встречать бригаду возле гаража, собирать оборудование и отправляться на место работы. Почти пора. Остается минут пять, чтобы выпить чаю в столовой. Кислый запах клеенчатой скатерти ударил в ноздри. Он поднес блюдце к губам и подул, чтобы охладить чай.

Когда очки запотели от пара, из трясины технического жаргона всплыло место предстоящих работ. Перед запотевшими стеклами заплясало название дома.

Адрес смутно маячил в голове, но он никак не мог сопоставить его с каким-то жизненным воспоминанием. Ходадад-билдинг, мысленно повторял он, направляясь к гаражу. Ходадад-билдинг.

Грузовики отъехали, и вскоре мысли Малколма уже были заняты планированием деталей более насущного характера.

IV

Чтобы навестить мать, Сохраб, как обычно, выбрал время, когда отец на работе. Дильнаваз встретила его с радостью и облегчением. Она лишь на минуту оторвалась от сына, чтобы помешать рис, выключила плиту и поспешила обратно. Крепко обнимая его и гладя по щекам, она сокрушалась, что он похудел, потому что не питается как следует.

— Столько времени прошло! Может, вернешься уже? Достаточно ты меня помучил.

Сохраб покачал головой и отвернулся к окну. Какой смысл каждый раз повторять одно и то же? Ему хотелось сказать, что именно поэтому он приходит все реже.

— Дом кажется пустым. Ну сделай мне хоть одно одолжение, — сказала она, отводя волосы у него со лба. — Папа скоро вернется домой. Просто поговори с ним спокойно, по-доброму, и тогда…

— Скоро? — Сохраба напугала перспектива встретиться с отцом лицом к лицу. Однако встревожила его и мысль, что, раз отец возвращается с работы раньше обычного, что-то, должно быть, случилось.

Дильнаваз вдруг осознала, сколь многое прошло мимо сына со времени его последнего визита: Диншавджи, Гулям Мохаммед, Джимми… Она начала рассказывать все с самого начала и, дойдя до конца, увидела на лице сына потрясенное выражение.

— Да, — сказала она, — мы все были потрясены.

Подробный рассказ о минувших событиях снова нагнал на нее печаль, она тяжело сглотнула и продолжила с отвращением и горечью:

— Это было бесстыдное, злое деяние со стороны правительства. Они забрали жизнь у дяди майора. — Ее губы скривились и задрожали, она с трудом сдерживала слезы. — Но Бог все видит!

— А куда сейчас пошел папа?

Она рассказала ему о газетном некрологе.

— Мы подумали, что та же фамилия — это просто совпадение. Но как убедиться наверняка? Поэтому папа поехал. — Она взглянула на часы. — Мне пришлось остаться, чтобы приготовить обед для Рошан. Она сегодня первый раз после болезни пошла в школу, я не хотела, чтобы она ела всухомятку. Но папа должен скоро вернуться. Просто спокойно поговори с ним. Прошу тебя.

Сохраб потер затылок, как делал всегда, когда в

чем-то сомневался.

— Это бесполезно. Я разрушил все его мечты и больше ему неинтересен.

— Не говори так! — резко сказала она, но тут же снова смягчилась. — Он твой отец. Он всегда будет любить тебя и желать тебе добра.

— Я же знаю, он снова, как всегда, затеет ссору!

— Нет! — Она решительно качнула головой и взяла его за руку. — Не упрямься. С тех пор как ты ушел, столько всего случилось. Папа изменился. Теперь все будет по-другому.

Сохраб продолжал смотреть в окно, отказываясь встречаться глазами с матерью. Гордый и упрямый, подумала она. Второй Густад.

— Поверь мне. Раньше я тебя не просила. Но теперь — другое дело.

— Ладно, — ответил он, все еще не глядя на нее. — Если тебе от этого будет легче…

V

Когда Густад подошел ближе к такси, у него уже не оставалось сомнений. Он сразу узнал этого человека, а потом его осенило: это он устроил похороны Джимми!

Ошеломленный, Густад все же решил спросить, чтобы дать понять, что он узнал его и что он ему благодарен.

— Вы… — начал он, указывая на Башню Безмолвия у себя за спиной.

— Да, — ответил Гулям Мохаммед.

— Спасибо вам за… Спасибо, я…

— Не за что. — Гулям отмахнулся от благодарности коротким решительным жестом. — Все закончилось? — Голос его звучал напряженно, он немного задыхался.

Густад кивнул. Он видел этого человека разным: веселым, угрожающим, грубым, льстивым, саркастичным. Но таким — не могущим сдержать волнение — никогда.

Гулям поднял голову и посмотрел на вершину холма, туда, где над башней кружили стервятники. Потом голова его упала, и он закрыл глаза. Густад ждал, отвернувшись, а взглянув через

несколько секунд, увидел, что Гулям плачет. Он отвел глаза и стоял молча.

Вытерев глаза тыльной стороной ладони, Гулям сказал, уже ровным голосом:

— Ваши парсийские священники не разрешают иноверцам вроде меня присутствовать на похоронах.

Густад виновато кивнул. Ему хотелось сказать: я тоже горюю о Джимми, просто не умею плакать. Он протянул руку. Гулям пожал ее, потом притянул Густада к себе, обнял и поцеловал в обе щеки.

— Спасибо, что пришли, мистер Нобл, — прошептал он, — иначе Били был бы один. Большое вам спасибо.

— Ерунда, — ответил Густад. — Но почему вы не пришли сами, чтобы сообщить мне? Я бы ничего не узнал, если бы моя жена не увидела газету.

— Я вынужден был положиться на случай, так как, передавая вам билет на поезд, пообещал, что беспокою вас в последний раз.

— То было совсем другое дело. В этом случае я бы никогда не отказался.

Гулям достал носовой платок и высморкался, потом надел темные очки и жестом пригласил Густада в машину.

— Могу отвезти вас домой. Бесплатно, — улыбнулся он.

— Спасибо. — Густад сел впереди, рядом с ним. Гулям развернулся и, подъехав к воротам, стал ждать просвета в потоке движения. — Значит, вы снова, девять лет спустя, водите такси?

— О, когда работаешь в НАК, это нормально. То ты работаешь продавцом книг, то мясником, иногда даже садовником — кем потребуется, чтобы сделать дело.

Густад выслушал и принял его признание.

— А вы собираетесь продолжать служить в НАК? После того что они сделали с Джимми? Они ведь и вас пытались убить на вашей «Ламбретте».

— Вам и это известно? А, ну конечно: Билибой рассказал. Для меня гораздо безопасней находиться внутри НАК, а не снаружи. — Помолчав, он тихо добавил: — Билибой был мне братом. Когда убивают моего брата, я очень расстраиваюсь. Кому-то придется за это заплатить. — Он медленно кивнул. — Да, обязательно. А если я буду находиться внутри НАК, шансов получить плату у меня будет гораздо больше. — От его слов по позвоночнику Густада пробежала холодная дрожь. Это не было пустым разговором. — Важно

только правильно выбрать время. Спешки нет. Я могу востребовать плату завтра, или на будущий год, или через десять лет. С того, кто за это ответствен, кем бы он ни был. Если это автопроизводитель, он заплатит. Масса возможностей: его машина может взорваться, например. Еще он любит летать на самолетах, а там: бум, тарах — и конец. Как я уже сказал — все, что потребуется, чтобы сделать дело.

Густад ответил слабой улыбкой, а Гулям продолжил:

— У само́й его матушки тоже много врагов. И с каждым днем она наживает их все больше, от Пенджаба до Тамиланда. Любой из них может это сделать. Я человек терпеливый. Ее жизнь задуть не труднее, чем жизнь Билибоя, скажу я вам. Вот так. — Он щелкнул пальцами перед носом Густада.

Речи Гуляма Мохаммеда напугали Густада. Когда машина остановилась, повинуясь знаку полицейского регулировщика, он решил, что предпочитает запомнить друга Джимми таким, каким он был в момент скорби. На перекрестке образовалась солидная пробка, и регулировщик направлял потоки машин объездными путями.

— Мне тут близко, — сказал Густад, — я дойду

пешком.

Они обменялись рукопожатием, и Густад знал наверняка, что больше они никогда не увидятся.

Хлопнула дверца, такси вырулило из пробки. Густад смотрел ему вслед, пока оно не свернуло за угол.

Глава двадцать вторая

I

Подъезжая к Ходадад-билдингу на первом грузовике, Малколм Салданья увидел разрисованную стену и понял, почему название дома казалось ему таким знакомым. Пытаясь вспомнить, в какой квартире жил Густад, он приклеивал отменяющее запрет владельца судебное постановление поверх уже обтрепавшегося муниципального распоряжения, которое сам прикрепил к столбу несколькими месяцами раньше.

Уличный художник из-под своего маленького навеса наблюдал зловещее прибытие грузовиков, людей и техники. Когда Малколм объявил ему новость, он съежился, собрал свои краски, кисти, коробочки, собственные пожитки, сложил их кучей во дворе и уселся, скрестив под собой ноги, не в состоянии мобилизовать хоть малую толику тех жизненных ресурсов, которые в старые времена питали его скитания.

Нехотя Малколм отдал рабочим приказ начинать. Хлипкий навес был сметен с дороги; установлены теодолиты, треноги и нивелиры, чтобы демаркировать требуемые территории. Как выяснилось, мелия попадала в границы

нового муниципального землеотвода и мешала будущему строительству. Двоих рабочих послали спилить дерево. С машин сгружали все новое оборудование; геодезисты щурились в свои приборы, указывая руками то туда, то сюда; а Малколм отправился искать иранский ресторан, который мог бы доставлять чай для бригады.

Тем временем на улицу вступила *морча* с транспарантами и плакатами. Скандирование лозунгов стало доноситься поверх городских шумов, а вскоре и сами демонстранты появились в поле зрения, поглазеть на шествие собралась толпа.

Участникам *морчи* чуть было не запретили шествие с рабочими инструментами, потому что младший полицейский инспектор, командовавший подразделением, выделенным обеспечивать порядок в колонне, классифицировал их как потенциальное оружие. Но организаторы *морчи* взяли верх: Ганди-джи, сказал Пирбхой, появлялся на общественных митингах со своим *чаркха*[329] и обернувшись в *кхади*[330]. Если полиция британского раджа разрешала это, то с

---

[329] Сноски: 329
Чаркха — колесо прялки.

[330] Сноски: 330
Кхади — домотканый материал, ткань.

какой стати младший полицейский инспектор Свободной Индии должен поступать иначе? Инструменты участников *морчи* такое же «оружие», как *чаркха* Махатмы.

Таким образом, колонне разрешили начать марш. Одна группа в унисон скандировала: *«Nahi chalaygi! Nahi chalaygi!»* — «Довольно! Так не пойдет!» Другая оптимистично подхватывала: «Муниципалитет *ki dadagiri nahi chalaygi*!» — «Издевательства и произвол муниципалитета не пройдут!»

Старый добрый лозунг любой демонстрации: *gully gully may shor hai, Congress Party chor hai*[331], доносившийся из всех переулков, — «Партия Конгресса — шайка воров» — тоже был популярен. Но было и несколько сугубо местных. Братья Фернандес, близнецы, державшие небольшую портняжную мастерскую и понимавшие риторическую ценность повторов, держали одинаковые плакаты: «Немедленно обеспечьте нам нормальное водоснабжение!» Механики развернули длинный транспарант более мелодраматического свойства: «*Havaa-paani laingay, Ya toe yaheen*

[331] Сноски: 331

Дословно: «Что за шум на улицах?» — «Партия Конгресса — воры» (*хинди*).

maraingay!»[332] — вариация лозунга «Дайте мне свободу или дайте мне смерть»[333] с заменой «свободы» на «воздух-и-воду».

Работники кинотеатров раздобыли старую афишу фильма «Страна, в которой течет Ганг» и модифицировали ее в «Страна, где течет Ганг и переливается через край канализация». Лицо главного персонажа немного изменили: его ноздри были зажаты прищепкой, а поверх фамилий актеров, актрис, режиссера, продюсера, сценариста и музыкального редактора наклеили фамилии муниципальных чиновников и ведущих политиков.

«*Nahi chalaygi! Nahi chalaygi!*» — все громче звенело над колонной по мере того, как она приближалась к Хододад-билдингу. Малколм, его *мукадам*[334], рабочие и геодезисты, отложив свои орудия, выстроились вдоль тротуара. Из окон офисных башен высовывались люди, лавочники убирали с улицы свой товар, и вся деловая

---

[332] Сноски: 332

«Дайте воздуха и воды, или здесь и умрем!» (*хинди*)

[333] Сноски: 333

Цитата, приписываемая американскому политику и оратору Патрику Генри, якобы из его речи на Втором съезде Вирджинии 23 марта 1775 года.

[334] Сноски: 334

Мукадам — глава, хозяин (*урду*).

активность на улице приостановилась, все наблюдали за шествием.

Демонстранты поравнялись со стеной. Здесь в их лозунги влилась свежая жизненная сила. Под взглядами множества невольных зрителей шаг марширующих сделался четче, а жесты обрели дополнительную страстность.

Внезапно один из руководителей *морчи,* трижды ударив в медный поднос Пирбхоя, подал знак колонне остановиться. Поднос был выбран из множества других средств оповещения: удар монтировкой по колесному диску, серебряный звонок-колокольчик со стола доктора Пеймастера, барабан местного владельца дрессированной обезьяны, пронзительная дудочка заклинателя змей были отвергнуты, поскольку не выдерживали сравнения с величественной гулкостью Пирбхоева подноса.

Звучные раскаты троекратного удара повисли в воздухе, как райские птицы, сверкающие над головами участников шествия.

— Братья и сестры! — послышался вдохновенный голос одного из предводителей колонны. Он поднял руки, взывая к тишине, и повторил: —

Bhaiyo aur baheno![335] — Колонна стихла. — Вы спрашиваете, почему мы остановились здесь, не дойдя до здания администрации? Я вам отвечу: существует ли место лучшее, чем эта священная стена чудес, чтобы сделать паузу и поразмыслить над нашей целью? Это стена богов и богинь. Стена индуистов и мусульман, сикхов и христиан, парсов и буддистов! Святая стена, стена, у которой каждый, независимо от вероисповедания, может вознести свою мольбу! Так давайте же возблагодарим небеса за прошлые успехи! Попросим благословения наших предстоящих усилий! Помолимся за то, чтобы, достигнув пункта назначения, мы достигли бы и своей цели! Помолимся за то, чтобы в духе правды мы, не применяя насилия, победили своих врагов!

Процессия одобрительно взревела и бросилась к стене. Муниципальные рабочие расступились, освободив проходы к каждому из портретов. У изображения Заратустры оказался только один человек, доктор Пеймастер. Самая длинная очередь стояла к Лакшми, богине благополучия. Коленопреклонения, земные поклоны, молельное складывание рук и бормотание, закрывание

---

[335] Сноски: 335
Братья и сестры (*хинди*).

глаз, громкие мольбы, восхваления — все исполнялось с истовостью. Многие в завершение оставляли монету-другую.

Глядя на все это, один из рабочих сказал:

— Поберегите свои деньги, *яар*, стена скоро будет разрушена.

Разрушена! Слово прокатилось по колонне и просочилось в толпу зрителей. Стену разрушат? Недоверие перешло в возмущение, а потом в гнев, обратившийся мощной приливной волной, которая хлынула к берегу с такой силой, что задрожала земля.

— Этого не может быть! — ревела эта волна десятью тысячами голосов, вибрировавших от ярости. — Стену Богов и Богинь нельзя снести! Мы проследим за тем, чтобы никто и пальцем не коснулся наших божеств! Мы защитим их — если понадобится, собственной кровью!

Ситуация накалялась, и организаторы марша немедленно призвали Малколма.

— Это правда, — спросили его, — что ваши люди должны сломать стену и уничтожить изображения наших богов и богинь?

Малколм не был приучен увиливать. Он коротко кивнул. Колонна снова взревела угрожающим ураганом. Сомнений не оставалось: сатанинский

замысел только что подтвердился! Но руководители колонны одним ударом медного гонга восстановили тишину.

— Друг мой, — сказал главный организатор Малколму. — То, что вы говорите, глупо. Глупо, потому что этого нельзя делать. Это место молитв и поклонения. Подумайте сами. Этого нельзя изменить ни по чьему-то желанию, ни даже по приказу каких бы то ни было властей. Посмотрите на эти изображения Брахмы, Вишну и Шивы. Посмотрите на Раму и Ситу, Кали Мату, Лакшми, Иисуса Христа, Гаутаму Будду, Саи Бабу. Для любой религии это место — свято.

Колонна одобрительно зашумела, зрители зааплодировали, а главный организатор, пользуясь моментом, продолжил:

— Посмотрите на Натараджу и Сарасвати, Гуру Нанака и святого Франциска Ассизского, на Заратустру и Годавари Мату, на все эти изображения мечетей и церквей. Как вы можете разрушить такое святое место? — Он заметил маленький серебряный крестик на шее Малколма. — Вы — добропорядочный человек. Встаньте на колени перед этой стеной. Помолитесь Богу, прочтите «Аве Мария», покайтесь в грехах. Помолитесь о чуде, если хотите, но не пытайтесь разрушить

эту стену.

— На самом деле я этого не хочу, — ответил Малколм, испытывая неловкость, но обретя наконец дар речи. Толпа возликовала. — Но, — продолжил он, когда крики стихли, — ни я, ни мои люди не принимаем решений. Мы только исполняем приказы муниципальных начальников.

Муниципальных! Опять это мерзкое учреждение! *Морча,* словно обезумевший монстр, растянулась вдоль дороги, воспламененная новым приливом гнева и ненависти. Они издеваются над всей нашей округой, не снабжая нас водой! Не чистя канализацию! Заставляя дышать миазмами сточных канав! Облагая поборами, которые опустошают наши и наполняют их карманы! А теперь еще хотят разрушить нашу священную стену! «Довольно! Так не пойдет! Издевательства и произвол муниципалитета не пройдут!» — громогласно звучало отовсюду, снова и снова, из каждой глотки.

Лояльный *мукадам* почувствовал, что должен встать на сторону Малколма. Он заорал, стараясь перекричать всеобщий гвалт:

— Мы тоже верующие люди! Но мы бедны так же, как и вы! Если мы не исполним приказ, мы потеряем работу! И как нам тогда прокормить

своих жен и детей?

Остальные рабочие собрались вокруг *мукадама*.

— Это правда! Вы дадите нам работу, если муниципалитет нас выгонит?

Гидравлическая Помпа, высокая и сильная, в своих самых лучших и самых тесных одеяниях, выступила вперед, перед делегацией «Птичника». Выхватив какой-то режущий инструмент из рук стоявшего рядом авторемонтника и размахивая им перед собой, она обратилась к Малколму, *мукадаму* и рабочим:

— Вы видите этот рисунок? Это Йелламма, богиня проституток.

Малколм и *мукадам* кивнули, нервно сглатывая.

Взмахнув инструментом, она описала в воздухе круг чуть ниже их животов. Солнечный блик сверкнул на коротком устрашающем лезвии.

— Если вы разрушите этот портрет, если сломаете хоть какую-то часть этой стены, клянусь, я из всех вас сделаю *хиджров*, — сказала она, снова кровожадно взмахнув своим режущим инструментом.

Мужчины невольно отпрянули назад, прикрыв спереди ладонями свои полосатые шорты

и *дхоти*. Они были слишком ошарашены, чтобы ответить. На несколько коротких минут установилась всеобщая тишина, золотая, как звук медного подноса Пирбхоя.

II

После того как такси Гуляма исчезло в потоке машин, Густад, сдвинув со лба свою черную бархатную молельную шапочку, заспешил домой. Ему не терпелось переодеться и отправиться в банк. Но что это за огромная толпа от тротуара до тротуара и к чему тут столько полиции? — подумал он. И шум на улице, как в праздник Ганеши-Чатуртхи[336] или Гокулаштами[337].

Он добрался до ворот Ходадад-билдинга как раз в тот момент, когда Гидравлическая Помпа размахивала своим острым орудием. Малколм заметил его.

— Густад! Густад! — крикнул он, помахав рукой, но в следующий момент его голос потонул в угрожающем реве толпы, заметившей, что оскорбленные рабочие потянулись к ломам и киркам. Полицейские, шаркнув ногами, схватили свои длинные бамбуковые палки, демонстрируя полную боевую готовность. Младший инспектор,

---

[336] Сноски: 336
Праздник, посвященный Ганеше.

[337] Сноски: 337
Индуистский праздник рождения Кришны.

не желая рисковать, приказал водителю своего джипа срочно связаться по рации с полицейским участком и вызвать подкрепление.

Густад нетерпеливо вытянул шею: интересно, что делает Малколм в гуще митингующих? В следующий момент Малколм исчез, но Густад не хотел пробиваться сквозь толпу, чтобы искать его. Потом, когда все уляжется.

Затем он заметил за воротами, во дворе удрученного художника; там же был Темул, с большим любопытством наблюдавший за разворачивавшейся драмой.

— ГустадГустадГустад! Большаябольшаямашина. Бумбумбум. Большаягромкаямашина! Большойбольшойшумкрик.

Он не мог спокойно стоять на месте, крутился и бурно размахивал руками в восторженном возбуждении. Вид многоцветной *морчи*, рабочих с их удивительным оборудованием и полицейских с палками несказанно веселил его. А теперь, в дополнение ко всему, пришел и его любимый Густад.

— ГустадГустадГустад, таквеселотаквеселотаквесело.

— Да, очень хорошо, — сказал Густад, — но с твоей стороны будет разумней оставаться во

дворе. Вот молодец. — Он похлопал его по спине, довольный тем, что Темула не затянуло в водоворот событий. Мало ли что могло случиться, учитывая нынешнее состояние толпы, если профессионально одетые проститутки снова пробудят в нем его потребности. Кстати, что здесь делают эти женщины?

Дождавшись своей очереди, уличный художник уныло произнес:

— Простите, сэр, мне сказали, что я должен оставить мою стену.

Густад уже сам понял это по новому объявлению на столбе, бетономешалкам и ожидающим грузовикам. На короткий миг сквозь память былого его глубоко пронзило ощущение надвигающейся утраты. Падение стены разрушит и прошлое, и будущее. Чувствуя себя беспомощным посреди шума и общего смятения, он искал слова, чтобы утешить художника, и вдруг заметил доктора Пеймастера. Прямо в центре толпы? Сначала Малколм, теперь доктор? Он направился к нему сквозь море рассерженных лиц.

Темул поспешил за ним.

— Нет, Темул. Веди себя хорошо. Очень опасно. Оставайся во дворе.

Расстроенный, но послушный, Темул повернул

обратно.

Только когда Густад крикнул в четвертый раз, доктор обернулся. Им потребовалось немало усилий, чтобы сойтись.

— Какую мощную демонстрацию мы организовали! — воскликнул доктор, энергично пожимая руку Густаду. Его внутренние сомнения и дурные предчувствия преобразовались в убежденность и уверенность, теперь он был готов кидаться на ветряные мельницы.

— Увидеть — значит поверить! Это величайшая *морча* в истории нашего города!

Густад никогда не наблюдал его в таком приподнятом настроении. Все его спонтанные чувства, закупоренные внутри бог знает сколько времени (вроде тех зеленых запыленных пузырьков со снадобьями и медикаментами, хранившихся в глубине его амбулатории), вдруг вырвались наружу.

— Здесь почти вся наша округа! — хвастался доктор, напоминая генерала повстанцев, которому удалось поднять свою армию против тирана. — Мы пойдем дальше! На муниципалитет! Мы покажем им, кто хозяин. Мы — народ!

Пока доктор рассказывал, что привело к конфронтации между демонстрантами и строитель-

ными рабочими, Густаду удалось оттеснить его на тротуар, подальше от перевозбужденного скопища людей.

— Это не входило в нашу программу. Это можно назвать волей Божьей. — Он усмехнулся. — Или волшебной силой искусства. Результат один и тот же. — Помахав на прощанье рукой, он удалился, желая поскорей воссоединиться со своими товарищами по оружию.

Густад вернулся к воротам, где *морча* уже привлекла внимание жителей дома. Инспектор Бамджи, мистер Рабади с Капелькой, миссис Пастакия и мисс Кутпитья вели оживленные дебаты, пытаясь предсказать исход событий. Полицейское подкрепление еще не прибыло. Густад не хотел участвовать в их полемике, но, улучив момент, спросил инспектора:

— Соли, как ты думаешь, удастся тебе уговорить этих людей, пользуясь своим более высоким званием?

Инспектор Бамджи хохотнул и покачал головой.

— Единственное, что я усвоил из службы с этими маратхскими придурками, это умение свободно произносить: *umcha* section *nai.* Без малейших угрызений совести.

Из дома вышел и присоединился к соседям Сохраб. Он мимолетно встретился взглядом с отцом и отвернулся.

Густад удивился, увидев его. Семь месяцев спустя сын впервые посмотрел в лицо отцу. Хватит ли ему храбрости…

— Командир, ты меня слушаешь или нет? — Инспектор дернул Густада за рукав. — На твой вопрос отвечаю: я никогда ни во что не вмешиваюсь, когда я не при исполнении. Мне и на службе этой *мадер чод* головной боли хватает. — Тут он вспомнил о присутствии женщин и игриво прикрыл рот пальцами, как будто хотел запихнуть обратно непристойное выражение. — Прошу прощения, дамы, — сказал он, учтиво улыбнувшись, но ничуть не раскаиваясь. — Дурная привычка все время сквернословить.

Мисс Кутпитья искоса сурово посмотрела на него. Миссис Пастакия хихикнула в знак прощения. А на лице мистера Рабади появилось глуповато-самодовольное выражение: не привыкший к нецензурной речи, он изо всех сил делал вид, что это не так.

Темул следил за выражениями их лиц и напряженно вслушивался в каждое слово. Минуту спустя, когда все уже забыли о промахе Бамджи,

он стал широко улыбаться всем по очереди, радостно повторяя:

– *МадерчодМадерчодМадерчодМадерчод,* — и твердил бы это до бесконечности, если бы миссис Пастакия в ужасе не повернулась к Бамджи.

Инспектор быстро окоротил Темула крепким подзатыльником.

— Омлет! Ну-ка заткни свой поганый рот!

Темул ушел, потирая ушибленное место. Свое недовольство поступком Бамджи Густад выразил завуалированной колкостью:

— Бедный парень. Своих мозгов нет, только повторяет, что говорят другие, — сказал он.

Толстокожий Бамджи, как обычно не уловив намека, ответил:

— Ну, теперь поймет, что повторять вредно для здоровья.

Густад пытался найти подходящие слова, чтобы выразиться резче, но в вежливой форме, когда на тротуаре материализовался Малколм. Густад поспешно отошел от соседей.

— Куда ты подевался? Я только увидел тебя, как ты сразу исчез.

— Ходил искать телефон, — ответил Малколм. — Чтобы сообщить в контору, что тут происходит.

— В какую контору?

— В муниципалитет. Видишь ли, я — руководитель этого чертова проекта.

Так вот какая судьба постигла Малколма. «Мой однокашник по колледжу, который сплетал ноты как волшебник, извлекая музыку из неких сфер между сном и явью. Ноктюрны Шопена. Те вечера… давным-давно. А теперь он надзирает за кирками и бетономешалками».

— И что сказали в конторе?

— Что муниципалитет не может отступать перед напором толпы, город должен продолжать свою работу. Проклятые идиоты не понимают, насколько это рискованно.

— Ты бы лучше оставался во дворе, так безопасней.

— О, со мной все будет в порядке, — сказал Малколм. — Увидимся позже. — И, прежде чем Густад успел разубедить его, нырнул обратно в толпу и направился к грузовикам.

Старик Кавасджи со второго этажа молча наблюдал за ним, пользуясь преимуществом своего «высокого положения». Затем, подняв лицо к небу, уставился в него полуслепыми глазами, не чувствительными к солнечному свету, и заорал:

— Ты не мог найти другого места? Всегда все

неприятности только тут? Тьма, потоп, огонь, драки. Почему не во дворце Таты? Почему не в резиденции губернатора?

Инспектор Бамджи и все остальные посмотрели на него с изумлением, но дальнейшие инвективы Кавасджи потонули в леденящих кровь криках, донесшихся с улицы. Словесные оскорбления, генеалогические поношения, теологические вызовы, летавшие между участниками демонстрации и рабочими, вдруг резко перешли в ожесточенную драку.

— О господи, — тихо произнес Густад. Он подумал о Малколме и докторе Пеймастере.

— Тренировка окончена, — сказал Бамджи. — Начинается отборочный матч.

III

Строительные рабочие были в меньшинстве, но со своими кирками и ломами казались вооруженными до зубов. Некоторые из участников *морчи* тоже мгновенно превратили свои рабочие инструменты в оружие. Остальные обшаривали обочины в поисках снарядов: камней, кирпичей, разбитых бутылок — чего угодно, что можно было бы взять в руку, — между тем как люди, стоявшие возле четырех тележек, обратились к содержимому бочек. Полицейские, опираясь на свои палки, ждали подкрепления.

Темул наблюдал как зачарованный. Когда полетели камни, его сердце забилось быстрей. Он вертел головой туда-сюда, боясь пропустить хоть один, и потихоньку продвигался все ближе к воротам.

— Темул! — предостерегающе окликнул его Густад.

Темул взволнованно помахал рукой и сделал один шаг назад, сжав кулаки.

— ГустадГустад. СмотретьсмотретьбольшиекамниГустадбольшие. Летаютлетаютлетают.

— Да, я знаю, — строго сказал Густад. — Именно

поэтому ты должен оставаться во дворе.

— ВодвореводвореязнаюГустадзнаю. ДадададаГустад. — Он стал размахивать в воздухе руками, имитируя полет камней, словно впавший в экстаз танцор в стиле бхаратанатьям. — Фьюииифьюииифьюиии!

Но там, снаружи, было слишком много соблазнов. Темул снова зашаркал вперед и, прежде чем Густад это осознал, оказался на тротуаре, откуда летающие предметы было видно гораздо лучше. Он дрожал от возбуждения. Какое веселье! Какая большая игра в лови-лови. С тысячей игроков. Даже лучше, чем с детьми, когда те играют во дворе. Противные дети, они дразнят его. Бросают мяч перед ним и смотрят, как он ковыляет, а потом спотыкается и падает.

Когда один камень приземлился возле ворот, Темул радостно захлопал в ладоши. Как будет весело, если он поймает один. Своими руками. Как весело. Точно как дети, ловящие теннисный мяч. Как же весело, как весело!

Он выскочил на дорогу и занял позицию для приема следующей подачи. Обернувшись, Густад увидел его и закричал:

— Темул! Назад!

Темул расплылся в улыбке и бодро помахал ему

рукой. Он решительно вознамерился поймать одну из тех штук, которые пролетали мимо, гипнотизируя его.

— Темуууул! — завопил Густад.

Кирпич летел прямо в Темула, но он ничего не видел и не слышал, зачарованный летающими предметами, умеющими порхать, парúть и нырять, проворными вещами, которые скользят по воздуху, или пронзают его, или очерчивают дугу, юркими штучками, которые могут плыть и зависать в воздухе на невидимых мягких крыльях из перьев или паутины. Завороженный, как обычно, подобными вещами, Темул заковылял, чтобы поймать кирпич. И, как обычно, калечное тело подвело его.

Кирпич угодил ему прямо в лоб, и Густад услышал треск. Темул упал без единого звука, его тело изящно сложилось. Танец окончился.

Какой-то миг Густад стоял, парализованный. Потом взвыл:

— Темуууул! — и бросился за ворота. Камень попал ему в спину, но он даже не заметил этого. Наклонившись, он схватил бесчувственное тело под мышки. Молельная шапочка, соскользнув с головы, упала на землю, пока он тащил тело Темула во двор.

— Врача! Быстро! — крикнул он инспектору Бамджи и женщинам, прежде чем вспомнил: — Доктора Пеймастера! Поторопись, Сохраб!.. Он в *морче*! — На бегу Сохраб услышал, как отец кричал ему вслед: — Только будь осторожен!

— Тут определенно нужна «Скорая», — сказал инспектор Бамджи, и мисс Кутпитья отправилась звонить по телефону. Изо лба Темула хлестала кровь. Густад пытался остановить ее с помощью своего большого носового платка. Тикали драгоценные минуты, он в отчаянии и гневе озирался по сторонам. Да где же этот чертов доктор?! Будь проклята его *морча.* Платок промок насквозь; Бамджи передал ему свой. Сквозь ткань Густад ощущал, что кость проломлена.

Вернулся Сохраб с доктором Пеймастером, который задыхался и обильно потел, весь его недавний пламенный энтузиазм угас. Родившийся на слишком позднем этапе его жизни, он быстро умер, затянутый в пучину человеческого насилия перед черной стеной. И утянул за собой кое-что еще: профессиональную маску сдержанного юмора и цинизма. Оголившись, его боль оказалась выставленной на всеобщее обозрение.

Он в отчаянии покачал головой.

— О господи! Что это значит? Бедный парень,

бедный парень! Ужасно! — Он с трудом опустился на колени, достал из своего черного саквояжа большой ком ваты, попросил Густада промокать им рану на лбу Темула, пока он будет ее осматривать. — Слишком большая кровопотеря. Слишком большая, — бормотал он. Его тревожный тон обескураживал окружающих. Врач должен ободрять и все исправлять, а не отчаиваться из-за вида крови и страданий как простой смертный. Иначе что это за врач?

Пока доктор Пеймастер бинтовал рану, веки Темула вздрогнули, и он, открыв глаза, прошептал:

— Густад. Спасибо тебе, Густад. — Улыбка скользнула по лицу Темула, и он снова закрыл глаза.

Доктор продолжал бинтовать. Густад с нетерпением ждал, переводя взгляд с лица Темула на лицо доктора, стараясь найти малейший обнадеживающий признак.

— Мы вызвали «Скорую», — промямлил он, только чтобы прервать зловещую тишину.

— Хорошо, хорошо, — рассеянно пробормотал доктор, заканчивая перевязку. Он пощупал пульс, потом быстро приложил к груди Темула стетоскоп.

— Быстро, обнажите ему грудь! — Пока Густад

распахивал одежду на груди Темула, чтобы подставить ее под длинную иглу, доктор приготовил шприц для инъекции. Сделав укол, он бросил шприц прямо себе под колени. Одним мощным рывком Густад поднялся на ноги, как будто баюкая на руках еще теплое тело. Забинтованная голова безжизненно свисала с его согнутой руки, и он приподнял локоть, чтобы поддержать ее.

— Подожди! Подожди, командир! — сказал инспектор Бамджи. — Он очень тяжелый, давай мы поможем, не…

Густад, не обратив на него никакого внимания, понес тело во двор, подальше от всего этого кошмара, к лестнице, ведущей в квартиру Темула. Пристыженные, все молча смотрели ему вслед, не решаясь следовать за ним. Сохраб провожал отца взглядом, исполненным страха и восхищения.

Высунувшись из окон, люди наблюдали, как Густад идет твердым ровным шагом, ни разу не дрогнув, словно он и Темул — одно целое, словно мертвый вес взрослого мужчины в его руках — не более чем вес ребенка. Многие соседи покрывали головы и молитвенно складывали ладони, когда *руван*[338] проходил мимо них.

---

[338] Сноски: 338
Руван — труп, мертвец (*хинди*).

Без малейшего намека на хромоту, ни разу не запнувшись, Густад пересек двор, мимо квартир, расположенных ближе к воротам, мимо одинокого дерева и собственной квартиры, мимо Бамджиева «короля дорог», пока не дошел до места. У входа на лестницу он остановился, обернулся лишь раз, чтобы посмотреть на группу, скучившуюся на дальнем конце двора, и двинулся дальше.

При подъеме по лестнице вес скорбной ноши утяжелял его шаг с каждой ступенькой. Пот катился по лицу, орошая окровавленную рубашку Темула. На площадке он почувствовал, что люди наблюдают за ним в смотровые глазки.

Дверь квартиры Темула была закрыта. Заперта? У него все еще был ключ. В этот момент открылась соседняя дверь, из нее выбежала женщина и подергала дверь Темула. Та оказалась незапертой. Женщина юркнула обратно, ее храбрость иссякла, она предпочитала смотреть издали. Густад услышал, как щелкнула створка снова открывшегося глазка. Он вошел боком, чтобы голова Темула не ударилась о дверную раму. Ногой захлопнул за собой дверь и внес Темула в спальню.

Болтающиеся ноги Темула отвели в сторону

кисейную занавеску. Звякнули медные кольца. Голая кукла лежала поперек кровати. Он опустил Темула на край матраса и освободил одну руку, чтобы подвинуть куклу. Застегивая рубашку, распрямляя ноги и складывая руки Темула, он ощутил, что тепло медленно покидает тело. Он развязал тесемки на сандалиях Темула, снял их, потом носки. Из одного выпали две рупии, сложенные в маленький квадратик. Он положил его под подушку и накрыл Темула простыней.

Одежда куклы лежала на стуле, точно как в ночь воздушного налета. Перегнувшись через Темула, он взял куклу и стал облачать ее в свадебный наряд. Крашеный пластик был таким же холодным, как тело Темула. Когда кукла была одета, он положил ее под простыню рядом с Темулом. Подвинув стул ближе к кровати, Густад поднял руку, чтобы поправить на голове молельную шапочку, но вместо черного бархата пальцы нащупали волосы. Он вспомнил, что шапочка упала у него с головы на дороге, и огляделся в поисках чего-нибудь, чем можно было бы ее заменить. Ничего, кроме Темуловой пижамы, висевшей на спинке кровати, не увидел. Либо она — либо окровавленный платок. Он взял пижамную куртку.

Покрыв голову, он сел и положил правую руку на лоб Темула. Волосы у того были жесткими и слипшимися от крови. Закрыв глаза, он начал тихо читать молитву. Легко, как прикосновение слетевшего с дерева листка, держа испачканную кровью ладонь на голове Темула, он пять раз прочел Ахуна Ваирья и три раза Ашем Воху. По комнате с жужжанием носились мухи, привлеченные запахом крови, но они его не отвлекали. Не открывая глаз, он начал второй круг молитв. Под опущенными веками скопились слезы. Голос звучал тихо и ровно, рука легко и неподвижно лежала на голове Темула; слезы потекли по щекам. Потом он начал читать положенные молитвы в третий и в четвертый раз, не сдерживая слез.

Пять раз Ахуна Ваирья и три раза Ашем Воху. Снова и снова. Пять и три, раз за разом, держа правую руку на голове Темула. Ахуна Ваирья, Ашем Ваху и соленые слезы из глаз — столько же за себя, сколько за Темула. Столько же за Темула, сколько за Джимми. И за Диншавджи, и за папу и маму, за дедушку и бабушку, за всех, кому пришлось так долго ждать…

Сколько он просидел так, повторяя Ахуна Ваирью и Ашем Воху, он сказать не мог. Потом почувствовал, что в комнате кто-то есть. Он не

оборачивался, не слышал, чтобы звякнули кольца занавески, выцветшая кисея висела неподвижно, скрадывая резкий солнечный свет, лившийся с веранды.

— Кто здесь? — грубовато спросил он. Ответа не последовало. Он снова спросил: — Кто?

— Папа… это Сохраб…

Густад повернулся, увидел стоявшего в дверях сына, и они посмотрели друг другу в глаза. Он сидел, не двигаясь, не отрывая взгляда от сына, и Сохраб так же неподвижно стоял в дверях, пока Густад наконец медленно не поднялся на ноги. Он подошел и обнял Сохраба.

— Да, — сказал он, гладя сына по волосам испачканными кровью пальцами. — Да, — повторил он, — да. — И они еще раз крепко обнялись.

IV

Над территорией, оцепленной полицией, все еще стояла вонь от перевернутых демонстрантами бочек с канализационными отходами и мусорной гнилью. Малколм брызгал слюной и трясся, не находя слов. Руки у него дрожали, как крылья пойманной птицы.

— Ты не поверишь! Безумие! Говорю тебе — полное безумие. Черт побери!

Густад положил руку ему на плечо.

— Хочешь зайти? Выпить чаю или еще чего-нибудь?

— Ты только представь! Эта мерзость ударилась мне прямо в лицо! Что-то большое, мохнатое, вонючее! Только представь! Смердящие дохлые крысы, прямо мне в лицо. Аааа! Ооооо! Ыыыыы! — Малколм стиснул ладонями голову, словно она грозила вот-вот взорваться. — А что, если я подхватил чуму или какую-нибудь другую заразу?

Он отказался от предложения Густада зайти к нему помыться.

— Я сразу открыл гидрант. И пообещал поставить свечку Марии Нагорной. Некоторые из этих проклятых бандикотов были еще живые! — Он

снова содрогнулся. — Нужно обязательно сходить к врачу.

Но прежде он должен был дождаться замены раненым рабочим.

— Ублюдки полицейские, стояли и спокойно наблюдали. Клянусь чем хочешь, что это был дьявольский заговор муниципалов. Эти мошенники все заодно.

— Верю, — ответил Густад. — Ничто не случается в обход властей. Простые люди вроде нас против них бессильны.

Рабочие начали выдалбливать раствор между каменными блоками. Малколм поспешил к ним, выкрикивая указания:

— О, *баба́*, *арья гхай*! Осторожней, *арья, арья*![339]

Рабочие, исполненные мускульной силы и энергии, принялись бодро скандировать:

– *Ahiyo-tato! Tahi-to-tato! Ahiyo-tato! Tahi-to-tato!*[340]

Рядом разгружали грузовик с песком и гравием. Безошибочно узнаваемый хруст донесся до ушей Густада поверх остальных шумов. Хруст, треск,

---

[339] Сноски: 339
О, баба́, пошли! Осторожней, эй, ну (*хинди*).

[340] Сноски: 340
Аналог фразы «вира-майна» («поднимай-отпускай»).

скрежет — это мужчины с лопатами топтались по гравию. От этого звука Густад на миг застыл.

Наконец первый огромный блок черного камня, тот, на котором было изображение Тримурти, приподняли с помощью ломов, и он, расколовшись, рухнул на землю. Когда рассеялась пыль, уличный художник очнулся от транса, в который его вогнало отчаяние. Он встал и подошел к Густаду.

— Я очень благодарен вам за гостеприимство вашей стены. Но теперь пора уходить.

— Уходить? Куда? У вас есть какой-то план?

— Куда — это неважно, сэр. — Попрание Тримурти вернуло ему всю его философскую безмятежность. — В мире, где придорожное отхожее место превращается в место поклонения, а место поклонения — в руины и пыль, разве важно, куда идти? — Он начал складывать вещи. — Сэр, один вопрос. Ничего, если я прихвачу несколько веточек с вашего дерева? Хочу держать под контролем сотворение, сохранение и разрушение здоровья своих зубов.

— Берите сколько хотите. — Художник отломал семь маленьких веточек и положил их в карман. — Удачи вам, — сказал Густад и пожал ему руку.

— Удача — плевок богов и богинь, — ответил художник и вышел за ворота, тихо шлепая босыми ногами.

Густад заметил большую коробку с масляными красками и кистями, прислоненную к столбу.

— Постойте, вы забыли свои принадлежности!

Художник развернулся, улыбнулся, покачал головой и сделал несколько шагов назад.

— Я взял все, что мне требуется в моем путешествии. — Он похлопал по рюкзаку. — Мои мелки тут. — Потом он наклонился и поднял что-то с тротуара. — Думаю, это ваше. — Он бросил поднятое в сторону ворот.

— Спасибо, — сказал Густад, ловя свою истоптанную молельную шапочку. Черный бархат был смят, покрыт грязью, и он не стал надевать шапочку на голову.

Художник быстро исчез из виду. Было далеко за полдень, в воздухе стояла вонь дизельных выхлопов. Съежившаяся тень одинокого дерева скособочилась. Два человека, вооружившись поперечной пилой, трудились над его стволом. Покинув залитый солнцем двор, Густад вошел в квартиру. Ожидая, пока глаза привыкнут к темноте, он отряхнул молельную шапочку, похлопав ею по бедру; поднялось маленькое облачко пыли.

Он бросил шапочку на письменный стол, принес стул и закрыл входную дверь.

Большая часть уличных шумов была отсечена — кроме назойливого шуршания гравия. Встав на стул, он начал сдергивать бумагу, закрывавшую вентиляционные отверстия. Когда оторвался первый лист, из-под него вылетел испуганный мотылек и закружил по комнате.